

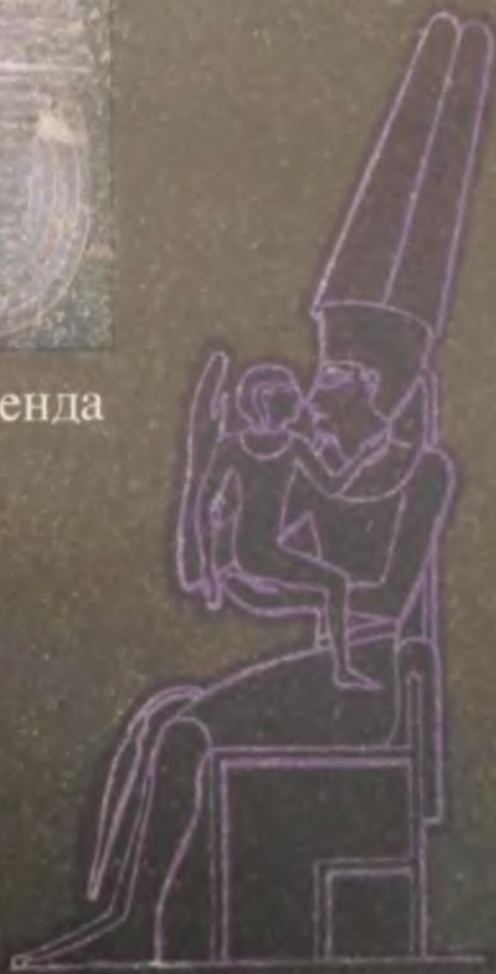
Кристиан
ЖАК

ЕГИПЕТ

ВЕЛИКИХ
ФАРАОНОВ

история и легенда

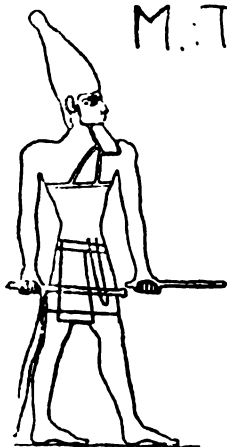
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Кристиан
ЖАК

ЕГИПЕТ ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ

история и легенда

М.: Тихонов В.А., 22.09.92

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1992

ББК 63.3(0)3
Ж22

Christian Jacq
L'EGYPTE DES GRANDS PHARAONS
l'histoire et la légende
Librairie Académique Perrin
Paris, 1981

Редакционная коллегия

К. З. АШРАФИЯН, **Г. М. БАУЭР**,
акад. Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (председатель),
Р. В. ВЯТКИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ,
И. М. ДЬЯКОНОВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР,
И. С. КЛОЧКОВ (ответственный секретарь)

Перевод с французского
Е. В. ПАНТЮШЕВОЙ

Ответственный редактор,
автор послесловия и примечаний

О. В. ТОМАШЕВИЧ

Редактор издательства
Н. О. ХОТИНСКАЯ

Жак К.

Ж22 Египет великих фараонов. История и легенда.
Пер. с франц./Е. В. Пантюшева; послесл. и
примеч. О. В. Томашевич.— М.: Наука. Глав-
ная редакция восточной литературы, 1992.—
326 с.: ил. (По следам исчезнувших культур
Востока).

ISBN 5-02-016654-5

В своей книге известный французский египтолог
в занимательной и доступной форме излагает историю
Египта с доисторических времен до порабощения Верх-
него и Нижнего Египта римлянами. Опираясь на анализ
памятников материальной культуры, широко используя
легенды, автор рассказывает о наиболее выдающихся
фараонах, развертывает панораму становления государ-
ственности Египта, хозяйственной и народной жизни,
эволюцию духовной культуры.

Ж 0503010000-031 50-91
013(02)-92

ББК 63.3(0)3

ISBN 5-02-016654-5

© Librairie académique
Perrin, 1981
© Перевод, послесловие
и примечания
Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука»,
1992

ВВЕДЕНИЕ

Любопытные события происходят в Египте в течение 1881 г. Рынок древностей наводняют античные предметы, все подлинные и в прекрасной сохранности. В то время изучение Древнего Египта едва начинается, а египетским искусством уже интересуются многочисленные коллекционеры сомнительной честности. Директор Египетской Службы Древностей в Каире Гастон Масперо, почувствовав, что здесь кроется нечто крайне важное, распоряжается провести расследование и попытаться обнаружить источник этого изобилия.

Долгие разговоры с жителями египетской деревни — нелегкая задача. Все, что связано с властями, каковы бы они ни были, внушает недоверие. Множество преступлений навсегда остаются нераскрытыми, хотя в очевидцах нет недостатка. Продажа якобы случайно найденных древностей всегда слегка попахивала мошенничеством и была промыслом определенных семей и кланов. В нашем случае обилие вещей, попавших в обращение, наводит на мысль, что в деле замешано несколько человек. Следы ведут в район Фив, сказочной столицы Нового царства, к семье Абд эр-Расул, но дальше дело не движется. Похоже, что многие в курсе дела, но никто не желает ничего рассказывать.

Терпение и упорство египтологов, однако, будет вознаграждено. В Египте время течет медленнее, теснее соприкасается с вечностью. Надо уметь ждать. Однажды к служащему Масперо Эмилю Бругшу явится феллах, который согласится наконец указать желанный тайник. Снаряжается экспедиция. Она направляется к глубокой шахте, вырубленной в скале южнее несравненного храма в Дейр эль-Бахри. Приходится спуститься, протиснуться по узкому подземному ходу, чтобы оказаться в погребальной камере. Этот склеп первоначально предназначался неизвестной царице не

имени Михаила. На полу стояли сосуды, многие из них были разбиты, гробы, где все еще лежали мумии.

Какое сильное переживание для египтолога — найти непо потревоженное царское захоронение! Ученого поразило почтение перед мумией властителя, некогда правившего самой богатой и самой загадочной империей мира. Когда Бруш прочел иероглифические надписи и ему открылись имена фараонов, спящих здесь последним сном, сердце его учащенно забилось. Здесь покоились не какие-нибудь малоизвестные или безвестные фараоны; мумии принадлежали самым великим государям Нового царства: Тутмосу III, Аменхотепу I, Сети I, Рамсесу II. Эти имена уже сотни раз встречались в надписях, при их звуке в памяти всплывали храмы, сражения, цивилизация изумительного блеска. И вот соперничество между крестьянами, кончившееся доносом, привело к тому, что перед светом предстали тела прославленных царей.

Масpero ждала еще одна ошеломляющая неожиданность. После извлечения мумий из тайника, куда жрецы спрятали их в один из тревожных периодов египетской истории, ученый занялся перевозкой драгоценного «груза» в Каир. Ему пришлось воспользоваться вечной «магистралью» — Нилом. Останки погрузили на баржу и пошли из Фив в сторону Каира. Каково же было удивление ученого, когда на берегах реки он увидел народ: женщины причитали по мертвым, а мужчины палили из ружей. Так египтяне XIX века справляли погребальный обряд, отдавая дань памяти своим древним владыкам, возведшим их страну на вершину славы.

К сожалению, таможенник в каирском порту выказывал гораздо меньше почтения. Он озадаченно рассматривал мумии, отнюдь не чувствуя себя причастным к восторженному жребию гигантов мировой истории. Его занимала лишь одна проблема: найти размер пошлины для такого товара. Мумии не были занесены ни в один таможенный реестр. В конце концов, чиновник решил считать их за сушеную рыбу.

Не будем же так безразличны, как этот чиновник. Давайте почтим память фараонов Египта и откроем для себя одну из величайших древних цивилизаций, которая предстанет нашим зачарованным взорам. Придите считать, что древнеегипетская история начинается за четыре тысячелетия до новой эры и кончается

с паступлением эры христианства. Манефон, древнеегипетский автор, значение которого станет ясно позднее, говорит, что история Египта уходит в глубь веков и, как таковая, занимает 6000 лет, не считая времени царствования богов. Тем не менее в некоторых университетских курсах египтология принимает «краткую хронологию», охватывающую приблизительно 3200 лет. Область хронологии все еще очень темна, а многие датировки гипотетичны. Приблизительно к 3000 г. до н. э., к пачалу письменной истории, египетская цивилизация уже прошла длинный путь развития, и оценить его очень трудно. Да и сама эта дата нуждается в подтверждении.

Самое поразительное — это цельность цивилизации Египта и еще более потрясающий факт — долговечность института фараонов. Между современной и средневековой Францией лежит всего несколько столетий, а между тем все изменилось. А Египет Птолемеев, так же как и Египет Древнего царства — хоть их и разделяли тысячелетия, — признавал царя-бога, фараона, главу государства. Его долгая история с разнообразными и порой драматическими событиями всегда разворачивалась вокруг одного неизменного, неколебимого центра — фараона. Можно лишь поражаться и дивиться монолитности египетских основ, корни которых уходят не в политику, а в религию, в сакральное. Вспомним еще, что ни один из 350 фараонов*, следовавших трон Египта, не изменил этой концепции, вспомним, наконец, что время, истекшее от правления Клеопатры до наших дней, по крайней мере вдвое короче, чем то, что исчисляется от первого «исторического» фараона Менеса до Клеопатры, и тогда можно легко понять, что цивилизация фараонов — краеугольный камень судьбы человечества.

Египет — дитя солнца. Оно — зримая форма бога Ра, создателя всего сущего, которому жрецы пыле исчезнувшего священного города Гелиополя посвящали жизнь, исполненную труда и исканий. Каждое утро, когда светило восходило над утесами восточной пустыни, страна рождалась вновь. Движение солнца от вос-

---

* Указанное число очень приблизительно. До сих пор открывают новых фараонов, имена которых появляются из небытия при прочтении некоторых надписей. (Здесь и далее примеч. авт.)

хода к закату — это теологическая модель; она учит: всякое движение — путь от рождения к смерти. Впрочем, смерть — это всего лишь видимость, ибо солнце, исчезая под землей, готовится вновь воскреснуть. Такова же история Египта. Он несколько раз, казалось бы, канул в небытие, чтобы возродиться из мрака в новом блеске.

Египет подобен громадному лотосу. Его стебель — Верхний Египет, южная часть страны, а цветок — Дельта, или Нижний Египет. Длинной около тысячи километров, а шириной в Верхнем Египте редко более тридцати километров, вся возделываемая и обитаемая земля фараонов занимает площадь чуть меньше территории Бельгии. На востоке и на западе ее обрамляет пустыня. На севере естественная граница — Средиземное море, а на юге — цепь нильских порогов. Комплекс географических условий превращает Египет в совершенно особую территорию, где могла развиться самобытная цивилизация. Самый поверхностный анализ такого рода подтверждается историческими фактами: каким бы иноземным вторжением, каким бы влиянием ильве ни подвергался Египет фараонов, в какие бы контакты он ни вступал, в основе своей он оставался прежним, сохранял свой неповторимый дух.

«Наша цивилизация и цивилизация всей Европы связана с этим миром тысячами неразрывных уз», — пишут немецкие египтологи Эрман и Ранке*. Это основополагающее утверждение. Читая историю фараонов, погружаешься не в далекую и непонятную экзотику. Древний Ближний Восток, и особенно Египет, — наши предки. Туда уходят наши духовные и интеллектуальные корни, там лежат истоки нашего сознания. Общедоступная идея, согласно которой Египет представляет собой дофилософскую цивилизацию, тогда как Греция и Рим — первые культуры, способные «мыслить» и «заниматься наукой», — самая ложная из всех, какие существуют. Достоинно бесконечного сожаления, что Египту отводится так мало места в системе образования, ибо он — основа нашего духовного мира и

* «Египетская цивилизация» (Париж, 1963, с. 12). Мы особенно настаиваем на этом положении в наших трудах, например в «Послании строителей храмов» (изд-во Роше).

играет важнейшую роль в сокровенных глубинах нашей памяти. Для тех, кому повезло попасть в Египет, очевидно, что здесь, на земле бога-солнца, закладывался фундамент человеческого сознания. Нужно ли восхвалять египетское искусство, его необычайную красоту, глубину и значительность? Широко известна лишь малая часть его произведений, а музеи хранят творения, которые заслуживают, чтобы их открывали вновь и вновь. Египетская религия, слишком долго изучавшаяся с позиций рационализма, включает в себе такие сокровища, которые, явившись однажды из глубин прошлого, могли бы стать вечной творческой силой. Еще мало изучена египетская литература, как «религиозная», так и «светская» (правда, в Древнем Египте эти понятия не были столь четко разграничены). Сколько ценных сведений можно извлечь из «Текстов пирамид», «Текстов саркофагов», «Поучений», сказок... И сквозь письмена, статуи, священные символы, просвечивает необычайная радость жизни и человеческого существования.

Те, кто хочет сделать из Египта некую заурочную цивилизацию, глубоко ошибаются. Фараоны, первойшей обязанностью которых было строительство усыпальниц, прославляли не небытие, а загробную жизнь, вечность, в которой сливается то, что мы называем «жизнью» и «смертью».

В 1798 г. Наполеон предпринял экспедицию в Египет. Входившие в нее ученые открыли фантастическую страну, изобилующую храмами, стелами, различными сооружениями. Ученые рисуют, копируют, собирают множество документов. Впоследствии они будут опубликованы в монументальном труде «Описание Египта», изданном в 1809—1816 гг. Так подлинные египетские источники стали доступны тем, кто стремился проникнуть в тайны цивилизации фараонов.

До этого момента приходилось довольствоваться лишь свидетельствами античных авторов, таких, как Гекатей Милетский, который посетил Египет около 510 г. до н. э. и особенно интересовался явлениями разлива, Платон, Плутарх, Диодор Сицилийский, Страбон, Плиний Старший, Климент Александрийский, и некоторых других. Особого упоминания заслуживает Геродот Галикарнасский (484—430 гг. до н. э.), который написал своего рода журналистский репортаж о путешествии, совершенном около 450 г. до н. э. Он углу-

былся далеко на юг. возможно до первого порога, и пробыл в стране почти три месяца. Греческий путешественник сообщает интересные подробности о царях, которые правили Египтом, начиная с Псамметиха I (664—610 гг. до н. э.). К сожалению, его труд содержит немало сплетен, недоброжелательных анекдотов. Он совершенно не проникся духом Древнего царства и распускал низкую клевету, что ставит под сомнение его критические высказывания¹.

Среди массы подобных источников историки находили мало достоверных сведений. Греки боялись Египта, восхищались им или поносили его, но не смогли постичь его глубин. Исключения только подтверждают правила: Плутарх, несомненно посвященный в египетские мистерии, оставил ценные сведения в трактате «Об Исиде и Осирисе», но они касаются только религии.

Среди находок египетской экспедиции особенно важен *Розеттский камень*. На этом камне, обнаруженном в городке Розетта, вырезана так называемая «трилингва», то есть надпись, написанная тремя видами письма: греческим, демотическим (поздней египетской скорописью, использовавшейся в основном в административных документах) и иероглифическим. Молодому французскому ученому Жану-Франсуа Шампольону, родившемуся в 1790 г., наконец открылись горизонты. В течение нескольких лет он пытался расшифровать иероглифическое письмо. Он узнал о Египте все, что можно было узнать, и выучил несколько древних языков, в том числе греческий и коптский. С помощью трилингвы ему удалось осуществить свою мечту: он понял язык древних египтян. Математик Фурье сравнил Шампольона с резвым жеребенком, которому нужен утроенный рацион. Действительно, гениальный расшифровщик написал грамматику, составил словарь, съездил в Египет, где произвел поразительный анализ памятников. Силы его были подорваны, и в 1832 г., в возрасте сорока двух лет, он умер. Но египтология родилась. Благодаря Шампольону накопец можно было приступить к чтению иероглифов, изучать египетскую историю по подлинным документам эпохи фараонов. Теперь следует сказать несколько слов о выдающейся личности — Манефоне, египетском жреце, жившем в III в. до н. э. Он родился в Дельте, в Себените, современном Самануде. Манефон написал историю

Египта по-гречески для Птолемея II Филадельфа. Ученые считают, что он жил также в Мемфисе и Гелиополе и проводил изыскания в области религии, ритуалов и празднеств, а потом создал свой шедевр *Aegyptiaca*, где привел список царей Египта по династиям.

К сожалению, этот капитальный труд исчез. Он существует лишь в отрывках, ибо Манефона цитируют другие античные авторы: иудей Иосиф Флавий (I в. н. э.), христиане Юлий Африкан (220 г. н. э.), Евсевий (около 320 г. н. э.) и даже Георгий Синкел (800 г. н. э.). Несомненно, история Египта Манефона была довольно широко известна, раз на нее ссылались такие авторы, но оценить этот труд в целом невозможно, так как он известен лишь по цитатам и фрагментарно.

Как бы то ни было, Манефон оставил в наследство египтологии общие рамки исторических поисков, а именно тридцать династий, которые начинаются с Менеса, первого фараона, и кончаются Нектанебом II. Манефон уточняет продолжительность царствований, пересказывает различные истории о жизни тех монархов, которых упоминает. Но вполне вероятно, что какие-то сведения исходят не от Манефона. Что касается хронологии, то она составляла и всегда будет составлять предмет критических исследований египтологов. Более того, имена царей, данные Манефоном, сильно искажены по сравнению с теми, что прочитаны на египетских памятниках, и их идентификация иногда оказывается более чем затруднительной.

Каковы же подлинные египетские документы, к которым не обращались с IV в. нашей эры? Речь идет о текстах, начертанных на стенах храмов или гробниц, на предметах или папирусах. Эти надписи очень многочисленны, но лишь немногие из них имеют «историческую» ценность в том смысле, который мы придаем этому термину в наши дни. Чтобы привести конкретный пример, обратимся к «идеальной автобиографии», жизнеописаниям высокопоставленных чиновников, которые отражают не конкретные биографии, а скорее являют собой модель жизни в обществе по критериям египетской морали.

Мы не располагаем связным историческим изложением событий, хроникой какого-либо периода времени. Основной материал составляют царские имена, даты, события, о которых часто рассказывается в законичной манере, а также то, что называют, не без значительно-

го риска «археологическим фактом». Нужно признать, что в истории Египта есть такие периоды, о которых почти не существует документального материала. Труднее, как муравьи, опираясь на свидетельства, оценка которых в большинстве случаев очень субъективна, специалисты пытаются все же по крупицам сложить картину того или иного периода, который они изучают. К тому же сами египтяне в силу закономерностей, присущих их государству, преподносят нам сюрпризы. Такой нехитрый сам по себе феномен, как соправление, внес в заблуждение многих историков. О чем идет речь? Многие фараоны, — и уместно задать вопрос, не было ли это общим правилом, — имели при жизни соправителей. Это были наследники трона, которых правитель посвящал в дела управления государством. Таким образом, в течение некоторого времени правили одновременно и параллельно два монарха. Когда смысл источников недостаточно ясен и понятен, в наше время возникает риск впасть в тяжкую хронологическую ошибку.

Египтяне составили царские списки. Следовательно, существовало понятие о династиях, которые сменяли друг друга. *Палермский камень* представляет собой главную часть документа, разбитого на несколько кусков (не все они уцелели). На камне записан перечень самых древних фараонов, начиная от Менеса, первого из них, и кончая Ниусерра из V династии. Будет интересно указать те сведения, на которые обращали внимание сами египтяне. Писцы точно фиксируют имена фараонов, дату смерти каждого, дату коронации преемника, религиозные празднества в период его царствования, строительство храмов или дворцов, изготовление статуй, высоту разлива Нила, морские путешествия, торговые или военные экспедиции, астрономические наблюдения.

Следующий список царей относится к Новому царству (XVI—XI вв. до н. э.). Это *Туринский царский камень*, написанный иероглифами*. Папирус датируется царствованием Рамсеса II. Так же как *Палермский камень*, он называет Менеса первым фараоном в истории, взошедшим на трон, после длинной вереницы богов и полубогов, царствовавших необычайно долго. *Абидосские таблицы* начертаны на стенах храма горо-

* Вид спорен, но иероглифического письма.

да Абидоса. Там показан фараон Сети I (1204—1290 гг. до н. э.) в обществе старшего сына, будущего Рамсеса II, приносящий жертвы семидесяти царям, своим предкам. Предков символизируют вытянутые овалы — картуши, внутри которых написаны имена фараонов. Таблица из Саккары, найденная в гробнице начальника работ из Мемфиса, содержит имена пятидесяти семи предков, почитавшихся Рамсесом III. Около пятидесяти из них можно прочесть. Наконец, Карнакский список датируется царствованием Тутмоса III (1490—1436 гг. до н. э.). Он высечен на одной из ступ самогo большого египетского храма и приводит имена неизвестных в других списках властелинов, что переворачивает вверх дном принятый хронологический порядок.

Все списки, давая драгоценные ориентиры, ставят многочисленные проблемы. Они совершенно не отделяют священного от мирского, так как первыми царями в них названы боги. Они достаточно ортодоксальны, ибо не упоминают ни гиксосов — завоевателей, царствовавших в Египте, ни Эхнатона, считавшегося еретиком. Иногда выбор имен фараонов кажется необъяснимым. Почему, например, один список опускает пять первых царей I династии, почему другой список задерживается на VIII династии, которая кажется нам сейчас почти что вымышленной? Возможно, имелись другие подобные списки, которые еще не найдены. Или же фараон, приказавший вырезать список царей, желал почтить своих предков, пренебрегая исторической правдой и исчерпывающей полнотой документа.

В большинстве случаев нам придется довольствоваться приблизительными датами. Трудности хронологического порядка вытекают из следующего факта: каждое царствование — это своего рода независимая эра, которая начинается первым годом царствования фараона. Таким образом, непрерывной хронологии, подобной системам «до новой эры» или «в новую эру» или мусульманской датировке, не существует. Египтяне говорили: «На седьмом году царствования Рамсеса II» или «на двадцать восьмом году царствования Пиопи II». Формулы типа «в 1900 г., в царствование такого-то» не употреблялись. С воцарением каждого фараона мир возникал из небытия. К сожалению, нам

неизвестна точная продолжительность каждого царствования, а институт соправления лишь вносит еще большую неопределенность.

В этой египетской головоломке, где историк, жаждущий точных дат, просто терпит голову, ориентиры предстают, как оазисы в пустыле. Их дают календари.

Астрономия всегда играла большую роль в Египте, где с глубокой древности можно было проводить точные наблюдения благодаря безоблачности неба и прозрачности воздуха. Жрецы, посвятившие жизнь изучению звезд, составляли календарь, который часто расценивают как самый совершенный в истории человечества. В его основу положен год, состоящий из трехсот шестидесяти дней, поделенных на двенадцать месяцев по тридцать дней каждый, и три сезона — «половодье», зима, лето. К солнечному году прибавлялось пять дней, которые греки называли «эпагоменальными днями» (т. е. дополнительными). Астрономический год равен приблизительно 365 с $\frac{1}{4}$ суток. Ежегодные четверть суток накапливаются, и каждые тысячу четыреста шестьдесят лет первый день египетского гражданского года совпадает с первым днем астрономического года. Египтяне это знали и связывали друг с другом три явления: гелиакальный восход Сириуса, первый день разлива и первый день года. Так, известно, что восход Сириуса и первый день гражданского года совпали в 139 г. новой эры. Вычисления, основанные на египетских документах, позволяют установить почти точные хронологические вехи, но они не выходят за пределы Среднего царства. Собственно говоря, самые древние из них относятся к царствованию Селусерта III. Известно, что первый год правления этого фараона соответствует 1871 г. до н. э. Для более раннего периода можно опираться только на гипотезы и теоретические рассуждения. Так, в датировке первой династии ученые до сих пор колеблются между 3200 и 2850 г. до н. э.

Египтологи делят историю египетской цивилизации на большие периоды. Эта классификация включает три царства — эпохи, когда Египет силен, безмятежен, могуществен; между ними лежат периоды, называемые переходными. Историческая судьба древнего Египта начинается тибетским периодом, охватывающим две

первые династия (2950—2640 гг. до н. э.) и названным так потому, что столицей страны в то время был город Тин. Далее следует Древнее царство (с III по VI династия, 2640—2160 гг. до н. э.). Несомненно, это самая пышная и самая необычайная эпоха в судьбе Египта. Тогда-то и были построены великие пирамиды и создано одно из самых совершенных обществ в истории человечества. За этим «золотым веком» следует Первый переходный период (с конца VI династии до начала XI, 2160—2134 гг. до н. э.). Возродившись из пепла, цивилизация фараонов вошла в свой классический период, в Среднее царство (с XI по XII династия, 2134—1785 гг. до н. э.), когда искусство и литература достигли высшей степени утонченности. Второй переходный период — новая трагическая эра (XIII—XVII династия, 1785—1551 гг. до н. э.), отмеченная иноземным вторжением. После войны за освобождение Египет вновь расцветает в эпоху Нового царства (XVIII—XX династия, 1552—1070 гг. до н. э.). Страна фараонов утверждает свое военное могущество. Она победоносна, купается в сказочной роскоши и возводит великолепные храмы, из которых наиболее известны Карнак и Луксор. XXI династией начинается Поздняя эпоха (1070—343 гг. до н. э.), где выделяется Третий переходный период². В 343 г. до н. э. последний фараон последней, тринадцатой династии был свергнут во время второго вторжения персов. Они оккупируют Египет до 332 г. до н. э. Победа Александра Великого дает возможность македонянам, а затем Птолемаям царствовать в стране вплоть до римского завоевания, до 30 г. до н. э.

Идею разделения на царства выдвинул не Шампольон — он говорил только о династиях, — а прусский дипломат Карл Иозуас Бунаеп, который в 1844 г. применил к египетской истории модель, навешенную Священной Германо-Романской империей. Это говорит о том, что ее нужно применять с осторожностью, тем более что египетская политика никогда, даже в Новом царстве, не была действительно «империалистической» в современном понимании этого слова.

Как же сами египтяне представляли свою историю? Ответить на этот вопрос не просто. Греческая и римская цивилизации породили собственных историков.

которые интересовались прошлым и описали его. Однако, невзирая на продолжительность цивилизации фараонов, не известен ни один египетский автор, который бы написал по-египетски историю своей страны. Это утверждение очень многозначительно и поможет нам постичь самую суть египетского мышления, пролианного сознанием вечности и ощущением позыбленности основ вопреки бегу времени. Цивилизация фараонов не была статичной, неподвижной, как слишком часто пишут. Напротив, она непрерывно обновляется, строит, создает, ее гений неустанно возрождается. Но она не верит в главную идею современной цивилизации — в прогресс.

Для Египта, как выразился Мирча Элиаде, начало всех начал — миф. Каждый царь исчисляет первый год своего правления от начала времен. Каждое новое царствование начинается с первого года этой новой эры. Значение имела не дата, а участие фараона в космическом законе. Таким образом, в древнем Египте не существовало «исторического взгляда», или «объективной истории», как говорят, используя модную терминологию. Для фараонов важно, что история их народа была торжественным, праздничным богослужением, единением с природой и богами. Обвинять египетское государство в «политическом консерватизме» потому, что это не потрясали непрерывные волнения, не сводили социальные судороги, значит не понимать значения священных традиций как силы постоянного обновления. Надписи недвусмысленно говорят, что фараоны сознают себя живущими во «времена богов», «времена предков» и возобновляют «изначальную жизнь». Такие выражения используются, чтобы обозначить возникновение жизни, потерянного и вечно обретаемого рая.

Царский список, о котором упоминалось выше, начинается царствованием богов. За ними следуют полубоги, существа света, а далее уже служители Хора, предшественники первого царя-человека Менеса. Для египтян речь шла не о каком-нибудь вымысле, а о лучшей власти, сверхчеловеческую природу того образца, по которому создан каждый фараон. Общество времен фараонов, сплоченное и организованное вокруг своего царя-бога, несло в себе все последствия этого принципа.

Итак, приходится признать, что вопреки обилию документов исторические материалы, как таковые, редки. Их нужно искать ощупью в памятниках или текстах, остерегаться намеков, вглядываться в «биографии», повествования о подвигах царей. В истории древнего Египта в том виде, как она написана в наше время, есть обширные пробелы. Из тридцати династий лишь для трети, да и то частично, историческая ситуация может быть представлена хоть в какой-то мере точно. Совсем неясны периоды, называемые «переходными». Концепция династий, на первый взгляд внушающая доверие, может ввести в заблуждение. В действительности мы не знаем, почему происходила смена династий. Мы не знаем также основных критериев, определяющих их продолжительность. XVIII династия очень длинна, в XXVIII лишь один царь, не говоря уже о VII династии, вероятно не существовавшей вовсе. Чтобы оценить историческое значение фараона, часто обращаются к повторяемости его имени на стелах, скарабейх и в других источниках. Но утрата какой-либо части подобных документов может привести к ложным выводам.

К этим трудностям добавляется еще одна — ментальность, духовный склад египтян. Поглощенные заботами о вечности, фараоны оставили нам в наследство то, что считали главным: храмы и гробницы. Города, деревни, частные дома строились не из «вечного камня», а из легко разрушающихся материалов. Они почти совершенно исчезли, лишив нас археологических свидетельств о повседневной жизни древних египтян. К счастью, ее восстанавливают «сцены частной жизни», обильно украшающие стены гробниц. Но не нужно забывать, что в подобном контексте они часто несут символический смысл, возвышающийся над их материальной сущностью.

Подобный духовный склад заставляет фараонов так обращаться с историей, что мы рискуем найти по ложному пути. Бывает, царь заимствует у одного из своих предшественников сцену, которая исследователю может показаться историческим фактом, но при неоднократном употреблении приобретает вневременное значение. Например, пленение побежденных ливийцев встречается в изображениях времен Сахура (Древнее царство, V династия), Писхи II (Древнее царство, VI династия), Тахарка (Позднее царство, XXV династия).

тия). Здесь важно не столько историческое событие, сколько подчинение врага, символа хаоса, царем, символом космического порядка. Возможно, в действительности Тахарка никогда победоносно не вошел с ливийцами, а может быть, он дал сражение. Для фараона изображение такой сцены имело смысл потому, что повторяло славное прошлое и утверждало идеал гармонии, предписанный обязанностями царя.

Один из знаменитейших британских египтологов, сэр Алан Гардинер, которому историческая наука многим обязана, пишет, что арабские хронисты, говоря о постоянной вражде, семейных ссорах, убийствах, дают описание обыденной жизни времен фараонов. Мы полагаем, что он ошибается. Правда, определенные элементы, такие, как сельская жизнь, не очень изменились со времен древнего Египта, однако ключ к цивилизации нужно искать не в арабском мире современного Египта, а в самом институте фараонов. Именно этот институт давал живое дыхание обществу, формировал дух, душу, чувства древних египтян. Все сравнения с обществом, основанным на совершенно иных критериях, могут завести лишь в тупик. Одна простая деталь поможет понять наше утверждение: на современный Египет глубоко влияют предписания Корана, священной книги; а ведь древний Египет с его необычайной мудростью никогда не знал *одной* священной книги, *одной* книги откровений, дающей ответы на все вопросы. Каждый большой город обладал своей особенной, самобытной теологией.

Царь — центр египетской мысли, центр истории, центр общественной жизни. По выражению Байе, фараон — это «сердце коллективного существа». Дав своему главному труду название «О религиозном характере царства фараонов», Александр Морэ показал с очевидностью, что основное представление о власти в египетском государстве не ограничивается узкими политическими рамками, как это происходит в наше время. Фараон — потомок богов, которые правили и небом и землей. Будучи богом, он получает наследие славных предков — землю Египта, которую он должен хранить как самое дорогое сокровище. Бог Ра назначает фараона властителем, когда он, по египетскому выражению, находится еще в «яйце». Эта солярная функция предназначена для того, чтобы создать световое существо. В соответствии с мифами о теогамии

(процессе зачатия и божественного рождения). Это создание — плод соединенца бога и смертной женщины.

Поэтому не следует рассматривать поступки фараонов с чисто мирской точки зрения. Каковы бы ни были личные качества людей, занимающих этот «пост», их сознание формируется под влиянием совершенно своеобразной концепции власти, где религии отводится первостепенная роль. В древнем Египте не существовало разделения между дворцом и храмом; здесь нельзя говорить о религии, с одной стороны, и государстве — с другой. Египетская религия не является, собственно говоря, доктриной, сравнимой с католицизмом или исламом. Она не содержит некоего *кredo*, то есть положений веры. Она основана на мифах, символах, ритуалах. Жрецы не были ни вероучителями, ни миссионерами. Они считали себя специалистами священнодействия, учеными, что поддерживают жизнь, манипулируя божественной энергией в лабораториях храмов. Их общий «метр», самый большой знаток среди них — фараон. Итак, религия не была ориентирована на уединенное моление, которое в Египте имело лишь второстепенное значение. Религиозная деятельность — важнейшая функция государства, лейтмотив его существования. Она определяет политические, экономические и социальные структуры. С. Соперон в своей книге «Жрецы древнего Египта» пишет: «Религия древних египтян никогда не была частным делом, зависящим от личного выбора. Как в далекие времена доисторических кланов, она сама по себе — структура социальной и национальной жизни, руководство которой находится в руках суверена».

Связи между фараоном и космосом определяющие. Он солнце для людей, его лучи проникают всюду. Он изгоняет тьму из Египта; он слышит каждое произнесенное слово, потому что у него тысяча ушей, видит все, потому что его взор пронизательнее дневного светила. Фараон — вместилище жизненной силы, единственный интерпретатор божественной воли. Эта сила не дарует ему деспотических прав, но возлагает на него ответственность за материальную и духовную жизнь царства. Совершая ритуалы, он дает возможность временам года сменяться по законам вселенной, разливу наступать и оплодотворять Египет, солнцу всходить.

К тому же многие фараоны были истинными знатоками своей религии и ее символов. Известно, что они часто посещали священные библиотеки, перелистывали анналы предков, чтобы придерживаться принципов мудрости. Предназначенных руководить их поступками. Религиозные действия рассматривались как средство воздействия на мир. Фараон должен был неизбежно быть человеком Знания. Будучи главой правительства, царь продолжал исполнять жреческую роль, ибо его высшие чиновники должны были «побудить Маат, космическую гармонию, подняться к нему». Иначе говоря, они должны уважать истину при своих действиях, чтобы царь поддерживал справедливость. Хранитель неписаного права, фараон — это солнце, а его верховного сановника, визиря, сравнивают с лунной. Даже в концепции административной иерархии преобладает, стало быть, религиозный и космический оттенок.

Религиозные обязанности фараона состоят в строительстве, обновлении и обеспечении действия храмов. Боги, чтобы оказывать влияние на земную жизнь, нуждаются в жилищах. А обязанность царя — возвести их, чтобы отправлять в них культи и обряды. В действительности фараон считался единственным жрецом. Его изображения имеются на стенах каждого храма. Его живой образ воплощается в теле жреца, который будет совершать священные действия от имени царя. Храм не только неотъемлемая часть религии, но и основная экономическая пружина. Каждое святилище было производителем, управителем и распределителем богатств страны. Оно давало Египту как материальную, так и духовную жизнь.

Последнее утверждение позволяет нам настаивать на основополагающем принципе: в древнем Египте никогда не было разделения между духом и материей. Царь не только жрец, но и глава государства и наоборот. Каким же важным фактором для страны было правление такого фараона, власть которого была действительной! Когда блеск царей меркнет, когда начинает шататься трон, Египет познает мрачные времена. Боги не следят за ним более, хозяйство приходит в упадок. Чтобы организовать, сосредоточить и распределить божественную энергию, заключенную в материальных вещах, признавалась необходимая единая централизованная власть.

Против апархии и беспорядка египетский фараон, конечно, обладал таким земным оружием, как войско и полиция. Но применял он также и магию. Защищенный богом-соколом, носитель венцов, облекающих властью, прикрепляющий к набедренной повязке хвост быка, царствующий над номами, то есть областями, чей дух символизировали магические эмблемы, парь — это синтез животных, человеческих и космических сил. Разве не сравнивали его со львом рыкающим, с шакалом, за мгновение оббегающим землю, с огнем, грозой и бурей? В его сердце заключена *Сиа*, предчувствие. В его устах пребывает *Ху*, созидательное слово. Потому слова, произносимые царем, все, чего желает сердце царя, исполняется. Его язык — весы, его губы точнее коромысла весов. Это он, ориентируясь по небесным звездам, чертит планы храмов.

Магической природой фараона объясняется успех его военных деяний. Он наделен необычайной отвагой и не боится никакого врага. Защищаемый богами, дающими ему силы для победы, он в конце концов всегда попирает ногами «девять луков», то есть иноземные страны. Собственно говоря, фараон — гарант космоса и, как таковой, мешает силам небытия разрушить предпринятые труды. В войнах, которые вел Египет, как будет показано, этой стороной дела не пренебрегали. Сцены сражений, представленные на стенах храмов, с этой точки зрения совершенно недвусмысленны. Это солнечный царь, монарх, воплощающий мировой порядок, побеждает тьму, беспорядок, хаос. Фараон наводит на врага порчу, чтобы было легче его усмирить.

«Король умер, да здравствует король!» Эта формула, столь хорошо известная во французском королевстве, оказывается уместной в египетском царстве. Смерть фараона — самое драматическое событие, которое только возможно себе представить. Солнце исчезло, гармония нарушена, гибель грозит всему обществу. Но царь не умирает. Он покидает землю людей, восходит на свой горизонт, достигает неба и сливается со своим создателем. Он уплывает в космическое пространство и превращается там в звезду. В звездной вселенной, которая властвует над нами, сияющие души

фараонов продолжают предопределять в новом ипостаси личность судьбы.

А в это время люди на земле объаты ужасом. Они объявляются в траур, с нетерпением ожидая преемника, который положит конец беспорядку и вновь озарит Египет царской мудростью. Часто стареющий фараон приближал к трону сына или наследника и делал его соправителем, чтобы избежать потрясений.

Тем временем подданные занялись мумификацией усопшего царя, затем его хоронили в гробнице, которую царь сам повелевал готовить, в течение всей своей земной жизни заботясь о своем вечном жилище. Как уже было сказано, царь не умирал. Он продолжал жить иным образом. Это бесспорно, ибо в тексте, известном под названием *Большой посвячительной надписи из Абидос*, Рамсес II просит отца, усопшего Сети I, выступить за него перед богом Ра, возле которого тот пребывает.

Сделаться фараоном означало взойти на престол в ходе церемонии коронации. Это был потрясающий ритуал, сравнимый разве что со средневековыми «мистериями». Весь Египет был связан с этим действием, участвовал в сотворении своего царя, живого воплощения бога Хора, получающего наследие своего отца Осириса.

На коронации присутствуют боги, богини, олицетворения областей Египта. Начиная с момента приближения к трону, фараона представляют богам-предкам, пребывающим в своих святилищах и следящим за правильностью церемонии. Главное действие венчания на царство — это возложение венца. Царь получает два венца. Первый — красный, это венец Нижнего Египта. Второй — белый, это атрибут Верхнего Египта. Хор и Сетх, боги покровители Общих земель, коронуют царя, вручая ему жизнь. В этот момент происходит действие «соединения Общих земель», новое объединение юга и севера, восстановление единства, сокрушенного смертью фараона-предшественника.

В церемонию коронации входят еще и другие ритуалы. Например, фараон совершает ритуальный обход стен Мемфиса, древнейшей столицы объединенного Египта. Бог Тот, таинственный покровитель письменности и законов, и богиня Сешат, владычица семиконечной звезды, вмешиваются на священном дереве Гелиополя имени нового царя.

С коронацией возвращаются счастливые времена. Если сам ритуал совершается под покровом тайны в храме, то снаружи царит всенародное ликование. Египтяне были большими любителями празднеств, где священнодействие сопровождалось приливом радости, которой сопутствовали пиры с обильными возлияниями, совершенно естественными в стране, где культура винограда была в большой чести. Объявляли, что в стране появился владыка, снова грядут добрые дни. Голодные будут есть до отвала, жаждущие утолят жажду, пагие оденутся.

Когда царь, увенчанный двойным венцом*, впервые появляется перед народом, его сравнивают со светящимся. Но возвеличивается не персона царя, а принцип. Человека, который был монархом, не знали или знали очень мало. Но знали, что фараон снова воссел на трон.

Фараон коронуется, справедливость изгоняет ложь, планеты вновь движутся по небесным орбитам, начинается новая эра. В стране провозглашают благую весть. Четырех диких гусей выпускают на четыре стороны света, чтобы каждая птица оповестила всех, что фараон венчан, что отныне все справедливо и прекрасно. Власти более прозаическим способом уведомляют уполномоченных в областях о восшествии на престол нового владыки. Писцы готовят послания. Эти послания должны скрепляться личной печатью фараона, который в первый год царствования «объезжает царство»**.

Властелин воцарился на троне «Хора живущих», сиденье кубообразной формы с низкой спинкой. По бо-

---

* Египетские цари носили несколько венцов, символика которых все еще находится в стадии изучения. Каждый из них имеет особую форму и цвет. То, что иногда называют «сипенте», представляет собой двойной венец, состоящий из красного венца, своеобразной ступы, завершаемой спиральным стеблем, символизирующего Нижний Египет, и белого венца Верхнего Египта, напоминающего кеглю. Можно упомянуть и синий венец *атеф* и т. д. Напомним, что венцы считались одушевленными, живыми существами, обладающими магической силой. Не подвергая себя опасности, с ними могли манипулировать только надлежащим образом посвященные. Существовал культ венцов, им пели гимны.

** Ритуал коронации продолжался необычной церемонией, которая называлась *хет-сед*. Это праздник возрождения царя, когда он обретал новые силы, истощавшиеся после определенного числа лет правления.

кам трона — символ объединения Обоях земель, пережитые тростник и папирус. Теперь надлежит вспомнить о парских именах, которыми определяется трудно постижимая сущность нового монарха *.

Термин «фараон» произошел от египетского выражения «великий дом». Начиная с Тутмоса III, оно используется в египетских источниках для обозначения царя. Ранее, вероятно, это было одно из названий дворца, где проживал монарх.

Имена первых фараонов записаны внутри прямоугольника, символизирующего дворец. Прямоугольник венчает бог-сокол Хор, защитник царства. Начиная с V династии фараоны обладают пятью именами, соответствующими пяти «титулам», составляющим полный протокол: имя Хора, имя золотого Хора, имя, защищаемое «собеими владычицами», Нехбет, богиней-грифом Верхнего Египта, и Уаджет, богиней-змеей Нижнего Египта, имя царя Верхнего и Нижнего Египта, имя сына Ра.

Четвертое и пятое имена помещаются в удлиненный овал, называемый «картушем». Первоначально он изображался в виде веревки, замкнутой застежкой, и символизировал «то, что обходит солнце», то есть вселенную, над которой царствует фараон **. Имена эти исполнены смысла: Рамсес, например, обозначает «рожденный Ра», Ментухотеп — «Которым доволен (бог) Монту», Хуфу — «Тот, кто (бог) меня защищает». Можно присоединиться к мнению Гардинера и считать, что имена выражают надежду царствующего

* Следует заметить, что законное право наследования престола, принципы которого, к сожалению, неясны, передавалось по женской линии. Часто пишется, что фараоны вступали в брак с сестрами. Но это понятие в египетском языке могло обозначать любимую женщину. Поэтому браки между «братом и сестрой» не всегда следует понимать буквально. Считается, что законной наследницей фараона являлась его старшая дочь. Можно предположить, что предназначенный быть фараоном вступал в брак с этой женщиной, чтобы узаконить свою власть, а она при этом получала титул «великой царской супруги». Впрочем, ничто не противоречит и тому, что фараоном Египта могла быть женщина. Нам известно несколько таких примеров, и самый замечательный из них — царица Хатшепсут *.

** Два последних имени царя образуют то, что иногда называют родовым и личным именем фараона. То обстоятельство, что их писали в картушах, сыграло определяющую роль при расшифровке иероглифов: они дали Шампольону основные от-
правные точки!

фараона, его волю привести царство к определенной цели, своего рода символическую программу, которую следует осуществлять. Каждого фараона защищает бог, которого он особенно почитает. Этот бог помогает царю исполнить свою задачу. Царь благодарит бога, отдавая дань его храмам и жрецам. Такими обстоятельствами можно объяснить огромные богатства, накопленные жрецами Амона в период Нового царства. Бог позволяет фараону побеждать врагов, а фараон в ответ щедро украшает его святилища.

Нужно заметить, что в формуле вежливости, имеющей магическое значение, за именем фараона добавлялось выражение «жизнь, здоровье, сила». Согласно текстам, придворные не называли царя по именам. Они говорили «он», «его величество», «бог», «Хор».

Диодор Сицилийский (I, 70—71) пишет о фараонах: «Цари не вольны были поступать по своему усмотрению. Все было предписано законами, и не только государственная, но и частная, обыденная жизнь. Им прислуживали не купленные люди и не рабы, а сыновья верховных жрецов, заботливо воспитанные, в возрасте старше двадцати лет... часы дня и ночи, когда царю надлежало выполнять какую-либо из своих обязанностей, предписывались законом и не могли нарушаться даже по собственному желанию царя». Действительно, повседневная жизнь владыки Египта была изнурительна и имела мало общего с досужей жизнью восточного вельможи, занятого одними своими удовольствиями. Пробуждение фараона сравнивается с пробуждением бога. Пели одни и те же ритуальные песнопения как для солнца, так и для монарха: «Пробудайся в мире, пусть пробудится царь в мире, пусть будет твое пробуждение мирным».

Одевание тоже было ритуалом. Венцы, ожерелья, пакладная борода — все это божественные силы, с которыми манипулировали жрецы, чьи обязанности считались важнейшими. Мастера по изготовлению париков, служители при венцах или сандалиях сознавали, что они священнодействуют. Ведь они ближе всего соприкасаются с царской особой.

Хор в своем жилище, то есть фараон, ежедневно беседовал с верховным сановником (визирем) о делах царства. Царю приходилось давать многочисленные аудиенции, принимать прошения от знатных особ, которые простирались перед ним ниц не как перед

человеком, а как перед воплощенным в нем божественным принципом. Смыслу царя было таким, что некоторые даже боялись в его присутствии сознание. Царицы даже боялись касаться фараона из страха быть оскверненными исходящей от него силой. Как видим, обыденное и священное неразделимо в «ремесле фараона».

От пышных дворцов, где жили фараоны, почти ничего не сохранилось. Египетские строители не предназначали их вечности, как храмы или гробницы. Однако эти дворцы сравнивали с небесами или горизонтом, где царь пробуждается и засыпает, как светило, проходя пути вселенной, путешествуя по миру, в который ему открывал двери Ра *.

Важно упомянуть те глубокие связи, которые соединяли членов царской семьи, по крайней мере в интимной ее сердцевине. Мы уже говорили об уважении сына к отцу. Но следует еще обратить внимание на любовь, что соединяла царя и царицу, суверенов и их детей. Эти отношения были обнародованы в так называемый «самарский» период, когда Эхнатон и Нефертити, не боясь показать в произведениях искусства свою личную жизнь, предстают на них вместе с детьми. Начиная с Древнего царства в скульптурах супружеских пар царят несравненного благородства нежность без оттенка малейшей слащавости и человеческая теплота, которой немедленно проникается зритель. Царица — это великая супруга, женщина — «владычица дома» в том великом смысле, какой это выражение имело для египтян и какой сохранило в наши дни. Известно, что правовое и общественное положение женщины в древнем Египте было независимым до такой степени, какой не достигла женщина в наше время, при нашей цивилизации.

Г. Франкфорт в своем труде «Царство и боги» ясно показал, что царь Египта прежде всего был порукой согласия между людьми и сверхчеловеческими силами, а жизнь считалась ценностью, связывающей небо и землю. Если царь исчезал, порядок рушился и чело-

* Символическое формулирование, предлагаемое египетскими египтологами, имеет прямые соответствия. Например, небесные дворцы соответствуют дворам бога, небольшого сооружения в святом месте храма. Чтобы разбудить бога в храме, царь каждое утро раскрывал его двери.

печеская жизнь топула в хаосе. До последнего дыхания Египет фараонов верил в эту идею, жия по ее закону. Фараон был главной осью общества, которое в зависимости от эпохи представляло собой лишь более или менее совершенное отражение божественного общества. Египтяне никогда не считали фараона лишь политическим правителем, смертным, ограниченным в своих стремлениях, поглощенным только личными притязаниями.

В царе Египта божественная и человеческая сущность слились в неповторимую личность, в образ цивилизации, просуществовавшей несколько тысячелетий, с каждым днем все больше открывающей нам свое величие. Фараоны были исключительными натурами. Социально-политическая модель, которую они создали, также позаурядна. Давайте же отправимся в путешествие и откроем их мир.

Глава I

ЦАРЬ СКОРПИОН И ЗАРЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Около пятидесяти миллионов лет назад весь Египет, вероятно, был дном моря. Вода постепенно отступала, Нил начал прокладывать свой путь, а Дельты в ее современном виде еще не существовало. Подъем долины Нила, образование русла и изменения климата привели к формированию своеобразнейшего ландшафта. Доисторический Египет представлял собой огромный оазис, окруженный превращающимися в пустыни землями. Здесь и родилась самобытная цивилизация.

В Северном Египте, в Дельте, простирались болота и некоторые ее части были недоступны. В обширных чащах тростника и папируса обитали мириады птиц: журавли, утки, перепелки и множество других. В водах, кишасших рыбой, господствовали крокодилы и гиппопотамы. Это было настоящее царство воды, где самые длинные стебли папируса достигали высоты шести метров. Человеку здесь не было места. В доисторический период папирус, ныне исчезнувший из Египта, начинают широко применять. Из него изготовляют материал для письма, а также лодки, канаты, циновки, сандалии. Это растение станет в представлениях египтян символом жизненной силы, и в храмах будут ставить колонны в виде стеблей папируса, воплощающие идею произрастания.

Густая растительность, леса папируса покрывали также берега долины Нила в Верхнем Египте. В начале неолита воды Нила начинают осаждать ил, создавая условия для развития земледелия. Вскоре обнаружится контраст между черными, возделанными землями Египта и красными землями пустыни. Мало-помалу образуется длинная полоса пахотных, возделанных угодий, пересекающая враждебные, негостеприимные пространства. На западе к плодородным землям примыкает местами каменная, местами песчаная Ливий-

ская пустыня, часть Сахары. В ту эпоху пустыня еще не поглотила этих пространств, не наступала на плодородную долину так грозно, как в наши дни. Здесь еще встречались земли, годные для пастбищ, и пашни. На этих территориях обитали ливийцы, никогда не достигавшие такого высокого уровня культуры, как египтяне. Они были белокожие, голубоглазые и рыжеволосые. В волосы ливиец втыкал перо — отличительный знак своего племени. Вероятно, они заселяли оазисы Сива, Фарафра, Дахла, Харга и Бахария. Отношения ливийцев с египтянами всегда были сложными.

Области, лежавшие на востоке, были не гостеприимнее, но там находились стратегические пути к регионам Палестины и землям Синайского полуострова. Здесь, восточнее Коптоса, египтяне проложили пути к коням, где добывали золото, малахит, медь, бирюзу. В Серабит эль-Хадим издавна почитали Хатхор, «владычицу бирюзы». Добыча давалась большим, мучительным трудом. Но мы увидим, что многие цари стремились улучшить дороги через пустыню, старались облегчить условия работы в карьерах.

К югу от первого порога начиналась Нубия. Это была страна, значительно более бедная, чем Египет, но фараоны всегда интересовались ее редкими товарами и золотом. Нубия, то подчиненная Египту, то до известной степени независимая, никогда не воспринималась как неотъемлемая часть Египта. Обитатели Нубии не говорили по-египетски, у них была иная культура, иная одежда. Пороги, образованные нагромождением скал, преграждающих течение Нила, препятствовали миграциям людей и циркуляции идей.

Доисторический период истории Египта еще мало изучен. Время, предшествовавшее первому фараону Менесу, египтяне считают продолжительной эпохой царствования богов. Богам наследовали «служители Хора», которые подготовили восшествие на трон людей.

Археологические раскопки ставят едва ли не больше проблем, чем разрешают. Известны места обитания, археологи находят различные предметы доисторического периода, пытаются создать систему датировок. Но фактического материала недостаточно. Вероятно, самые ранние следы человеческого присутствия обнаружены в районе Фив. Пустыня, должно быть, оттеснила доисторических египтян, принуждала их сосредоточиваться возле воды, в оазисах и по берегам

Нила. Обитатели пещер в Египте нам неизвестны. Тем не менее можно утверждать, что в доисторическом периоде Египта нет ничего исключительного по сравнению с классической схемой, созданной историками первобытного общества. Люди той давно миновавшей поры занимались охотой, собирательством, обрабатывали кремль и другие твердые породы камня. Прежде чем перейти к оседлости, они, вероятно, были кочевниками-скотоводами в саванне, становившейся все более и более враждебной между четвертым и третьим тысячелетием до нашей эры. В этот период появились ткачество, плетение, гончарное ремесло. Известно, что между 4600 и 4200 г. до н. э. в долине Нила начали сеять зерно. Это уже предвестие настоящего земледелия. Должно быть, в это время стали заниматься ирригацией, сеять на илистых пригорках, совместно охотиться и ловить рыбу, строить святилища для богов и хоронить умерших в могилах, куда клали различные драгоценные предметы; последние должны были служить мертвым в ином мире.

Доисторическая эпоха Египта — это поразительный век господства камня. Ремесленники достигают виртуозного мастерства и не утратят его на протяжении всей истории царства фараонов. Ножи, булавы, палетки, сосуды изготовлены поминуте совершенно.

Очевидно, к 4000 г. до н. э. сформировалась долина Нила. Это событие оказалось определяющим. Стабилизируется ландшафт. Человек становится настоящим хозяином земли и начинает преобразовывать ее к своей пользе. Так, вероятно, рождался Египет. Переход к оседлости повлек за собой возникновение местных культур, в которых очень трудно определить африканские влияния. Наскальные рисунки конца неолита известны во многих регионах Африки. Они изображают людей, животных, например страусов, слонов. Возможно, некоторые из них станут символами областей Египта. Но сказать по правде, связи между Египтом и Африкой в доисторический период остаются одной из самых неясных проблем.

Цивилизация еще только зарождается. Нет ни городов, ни больших строений, лишь хижины из тростника, обмазанного илом и саманом, лепятся в небольшие селения. Могилы грубы, иногда это просто ямы в земле. Кажется бы, ничто не предвещает рождения великой культуры и самого могущественного государства

древности. К северо-западу от Кафра, на границе с пустыней, в поселениях вроде Меримде Бени Салам найдены остатки ям — закромов для зерна, украшения из слоновой кости. В Тасе, Бадари (между Асьютом и Ахмимом) делали прекрасные гончарные изделия, а также обрабатывали медь. Из этого металла изготавливали орудия, оружие и туалетные принадлежности. На сосудах герзейской культуры появляются изображения людей, лодок, животных, символы областей. Деревеньки группируются в более значительные поселения, кланы сливаются, объединяют свои ресурсы и рабочую силу. Есть намеки на возникновение иерархии, начинают признавать главенство одного самого властного и почитаемого вождя. Вокруг него складывается знать. Могли происходить стычки между крупными поселениями, претендующими на господство над определенной территорией. Каждый клан имел священную эмблему, часто это было какое-нибудь животное. Короче говоря, образуются местные «княжества». Они расширяются, захватывают пахотные земли и охотничьи угодья. Следует заметить, что останки убитых животных, таких, как шакал, бык, баран, газель, начинают заворачивать в циновки и льняные ткаги. Без сомнения, это свидетельство зарождения культа священных животных, который позднее так поразит греческих путешественников. Очень рано возникли религиозные традиции захоронения усопших в гробах, а местом для некрополей был выбран западный берег Нила.

Существовала ли особая, египетская раса? На такой вопрос ответить очень трудно. Вероятно, в египтянах соединились черты кочевников сахарской саванны, северных африканцев, родственных берберам и кабилам, семитских племен, пришедших с севера, со стороны Синая, и с юга — из арабских пустынь. Скелеты додинастических времен принадлежат как европеоидам, так и негроидам. Отсюда возникла гипотеза о слиянии этих двух рас. Одновременно приходит в голову мысль о некоей великой ближневосточной культуре, охватывающей Северо-Восточную Африку и Западную Азию. Долина Нила станет идеальным горнилом для сплава различных рас. Следы былой общности обнаружатся в мифах, известных в различных цивилизациях (на-

пример, мифы об Осирисе и об Адонисе), в языковой области, в смысле одежды и оружия.

Нельзя не упомянуть и о переселениях народов, о передвижениях, которые приведут в Египет жителей Месопотамии, азиатов и прочих люд. Кое у кого так разыгрывается фантазия, что они считают египтян чуть ли не пришельцами из космоса, колонизировавшими особенно плодородную зону земного шара.

Элементарная честность заставляет признать, что нам не известно ничего определенного о древнейшем населении Египта. Очевидно лишь одно: египтяне — это белые африканцы, духовный склад, мироощущение и культурные традиции которых понятны европейцам. Ведь европеец почти не в состоянии постичь суть африканского мышления, а между тем ему нетрудно прочувствовать изнутри египетское искусство, приблизиться к выражению мысли столь отличной от современной европейской, но запечатленной в его самой глубокой памяти.

* * *

Внезапно является царь. Фигура внушительная, священная, увенчанная белым венцом Верхнего Египта. Это уже не просто вождь клана, а настоящий монарх. Венец — знак, исключая ошибку. Имя его остается загадкой. Оно обозначается иероглифом скорпиона, чтение которого не установлено. Для простоты принято называть этого царя царем Скорпионом.

Имя «Скорпион» вырезано на нескольких предметах¹. Среди них сосуд из Туры и посвященные дары в храме Иераконполя, древнеегипетского Нехена². Но главный источник — это великолепное навершие булавы, найденное также в районе Иераконполя. Оно хранится в Эшмолеанском музее в Оксфорде. Навершие булавы изготовлено из известняка. На нем в технике горельефа вырезано несколько сцен, свидетельствующих о появлении фараона в истории. Изображения распределены в трех регистрах. Такая композиция характерна для египетского искусства, она пройдет через все эпохи. В верхнем регистре вырезаны эмблемы номов на штандартах, к которым подвешены мертвые птицы, возможно чибисы, и луки. В процессе штандартов с эмблемами областей узнаваемы символы болот Сетха — фантастическое животное и Мина —

странный эпак, который считают изображением метеорита. Этот «комикс», если можно допустить такое выражение, имеет точный смысл: царь Скорпион объявляет себя сувереном номов Верхнего Египта. Во главе своего войска он покоряет народы, чьи эмблемы — чибисы и луки. Несомненно, это жители Дельты и кочевники, обитающие у границ Египта или в оазисах.

Так увековечена память о великой победе юга над севером, так указал монарх общеегипетского значения, который, однако, остается властелином лишь Верхнего Египта. Следует заметить, что в сцене победы сам царь Скорпион не показан. Его мы увидим во втором регистре, где изображены сцены мирной жизни и строительства. С белым венцом на голове, в церемониальной набедренной повязке, к поясу которой прикреплен и свисает сзади хвост животного, царь двумя руками держит мотыгу и роет канал. Перед ним чуть выше лица помещаются семиконечная звезда и скорпион. Впереди шествует знаменосец, несомненно чтобы оповестить страну о деянии, начатом правителем. Жрец уносит в платулке выкопанную фараоном землю. Царь, центральная фигура композиции, огромен по сравнению с его слугами.

Крохотные подданные, колоссальный царь: эта символика станет постоянной в искусстве Египта. Такие пропорции говорят не о мании величия властителя, а о желании сопоставить природу изображенных, подчеркнуть различие между царем-богом и людьми. Такой же канон распространяется на изображения знатных владельцев огромных хозяйств. Он заключает ту же идею: когда знатный человек изображен сидящим и наблюдающим, как трудятся находящиеся на его попечении многочисленные отряды слуг из его владений, расположенные на рельефе перед ним в трех регистрах, то это означает, что он защищает их всей силой данной ему власти. Его фигура, его рост обеспечивают в некотором смысле его способность управлять и заботиться о тех, кто на него работает. Все эти рассуждения относятся и к изображениям фараона.

Итак, царь Скорпион является нам в ритуальном земледельческом обряде. Через 3500 лет в залах храмов Птолемеев в Эсне и Ком-Омбо появятся изображения римских императоров Севера, Каракаллы. Деция в одеяниях египетских фараонов, роющих траншею для фундамента или вбивающих расчетные ориентацион-

ные кольца для будущего храма. Работа царя Скорпиона напоминает одновременно и основной земледельческий акт прокладки канала, и символическое священнодействие овладения землей. Конечно, культовые здания эпохи царя Скорпиона — это всего лишь святилища из педолговечных материалов, защищенные матеродью. Они несравнимы с колоссальными храмами греко-римской эпохи, но действия царей неизменны.

На палетке додинастического периода видны стены городов, увенчанные символическими фигурами — львом, соколом и скорпионом, держащими мотыги. (Объяснение дать затруднительно. Идет ли речь о нескольких ипостасях египетского царя? Или здесь представлены вожди кланов, образовавших союз, в который входит и царь Скорпион? Долго считали, что это изображение говорит о расторжении союза. Но предпочтительнее иная гипотеза. Мотыга — инструмент создания, а не оружие. Скорпион и его союзники выступают здесь как основатели городов или деревень, возможно, в болотистой, еще не освоенной области, как учредители границы между Дельтой и Ливией. В эпоху, когда создавалась эта плита, известная под названием «палетка ливийской данни», Скорпион был, вероятно, лишь одним из местных правителей.

Вернемся к навершию булавы. В третьем регистре его изображены извилистый контур Нила и работающие земледельцы. Это значит, что царь Скорпион покровительствует хозяйственной деятельности в подвластной ему стране.

Властелин — олицетворение Хора. Бог-сокол защищает фараона и все его потомство. Как государь Верхнего Египта, царь носит титул «того, кто принадлежит тростиюку». Его одежда — простая набедренная повязка. К поясу прикреплен бычий хвост, символ могущества. Это царь-маг, поэтому он — великий полководец; кроме того, он вызывает разлив и дарует урожай. На такие основные мысли наводят сюжеты, изображенные на булаве. Самого пристального внимания заслуживает сцена разлива.

По знаменитому изречению Геродота, Египет — дар Нила. Но этот дар остался бы бесплодным без необычайного трудолюбия египтян. Нил тянется на 6500 км. Он рождается на экваторе, пересекает Судан, Нубию, минает шесть порогов и уж потом достигает Египта. В шире вода в реке постепенно прибывает, а в юде

становится мутной, буро-красной. Причина тому — суспензия частиц, принесенных из Эфиопии. Эти крупинцы абиссинской земля — залог плодородия; благодаря им нильский ил приобретает свои необычайные свойства. В тропиках разлив начинается в мае — июне. В Египте вода прибывает лишь летом, когда солнце невыносимо палит. В июле река выходит из берегов, затопляет Египет и приносит плодородный ил. В октябре, когда вода спадает, легко сеять. Земледельцы очоь рано заметили, что ирригация позволяет снимать по три урожая в год.

Вот тут-то и открывается поле деятельности для фараона. Земляные работы требуют активного участия государства. Чтобы ирригация, прокладка каналов и содержание их в порядке оказались действенными, организацией работ должен заниматься фараон. Сены, изображенные на навершии булавы из Иераконоля, свидетельствуют, что царь Скорпион, правивший только Верхним Египтом, ясно понимал все значение покорения и использования разливов Нила.

Каналы — поистине кровеносная система, которая позволяет жизни циркулировать в громадном теле египетской земли. Несомненно, примитивная ирригация была изобретена, когда изменился климат и воды отступили, освободив человеку новые земли для обработки. Следы таких незатейливых ирригационных сооружений паходят в Нубии. Это бассейны, где после разлива задерживалась вода. Но гениальность египетских царей в том, что они не удовольствовались локальными результатами, а создали единую оросительную систему. Ежегодно необходимо было выравнивать пахотные земли, укреплять оградительные дамбы, чистить каналы. Между разливами требовались большие работы, а следовательно, и четкая их организация. Да и дамбы нельзя было насыпать как попало и где попало. Все это дает основания предполагать, что существовало особое учреждение, где работали мастера своего дела, знающие, как с наибольшей пользой употребить плодородную силу, дарованную разливом.

Только сильная центральная власть, принадлежащая фараону, могла с успехом осуществить такие начинания. В своей деятельности царь Скорпион был великим новатором. Он вырвал Египет из доисторической эры, сумев приручить разлив Нила, превратить явление природы в источник огромного богатства.

В наши дни его труды кажутся простыми, само собой разумеющимися. Но если мы мысленно перенесемся в эпоху Скорпиона, нам придется признать его гениальность.

Нил, источник жизни и плодородия, был еще и главной дорогой Египта. Это едва ли не единственный естественный путь, который соединял одну местность с другой, «магистраль», связавшая области и приведшая к образованию сплоченного общества. При северозападном ветре можно было плыть под парусами вверх по течению, а вниз, на стремнинах, шли без парусов.

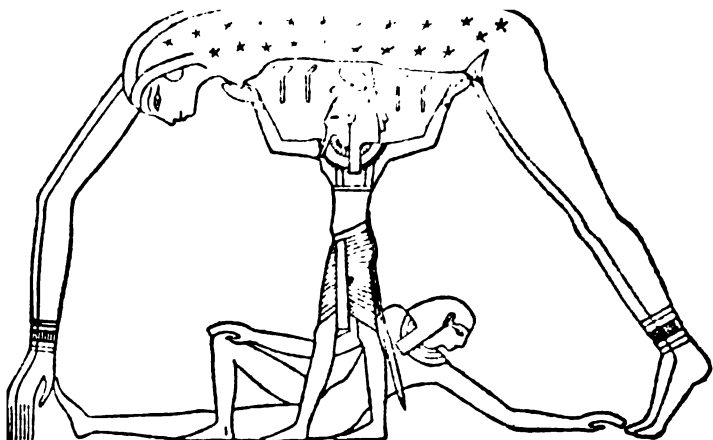
Египтяне очень рано начали строить суда. Во времена царя Скорпиона для этого уже существовали специальные отряды ремесленников. Не нужно думать, что изготовляли только примитивные лодки из папируса; строили и деревянные суда. Египетский ландшафт с той поры сильно изменился. В наше время в Египте редко встретишь деревья. В эпоху же царя Скорпиона, несомненно, были леса, дававшие дерево для кораблестроения*.

Когда во время разлива долина Нила превращалась в огромное озеро, связь между поселениями не прерывалась. Собственно говоря, деревни были построены на холмах и соединялись дорогами, которые проходили по дамбам, выступающим из воды.

Как уже было замечено, в духовном складе египтян не было ничего приземленного, ограниченного только материальным и обыденным. Земной Нил копировал Нил небесный. Разлив Нила покрывал землю, и она каждый год сызнава погружалась в праокеан, откуда появлялись холмы, первые возвышения земли, где расцветала жизнь. При смене времен года перед

---

* В изменении пейзажа сыграли роль еще мало известные нам климатические перемены. В эпоху Скорпиона страна была значительно лесистее, чем в наше время, но климатические условия не слишком отличались от современных. Существенно, что климат в Египте умеренный, здоровый, деятельный. Летняя жара переносится легко. Самое неприятное время наступает в конце октября, когда змеи и скорпионы выползают из нор. Зимой перепад между дневной и ночной температурой может достигать 15°C, средняя температура колеблется около 20°C. В египетской литературе часто упоминается о похолоданиях. Ночи бывают прохладными, что вынуждает строить дома. Природные условия заставляли египтян строить, погода же препятствовала их деятельности только в течение некоторых периодов года, как правило достаточно мягкого.

Бог воздуха Шу поддерживает богиню неба Нут,
изогнувшуюся над богом земли Гебом.
По телу Нут плывут звезды

глазами египтян ежегодно повторялась картина, описанная в важнейших мифах о сотворении мира.

В Египте считали, что землю окружает великий океан, одна из форм Нуна, из которого произошел весь мир. Небо над землей поддерживается четырьмя столбами, лицо его обращено к югу³. «Дух» Нила звали Хапи⁴. Он был истинным отцом и кормильцем. Он давал людям радость, и те криками выражали ликование. Хапи, двуполоый бог, родился в пещере близ Асуана, в районе первого порога.

* * *

До вступления на престол фараона Скорпиона египетской цивилизации не существовало. Можно говорить только об отдельных культурах с присущим им более или менее успешным ремесленным производством. В додинастический период, в эпоху царя Скорпиона, археологические источники изменяются. Например, наблюдаются перемены в погребальных обрядах. Трупы уже не заворачивают в циновки и шкуры, а кладут в плетеные короба, а позднее в саркофаги из обожженной глины или досок. Развивается металлургия, а равно и столярное ремесло. Совершенствуются

ся орудия из кремня и меди, а также ткачество. Обильна керамика. Изображения на ней, если они имеются, сложные. Это сцены с людьми, кораблями. Изготавливается много каменных сосудов и наварший булав.

Царь Скорпион не только привел в действие механизмы общественного и экономического развития, но и извлек из него всю возможную выгоду. Вождь клана становится царем, управляет населением областей, под его правлением начинается их процветание. До каких пределов простиралось его государство? Вероятно, до Туры, лежащей севернее Мемфиса, которого в те времена еще не существовало. Но это лишь гипотеза, основанная для которой послужила находка в этом районе черепка с именем царя. Центром земель, которыми правил Скорпион, был скорее всего Иераконполь, между Луксором и Асуаном. В наши дни в этих местах простиралась пустыня, однако там найден гробничный комплекс, стены которого покрыты изображениями. На них можно увидеть сцены охоты и сражений, танцы и путешествия по воде — короче говоря, представлена уже совершенно сложившаяся цивилизация. Легенда рассказывает о владычестве царя-сокола, длившемся более двенадцати веков.

В представлениях египтян Иераконполь станет священным городом наравне с Буто в Дельте. В связи с этим уместно вспомнить очень тонкий анализ американского египтолога Дж. А. Уилсона и его чрезвычайно убедительную аргументацию⁶. По его мнению, Иераконполь и Буто не были царскими резиденциями. Ведь Иераконполь располагался в неплодородной, пустынной зоне, а Буто был лишь островком среди болот Дельты. Стало быть, речь идет о святых местах, центрах паломничества, землях, наделенных чудесными свойствами, а не о зонах обитания.

Египтяне и ливийцы редко жили в добром согласии. Корни конфликтов уходят далеко в глубь веков; первый из них засвидетельствован плитой, датированной додинастической эпохой и получившей название «палатки ливийской дани». На этой каменной плите изображены различные животные: быки, ослы, бараны, которых ведут в Египет. Есть там и люди. Их волосы украшены перьями, одежда состоит из набедренных повязок и футляров для пенисов, однако трудно определить, ливийцы это или египетские охот-

ники. Возможно, этот источник запечатлел первую зафиксированную в истории победу Египта над Ливией.

Таким образом, ливийская проблема существовала уже в додинастические времена. Культура и хозяйство египтян, сосредоточенных в деревнях у Нила, сильно отличались от культуры и хозяйства населения, удаленного от реки. Климатические изменения привели к иссушению некогда плодородных территорий, и ливийцы с этого времени вынуждены были жить на скудных землях, подобно бедуинам в Аравии. Они всегда глядели завистливым оком на благодатные египетские земли, иногда отваживаясь на грабительские нападения. Много позднее ливийцам даже удастся на короткое время захватить трон Египта.

В правление Скорпиона складывается царство фараонов. Возникает вопрос: один ли гений Египта был причиной его сказочного рождения, или сыграли роль какие-нибудь внешние факторы? Палетки на военные темы отражают конфликты между египтянами и кланами, жившими на окраинах страны, но на них нет свидетельств о крупных вторжениях чужеземцев, пришедших, скажем, с востока. Единственный предмет, который мог бы помочь сформулировать подобную гипотезу, — хранящаяся в Лувре ручка ножа из слоновой кости, найденная в Гебель эль-Араке. Она с обеих сторон украшена резьбой. На одной стороне изображен человек, укрощающий двух львов, ниже несколько зверей из породы кошачьих; на другой показано сражение. Воины вооружены палками. Кроме того, на ручке вырезаны суда, плывущие и утонувшие люди.

Поразительный факт: стиль изображений не египетский. Перед нами типичное месопотамское производство. Возможно, влияние культуры Месопотамии сказывается также в огромных сложенных из кирпича гробницах, относящихся к I династии; в мифах, где фигурируют фантастические животные, например крылатые грифоны⁶. Но как определить истинную меру влияния Месопотамии на Египет? Даже если бы имелись подтверждения прочных контактов между цивилизациями Элама, Шумера и Египта в эпоху царя Скорпиона, то и тогда нельзя было бы утверждать, что существовала общая ближневосточная культура, прародительница двух цивилизаций — одной в Азии, другой в долине Нила.

Нож из Гебетъ эль-Арака — вещь загадочная. Конечно, это ритуальное оружие. Вероятно, оно появилось в святилище в ознаменование памяти о каком-то сражении. Истею о месопотамском нашествии следует отвергнуть, однако вполне возможно, что в Египет очень рано проникли искусные ремесленники из Передней Азии. Они создавали здесь свои произведения, прекраснейший образец которых является собой эта ручка ножа. Пришельцы внесли свой вклад в формирование художественного сознания египтян и дали ему темы и символы, которые мастера фараонов выразили своим самообытным языком. Лишь человек, укрощающий двух львов, мог привлечь внимание народа, для которого фараон всегда был тем, кто объединяет Обе земли, носит двойной венец и защищен двумя «владычицами» — грифом и змеей.

Сколько времени продолжался додинастический период, в конце которого правил царь Скорпион? Это неизвестно. Некоторые археологи считают, что он длился много столетий. Но в настоящее время преобладает теория краткой хронологии. Э. Хорнинг считает, что Скорпион жил около 3000 г. до н. э., а первая династия началась приблизительно в 2950 г. до н. э.

На хронологическую расплывчатость накладываются еще и другие неопределенности. Считается, например, что в поздний додинастический период, то есть период, предшествовавший Менесу, правили два царя, Скорпион и еще некто, кого называли Ка. Но существует другая традиция, упоминающая шестьдесят царей в Дельте и длинный список монархов в Верхнем Египте, правление которых началось будто бы около 5500 г. до н. э. Говорится даже о семи царицах, управлявших Египтом. — Эта легенда послужила основанием для гипотезы о матриархате в глубокой древности.

Напрашивается вывод: до Менеса Египет не был единым государством, и Скорпион правил только Верхним Египтом. Но важнейшая проблема отношений между севером и югом, между Верхним и Нижним Египтом остается неразрешенной.

Шиферные палетки, о которых уже шла речь, приводят на мысль о борьбе между кланами. Очевидно, Скорпион был более искусен, чем другие вожди, сумел создать коалицию, которая и позволила ему распро-

странить свою власть на население севера. А Дельта? Была ли она самостоятельным царством? Велась ли в действительности великая война между двумя частями страны, которую олицетворяет борьба между Сетхом, владыкой Верхнего Египта, и Хором, повелителем Нижнего Египта? В этом можно усомниться. Некоторые египтологи продолжают пользоваться методом грека Евгемера⁷. Этот метод заключается в том, что в мифах отыскиваются скрытые исторические события. Таким образом на теологическое и символическое мышление накладывается слой рациональных соображений. Однако труды таких историков религии, как Мирча Элиаде⁸, Генрих Циммер, Жан Сервье, и других показывают, что мифы сами по себе — подлинная история, они самоценны, они — составная часть цивилизации, служащая созданию истории, а не наоборот.

Дельта же в додинастические времена — это сплошь заболоченная низина. В ту эпоху долина Нила не входила на современную. Пышная растительность, еще не пострадавшие от надвигавшейся пустыни окраины ~~болот~~. Болота, напоминающие кое-где топи Дельты, ~~иногда~~ богатый зеленым и водой. От самых древних городов Дельты — Буто, Бусириса и Сауса — не осталось никаких следов. А могли ли они сохраниться? Вот в чем вопрос. Быть может, это были особо почитаемые места, святилища, островки в том бескрайнем водном пространстве, что являла собой тогда Дельта Нила⁹?

Главным мифом той далекой поры был миф о победе Хора над Сетхом. Позднее, к 3200 г. до н. э., все становится наоборот. Владыка южного города Гераклеополя завоевывает север. Миф «переворачивается». Ключ к такой перемене дает личность самого фараона. С пачала времен и до конца света будут противоборствовать братья-враги Хор и Сетх. Роль фараона — стать третьей силой и прекратить схватку, объединить обе части страны и сделать ее нераздельной. Но со смертью каждого царя вражда Хора и Сетха возобновляется и продолжается, пока новый фараон не возойдет на трон. Понятно, что этот миф не связан ни с какими историческими событиями, им никогда не найдется подтверждений. Он лишь служит проводником великой цивилизующей идеи и основой представлений о царской власти в Египте.

В правление Скорпиона болотистые, поросшие лесами просторы постепенно превращаются в пахотные земли. Раалливы Нила «приручаются», вода несет богатство, а труд человека рождает прекрасные надежды. Благодаря орошению из плодородного ила вырастает небывалая цивилизация.

Вырисовывается другой важнейший поворот: рождение самой совершенной письменности, когда-либо созданной человеком, — иероглифов. Священная письменность также создавала цивилизацию и культуру. Имя Скорпиона записано иероглифом. По додинастическим палеткам и другим памятникам можно понять, что в это время формируется иероглифика, что человеческая мысль стремительно движется к своему оригинальному выражению. Каждый иероглиф еще и произведение искусства, символ, знак-идеограмма, несущая фонетическое и силлабическое значение. Некоторые знаки образуют своего рода алфавит, по которому новички-египтологи учатся читать иероглифическое письмо. Рождение иероглифов неотделимо от объединения Египта: это единый язык для всей страны, воплощающий волю богов и фараонов и обладающий магической силой.

Глава II

МЕНЕС И РОЖДЕНИЕ НАРОДА

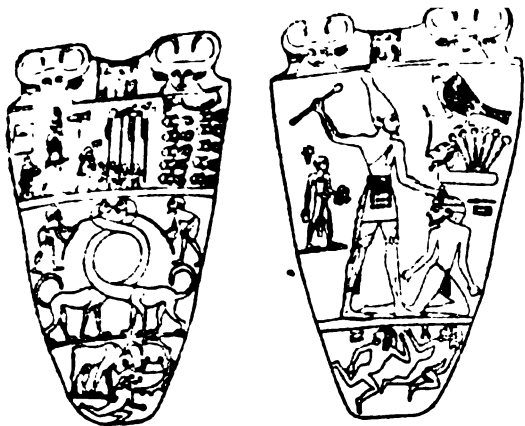
Так называемая додинастическая эпоха кончается. Резко возрастает число поселений. Страна развивается, изменяется. Существует ли приток чужеземного населения? Неизвестно. Может быть, следует предположить, что в Египте осели кочевники, пришедшие из пустынных земель на западе и на востоке.

Происходит важнейшее событие: под властью одного правителя объединяются Обе земли, Верхний и Нижний Египет. Возникает египетский народ. Об этом основополагающем событии сообщает нам палетка царя Нармера, найденная в районе Иераконполя. Этот небольшой, высотой всего 63 см, памятник — ключ ко многим загадкам. Способ крепления, стиль и замысел принадлежат еще додинастическому периоду, в то время как изображенные сюжеты говорят уже о существовании первой династии.

Эта палетка из зеленого шифера украшена изображениями с лицевой и обратной стороны. Сены расположены в трех горизонтальных регистрах. Вверху две коровьих головы олицетворяют богиню Хатхор, космическое божество, чье имя означает «жилище Хора». Хор был главным олицетворением фараона, стало быть, царь, изображенный на палетке, находится под божественным и небесным покровительством.

Объединение двух частей египетской земли показано просто и ясно: на лицевой стороне суверен увенчан белым венцом Верхнего Египта, а на обратной — красным венцом Нижнего Египта. Он первый царь, господствующий над югом и севером. Итак, начинается история династического Египта.

Имя Нармера вписано в прямоугольнике между двух коровьих голов¹. В центральной сцене на лицевой стороне палетки фараон занес булаву и готовится обрушить ее на голову поверженного врага.

Палетка Нармера (Египетский музей в Каире)

Большая священная фигура царя исполнена благородства, силы и достоинства. К подбородку фараона прикреплена накладная борода, бедра описаны церемониальной набедренной повязкой, к поясу прикреплен бычий хвост. Царь бос, но за ним следует сановник, ростом втрое ниже фараона. Этот царедворец обязан нести за повелителем его сандалии. Надо учесть, что в те далекие времена сандалии были предметом роскоши, и их не следовало пачкать в дорожной пыли. Ваятель подчеркивает могучую мускулатуру Нармера и его полное спокойствие. В ритуальном действе, которое совершает фараон, нет садизма, нет зверской жестокости. Он лишь исполняет волю богов, подчиняя того, кто восстал против мирового порядка. Бог-сокол защищает царя и дарует ему победу, чтобы Египет жил в мире.

В верхнем регистре обратной стороны палетки царь изображен в красном венце. Он направляется на выла сражения, где ровными рядами сложены тела обезглавленных и связанных врагов. Сцена, изображенная в среднем регистре, носит фантастический характер: два бородатых человека держат веревку, связывающую двух животных, длинные шен которых перекидываются. Нам кажется резонной интерпретация египтолога А. Гардинера: сцена символизирует объединение Общих земель, севера и юга. В нижнем регистре могучий бык сокрушает стену города. Под его копытами скорчился от боли враг. Это

другой образ Нармера-победителя, достаточно могущественного, чтобы подчинить непокорных.

Вывод ясен. Пресмник Скорпиона Нармер доводит его дело до логического завершения. Укрепив свою власть на юге, он распространяет ее на весь Египет. Но возникает новая проблема: ведь список царей начинается с фараона по имени Менес. Это ему приписывается объединение Египта, он заложил основу невиданной, самообытной культуры, иной, чем существовавшая дотоле. На изумительном изображении в Рамессеуме, фиванском номинальном храме Рамсеса II, показана процессия жрецов на религиозном празднике. Каждый из них несет на плечах изображение одного из царей. Среди этих владык фигурирует и загадочный Менес, память о котором не изгладилась с течением веков.

В наше время после долгих споров ученые считают возможным допустить, что Менес и Нармер — одно лицо². Менес — первый монарх из смертных людей, наследовавший богам и полубогам, тысячелетиями царствовавшим в стране. Интересные сведения дает само его имя. По-египетски оно читается, как *mn*, что значит «тот, кто остается», «тот, кто пребывает», «тот, кто вечен». Менес, таким образом, это «вечный» фараон, бессмертный корень, из которого вырастет огромное династическое древо. Филипп Дершен интерпретирует его имя как обозначение царя «вообще», неперсонифицированного фараона («Некто»).

Несомненно, по этой причине Менесу приписывают изобретение письменности. Этот факт исторически не подтвержден, но исполнен глубокого религиозного смысла. Ведь иероглифическое письмо — основное орудие культуры. Поэтому Менес Вечный останется для Египта символической фигурой, основоположником процветания и славы страны.

Менес-основатель блистательно подтвердил свою репутацию, создав столицу, сохранившую свое значение на протяжении всей истории Египта. По Манефону и Геродоту, Менес решил дать стране город, достойный того нового государства, которым он правил. Выбор места был продиктован очевидными политическими соображениями: Мемфис, одно из египетских названий которого — «весы Обеих земель», был заложен у основания Дельты, в стратегическом пункте, на границе между Верхним и Нижним Египтом.

Для древних египтян столица была прежде всего религиозным центром. В месте отправления культа зарождалась экономическая жизнь страны. Менес преобразовал древнее селение, где поклонялись богу Птаха, покровителю ремесленников, в ансамбль долговечных, совершенных в своей красоте зданий, в город, прославивший «жизнью Обеих земель». Возможно, само наименование «Египет» произошло от египетского названия великого храма в Мемфисе — *Хи-ку-Птах*, то есть «обитель Ка Птаха». По-гречески это слово звучало, как *Айскюптос*. Существует также легенда, которая рассказывает, что сын Менеса построил в Мемфисе дворец и дал ему название *пер-аа*, то есть «великий дом», откуда и пошел термин «фараон».

Как вообразить себе эту первую столицу, шедевр Менеса? Можно сказать с уверенностью, что она была застроена домами из кирпича-сырца. В больших и маленьких усадьбах имелись сады. Центром дома была приемная, к которой примыкали личные покои. Мемфис построен вблизи Нила, на его западном берегу. Его окружали плодородные поля и пальмовые рощи. Белый город с затененными зеленью улицами был защищен от сильных наводнений огромной дамбой.

Такой город мог появиться только при высокоразвитой цивилизации. Менес учредил отряды царских ремесленников, сведущих и искусных как в зодчестве, так и в ваянии. Верховный жрец Птаха, бога, почитавшегося в огромном мемфисском храме, навсегда останется религиозным наставником ремесленников. В этом регионе будет долго сохраняться культ Менеса.

Сам город Мемфис — огромный священный символ. По представлениям египтян, жизнь возникла на земле после сотворения мира в образе изначального холма, поднявшегося из вод. Менес отождествлялся с богом, сотворившим жизнь в образе холма, который был не чем иным, как его столицей, Мемфисом. Можно, впрочем, предположить, что царские рабочие частично осушили заболоченную почву, а затем заложили столицу. В греческой традиции также известна подобная легенда. Она рассказывает, что Менес основал столицу Фаюма Крокодилополь, то есть город, появившийся из воды¹.

Начиная с первой династии Мемфис утверждается как религиозный и политический центр, именно здесь

фараоны венчаются на царство. Каждый новый царь, как и Менес, носит двойной венец, ибо он владыка Верхнего и Нижнего Египта. Единство Обенх земель — основополагающий принцип управления страной. Каждый раз когда Египет отступает от этой основы, приходят времена упадка.

Менес — великий правитель. Он делит страну на области, которые называют номами⁴. Иероглиф, обозначающий ном, представляет собой прямоугольник, разделенный на квадраты, то есть территорию, пересеченную ирригационными каналами.

Ном — это единое целое в административном, географическом, а также религиозном плане. Номарх (управитель нома) — великий жрец бога, которому поклоняются в его области. Очень любопытен список номов, вырезанный в храме города Эдфу в Верхнем Египте. Он датруется эпохой Птоломеев, то есть составлен более чем через 2500 лет после Менеса, и уточняет все сведения, которые нужно знать о каждом номе. Это своего рода теолого-политический учебник, «экземпляр» которого непременно должен был находиться в каждом храме. Кто хочет знать все о номе, должен ведать его название, столицу, представлять себе, какие там есть святыни, каких богов там почитают, знать его храмы и культовые места, титулы верховных служителей культа, священные титулы жрецов и жриц, названия священной ладьи и ее местонахождение, имена священных деревьев, даты праздников, перечень запретов и табу, наименования каналов и сельских местностей.

Трудно с достаточной точностью определить число номов, созданных Менесом. Во времена Древнего царства в Египте их было тридцать восемь или тридцать девять. В Позднее царство теоретически насчитывается сорок два нома, что соответствует числу судей, решавших судьбу человека на суде Осириса. Отсюда можно понять, что с течением веков происходили территориальные изменения.

Административная организация благодаря делению земель на номы была простой и действенной при условии, что номархи были сведущи и понимали всю меру своей ответственности. Приказы шли из царского дворца, достигали региональных столиц, откуда их рассылали в областные города, деревни и сельские местности. Такая структура позволя-

да Менесу провести перепись населения и получить сведения о пахотных землях.

Особые проблемы связаны с Дельтой. Почти все труды по египтологии говорят, что в этой части Египта не сохранилось никаких источников, ибо все они погволи во влажных почвах. Но Дельта наших дней с ее полями, деревьями, многочисленными каналами, селениями совсем не такова, какой она была при Менесе. В те далекие времена там расстилались лишь обширные, обильно заросшие водные глади. Сюда приходили охотиться и рыбачить. Не существовало прибрежных зон с портами. Только через века образуются гавани внутри Дельты. Можно предположить, что Буто и Бусирис, о которых египетские источники говорят как о «городах», были не поселениями, а святилищами, священными местами, где люди собирались на религиозные празднества. Такая версия ставит под сомнение существование Нижнего Египта как царства, сравнимого с Верхним Египтом по числу мест обитания и плотности населения⁵. Эта точка зрения заставляет считать победы царей юга Египта над севером сравнительно легким присоединением племен, обитавших в относительно диких местах, скорее актом цивилизации, а не военным захватом.

Под ферулой Менеса страна оперяется. Она обзаводится отрядами ремесленников, амбарами, которыми распоряжается центральная власть, корабельными верфями. В долине строят храмы, разводят скот. Необходимо сразу же обратить внимание на характерную черту: все принадлежит царю, ибо он владеет всей землей Египта. Царь унаследовал ее от самих богов, и боги поручили ему благополучие страны. Таким образом, частной собственности на землю не существовало, хотя фараон мог жаловать более или менее значительные поместья своим верным слугам. Из таких даров позднее образуются владения крупных вельмож, которым вменяется в обязанность по царскому примеру заботиться о благополучном состоянии принадлежащего им хозяйства.

Египетская экономика имела религиозную основу. Храмы обеспечивали циркуляцию богатств. Все начиналось с жертвоприношений богам — без них страна погружалась бы в хаос и нищету. Когда боги удовлетворены, можно было позаботиться и о нуждах народа и раздать соответствующим образом добро. Урожай

строго учитывались писцами; часть зерна отправлялась в столичные амбары, где хранилась для раздачи в случае голода. Строго следили за межами, разделявшим поля. «Черная земля» была благодатна. Она родила разные сорта зерна, множество видов овощей. Выращивалась чечевица, горох, лук порей, обычный лук, а также фрукты — финики, фиги, виноград. Сахара не было, вместо него использовали мед. Разводили несколько пород крупного рогатого скота. На птичьих дворах держали гусей и уток. Египетский земледелец любил свою землю. Жизнь крестьянина была нелегка, а сельский труд изнурителем. Но во время половодья можно было хорошо отдохнуть. Когда воды Нила покрывали египетскую землю, крестьянин сидел дома. Его благополучие и благосостояние его земляков было накрепко связано с животворными разливами Нила и их разумным использованием.

В этом деле Менес продолжал и совершенствовал начинания Скорпиона. Он понимал, что орошение — жизнь Египта. Без него дары Нила пропадут впустую. Создав сильную централизованную власть, царь смог предпринять в стране большие работы. Номархам поручалось осуществить в своих областях планы, составленные начальниками царских работ. Во многих ключевых местах вдоль течения Нила устанавливали так называемые «ниломеры», чтобы каждый год наблюдать за высотой подъема воды. Анализ этих наблюдений давал возможность предусмотреть надлежащее распределение воды. Слишком сильное или недостаточное по сравнению с обычным наводнение равно грозило природной и экономической катастрофой, которую следовало предотвратить. В царских списках среди знаменательных событий того или иного правления отмечался и уровень подъема вод Нила.

По всему Египту возводят дамбы, роют каналы, засыпают впадины, ровняют намытые холмы, осваивают земли на рассеянных по течению Нила островах. С удивительной «экологической» предусмотрительностью сохраняют многочисленные заболоченные зоны для охоты, рыболовства и воспроизводства полезных человеку животных. Но недостаточно было только создать ирригационную систему. Следовало неустанно прочищать каналы, приводить в порядок оросительные бассейны, чтобы отложения ила использовались с наибольшей пользой.

Экономическая и духовная жизнь Египта выжидалась на строительстве храмов. Храмы возводили государственные отряды ремесленников, созданные Менесом. Строительных материалов было вдоволь. Хватало и камня, и дерева, и металлов. В окрестностях Мемфиса, а возможно, и в пустыне началась разработка карьеров. В Египте времен Менеса дерево не было редкостью. Пальмы, персеи, ивы, акации, тамаринды, сикоморы давали достаточно древесины для работ. Вскоре Египет начинает посылать торговые экспедиции в Ливан за кедром и в Сирию за кипарисом. Широко используется медь; из нее делают оружие и орудия. Бронза войдет в употребление только в период Среднего царства. Железо метеоритного или иного происхождения — большая редкость.

Менесу приписывают введение в обиход предметов роскоши или по крайней мере удобств. Эту легенду нельзя считать вымыслом в стране, где умели готовить стулья и сундуки из дерева, туалетные ларчики, коробочки для благовоний и притираний, драгоценности, простые, но подчеркивающие красоту одеяния вроде набедренных повязок для мужчин и длинных, тесно облегающих платьев для женщин. Царский материал — знаменитый папирус — позволял запечатлевать письма на своей гладкой и податливой поверхности.

Сведений о войске и правосудии нет. Войско, конечно, существовало — ведь с ним Менес покорил север. Его главнокомандующий — сам фараон. Он же и судья, и блюститель свода неписанных законов. Вполне вероятно, что в каждом номе имелся свой собственный гражданский суд и право, которое могло отличаться от права других номов. Однако достоверных сведений в этой области нет. Следует сделать лишь один вывод: в древнем Египте не существовало рабства. В отличие от того, что происходило в древней Греции и древнем Риме, в Египте никогда не было людей, совершенно лишенных прав и низведенных до уровня вещей или живых орудий. Те, кого некоторые египтологи ошибочно называют «рабами», могли владеть землей и, отработав повинности в больших хозяйствах, обрабатывать собственные поля. Можно говорить о зависимости, но никак не о рабстве⁶. И в этом величайшая заслуга цивилизации эпохи фараонов.

О смерти Менеса ничего определенного неизвестно. Легенда говорит, будто на берегу Меридова озера на царя набросились его собственные собаки и начали его преследовать. Он бросился в воду и был спасен крокодилом. В этой легенде следует усматривать символический образ, ибо богом этих земель считался бог Себек с головой крокодила. По другой легенде, первый фараон в возрасте шестидесяти двух лет был во время охоты убит гиппопотамом.

Другие недостоверные сведения касаются семьи царя. Жена фараона, говорят, составила замечательное притирание для волос, а его сын Атотис стал врачом, наследовал отцу и был убит. Все эти легенды исходят от греков⁷. В дальнейшем мы столкнемся с подобными рассказами и о других фараонах. Как бы то ни было, известно, что сын Менеса достиг возмужания, выстроил в Мемфисе царский дворец или расширил его и был жрецом.

Две первые династии продолжали дело Менеса. К концу второй династии в Египте сформировался единый народ. Его богатства непрерывно росли. Страна обрела столицу, администрацию, отряды ремесленников. Прочно утвердился институт царской власти. Все было готово для нового рывка вперед.

Глава III

ДЖОСЕР ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

С восшествием на престол фараона Джосера начинается эпоха Древнего царства. Это XXVII век до н. э., начало третьей династии. Джосер правит с 2640 по 2575 г. или с 2625 по 2605 г. до н. э. Египет вступает в один из самых блистательных периодов своей истории, справедливо названный впоследствии «веком Джосера».

По мнению А. Г. Гардинера, Джосера можно считать истинным основателем третьей династии. Как мы увидим, это поворотный момент в развитии религии, искусства и, вероятно, общественной жизни древнего Египта. Одна незначительная деталь дает представление о том, какую новизну несет эпоха, основоположником которой стал Джосер. В Туринском царском списке имя Джосера можно различить тотчас же. Писец написал его красными чернилами, что само по себе случай исключительный.

Но правде говоря, мало что известно об удивительном царствовании одного из величайших, если не самого великого египетского фараона. Манефон, египетский жрец, составивший царские списки, называет его Тесортосом и уточняет, что с него начинается новая династия. Историки почти ничего не знают о третьей династии. До сей поры остаются загадкой количество даров и порядок их следования. Нет даже уверенности в том, что Джосер был первым фараоном этой династии. Однако как очертания горного хребта из тумана выступают величественные фигуры царя Джосера, его верховного сановника Имхотепа и сказочной красоты архитектурный ансамбль в Саккаре.

Джосер правил объединенным Египтом. Об этом можно говорить с уверенностью, ибо монументальный ансамбль в Саккаре не мог быть возведен без сильной централизованной власти. Верхний и Нижний Египет,

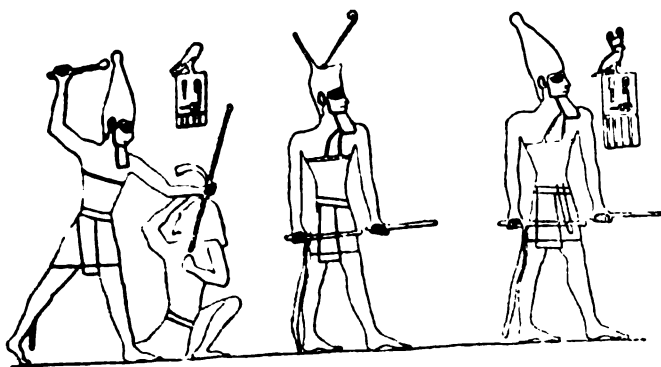
сохранения самобытности и своеобразия уклада, объединяются под двойным венком. С племенными распряями и гражданскими войнами покончено. Весь Египет отразился в личности своего властелина; воцарился и пустил глубокие корни мир внутри страны.

Воспользовался ли Джосер уже сложившейся ситуацией или сам был ее творцом? Ответить на этот вопрос трудно. Одно можно сказать с уверенностью — с приходом Джосера к власти Египет преодолевает всякую рознь между местными кланами. Очевидно также, что и сама личность монарха неотвратимо ведет страну к единству. Стоит только вспомнить выразительное лицо Джосера, известное по статуе из Саккары (мы подробно опишем ее ниже), чтобы оценить силу его натуры, железную волю и врожденную властность, воплощенную в деяниях этого выдающегося фараона.

Властный царь был также и царем справедливым. Его почитали на протяжении всей истории Египта. Последующие поколения сохранили память о нем как о человеке мудром, ученом и сведущем. Говорят, что Джосер написал книги поучений, предназначенные скорее всего для будущих фараонов, чтобы научить их правилам «царского ремесла», помочь усвоить надлежащее отношение к богам и людям.

С личностью Джосера связана сама идея мира. Ни один из фараонов не был лучшим символом устойчивого равновесия цивилизации, обладающей огромной созидательной силой, поглощенной художественным воплощением своего идеала. Век Джосера был веком подлинной мудрости. Даже само его имя многозначительно. По-египетски слово *джосер* означает «чарующий», «восхитительный», «священный». Это имя несет особый, далекий от обыденного смысл. Следует заметить, что имя Джосера не появляется на памятниках, современных его правлению, а лишь много позже, в эпоху Среднего царства. Египтяне называли гениального создателя погребального ансамбля в Саккаре «Джосером Великолепным» и не переставали им восхищаться на протяжении долгих веков. Джосер известен в третьей династии под патронимом *Нечеррет*. Египетские имена всегда имеют глубокий смысл; каждый, кто занимается историей Египта или историей религии, должен изучать их с предельной тщательностью. Этот патроним можно перевести как «бо-

Царь Семерхет (I династия).
Рельефы на скалах в Вади Магхара
(Синайский п-ов)

жественное тела (бога)» или «божественный телом». Как первое, так и второе толкование совершенно ясно. Фараон объявляет себя властелином, наделенным священной силой, возносящей его над простыми смертными.

Сразу предостережем читателя от ошибки: в этом утверждении заключен религиозный, а не «тиранический» смысл. Тело фараона бессмертно, потому что через него осуществляется связь между всем Египтом и божеством. Жребий каждого египтянина связан с судьбой царя. По такой поразительной и глубокой причине правление Джосера посвящено возведению гигантского погребального ансамбля в Саккаре.

Таков ключевой момент этого царствования: создать вечную обитель для укрытия божественного тела.

Прежде чем обратить взоры к Саккаре и ее творцу Имхотепу, уместно задаться вопросом: какими же событиями отмечено царствование Джосера? Откровенно говоря, мы плохо осведомлены на этот счет. Из надписи, найденной в долине Вади Хаммамат, по которой проходил путь из города Коптоса к Красному морю, известно, что фараон посылал экспедиции на Синай. В скалах Вади Магхара на Синайском полуострове вырезаны изображения нескольких правителей, в том числе и Джосера. Он грушевидной булавой поражает распростертого в знак покорности вождя кочевников.

Здесь следует усматривать не конкретное событие, а символ власти Джосера над кочевыми племенами, которые не отваживались более пересекать границы Общих земель и парусить покой египтян. Вероятно, следует также сделать вывод о том, что при Джосере уже разрабатывались медные копи Синая. Как бы то ни было, классическое изображение фараона, повергающего врага, имеет здесь особое значение. Речь идет, разумеется, о победе порядка над хаосом, Джосера Великолепного над темными силами зла.

Еще один факт, хотя он скорее из области легенды, а не истории, настолько значителен, что заслуживает детального рассмотрения. В царствование Джосера разразился страшный голод. К сожалению, об этом нам известно не из современного Джосеру источника, а из надписи на стеле эпохи Птолемеев. Много веков отделяют ее от времен третьей династии. На окраине Египта, на юге острова Сехель, в районе Элефантины, открыта вырезанная на скале стела, названная «Стелой голода». Но вот что удивительно: жрецы, которые высекали текст, датировали его временем Джосера! Нет, они не старались никого обмануть, изготавливая фальшивку. Надо полагать, один из Птолемеев отождествил себя со своим далеким и славным предком Джосером, чтобы придать своей борьбе с голодом священный характер. Можно с равным основанием считать, что так передавался исторический документ — эхо очень давних событий.

О чем же рассказывает «Стела голода»? Джосера одолевает печаль. Он одиноко сидит на троне в своем дворце, погруженный в глубокое отчаяние. Уже семь лет длится засуха. Нил не выходит из берегов и не приносит на землю Египта плодородного ила. Каждому грозит нищета и голод. Слабеют даже самые крепкие, скоро они не в состоянии будут передвигаться. Старики, покорные судьбе, сидят на земле и ждут смерти. Плачут дети. Придворные — и те узнали нужду. Один за другим закрываются храмы. Больше не отправляются богослужения.

«Откуда такая беда?» — спрашивает Джосер. Он обращается к жрецам бога Имхотепа, сына Птаха, мудрейшего из мудрых. Что случилось? Почему навислистый Нил, что божит змеей, не делает своего дела? Жрецы роются в свитках архива храма Тота, что в священном городе Гермополе. Развернув священные

напирусы, они находят драгоценные сведения и сообщают их Джосеру.

Среди вод стоит Элефантина. Это знаменитый город, ибо здесь пребывал бог солнца Ра, когда он решил даровать жизнь. Известно также, что здесь находятся два источника — источники всех благ. Стела сообщает: «Нил предается любви, подпрыгивая, как юноша, оплодотворяющий женщину. Он молодеет, сердце его оживает». Но ежегодное возрождение зависит еще и от Хнума, бога с головой барана, который двумя сандалиями встал на воды реки и прекратил их течение. Если Хнум не поднимет сандалий, поток не освободится, Нил не омолодится и должна будетibirчена на засуху.

Джосер понимает, что бог Хнум прогневался. Он приказывает немедленно совершить очищение, устроить в честь бога шествие, принести в жертву хлеб, пиво, птицу, быков. Затем Джосер засыпает. В сновидении к нему является Хнум и возвещает, что если царь и впредь будет его почитать как подобает, то он уберет сандалии, освободит Нил и вернет разливы. Прислушавшись, Джосер издает указ о почитании бога Хнума. Совершается чудо: благодаря мудрости царя и вмешательству Имхотепа вновь распускаются цветы, возвращается изобилие, голод уходит, земля расцветает, радость поселяется в сердцах людей.

Содержит ли эта легенда исторические факты? Вполне возможно, что в ней заключены воспоминания о распространении власти Джосера на районы первого порога, точнее, на Нубию. Чтобы умилостивить Хнума и вернуть себе его расположение, Джосер принес ему в жертву земли между Асуаном и Такомисо, или Додекасдойном, как называли эту местность греки. Эта территория имеет особый статус на протяжении всей истории Египта; возможно, он был дарован ей еще в царствование Джосера.

Создатель стелы стремился отразить мудрость и благочестие Джосера. Перед лицом самого страшного бедствия, голода, он прежде всего обращается к священнодействиям, а не отдает хозяйственные приказы. Он призывает самых сведуших жрецов и восстанавливает порядок вещей не при помощи мирских дел, а смирив гнев божества, которое было источником несчастья страны. Но при всем своем благочестии Джосер Великолепный не предавался бесплодной ми-

стике Главным делом его жизни, как уже упоминалось, было строительство. И вот, чтобы воздвигнуть ансамбль в Саккаре, царь призвал великого зодчего Имхотепа.

«Он был сведущ в искусстве врачевания,— пишет жрец Мапсифон об Имхотепе,— поэтому египтяне считали его Оскуланом; он первый нашел способ обтесывать камень для памятников; увлекался он и литературой». Имхотеп, верховный сановник и личный друг Джосера Великолепного,— один из величайших гениев в истории человечества. Он совершил настоящую революцию в искусстве, первым среди зодчих дерзнул строить из камня такой великолепный монументальный ансамбль, как Саккара. Надпись, найденная в Вади Хаммамат, говорит, что Имхотеп был сыном Капсифера, «начальника работ севера и юга», иначе говоря, руководителя работ во всем царстве, назначенного самим фараоном. Имхотепу было у кого учиться,— вероятно, он освоил основы ремесла у отца, а также в царских мастерских Мемфиса, столицы Египта.

Камень применялся в царских гробницах и до Имхотепа, но не так широко¹. В мастабы, сложенные из кирпича, закладывали гранитные или известняковые детали. Но это были лишь скромные попытки в сравнении с необычайным творением начальника работ фараона Джосера. Последний посвятил свое царствование возведению грандиозного заупокойного дворца среди бесплодной пустыни. Он призвал мастера Имхотепа, чье имя означает «Тот, кто приходит в мир». Новизна замысла требует новых приемов: Имхотеп изобретает способы резки камня, разрабатывает методы его перевозки и кладки, и все это — с большим размахом.

Предание говорит, что Имхотеп был не только выдающимся зодчим, но и врачевателем, магом, астрологом, писателем и философом. Позднее, в средние века, такие познания будут приписываться многим великим творцам как на Востоке, так и на Западе. Управлять строительством, создавать планы зданий, руководить камнерезами и ваятелями, вырабатывать замысел символического декора памятников мог лишь такой начальник работ, который сам на практике знал все эти искусства. На Имхотепа помимо того были возложены тяжкие административные обязанности при дворе Джосера. Его титулы известны нам из од-

ной волнующей надписи на доколе статуй Джосера, от которой сохранились только ноги. Рядом с именем царя высечены звание его главного соратника, Имхотепа: «хранитель печати царя Нижнего Египта, первый после царя, управитель великого дворца, знатный по наследству, верховный жрец Гелиополя, плотник, ваятель, изготовитель каменных сосудов».

Имхотеп оставил нам описание своей карьеры. Он начал с вырезания сосудов из твердого камня. Много таких сосудов нашли в подземных помещениях Саккары. Затем он становится ваятелем, зодчим, занимает самые высокие религиозные и административные должности. Как чиновник, он был назначен на важный государственный пост — хранитель царской печати, то есть высокопоставленный сановник, который мог принимать решения, определяющие судьбу Египта. Как священнослужитель, он возведен в сан верховного жреца Гелиополя, города бога Солнца, одного из важнейших священных центров. Титулы Имхотепа — одни из самых древних в истории египетской цивилизации. В эпоху Джосера они еще не утратили своего значения; они подразумевали действительную и почти неограниченную власть, как светскую, так и религиозную, которой был облечен Имхотеп, и указывали на его подчиненность непосредственно фараону. Поскольку Имхотеп является также главным судьей, главным смотрителем царских архивов, «распорядителем того, что приносит небо, земля и Нил», «распорядителем» всей страны, верховным магом, держателем свитка с формулами, обеспечивающими действенность ритуалов, можно утверждать, что он исполнял обязанности «визиря». С течением египетской истории визирь станет второй по значению фигурой в государстве, доверенным лицом фараона, наделенным исполнительной властью. Хотя Имхотеп еще не имел титула визиря, он исполнял его функции и определил круг обязанностей этого сановника.

Отдельного рассмотрения заслуживают полномочия верховного жреца Гелиополя. Египетский термин для определения его функций — *ур мау*. Он переводится как «Тот, кто видит Великого», то есть бога солнца Ра, или как «Великий среди видящих»; последнее толкование, по-видимому, наилучшее. Видеть по египетским понятиям означает создавать и воссоздавать мир, уметь распознавать божественные деяния в при-

роде, постичь сияние бога света и воплотить божественный огонь в своих творениях. Великий жрец солнца и света Имхотеп так же, как его господин, фараон Джосер, благочестив до глубины души. Цель его зодчества — не красота. Имхотеп чувствует, что строит нечто более значительное, более важное, нежели гробницу для смертного человека. Творение в Саккаре — «охранная грамота» всего Египта в горнем мире, условие того, что боги и в дальнейшем не оставят страну и защитят ее.

В одной из погребальных камер в Саккаре найден откат цилиндрической печати, трудно поддающийся расшифровке. Похоже, что на отпечатке читается титул «плотник из Нехена» (древнего священного города). Может быть, это скромная подпись гениального Имхотепа, оставшаяся неведомой его современникам?

Слава Имхотепа пережила царствование Джосера. Его авторитет превзошел даже престиж его господина. Много веков спустя, когда арфист царя Интефа пел грустную песню о великих людях прошлого, он среди мудрецов и писателей упомянул Имхотепа: «Я слышал поучения Имхотепа». Увы, эти поучения не сохранились. Имхотеп долго считался покровителем писателей и писцов; прежде чем вырисовывать иероглифы, они проливали несколько капель воды в чашечку для разведения красок, чтоб почтить память своего духовного отца.

Начиная с XXVI династии, правители которой превозносили Древнее царство, создавались бронзовые статуэтки Имхотепа. Он сидит в строгой позе, на коленях его — развернутый свиток папируса. Голова его обрита, он облачен в длинное платье. От его облика веет спокойствием и ясностью. Авторитет его рос с течением времени. Имхотеп был обожествлен, и ему определили специальную коллегию жрецов. Его даже ввели в одну из «триад» (это — поразительная концепция в египетской религии, которая со временем повлияет на христианскую троицу). Имхотеп считался сыном бога Птаха, покровителя ремесленников, и богини Сехмет. Значит, он «бог-сын», и ему поклонялись вплоть до эпохи Птолемеев. В период персидского завоевания, в правление Дария, египтяне чтят память Имхотепа-мастера и приписывали ему план огромного храма в Эдфу в Верхнем Египте. Легенда утверждает, что севернее Мемфиса, столицы Джосера,

е небес упала книга. Имхотеп прочел чудесный фолиант и нашел там план храма в Эдфу.

В честь обожествленного Имхотепа строили храмы и святилища в Карнаке, Дейр аль-Бахри, Дейр аль-Медине, на острове Филе и, несомненно, во многих других местах. Но самым почитаемым его святилищем была часовня в Саккаре. В эпоху Позднего царства греки отождествляли Имхотепа со своим богом медицины Асклепием, известным также под именем Эскулана. Часовня Имхотепа считалась Асклепейоном, больницей, где Имхотеп — Асклепий излечивал больных. В книгах рассказывалось о чудесных исцелениях, что вселяло в страждущих надежду и веру. Ведь искусство египетских богов было самым древним и самым действенным.

Стоит рассказать историю о колдовстве, в которой Имхотепу принадлежит главная роль. Вот о чем говорит магический греческий папирус. Некий писец берется перевести на греческий язык египетскую книгу, посвященную чудесам Имхотепа. Но он ленив. Бог гневается и высыпает четырехдневную лихорадку на его мать. Писец догадывается о причине болезни и молит Имхотепа исцелить мать. Бог является писцу в сневидении и внимлет его мольбам. Но писец по-прежнему не берется за дело с надлежащим рвением. Тогда недуг поражает его самого: писец мучается от боли в правом боку. Имхотеп вновь предстает во сне перед нерадивым с книгой в руке. Упрек безмолвен, но очевиден: писцу следует поторопиться и закончить перевод. Писец славит великого Имхотепа, выздоравливает и, наконец, принимается серьезно трудиться.

Слава Имхотепа была так велика, что его имя встречается даже в герметических² трактатах, в сочинениях по так называемым «окультурным» наукам. Имхотеп, великий маг, стал одним из вдохновителей алхимиков. Посвященная Имхотепу книга греческого алхимика Зосимы из Панополя, труды которого известны на западе, — тому свидетельство.

Британский археолог В. Б. Эмери был уверен, что гробница великого мудреца вырублена в северной части Саккары. В поисках его захоронения он открыл небольшую шахту времен третьей династии, времен Джосера и Имхотепа. Исполненный надежд, он спу-

стился на глубину более десятка метров и обнаружил в подземелье настоящий лабиринт. Там находились тысячи мумий ибисов! Эта священная птица бога Тота связана с Имхотепом, который должен был поклоняться покровителю писцов и магов, богу с головой ибиса. Сам Имхотеп прозывался «ибисом», и священнослужители, связанные с его культом, объединялись в «коллегию Ибиса». Подземный лабиринт был отчасти данью памяти великого мастера.

Гробницу и мумию Имхотепа найти не удалось. Но его главный труд, ансамбль в Саккаре, сохранился, его можно увидеть собственными глазами. Вот и настало время отправиться к погребальному комплексу Саккары, совершеннейшему творению века Джосера Великолепного.

Саккара, так же как Луксор, Карнак, Абидос и Эдфу, — колдовское место, где сохранилась первозданная атмосфера древнего Египта. На этом пустынном плато так ясно слышится биение пульса древней цивилизации фараонов, что внезапно отдаляется Каир и современность, и мы встречаемся с людьми, близкими нам наперекор тысячелетиям. Ступенчатая пирамида Джосера и Имхотепа, священная стена погребального ансамбля, памятники, возносящиеся к небу, воспринимаются как нечто знакомое, как часть собственного внутреннего мира; одного взгляда на эти творения достаточно, чтобы они навсегда запечатлелись в памяти.

Местность Саккара была открыта прусским генералом фон Минутоли в 1821 г. В 1837 г. инженер Дж. С. Перринг начал расчистку, а научные раскопки впервые предпринял немецкий археолог Рихард Лепsius в 1842—1843 гг. В 1851 г. Огюст Мариетт открыл Серапеум, привлекий к Саккаре внимание всего мира. Но раскопки ансамбля Джосера были начаты лишь в 1924 г. под руководством Сесилия М. Ферса. С января 1924 по 1927 г. он занимается расчисткой погребального комплекса и, к своему великому изумлению, открывает кладку фасада из тесаных камней с каннелированными колоннами. В первый момент он даже не мог поверить, что открыл египетское сооружение, и решил, что это греческая архитектура! Но в конце концов Ферсу пришлось таки признать очевид-

ное: действительно, это было строение эпохи фараонов. Французский исследователь Жан-Филипп Лауэр посвятил себя археологическим исследованиям творения Джосера. Он начал работать в Саккаре в декабре 1926 г. и по сей день продолжает неустанно трудиться над ее памятниками.

Ансамбль Саккара расположен в пустыне на границе Ливийского плато, его фасад обращен к возделанным землям и пальмовым рощам, где нашли то немногое, что осталось от славного Мемфиса. Место, избранное Имхотепом, возвышалось над столицей Джосера, поблизости располагался некрополь фараонов I и II династий; этим как бы утверждалась космическая непрерывность в пространстве. Итак, мы с вами оказались в местности, где жизнь не угасала со времен древнего Египта до III в. н. э., о чем свидетельствуют греческие скульптуры этой эпохи.

Граффити³, запечатленные на стенах памятников, свидетельствуют о восхищении последующих поколений творениями Имхотепа. Почти через тысячелетие после царствования Джосера верующие, паломники, писцы приходили в пустыню почтить память великого царя. Они считали, что этот памятник подобен «небу с восходящим на него Ра». Паломники пишут свои пожелания: пусть все прекрасное, чистое, нисходящее с небес, будет принесено в жертву Ка фараона, явится ему в ином мире. Ценное свидетельство оставлено писцом, присутствовавшим на религиозном празднестве в правление Рамсеса II. Он высек такие слова: «Пришел писец Нашуйу к пирамиде Джосера, первооткрывателя камня» (перевод Жана Юайотта). Итак, память о Джосере и Имхотепе с годами не померкла. Им по праву приписывали многие нововведения, и первостепенное значение среди них имело широкое применение камня при возведении одного из самых прекрасных монументальных ансамблей в истории человечества.

Царь — это его творения. Джосер — это Саккара. Здесь он похоронен. Но это не только место его погребения. Сама личность Джосера отождествляется с «зажарованным дворцом» Саккары, где неразсторжимо слиты жизнь и смерть.

Как начинались работы? Имхотеп повелел расчистить от песка и выровнять известняковую площадку.

Затем в камне вырубили шахты глубиной около двадцати пяти метров. Дно их выложили гранитом. В окрестностях Мемфиса не было гранитных карьеров. Залежи превосходного камня находились у первого порога, в восьмистах километрах от Саккары. Но это не было препятствием: каменные блоки доставляли на судах до самого Мемфиса. Никакие технические трудности не останавливают фараона.

Саккара — это прежде всего ступенчатая пирамида. Она расположена в самом центре погребального комплекса, занимающего площадь в пятнадцать гектаров, и является также центром грандиозной мечты Джосера: подняться по гигантской каменной лестнице в небо, добраться по уступам пирамиды до небесного рая, чтобы жить там вместе со своими братьями-богами.

Среди многочисленных и сложных сооружений, задуманных Имхотепом, ступенчатая пирамида тотчас же притягивает взгляд. Под этой пирамидой покоится смертная плоть фараона, на вершине, сливающейся с небом, пребывает его бессмертное тело и, как немеркнущая звезда, озаряет грядущие поколения.

Погребальный комплекс окружен высокой стеной. Длина ее — более полутора тысяч метров, высота — почти одиннадцать метров. Приблизительно через каждые четыре метра однообразие стены нарушается выступающими бастionsами с ложными двустворчатыми дверьми. Ритмичное чередование выступающих и углубленных поверхностей придает этому сооружению сходство с «фасадом укрепленного дворца». Возможно, Джосер хотел воспроизвести знаменитую «белую стену», построенную Менесом в Мемфисе. Таким образом фараон одновременно отдает дань уважения самому знаменитому своему предшественнику и прославляет единство Общих земель.

Можно вообразить, что издала укрепленная стена Джосера казалась белым хребтом, оживляющим однообразие пустыни. Сверкая на солнце, она зримо воплощала вечную сущность фараона на земле людей.

Самым знаменательным свершением можно считать рождение такой архитектурной формы, как пирамида. Впервые в истории Египта зодчий создал столь монументальный, мощный, своеобразный памятник. Пирамида неотделима от строгих очертаний ансамбля Джосера. Собственно говоря, в какой-то момент строительства горизонтальная линия степи возвысилась над

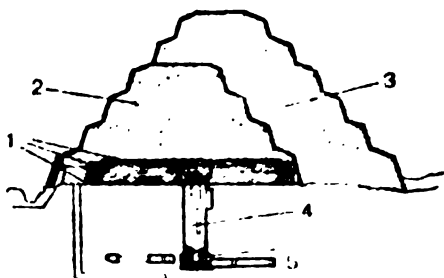
классической мастабой — это термин означает «скамья» (аркаб) — гробницей фараона. Джосеру и Имхотепу стало ясно, что здесь требуется вертикаль, символизирующая влечет к горнему миру. Горизонталь стены должна была уравновешиваться вертикалью другого архитектурного объема — пирамиды.

Ступени, или уступы, пирамиды — это одновременно и поставленные друг на друга мастабы, и ступени лестницы, ведущей от земли к небу. Зодчий сумел преодолеть вес камня, как бы оторвать его от земли. Создается впечатление, что тяжесть не препятствие, а условие стремления ввысь. С рождением пирамиды Египет ломает тесные рамки первобытной цивилизации и вступает в мировую историю.

Чтобы приблизиться к пирамиде, нужно прежде всего войти во владение Джосера. Представим себе оградительную стену в первоначальном виде. Она вся опочинилась бастионами, а ложные двери как бы манят войти, но это лишь обман зрения. Единственный вход находится в южном углу фасада, он вырублен в массивной двери и слишком мал для такого гигантского комплекса: шесть метров в высоту и один метр в ширину. Никаких запоров. Парадокс поистине ошеломляющий: фортификационные сооружения выстроены с расточительной роскошью, а защита входа лишь его малая ширина.

Постепенно осознаешь, что великое творение Джосера создано не для смертных. Лишь душа может проникнуть сквозь эту щель. Проходя через «дверь», испытываешь глубокое волнение. Невзирая на солнце и яркий свет, излучаемый богом Ра, чувствуешь: здесь проходит граница иного мира. Для Джосера это был порог потустороннего бытия, поставленный на земле живых.

Колдовское очарование Джосера и Имхотепа пережило века. Вопреки разрушениям, вопреки всему, что разделяет нас с великим царем третьей династии, по его владениям продвигаешься с почтительным изумлением перед новым, захватывающим, тревожным миром. Войдя, оказываешься в великолепной колоннаде длиной пятьдесят четыре метра. Ее примитивное каменное перекрытие (это первое из известных сооружений такого типа) опирается на сорок колонн. Колонна — символ влечет. От самого входа доминируют вертикальные акценты. Они все нарастают и, наконец, до-

Предполагаемые изменения
при строительстве пирамиды
Джосера в Саккаре.

- 1, 2, 3 — стадии строительства;
4 — шахта;
5 — погребальная камера

стигают полной силы в развернувшемся перед глазами зрелище, когда, миновав небольшой зал и подобие открытой двери, попадаешь в громадный двор с южной стороны пирамиды. Юго-западный угол стены увенчан фризом из разъяренных кобр. Силуэты змей в угрожающих позах четко вырисовываются на фоне голубого неба и поистине завораживают. Это вовсе не символ зла. Кобры (урси) должны отпугнуть вредоносные силы, которые могли бы изменить посмертный жребий фараона. Да позволят нам боги не нарушить его покой своим приходом. Вспомним, что иероглифические знаки, начертанные на камнях, считались живыми. В текстах, высеченных на стенах помещений внутри пирамид V и VI династий⁴, жрецы позаботились, чтобы опасные животные, рептилии и насекомые были рассечены надвое и не попадали на царя.

Приближимся к шестидесятиметровой пирамиде, составленной шестью уменьшающимися ступенями. Основной конструктивный элемент пирамиды — мастаба совершенно особой формы, с квадратным основанием. Уже при замысле монумента Имхотеп освобождается от традиций прошлого и проявляет свой новаторский гений. Четыре стороны мастабы, длиной приблизительно шестьдесят два метра каждая, ориентированы по сторонам света. В этом следует усматривать сакральный смысл, стремление выстроить памятник в гармонии с космическим порядком. Подобные идеи характерны для гелиопольского религиозного учения, а ведь ему

покровительствовал Джосер, и Имхотеп был одним из верховных жрецов Гелиополя.

Эта первая в египетской истории пирамида потрясает своей первозданной силой. В ступенчатой пирамиде Джосера все едино, монолитно. В литературе часто повторяется гипотеза, которая в некоторых учебниках по археологии возведена в непреложный закон: будто бы план памятника претерпел множество изменений. Имхотеп якобы сначала выдвинул один проект, затем изменил его. Но нужно признать, что это предположение, хоть и позволяет дать некоторые технические объяснения, вовсе не убедительно. То, что известно о Джосере и Имхотепе, не склоняет к мысли считать их неискренними творцами, колеблющимися, не ведающими, чего хотят. Нет, ступенчатая пирамида задумана такой с начала строительства. Стремление ввысь отвечало религиозному идеалу единения с небом, откуда явился фараон.

Есть небо, есть земля, и есть подземный мир. В него-то мы и проникнем, знакомясь с расположенными под пирамидой погребальными покоем Джосера. Когда, спустившись на глубину двадцати восьми метров, Лауэр впервые нарушил тишину этих мест, он обнаружил настоящий город-лабиринт. В него входят усыпальницы царя, склепы подданных, усыпальница царицы и царских детей, галереи, проходы, разного размера помещения. Это настоящий город из вечного камня. Археологические исследования еще не могут дать к нему всех ключей. Мы пока не в силах полностью объяснить это сложное архитектурное сооружение. Тем не менее есть некоторые ориентиры, дающие возможность проникнуть в замыслы Джосера.

Замечателен декор некоторых погребальных помещений. Внимание привлекают голубые фаянсовые плитки, имитирующие переплетенные стебли тростника. Они подобны тем, что украшали стены царского дворца в Мемфисе. Зодчий Имхотеп как будто хотел воспроизвести в камне растительный мир — тростник, пальмы. Камень здесь как бы меняет суть вещей, преобразует тленное в нетленное. Подтверждением тому служат комнаты, где находится пища — хлеб, фрукты, колосья, чечевица, виноград, плоды сикомора. Царю навечно обеспечивается пропитание. Он вкушает не

реальную пищу, а ее поматериальную сущность. Еще одно указание — присутствие в декоре символа *джед* — столба с четырьмя горизонтальными перекладинами в верхней части. Такая опора — символ прочности, долговечности. Он особенно уместен при создании пирамиды, предназначенной сохранить вечную жизнь фараона.

Помещения усыпальницы одновременно принадлежат и земному и потустороннему миру. Земному — потому что они существуют, потому что они вырублены в камне. Иному — потому, что испещрены ложными дверьми и окнами, фальшивыми отверстиями. Впрочем, они фальшивы лишь с нашей, мирской точки зрения, а души праведные беспрепятственно движутся в этом городе, погруженном в такую голубиану, что кажется будто само небо спустилось под землю.

Нас ожидает чудесное открытие — фараон Джосер обитает в своем подземном владении. Это не физическое присутствие его мумии, от которой найдена только одна нога. Джосер живет на стенах, он совершает ритуальные действия. Вот изображение бегущего царя: мощные мускулы, в одной руке — *бич-флагеллум*, в другой — *мекеш*. *Флагеллум* — знак царской власти, а *мекеш* — футляр,местилище «завещания» богов, в котором они вручают фараону землю Египта, чтобы тот даровал ей счастье и процветание. Бег Джосера — ритуальный момент праздника *сед*. Во время этой церемонии жрецы, олицетворяющие богов египетских областей, собираются вокруг фараона, чтобы дать ему силу и мощь. Египтяне считали, что энергия фараона истощается после определенного срока правления. Джосер, возрожденный богами, бежит, чтобы показать, что он снова силен и способен царствовать. Во время праздника *сед* (*зех-сед*) царь восходит на трон Верхнего Египта в белом венце и на трон Нижнего Египта в красном венце. Для этого ритуала есть специальный «павильон». В Саккаре обнаружен помост с двумя лестницами, что соответствует двукратному появлению царя, символизировавшему объединение севера и юга. Память об этом событии представлялась Джосеру столь важной, что эта тема отражена и в подземных помещениях, и в наземных сооружениях. Несомненно, Джосер хотел учредить для себя вечный праздник *сед*, обеспечить бесконечное обновление своих сил. Впоследствии некоторые цари довольствовались лишь ве-

жизненными секретными на эту тему. А вот Джосер
жизни выстроит громадный монументальный ком-
плекс. Комплекс поразительный.

Еще одна загадка затрудняет понимание роли под-
земной «жилища» Джосера. Фараон приготовил себе
две усыпальницы. Одна из них находится под пирами-
дой, а другая под южной стеной на расстоянии двух-
трех метров от мумии. Южная гробница в точности
имитирует склеп, расположенный под пирамидой; в ней
также есть изображение Джосера, исполняющего те
же ритуалы. Только религиозные мотивы могут объяс-
нить такое странное расположение гробниц. Египтяно
испытывали сложность человеческой сущности. Они знали,
что человек состоит из таких различных субстанций,
как энергия, мощь, сердце-сознание, тень и так далее.
Одна из гробниц Джосера предназначена, вероятно,
для той его сущности, что можно назвать смертным
телом, а другой склеп оставлен для его «нематериаль-
ного» тела. Нужно отметить и другие интересные на-
ходки. В помещениях обнаружены два алебастровых
арифага, один из них хранил останки ребенка, воз-
можно дочери Джосера. Еще один саркофаг — шедевр
стальной работы, частично покрытый листовым золо-
том, прибитым золотыми же гвоздями. А каково было
удивление археологов, когда они обнаружили в неко-
торых комнатах немыслимое количество сосудов из
твердых пород камня! Их насчитывается по меньшей
мере сорок тысяч. Они вырезаны из алебастра, шифера,
известняка, доломита, гранита и других минералов. На
большой части из них выгравированы имена фараонов
I и II династий и других великих людей. Один из со-
судов выделяется из общей массы и дает ключ к одной
из загадок погребального комплекса: он служил для
хранения текста с пожеланием Джосеру миллиона
президентов сед, иначе говоря, вечного обновления
царствования.

Эта коллекция сосудов имеет магический смысл.
Джосер отдавал дань фараонам, которые ему пред-
шествовали. Он хранил память о них в своем вечном
саркофаге, а предки в ответ даровали ему бессмертие.

Теперь мы идем из подземного царства и вернемся
на землю. Здесь особенно привлекают внимание два
архитектурных сооружения с выпуклыми кровлями,

«Дом севера» и «Дом юга». Они соответствуют Обоям землям Египта и играют роль в обрядах праздника *sed*, для которого был задуман сложный ансамбль монументальных сооружений внутри ограды. Обращают на себя внимание также колонны, предвосхитившие греческие дорические, что появятся только через два тысячелетия.

Если пройти во двор сердаба⁵, к восточной части северного фасада ступенчатой пирамиды, переживешь сильное волнение. В сердабе, непроницаемом для света помещении, нас ждет Джосер. Здесь он застыл навеки, воплощенный в поразительной каменной статуе. В наше время оригинал, хранящийся в музее Каира, заменен копией. Но изображение фараона не утратило своей силы. Сердаб на самом деле не совсем темное помещение. Две щели, прорубленные в одной из стен, позволяют Джосеру созерцать мир живых. Он как будто помещается внутри каменного куба, в зазеркалье, и наблюдает за течением человеческой комедии, вдохновляя советами тех, кто ищет мудрости.

Джосер облачен в длинную ритуальную одежду, из-под нее выглядывают лишь руки да ноги. На голове надет клафт, головной убор из плиссированной ткани. У фараона накладная борода, которая сама по себе считалась божеством. В медные глазницы были вставлены глаза из горного хрусталя. Они не сохранились, и все же Джосер глядит. Взгляд оживляет его необычайно суровое лицо с выступающими скулами. Подчеркнута священная поза фараона — левая рука спокойно лежит на бедре ладонью вниз, а правая сжата в кулак и прижата к груди. Образ потрясает до глубины души. Перед статуей Джосера чувствуешь, в какой мере фараон был воплощением хрупкого единства человека и бога.

Вероятно, внутри ограды были и другие статуи фараона, но сохранился лишь сказочный шедевр сердаба. Упомянем еще о трогательных остатках скульптурной группы, от которой сохранилось только четыре пары ног. Сравнивая их с произведениями тех времен, можно предположить, что памятник изображал Джосера, его супругу и двух дочерей.

Долгое время Джосера считали выходцем из Среднего Египта. Причиной тому послужило открытие гроб-

яны в районе Абидоса, где были найдены отпечатки
чмени фараона. Быть может, в этом месте была при-
готовлена первая усыпальница царя? Уже доказано,
сколь убедительны аргументы в пользу этой версии.
Деятельность Джосера связана с развитием Мемфиса,
важнейшего центра Древнего царства. К тому же су-
ществовало четкое различие между уровнем жизни
в столице и в провинции.

Легко понять, что создание заупокойного ансамбля
в Саккаре — главное дело жизни фараона. Однако из-
вестно, что Джосер построил небольшое святилище в
Гелиополе, совсем близко от Мемфиса. От него оста-
лись лишь руины. Но на одной из них сохранился
особый титул фараона. Джосер назван «золотым солн-
цем». Так засвидетельствована его причастность к со-
лярному космическому религиозному учению Гелио-
поля.

На другом фрагменте царь изображен сидящим,
он одет в большой ритуальный плащ. Фигура фараона
огромна по сравнению с размерами его жены и двух
дочерей. Царица нежно держится за лодыжку своего
супруга. Это изображение превозносит значение
семьи, идеала, глубоко укоренившегося в сердцах
египтян.

Из эпохи третьей династии помимо Имхотепа из-
вестны и другие великие люди. Это Хесира, чья гроб-
ница хранит великолепные рельефы, Беджимес —
строитель кораблей, чья статуя находится в Бритап-
ском музее и изображает человека сурового, искусного
в ремесле, с толом в руке; чиновник Сепа и его жена
Несет, составляющие очень почтенную чету: он с длин-
ным посохом в правой руке, она в облегающем платье
с треугольным вырезом и тяжелыми браслетами на
звеньях.

Нужно заметить, что все эти вельможи, люди,
пальчавшиеся расположением Джосера, были «ра-
ботниками», строителями, ремесленниками. Они дока-
зали свои способности конкретными делами; они были
неутомимыми деятелями.

Египет Джосера не был наводнен чиновничеством.
Не случайно в эпоху, когда главной ценностью было
твердство, на первый план выдвигается образ Имхоте-
па-мастера.

Сказки папируса Весткар воскрешают образы нескольких великих фараонов. Лакуна в папирусе, увы, не позволяет познакомиться с рассказами времен царствования Джосера. Но можно прочесть волшебную сказку, действие которой происходит во время правления фараона Небка, вероятно непосредственного преемника Джосера. Эта история дает очень интересный очерк нравственности общества той эпохи.

Фараон пожелал отправиться в храм Истаха в Мемфисе. Он встречается с влиятельным жрецом по имени Убаинер и удерживает его у себя семь дней, откладывая на этот срок визит в храм. Без сомнения, им было о чем поговорить. Неделю жреца нет дома, а тем временем его жена влюбляется в простолюдина из города и обещает подарить ему красивые одежды. С помощью своей служанки она заманивает мужчину к себе. В ее роскошном саду есть беседка для отдыха и пруд. Простолудин и распутница проводят там сладкие мгновения, купаются, предаются радостям любви. Садовник жреца возмущен. Он покидает дом и сообщает хозяину обо всем, что произошло в его отсутствие. «Принеси мне ящик из эбенового дерева и золота», — приказывает слуге его господин. В ящике лежат воск и волшебная книга. Жрец-чародей лепит из воска крокодила и произносит магическое заклинание: да будет тот, кто искупается в пруду при его доме, схвачен ожившим крокодилом. Он отдает садовнику фигурку и велит бросить ее в пруд, когда туда войдет простолудин.

Вернувшись в имение, садовник негодует еще сильнее. Неверная жена решила привлечь к своим нечистым любовным утехам с горожанином еще и служанку⁶. Когда простолудин собрался искупаться, чтобы освежиться и передохнуть, садовник выполнил приказ. И тотчас совершается волшебство: восковой крокодил превращается в чудовище длиной три с половиной метра, хватает простолюдина и тащит на дно водоема.

В это время жрец-чародей возвращается домой вместе с фараоном. «Да соблаговолит твое величество пойти взглянуть на чудо великое, свершившееся во времена твоего владычества». Жрец окликает крокодила и приказывает: «Принеси простолюдина!». Фараон поражен размерами чудовища. Чародей хватает кроко-

дьяла, и тот в его руке вновь превращается в восковую фигурку. Жрец объясняет фараону, что произошло.

Фараон выносит ужасный приговор: пусть крокодил вновь станет настоящим и унесет соблазителя в глубь вод, а неверную жену пусть сожгут к северу от дворца и пепел бросят в реку⁷.

Даже сделав скидку на поэтические гиперболы, свойственные сказке, можно сказать, что в век Джосера не шутили с такими важными нравственными ценностями, как супружеская верность.

Прежде чем расстаться с Джосером Великолепным, бросим прощальный взгляд на Саккару, одно из самых совершенных воплощений человеческого духа. Хоть это и погребальный ансамбль, все здесь животворно, все дышит молодостью цивилизации, страстью к открытиям и новизне. Действенность магии — это не пустые слова. Джосер выдержал испытание временем. Он вдохнул в Египет жизнь, которая не угасала несколько тысячелетий. Он создал пирамиду, самую чистую и совершенную форму из всех архитектурных озарений человечества.

Как волнует стремление Джосера нерасторжимо соединить божественное и человеческое! В Саккаре он строит усыпальницу, но воспроизводит в ней свой царский дворец, место земного существования. Он применяет камень, самый непроницаемый материал, но делает его пропиаемым для таинственных перемещений души. Не забудем также, что Саккара — место празднеств. По нашему мнению, египтологи обратили недостаточное внимание на такое назначение ансамбля. Сейчас каждый знает, что погребальный ансамбль Джосера предназначался в основном для вечного празднования *теб-седа*. Но не пужно ограничиваться этим незамысловатым утверждением. Вспомним жизнерадостность, атмосферу веселья древнего Египта, многокрасочность, ликование народа, песни, смех, танцы. В Саккаре смерть — праздник, ибо смерти нет. Разве «Тексты пирамид» не начинаются такой необычайной формулой: «О царь, ты не ушел мертвым, ты ушел живым»?

Джосер и впрямь «не ушел мертвым», не канул в небытие. Он воплотил свою жизнь в камне. За фасадами заботливо сложенного погребального дворца не осталось ничего, кроме нагромождения обломков. Когда же заходишь за ограду, попадаешь в зазеркалье, в мир духа, в реальность вечного праздника.

Глава IV

СНОФРУ-СТРОИТЕЛЬ

Около 2575 г. до н. э. фараон по имени Снофру основал IV династию. Его правление продолжалось до 2551 г. до н. э. Стало быть, он царствовал двадцать четыре года, а может быть и дольше. К сожалению, о личности этого фараона сохранилось чрезвычайно мало сведений. Можно лишь предполагать на основании многих данных, что Снофру был величайшим строителем в истории Египта и что его правление сочетало гигантское строительство, дух миролюбия и гармоническое экономическое развитие.

В памяти египтян Снофру останется добрым царем, благородным монархом. Не его ли называли «царем-благодетелем всей страны»? Это особое, исключительное определение. Имя Снофру входит в состав названий многих мест. Спустя века, в эпоху Среднего царства, его популярность все еще будет велика. Ему поклоняются, как божеству. Он умел быть простым с приближенными и придворными, называл их «мои товарищи», «мои друзья». Его обожествовали на Синайском полуострове, в бирюзовых копях, где он облегчил условия труда. Первый фараон IV династии олицетворяет золотой век, когда власть царя была неотделима от его доброты. Еще живо свидетельство спокойствия страны — пирамиды Снофру.

Жизнь Снофру потонула в тумане прошлого — счастливые царствования, как правило, не имеют истории. Но его созидательная деятельность в области архитектуры еще доступна нашим восхищенным взорам. Снофру был гениальным творцом. Он создал тип пирамиды с гладкими гранями и воздвиг три таких гигантских памятника. Одна из пирамид, самая древняя, находится в Медуме, а две в Дахшуре. Возможно,

религиозная основа эконоики, центром которой был фараон.

В царствование Снофру управление Египтом вверено «премьер-министру» — верховному сановнику, которого обычно называют визирем. Визирь — глава исполнительной власти, первая фигура в государстве после фараона. Он руководит множеством канцелярий, отвечает за правосудие и заботится о надлежащем его отправлениях, осуществляет контроль за финансами, сельским хозяйством, крупными работами, войском, царскими архивами, документами на право владения и самыми различными договорами. Визирь носит священные титулы, например «жрец Маат» (мировой гармонии) или «великий среди пятерых в жилище Тот» (обозначение его учености), и постоянно сотрудничает с царем.

Визирь — воля царя, его глаза и уши. Его пост, вне всякого сомнения, тяжкое бремя. Эта должность существовала, конечно, и до правления Снофру, но поле деятельности визиря четко определяется только в его время. Вероятно, прилагая свой созидательный гений в этой области, как и во многих других, царь очертил круг обязанностей этого сановника. Монарх и визирь — две главные пружины в механизме царства. Все основные решения исходят от них. Каждое утро обсуждают они дела державы, а затем приступают к своим трудам, не оставлявшим много времени для досуга.

В правление Снофру почти не было войн. Было предпринято несколько походов в Нубию и Ливию, но это скорее набеги, а не военные кампании. Как положено, в надписях в честь царя говорится о тысячах пленников и значительных трофеях, при этом особое внимание уделяется захвату скота (обычно указывается количество голов). Снофру предпринял поход на Синайский полуостров, чтобы усмирить мятежных бедуйнов. Имеются изображения царя, убивающего врагов, отвечающие канонам египетской символики на эту тему. Короче говоря, все сведения носят традиционный характер, и установить степень их «исторической достоверности» невозможно.

Зато доподлинно известно о многочисленных и хорошо организованных торговых экспедициях. Помимо

трех пирамид царь строил храмы, крепости, дома, корабли. Мастерские ваятелей работали в полную силу. Для успешного хода строительства необходимо хорошо налаженное хозяйство, транспорт, который вовремя доставляет строительный материал, развитое ремесло. Например, известно, что только за один год сорок больших кораблей доставили в Египет значительное количество дерева *аш*. Так называли многие породы хвойных деревьев, которые по приказу фараона привозили из Ливана в Библа¹. Снофру начал также использовать природные богатства Нубии. Он совершил в эту страну несколько походов, в которых войско фараона показало свою силу, и Нубия подчинилась Египту.

У Снофру был очень изысканный двор. Уверенность в этом дает великолепная мебель, найденная в усыпальнице супруги фараона, царицы Хетепхерес. Захоронение царицы, расположенное возле большой пирамиды, оказалось нетронутым. Нам остались в наследство спальня, где находилась кровать на ножках в виде львиных лап, деревянное изголовье, кресло с растительным декором. Все вместе оставляет впечатление одновременно прочности и изысканности, являющихся главными чертами этого золотого века.

Прелестное литературное произведение, одна из сказок пашируса Весткар, позволяет нам проникнуть в личные покои дворца Снофру. Правила такого типа литературы требуют представлять фараона в обыденной, даже прозаической, манере. Так мы узнаем, что Снофру бесцельно бродит по дворцу, не зная, как разогнать скуку. Он посылает за ученым, умудренным в магии жрецом-чтецом Джаджаеманхом. Чародей находит лекарство от хандры. Он советует царю отправиться на озеро близ дворца и покататься в ладье вместе с очаровательными юными девушками. Он будет любоваться видом полей и зеленых рощ и развеет грусть, глядя, как гребут красавицы. Такая идея показалась царю привлекательной. Приносят обитые золотом весла из эбенового дерева, приводят двадцать сказочно прекрасных женщин с крепкими грудями и выцветшими в косы волосами. Они снимают одежды и переодеваются в платья из мелкоячеистой сети, которые подчеркивают все их прелести.

Прогулка начинается весело, у всех прекрасное настроение. Царь оценил прелестных спутниц, и его грусть быстро развеялась. На корме ладьи одна из красавиц забавляется со своей косой. Тут-то и случается несчастье. Девушка вдруг прекращает править и умолкает. Сидящие рядом подруги тоже бросают весла. Царь обеспокоен. Девушки объясняют, что произошло. «Старшая» среди девушек-гребцов, та, что правила ладьей, уронила в воду драгоценность, которой очень дорожила. «Пусть тебя это не тревожит,— возражает фараон,— я подарю тебе другое украшение, лучше прежнего». И велит продолжать прогулку. Но безутешная девушка отказывается. Ей нужна только ее драгоценность, и никакая другая. Такое упорство обезоруживает даже самого фараона. Уж раз так случилось, то остается одно — вновь позвать чародея, что посоветовал прогулку на ладье. Джаджаеманх приходит, и царь объясняет ему, в чем дело. Мудрец не смущается. Невозможно найти вещьцу «вслепую», посылая за ней ныряльщиков. Проще произнести магическое заклинание. Результат поразителен: Джаджаеманх колдовскими чарами поднимает одну половину вод озера и кладет ее на другую. Поиски становятся много легче. Злополучная безделушка, подвеска в виде рыбки, тут же нашлась. Чародей кладет воды на место, девушки снова начинают грести, и прогулка продолжается.

В этой сказочке кроется, как показал Филлип Дершен, сложная религиозная символика. Это, как правило, свойственно большинству египетских сказок. Девушки-гребцы — не женщины легкого поведения, а жрицы богини Хатхор. Вмешательство жреца-чтеца, искусного в священном колдовстве придворного чародея, наводит на мысли о знаменитом чуде с Красным морем², хотя более тесные параллели проследить невозможно.

Снофру, озабоченный будущим страны, обратился к пророку по имени Неферти. Прозрев мыслью четыре века, мудрец рисует апокалиптическую картину. Сметая все на своем пути, азиаты захватят Обе земли. Храмы будут лежать в руинах, Нил и каналы пересохнут, царский дворец опустеет, солнце затмится. Но к счастью, явится избавитель, освободит Египет от

чуждого ярма и восстановит порядок. Он, как и Снофру, которого потомки назовут царем-благодетелем, даст своему народу изведать золотой век.

Текст, куда входит этот рассказ, называется «Пророчеством Неферти»³. Он описывает волнения Первого переходного периода в истории Египта, между падением Древнего и началом Среднего царства, и приход к власти его первого фараона Аменемхета I. Как считают египтологи, пророчество написано уже после событий, а не до них, но примечательно, что откровения сделаны Снофру. Между Снофру и Аменемхетом I много общего. Царствования обоих фараонов знамениты. Они правят спокойной богатой страной. Цари сильны и добродетельны. Но Снофру запомнят в основном как строителя. Он навсегда останется в памяти потомков творцом трех пирамид, сыном Египта на вершине счастья — счастья жить и созидать.

Глава V

ХУФУ, ХАФРА И МЕНКАУРА, ИЛИ ЦАРСТВО ГИГАНТОВ

Хотя источники дают очень мало сведений, очевидно, что при Снофру Египет достиг необычайного процветания. Царю золотого века наследуют три гиганта: Хуфу (Хеопс), Хафра (Хефрен) и Менкаура (Микерин)¹. Три завораживающих имени, три царя, три личности, много сделавшие для славы древнего Египта, увековеченные в одном из самых прекрасных мест мира, связанных с археологией, — плато Гизе. Там возвышаются три их пирамиды. Этот ансамбль — единственное уцелевшее чудо из семи чудес света.

Хуфу венчался на царство около 2552 г. до н. э. Менкаура умер, вероятно, в 2474 г. до н. э. В течение восьмидесяти лет Египет величав и безоблачен. Он строит. Он несокрушим, как его вечные камни, и воодушевлен единой истинной верой в своих царей-богов, в их пирамиды, эти окаменевшие светочи, поднимающиеся к небесам. Человечество достигает таких вершин, каких ему больше не суждено узнать никогда. Надо сразу развеять глупый миф о тысячах рабов, изнуренных жарой, со спинами, исполосованными бичом, поднимающих под надзором жестокого надсмотрщика камень за камнем на кладку. К сожалению, такая извращенная и жалостливая картина до сих пор путешествует по многим трудам. Тот, кто имеет представление об эпохе строительства пирамид, знает, что их возводили гениальные мастера, знатоки своего дела, каменотесы, геометры, специалисты по подъему тяжестей. Вероятно, никто и никогда не сравнялся с ними в этих искусствах. Пирамиды не могли быть построены рабами «из-под палки». Совершенство этих памятников исключает всякий подневольный, бездумный труд. Вспомним, что Снофру, построивший три пирамиды, слыл добрым царем и никогда не считался

тираном. Объем двух его пирамид в Дахшуре достигает более трех миллионов кубических метров, то есть больше, чем кубатура великой пирамиды, приписываемой Хуфу. Повседневная жизнь рабочего люда в царствования Хуфу, Хафра и Менкаура нам доподлинно известна: сены в мастабах, гробницах знати, показывают не подневольных людей, а трудолюбивый и счастливый народ. Что касается отрядов ремесленников, как таковых, считается, что они были организованы по тому же принципу, что и корабельные экипажи². В отряде господствовала жесткая подчиненность, что обуславливало ритмичную работу стройки. Как и при строительстве соборов в средние века, существовало четкое разделение между небольшим числом искусных мастеров и массой поденщиков.

Плато Гизе, где возвышаются три самые большие египетские пирамиды.— святое место. Оно зовется «вершиной». Три пирамиды, три восхитительных памятника, составляют вместе со сфинксом нерасторжимый ансамбль³. Вот почему о трех фараонах, оставивших в наследие потомкам такие шедевры, говорится в одной главе.

Египетское имя царя Хеопса, Хуфу, означающее «Тот, кто (бог) защищает меня», иногда толкуется как «Хнум (бог с головой барана из Элефантины), тот, кто защищает меня». Почему-то сохранилось лишь одно изображение строителя великой пирамиды. Эта маленькая статуэтка девяти сантиметров высотой хранится в Каирском музее. Царь изображен сидящим на троне в набедренной повязке и красном венце. В правой руке он держит бич-флагеллум, лицо его строгое и волевое, но легкая улыбка смягчает суровое выражение.

Почему же нет больше ни одного портрета величайшего египетского строителя? Некоторые ученые хотят видеть в этом ненависть народа к фараону. Такое объяснение неприемлемо. Сохранились же многочисленные портреты Эхнатона, которого, как никого другого, осуждали и ненавидели многие его преемники. Хафра также сливает тираном, однако его изображали часто. По правде говоря, нам неизвестно, отчего так скудна иконография Хуфу. Особенно загадочно отсутствие археологических свидетельств. Исторических

данных о царствовании Хуфу (2551—2528 гг. до н. э.) тоже очень мало. Известно, что он защищал коши Синая от набегов бедуинов, покровительствовал храмам Дендеры в Среднем Египте и Бубастиса в Дельте. Его матерью была Хетепхерес, об усыпальнице которой упоминалось в предыдущей главе. Тайна непо потревоженного склепа царицы до сих пор не разгадана: в алебастровых сосудах найдены ее внутренности; мумии же в саркофаге не оказалось. Здесь невозможно заподозрить грабителей могил, как это было во многих случаях с погребениями Древнего царства.

Откуда же пошла столь дурная слава Хуфу? На этот вопрос мы можем с уверенностью ответить: его память замарали греки, в частности Геродот. Без сомнения, источником сплетен греческому «очеркисту» послужила египетская литература эпохи упадка, направленная против фараонов. Грек с удовольствием пересказывал сомнительные анекдоты. По его мнению, Хуфу довел Египет до нищеты. Геродот пишет: «Прежде всего он запер все храмы и воспретил египтянам приношение жертв, потом заставил всех египтян работать на него... Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил в публичный дом родную дочь и обязал ее зарабатывать определенную сумму денег; сколько именно, мне не говорили. Дочь зарабатывала столько, сколько требовал ее отец, а для себя решила построить памятник» (Геродот. История, II, 124—126. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888). Во всем этом нет ни слова правды. В действительности культ Хуфу, как и культ Хафра, существовал приблизительно двадцать пять веков, ибо надписи, где упоминается имя строителя великой пирамиды, встречаются даже в памятниках времен Александра Македонского.

Хуфу, как большинство фараонов, сведущ в науках. Он живо интересовался священной историографией Египта, старинными религиозными документами, искал точное число тайных покоев Тота, бога писцов. Он также обнаружил план храма времен полубогов, служителей Хора, правивших до Менеса. Поместив замечательную находку: по этому плану был построен изумительный храм в Дендере. Алхимики приписывали этому царю с любознательным и глубоким умом некоторые герметические тексты.

Сказка помогла нам узнать Снофру, сказка позволяет нам проникнуть во дворец фараона Хуфу, в его атмосферу, одновременно как бы и знакомую и сверхъестественную. Сын Хуфу, мудрец Джедефра, рассказывает царю, что на египетской земле живет чудесный волшебник. Фараон не знает этого чародея. Зовут этого удивительного человека Джеди. Он живет близ пирамиды Снофру в Медуме, в городе, что носит имя «Снофру вечен». Джеди такой необыкновенный человек, что за день съедает пятьсот хлебов, полбыка и выпивает сто кувшинов пива, хотя лет ему сто десять. Возраст чародея не случайно указан с такой точностью: по представлениям древних египтян это пора мудрости. Джеди знает точное число тайных покоев бога Тота, умеет укрощать львов и приращивать отрезанные головы.

Такие сведения не оставляют Хуфу равнодушным: ведь он стремится узнать точное число крипт Тота, чтобы воспроизвести их в своем поминальном храме. Он повелевает сыну отправиться за чародеем и привести его во дворец. Сын фараона садится в носилки и добирается до дома мага. Того в это время умащают мазями, растирают ему ноги. Царевич-наследник, помогая старому мудрецу подняться, говорит: «Я прибыл сюда, дабы пригласить тебя ко двору отца моего». Джеди соглашается явиться к Хуфу.

Перед лицом властелина он произносит: «Меня позвали, и я пришел». Царь восхищен чародеем. Его особенно интересует одно из чудес: «Правду ли говорят, будто ты можешь соединить отрезанную голову с туловищем?» — спрашивает царь. «Могу, о царь, да будешь ты жив, невредим и здоров», — спокойно отвечает чародей. Не стоит и говорить, что Хуфу хочет в этом убедиться. «Пусть принесут из темницы тело безглавного узника и голову его», — повелевает фараон.

Джеди, не колеблясь, воспротивился царской воле и заступился за несчастного. Он произносит слова, которые трогают до сих пор: «Нет, владыка и господин мой, да будешь ты жив, невредим и здоров, только на человека, ибо негоже совершать подобное со священной частью бога». Хуфу соглашается с мудрецом. Доставляют на человека, а гуся, которому и отрубили голову. Джеди показал свое умение и соединил голову с телом птицы. Но Хуфу еще не вполне уверовал

в чудо и приказал повторить его на быке. И на этот раз колдовство удалось: волшебник поставил животное на ноги и вернул ему жизнь.

Недаром потрудились чародей. Хуфу убедился, что он заслуживает доверия. Поняв, что перед ним не шарлатан, а настоящий маг, фараон задал ему свой главный вопрос — о числе тайных покоев Тота. Дедя это неизвестно, но он знает, как можно это узнать. Нужно пойти в храм Гелиополя, священного города солнца, открыть ларец из кремня, там-то и хранятся сведения, нужные царю.

Бог Хуфу (тексты называет его «богом» или «великим богом»; это титул, нередкий для фараонов Древнего царства) воздвиг дивный памятник, который называют «великой пирамидой». Ее высота достигала приблизительно 147 м. Вершина ее ныне разрушена. Основание занимает площадь около четырех гектаров⁴. Четыре стороны с поразительной точностью ориентированы по сторонам света. Большая часть ее блоков весит не менее двух тонн, а длина некоторых достигает десяти метров. Если бы пирамида была поллой, внутри ее поместился бы римский собор Святого Петра. Это грандиозное сооружение носит название «Хуфу принадлежит горизонту»⁵. Понятие горизонта у египтян существенно отличалось от нашего. Горизонт — это царство света на границах мира. Сама по себе пирамида напоминает окаменевший сияющий луч. Когда-то она была облицована известняком, и тогда четыре ее грани, как зеркало, отражали солнечные лучи и озаряли окрестности.

В середине XIX века Гюстав Флобер во время путешествия на восток поднялся на вершину великой пирамиды. Открывшаяся с высоты картина глубоко потрясла писателя и оставила в его душе неизгладимый след. Он усомнился, что даже величайший писатель сумел бы точно описать свои впечатления: «Вы плотно занахиваете пальто, потому что вас бьет дрожь и не можете вымолвить ни слова». У арабов, покоривших Египет, было двойственное отношение к необычайной духовности, воплощенной в пирамидах. Одни прониклись почтением, как, например, ибн Васиф шах⁶. «Пирамиды, — объясняет он, — овеяны неземным духом. Перед ними резали жертвенных живот-

ных. Обряд должен был защитить их от всякого, кто приближался к ним, помимо посвященных, что отиравляли необходимые ритуалы». Другие же, наоборот, вели себя, как свитотатцы. Таков халиф аль-Мамун⁷, собравший мастеров и рабочих, чтобы вскрыть великую пирамиду и разграбить ее сокровища. Некоторые старые мудрецы уверяли его, что это невозможно. Аль-Мамун пренебрег их предупреждениями. Он испробовал все средства, которые были в его распоряжении, — огонь, едкие вещества, тараны, но настоящего входа так и не нашел.

Аль-Мамун не был невеждой. Ученый, просвещенный человек, он прочел множество научных трудов и очень надеялся, что вход пирамиды традиционно расположен на ее северной стороне. Эти сведения были верны: именно через северный вход душа Хуфу могла отлететь к околополярным звездам. И все же многие месяцы работы не принесли успеха. Халиф уже готов был отказаться от своей затеи, когда произошел непредвиденный случай, изменивший его намерения. Рабочие услышали звук от падения камня внутри пирамиды. В этом месте начали долбить и дошли до входного коридора. Так был найден вход в пирамиду, но он оказался герметически закупоренным.

Итак, аль-Мамун проник в великую пирамиду. Расчистить гранитные нагромождения оказалось невозможно, поэтому он обогнул препятствие, проделав боковой тоннель в более мягком известняке. Что же он обнаружил? Неизвестно. Молва говорит, что в маленьком помещении он увидел статую человека, сделанную из зеленого камня. На самом деле это был саркофаг. Внутри лежал человек в золотых доспехах, украшенных драгоценными камнями. На груди его покоился великолепный меч, около головы находился красный рубин величиной с куриное яйцо, сверкавший во тьме, как огонь. Говорят также, что в камере стояла огромная изумрудная чаша, наполненная чистым золотом. Похоже, что речь идет о саркофаге и мумии царя Хуфу. Но ни один из обнаруженных предметов не сохранился, они исчезли. Священную мумию бросили тут же в пустыне, а зеленое изваяние поставили в одном из дворцов Каира, где его видели вплоть до 1118 г.⁸

Халиф, подсчитав, что цена сокровищ, найденных в пирамиде, была равна расходам на раскопки, понял,

что древние египтяне предвидели все. Мы никогда не узнаем, улыбнулась ли аль-Мамуну удача. Был ли он лишь жалким осквернителем праха или сохранял в тайне удивительные открытия — как знать?

В средние века пирамиды считались хлебными амбарами, построенными в глубокой древности царями⁹. Арабы, сердцу которых древние египетские обычаи ничего не говорили, постоянно разрушали пирамиды, растаскивая блоки на постройку домов. Они начали с облицовки. Мало кто знает, что пирамида Менкаура утратила покрытие лишь в XV в., а облицовка пирамиды Хафра была цела еще в XVIII в. Несколько десятилетий невежества и вандализма чуть не прикончили эти неповторимые творения, так долго противостоявшие разрушительному времени. Но благодаря интересу к древним цивилизациям, возникшему в наши дни, пирамиды были спасены. Хорошо бы сберечь их надолго.

Примечательно географическое положение великой пирамиды. Ее меридиан пересекает максимум суши и минимум моря. Он делит землю на две равные части. Часто говорят: совпадение. Но ориентация — не случайность. Ее поразительная точность — плод научных достижений. Расположение памятника относительно севера, почти безошибочное совпадение четырех граней с четырьмя сторонами света свидетельствует о существовании целой коллегии мудрецов. Архитектор Жан-Филипп Лауэр писал: «Астрономические знания не были общедоступны. Нерасторжимо связанные с мифологией, стремившейся установить связи богов и потусторонних духов со звездами, они составляли тайную науку посвященных».

Техника возведения пирамиды остается загадкой. Выдвигалось множество гипотез, но ни одного документа той эпохи не сохранилось. Часть огромных блоков доставляли из Асуана, за 800 км к югу от Гизе. Чтобы перевозить по реке такие громадные камни, нередко весившие более сорока тонн, необходимо было строить большие корабли. После выгрузки нужно было решать новую сложную проблему — как доставить их к месту строительства. На изображениях из гробницы в Бени Хасане, датируемой Средним царством, показано, как египтянскую семиметровую статую тащат сто семьдесят два человека. Употребляли салазки, бревна, клинья, рычаги. Один работник стоит

на ноги колосса и льет воду перед салазками, чтобы они лучше скользили.

В эпоху строительства пирамид уже было известно колесо, но скорее всего оно не применялось. Не было также ни блоков, ни опор, ни тягловых животных. Использовались лишь простейшие приспособления — кувалды из твердого камня, медные резцы, деревянные молотки, пилы со следами песка¹⁰, буравы. Какой же напрашивается вывод? На этот счет расцветили самые фантастические теории, но они ничем не подтверждаются.

Восхищаясь сооружениями древнеегипетских умельцев, склоняешься к мысли, что гениальные мастера прошлого, наделенные и умом и споровкой, были способны создать пужные инструменты. Может быть, и сейчас кое-кому известны необъяснимые для нас способы бурения и подъема тяжестей. Поразительная точность подгонки блоков (араб Абд аль-Лятиф¹¹ говорил, что между ними нельзя просунуть иглолку или протащить волос) свидетельствует о технике, достигшей совершенства.

Сейчас принято считать, что расположение трех внутренних камер великой пирамиды объясняется последовательными изменениями плана. Дело представляется так, будто зодчий сначала задумал вырубить нижнюю камеру, а потом решил ее бросить и сделать «усыпальницу царицы». Разочаровавшись и в этом проекте, он приступил к третьему, окончательному, к «камере царя». Эта аргументация, основанная на самых абстрактных рассуждениях, совершенно неубедительна. Она приписывает египтянам Древнего царства легкомыслие, свойственное скорее нашей культуре, а никак не древнеегипетской.

«Камера царя» из розового асуанского гранита представляется нам концом символического пути, который проходит через нижнюю, сумрачную, незавершенную камеру, продолжается в «усыпальнице царицы», где есть ниша, предназначенная для статуи, и, наконец, через великолепную просторную галерею длиной около сорока восьми метров, приводит в самую потайную часть строения. Черный гранитный саркофаг Хуфу был помещен сюда до того, как были возведены стены, — он шире подводящего к камере коридора. Саркофаг — это священный центр, вокруг которого и была встроена «камера царя».

Пирамиды в Абуcире
(реконструкция Л. Борхардта).

Рядом с пирамидами
расположены помпальные храмы,
от которых к реке идут крытые коридоры с пристанями.
Вдали — солнечный храм

Тем, кому посчастливится попасть в великую пирамиду, суждено испытать удивительные чувства. Путь к святыне нелегок и даже мучителен. Нужно нагнуться и медленно и смиренно продвигаться вперед, проникнувшись духом этого священного места. В коридоре душно, ждешь, когда же можно будет перевести дыхание. Но в «камере царя» все неприятные ощущения вдруг исчезают. Два вентиляционных канала пересекают пирамиду и выходят на северную и южную стороны. Душа царя отправляется по ним к небу севера и небу юга, соединяя две части космоса, как при жизни царь объединял Обе земли Египта.

Над усыпальницей царя располагается пять очень низких помещений. Это разгрузочные камеры, которые, как считается, облегчают давление кладки, расположенной над гробницей. В двух самых верхних найдены единственные надписи пирамиды: красной краской на блоках выведены картуши, в которые впи-

само имя Хуфу. Такое предохранительное устройство уникально для египетской архитектуры.

Большая пирамида — не одиноким памятник. Чтобы понять ее назначение, нужно уразуметь, что она — центр сосредоточенного вокруг нее погребального комплекса. В «доках», вырубленных на востоке и юге от пирамиды, найдены две большие ладьи, в которых фараон путешествует в космосе после физической смерти.

Так недвусмысленно утверждается динамизм архитектуры пирамиды. Это не мертвые, застывшие камни, в них течет своя собственная жизнь. Нетленные, они воплощают и увековечивают надежды и духовные познания. Пирамиду обступили маленькие пирамиды царей, а на западе раскинулась так называемая «аллея гробниц»: здесь находятся захоронения знати, которая продолжает служить монарху и в потустороннем мире.

У восточной стороны пирамиды был сооружен храм. В наши дни он разрушен. К входу в храм вел исполинский коридор, стены которого были украшены барельефами. Этот крытый переход, ведущий вверх, к сожалению, не сохранился. Последняя часть комплекса — нижний храм, или храм приема, расположенный на краю долины, на границе мира живых и мира мертвых. Здесь мумифицировали тело, а потом доставляли его в поминальный храм, где над мумией, приготовленной по установленному ритуалу, совершался обряд возрождения. Наконец, мумию вносили в пирамиду, то есть в вечную жизнь. Таким образом, для каждого этапа возрождения возводилось особое сооружение, а общий план комплекса уподоблялся монументальной лестнице.

Египтяне считали пирамиду живым существом. У нее было имя, ей приносили жертвы, ее воспринимали какместилище духовной силы фараона. В начале осени, когда вся земля Египта затоплялась и превращалась в бескрайнее озеро, лишь деревья да селения на дамбах выглядывали из воды. От дамбы к дамбе добирались на лодках. И над необъятной водной гладью царил пирамида. Она казалась египтянам первородным холмом, возникшим в изначальном океане, первозданной жизнью. И не случайно. Зодчий сумел, слив воедино памятник и ландшафт, создать многозначительный символ.

Кингсланд, критиковавший затейливые теории по поводу великой пирамиды, допускает, что она задумана коллегией посвященных, которые выразили в ней свое учение. Действительно, пирамида — это совершеннейшее выражение божественных пропорций, ключ к трепетному равновесию. Понадобилась бы целая книга, чтобы описать геометрическую символику, выраженную в камне. Жомар, один из ученых, принимавших участие в экспедиции в Египет, без сомнения, был недалек от истины, когда писал: «Нет ничего неправдоподобного в том, что в таком сооружении праздновались мистерии, а в нижних залах, возможно, проводились инициации»¹². Во всяком случае, можно утверждать, что пирамида занимала свое место в древнеегипетских обрядах инициаций.

В одном арабском тексте сказано: «Эти камни покрыты письменами, смысла которых теперь не понимают». Чтоб уместить надписи, выбитые в пирамидах, понадобилось бы по крайней мере с десяток тысяч страниц¹³.

Манефон сообщает о священной книге, написанной Хуфу, где он передавал испосланные ему откровения. «Тексты пирамид» не исчезли. Но их хранят не стены трех великих пирамид на плато Гизе: последние отражают только знания египтян по геометрии. «Тексты пирамид» высечены в небольших пирамидах, построенных в конце V и в течение VI династий*. Поразительное впечатление оставляет посещение пирамиды царя Униса, в гробнице которого были впервые обнаружены тексты. Снаружи памятник кажется разрушенным и не представляющим интереса. Но, спустившись по наклонному коридору и войдя в усыпальницу, оказываешься перед незабываемым зрелищем. Стены исписаны колонками иероглифов безупречного рисунка. Как заметил Макс Гильмо, оказываешься внутри книги, в самом сердце тайны.

Известно, что пирамиды произвели громадное впечатление на генерала Бонапарта. Но мало кто знает, что произошло внутри погребальной камеры в те дол-

---

* «Тексты пирамид» — предмет курса профессора Ж. Леклана в Коллеж де Франс. Я сам работал над текстами, переосмысленными и расширенными в период Среднего царства в «Текстах саркофагов». Самый древний образец последних относится к VI династии.

гие минуты, что он провел там вместе с проводником, правоверным мусульманином. Бонапарт, не боявшийся ничего и ничего, вышел оттуда бледный и взволнованным. Он долодно отказался поведать что-либо своему адъютанту Жюно. Позднее он объяснил, что поклялся хранить молчание о том, что открылось его взору. Лас Казес, доверенное лицо Наполеона, готов был выдать тайну на смертном одре, но вовремя спохватился: «Что толку, — сказал он, — вы бы мне все равно не поверили!».

Великая пирамида еще не открыла всех своих тайн. О ней написано множество трудов, но нужно знать египтологию и геометрию символов, чтобы познать ее «сокровенную суть».

* * *

Хафра не был непосредственным преемником Хуфу. Между царствованием двух гигантов правил Джедефра (2528—2520 гг. до н. э.). Любопытно, что он построил свою пирамиду в Абу-Роаш, к северо-западу от Гизе, а не на равнине, где уже возвышалась великая пирамида. По сведениям Манефона, Хафра, имя которого по-египетски означает «Ра, когда он встанет»¹⁴, властвовал шестьдесят шесть лет. Современная историография отводит его правлению всего двадцать шесть лет. Нам осталась диоритовая статуя этого фараона из храма долины у пирамиды в Гизе. По моему мнению, это самая совершенная скульптура египетского искусства. Царь сидит на троне, как живой. Ваятеля ничуть не смутило, что диорит — одна из самых твердых пород. Он великолепно воспроизвел мощную мускулатуру царя. Лицо фараона спокойно и безмятежно, он — совершенное воплощение, символ вска равновесия, когда царь-бог был залогом счастья на земле. На затылке Хафра, защищая его распростертыми крыльями, сидит сокол Хор. Союз царя и хитрой ягицы мог бы покоробить, если бы не был столь магическим. Бог-сокол — это небесная сила, которая оберегает землю фараонов. Глядя на изображение Хафра, понимаешь, почему египтяне считали священные статуи одушевленными, почему отверзали им уста во время ритуала возрождения. По-египетски слово «святель» буквально означает «тот, кто дает жизнь». Такое толкование дано по праву.

Насколько известно, царствование Хафра не отмечено никакими важными событиями. По Геродоту, Хафра, как и Хуфу, якобы был тираном. Грек писал: «Насчитывают сто шесть лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды и закрытые их храмы не открывались. Из ненависти к этим царям египтяне неохотно называют имена их, а пирамиды приписывают пастуху Филитию, который в этих местах пас в то время свои стада» (*Геродот. История. II, 127—128. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888*). Эти сведения ложны и свидетельствуют о странном желании автора очернить память строителей пирамид.

Высота пирамиды Хафра почти такая же, как и пирамиды Хуфу, но ее основание на пятнадцать метров короче, а ребра круче. У вершины облицовка из известняка почти не повреждена, по ней пирамиду легко отличить от других. Здесь работал Ман, зодчий Рамсеса II. Но что он делал, вопрос спорный. Некоторые считают, что он реставрировал пирамиду. Другие думают, будто он брал из нее гранитные блоки для закладки фундамента храма Штах в Мемфисе, превратив пирамиду Хафра в карьер.

Внутреннее устройство этой пирамиды значительно проще, чем пирамиды Хуфу. Два коридора, ведущие от двух входов, соединяются в один, который приводит в усыпальницу. В склепе находится саркофаг, лишенный украшений и надписей. В XII веке арабам удалось проникнуть внутрь пирамиды, но никто не знает, что они там увидели. Помпальный, или нижний, храм Хафра почти так же огромен, как сама пирамида. Общая строгость сооружения, гранитные опоры, великолепно выражающие величавую суровость Древнего царства.— все это свидетельствует о чудесах техники, которые мы до сих пор не в силах объяснить. Отдельные блоки достигают огромных размеров, а некоторые из них весят более ста пятидесяти тонн. Это уникальный случай в египетской архитектуре. Храм, долго считавшийся храмом Сфинкса,— единственное дошедшее до нас от этой эпохи в хорошей сохранности святилище такого типа. Он был засыпан песками, и лишь в 1853 г. Мариетт вновь открыл его.

Над дверьми двух входов храма высечено имя Хафра. Войдя в храм, испытываешь такое любопытное чувство, будто пробираешься по лабиринту, сложеному из громадных камней. Потрясают высокие

моновитные гранитные колонны. Возможно, в этом месте приступали к отверзанию уст царского *Ka*, бесмертной сущности фараона. Здесь были установлены двадцать три умело освещенные алебастровые статуи Хафра. Пространство храма одновременно и открыто и недоступно свету. Оно как будто «укрощает» сполы солнечных лучей, и статуи в игре бликов и теней кажутся живыми.

Верхний храм Хафра, к сожалению, разрушен. Он был огромен, свидетельство тому — блок весом 425 тонн. Считается, что его фасад достигал длины 130 м. На севере и юге его были вырублены «доки», в них помещались ладьи, в которых фараон совершал небесные странствия.

К этим поистине потрясающим творениям Хафра, вероятно, добавил Сфинкса. В древних текстах о Сфинксе нет никаких сведений. Не сохранилось ни одной надписи времен Древнего царства, где бы он упоминался. Сфинкс расположен к юго-востоку от Великой пирамиды; лицо его обращено на восток. Сфинкс — это лев с человеческой головой, покрытой ритуальным головным убором — клафтом. Высота скульптуры достигает двадцати метров, а длина — пятидесяти семи. Многие исследователи считают, что у Сфинкса лицо фараона Хафра; другие же думают, что Сфинкс был построен раньше. Греческое название «сфинкс», возможно, произошло от египетского *шесес анх*, что значит «живой образ»¹⁵. Это одно из определений Агума, творца и властелина мироздания. Сфинкс считался защитником некрополя Гизе, гордым стражем, хранящим покой мертвых и отгоняющим злых духов¹⁶.

Сфинкс — лев, иными словами — символ царя¹⁷. Считалось, что этот громадный хищник вечно бодрствует. Его могущество и сила — порука космического порядка. Львы надзирали за восходом и заходом солнца, следили, чтобы не нарушался закон обращения света. Утверждали, что эти громадные кошки в ночи видят так же хорошо, как и днем, и никогда не смыкают глаз. Вот почему сфинксов ставили перед храмами и гробницами.

В эпоху Нового царства Сфинкса отождествляли с богом Хармахисом, имя которого означает «Хор в горизонте». Считалось, что иваваине обладает *Ka*, и ему приносили жертвы. Известна стела, где Сфинкс

изображен на фоне пирамид Хуфу и Хафра. На Сфинксе тяжелое ожерелье. Он никогда не смыкает глаз и охраняет статую царя, стоящую между его лапами. Над его головой летит сокол, держащий в когтях символ вселенной.

Сфинксу постоянно угрожали пески. Фараон Тутмос IV освободил от них изваяние. Рамсес II, как считают, приказал камнерезам его подправить. Странно, что Геродот ни словом не обмолвился о Сфинксе, хотя его культ процветал в то время, когда греческий путешественник посетил Египет. Что означает это молчание? Может быть, жрецы запретили чужеземцу упоминать о священном страже некрополя? Почти до конца язычества, то есть до IV в. н. э., народ поклонялся Сфинксу. Во II в. римляне восстановили мостовую во дворе перед памятником и заново облицевали лапы изваяния. Выбоины на лице Сфинкса — дело рук одного арабского эмира, который обстрелял его из пушки. Чудом статуя вообще уцелела.

Сфинкс, единственный в своем роде памятник¹⁸, остается полной загадкой. Невзирая на отрицания египтологов, кое-кто все еще гадает, нельзя ли что-нибудь обнаружить внутри или под ним. Невозможно, однако, и утверждать, что раскопки велись достаточно умело. Можно надеяться, что откроют новые тексты или археологические свидетельства, которые прольют свет на возраст и роль защитника плато Гизе.

Преемник Хафра Менкаура вступил на престол в 2490 г. и правил около двадцати лет. Из трех строителей великих пирамид он единственный снискал благосклонность Геродота: «Деяний отца своего он не одобрял, отворил храмы и дозволил народу, угнетенному до крайности, вернуться к своим занятиям и празднествам; кроме того, он справедливее всех царей разрешал тяжбы, за что хвалят его египтяне больше, нежели кого-либо из предшествовавших царей Египта... Невзирая на то что Менкаура так благодушен к гражданам и так заботился о них, его постигли и некоторые несчастья, прежде всего смерть дочери, единственного дитяти в доме... После смерти дочери случилась с этим царем, как рассказывают, другая беда, именно: из города Буто получено было изречение ора-

кула, что он проживет всего шесть лет, а на седьмом умрет.. Выступав такой приговор себе, Микерин закалал множество лампад и велел зажигать их, лишь наступала ночь, затем шел, наслаждался непрерывно днем и ночью, бродил по болотам и лесам, везде, где рассчитывал найти возможно больше наслаждений. Все это он делал с целью изобличить лживость оракула, показать превращением ночей в дни, что ему останется жить двенадцать лет, а не шесть» (*Геродот. История, II, 129—133. Пер. Г. Ф. Мищенко. М., 1888*).

Кроме этих басен, совершенно лишенных почвы, о царствовании Менкаура практически ничего не известно. Ваятели оставили нам несколько портретов царя, в частности статуи, хранящиеся в Бостонском музее. Фараон изображен вместе с супругой, которую вежливо обнимает. Есть и его изображения в триаде между двух женщин. Одна из них — богиня, другая — олицетворение нома. Их тела прекрасны, крепки, их облик дышит силой и врожденным величием. Женщины одеты в облегающие платья. Это образ безмятежного мира, спокойствия страны, объединенной верой в собственное бессмертие. Красота немногословна. За нее говорит ее собственный свет. Земная любовь, соединившая царя и царицу, возвеличена до уровня божественной добродетели.

Менкаура, чье египетское имя обозначает «нерушимы жизненные силы (или „жизненная сила“¹⁹) Ра», может быть, и не заслуживает звания гиганта в той мере, как Хуфу и Хафра. Его пирамида на плато Гизе значительно меньше пирамид двух его предшественников, почему — неизвестно. Высота ее чуть больше шестидесяти шести метров, а погребальный ансамбль не закончен. Кубатура пирамиды в девять раз меньше, чем пирамиды Хафра. Следует подчеркнуть, что в местечке под названием Завиет аль-Ариан найден огромный котлован, приготовленный под фундамент колоссальной пирамиды²⁰. Стройка была брошена. Говорят ли это о том, что у мастеров не было больше нужных средств для возведения гигантского монумента? Чего же не хватало — людей или материалов? Или оказались недостаточными экономические ресурсы страны? Источники не проливают света на этот вопрос. Ничто не указывает на какой-либо кризис в царствовании Менкаура. Облицовка его пирами-

ды свидетельствует о строительных новациях: до трети высоты пирамида облицована гранитом, а выше известняком²¹. Этот памятник, именовавшийся «Божествен Менкаура», упоминается в тексте Древнего царства, начертанном в усыпальнице Дебхени. В нем говорится: «Эту гробницу Менкаура приказал приготовить для моего отца, когда его величество был на пути к равнине пирамид, чтоб обозреть, как идет работы на пирамиде, названной „Божествен Менкаура“. Его величество приказал прийти капитану судов, великому руководителю ремесленников и ремесленникам».

29 июля 1837 г. после шести месяцев поисков Визе обнаружил вход в пирамиду Менкаура. Он оказался, как и у других великих пирамид, на северном фасаде, там, где мамеяюки²² пробили громадную брешь. В усыпальнице, расположенной под монументом и целиком сложенной из гранита, археолог нашел базальтовый саркофаг с разбитой крышечкой. Его декор имитировал фасад дворца. В саркофаге находились обломки деревянного гроба и жалкие остатки мумифицированного тела, — может быть это останки царя, которые жрецам пришлось перезахоронить после осквернения гробницы (в несчастье, не последнего). Саркофаг Менкаура, который был отправлен в Британский музей в Лондоне, не дошел до места назначения. Судно, на котором его везли, затонуло, и символическая обитель, где мумифицированное тело жило вечной жизнью, была утрачена навсегда.

* * *

Египтяне считают Древнее царство благословенным веком своей истории, светлой эпохой, когда цивилизация достигла совершенства. Общество являло собой пирамиду, царь был ее вершиной, а вся страна — основанием. Как уже говорилось, «анекдотической» истории фараонов не существовало. Царям введомы одна страсть, один долг: строить, возводить храмы для отправления культов богов, чтобы те обитали на земле. Весь Египет был огромной стройкой, где зодчие, ремесленники, поденщики объединяли усилия, стремились украсить «возлюбленную землю». Это не было искусством ради искусства. Нет, строили, чтобы обеспечить вечную жизнь царю и всему народу.

Плато Гизе не безжизненное, зловещее место, по парство скорби и смерти. Это связующее звено между земной жизнью и потусторонним миром. При гробницах строили молебни, куда приходили живые, чтобы вопировать в обществе душ усопших. Жрецы заупокойного культа неустанно следили, чтобы мертвые ни в чем не нуждались. Они «оживляли» жертвоприношения, изображенные на стенах, произнося их павания, превращая их в сущие слова²³.

В этом «полезном» искусстве важнейшим делом Древнего царства была умелая организация разработки карьеров. Для возведения пирамид и для постройки гробниц знати применялся известняк. Его добывали в карьерах Туры на правом берегу Нила, почти против Мемфиса. Каменоломни Вади Хаммамат были менее доступны, зато давали превосходный материал, который, как известно, выдержал испытание временем. Чтобы добраться до этих карьеров, надо было, выйдя из долины Нила на широте Коптоса, три дня идти по пустыне в сторону Красного моря. Экспедициями руководили казначей, начальники работ или воины высокого ранга, чьи отряды обеспечивали безопасность работников. В карьерах могли собираться отряды численностью до двух тысяч человек. Чтобы доставить им пищу и питьевую воду, требовалось приблизительно пятьдесят быков и около двухсот ослов. Добытый камень грубо обтесывали на месте, а это значит, что ваятели и камепотесы оставались в этой пустынной и негостеприимной местности достаточно долго. Карьеры Вади Хаммамат пользовались такой известностью, что их посещали весьма важные лица: и царский сын, и верховные жрецы, и «единственные друзья царя».

Фараон в эпоху Древнего царства считался царем-богом, наделенным магической силой. Во время одной из процессий некий сановник оказался бок о бок с царем Нефериркара. Тот сделал неловкое движение, и царский скипетр ударил вельможу по ноге. Весь двор содрогнулся от ужаса при этом драматическом событии. Удар должен был поразить несчастного, как током высокого напряжения, и убить его на месте. К счастью, фараону достало присутствия духа, чтобы тотчас громко провозгласить: «Будь невредим». Слова царя незамедлительно исполнились: удар магического скипетра его величества не принес придворному никакого вреда.

Фараон — верховный жрец, пачальник работ, военный вождь, пачальник администрации, — концентрирует в своей личности все человеческие функции и все сословия общества. Практически же он окружает себя сведущими людьми. Они составляют «двор», то есть совокупность самых важных государственных лиц. Следует заметить, что высоких должностей могли добиться люди самого скромного происхождения. Писцы, жрецы, мелкие ремесленники составляли средний слой, «основой» же были крестьяне. Плоды их труда строго учитывались, но все же они не были так обездолены, как нынешние египетские феллахи. Во время недородов, при слишком сильных или недостаточных разливах Нила сельские труженики получали помощь и поддержку от государства. К тому же Египет фараонов никогда не страдал от перенаселения. Только что описанный уклад египетского общества не был для него «строгим ошейником». Например, случалось, что один человек был одновременно писцом и воином или жрецом и ремесленником. Это было гибкое уложение без непреодолимых кастовых барьеров.

В Египте Древнего царства боги пребывают на земле. Им нужен кров — храм. И фараоны строят жилища богам и обогащают их в надежде, что боги пошлют благоденствие Египту. Жрецы, управляющие святилищами, не были верующими в том смысле, как, например, священники католической церкви. Это были знатоки своего дела: одни были сведущи в иероглифах, другие — в медицине, третьи — в литургии, забое скота, посвящении в сан и прочих хозяйственных и религиозных делах, связанных с храмовой жизнью. В храмы стекаются продукты, скот, зерно. Здесь их обрабатывают и затем распределяют. Итак, кроме алтарей в храмах должны быть амбары для припасов, мастерские, хлевы, птичьи дворы, скотобойни, залы для очищения. Важно, что центральная власть, возглавляемая фараоном, следит за тем, какое продовольствие поступает в храмы и в каком количестве, чтобы богатства в стране справедливо распределялись. В каждом храме был свой персонал, свое внутреннее руководство, на храме лежала обязанность возделывать отведенные ему земли.

Когда в бесчисленных текстах читают формулу «жертва, которую даст царь», то имеется в виду не формальность и не благочестивый обет. Фараон — истинный владелец своего обширного хозяйства, и жертво-

приношения мог совершать только он. Царское позво-
ление требовалось для самой разнообразной деятельно-
сти, что доказывают достоверно известные случаи. На-
пример, царь лично разрешал взять нужное количество
гранита или известняка для постройки гробницы знат-
ного человека.

Фараон, конечно, не мог сам уследить за всем.
У него было много обязанностей: издавать граждан-
ские и религиозные законы, председательствовать на
заседаниях суда, вести дела с высшими должностными
лицами, посещать храмы, следить за работами на
стройках, проверять состоящие копей и дорог через
пустыню. Фараон ничуть не походил на праздного эми-
ра, не знавшего, как убить время. Царь окружал себя
умелыми чиновниками во главе с визирем. В царство-
вании VI династии визирями скорее всего становились
царевичи. Позднее царь, вероятно, избирал визирей из
рядов знати. К концу VI династии обязанности визиря
стали слишком тяжелы для одного человека и их раз-
делили между двумя чиновниками: фараон назначал
одного визиря для юга, а другого для севера. Главный
титул визиря — «руководитель всех царских работ»,
что говорит о возлагаемой на него ответственности. Те
же, кого называют «придворными», «друзьями», «един-
ственными друзьями» фараона, — это его ближайшие
советники. Приближенные к царской особе, они обяза-
ны одевать властелина, следить за венцами, носить за
царем сандалии. Среди них есть лекари, брадобреи,
глазные врачи. Приготовление пищи для царя вверя-
лось поварам, чьи обязанности считались одними из
самых ответственных.

Чиновничество Древнего царства носило титулы,
часть которых сохранилась с глубокой древности. Очень
трудно понять заключенный в них смысл. Например,
титул «управитель Верхнего Египта» совсем не озна-
чал, что его носитель обладает административной
властью на юге страны. Это только звание, которое в
наше время расценивалось бы как почетное. Кроме то-
го, религиозные титулы мешались со светскими. По-
этому составить точную и подробную таблицу о рангах
того времени крайне трудно. Во всяком случае, нужно
отбросить чисто практический подход, ставший уже
традицией, иначе можно впасть в грубейшую ошибку.
Вот конкретный пример: существовали судьи, принад-
лежавшие к категории «начальников секретов» и за-

поставившиеся делами как земными, так и божественными. Их ни в коем случае нельзя отождествлять с судьями в том смысле слова, как мы его понимаем теперь.

Главный «винтик» государственной машины, по крайней мере в том, что касается распространения и регистрации царских приказов,— писец. Ему покровительствует бог Тот. Имущество писца — палетка, футляр для каламов-перьев, сосуд для воды и мешочек с черными и красными сухими чернилами. Обязанность писца — действовать «согласно желанию царя». Существовало несколько разрядов писцов. Одни из них были лишь мелкими чиновниками, другие могли войти в Дом жизни, где приобщались к тайнам священ-ных писмен и учились отправлять ритуалы.

Древнее царство — эпоха, когда ключевые позиции в государстве занимали крупные чиновники. Об их величии можно судить по их гробницам. Представление, будто это была каста лепивой знати, почившая на своих богатствах, следует отбросить, как ложное. В Древнем царстве существовал культ работы, создания. Многие из великих людей работали собственными руками. Достоверные данные свидетельствуют о том, что чиновники очень успешно справлялись с возложенными на них царем функциями. Важно и характерно, что знатные люди могли исполнять в храмах самые скромные жреческие обязанности. Власть имущие Древнего царства в рамках религиозного служения, в котором они обязаны были периодически участвовать, занимают незначительные посты, например: ночного сторожа в преддверии святилища или на террасе, управляющего, отвечающего за прием дерева или кирпича. Такова удивительная мудрость эпохи, когда самый высокопоставленный чиновник служил священной общине, независимо от своего светского положения.

В иерархическом обществе Древнего царства существовали и войско и полиция. Правда, регулярных войск не было. Когда возникала необходимость, номархи поднимали военные отряды в своих областях и посылали их в столицу. Речь идет скорее о временном ополчении, чем о профессиональных воинских отрядах. Египтяне пуждались в войске при определенных обстоятельствах, например при вылазках в Ливию, Па-

лестину. Нубию, на Синайский полуостров. Древнее царство не стремилось к завоеванию чужих земель, а лишь поддерживало порядок в зонах своего влияния. Существовали «элитарные» отряды, выполнявшие полубоевые функции: на них была возложена охрана дворца и обеспечение безопасности фараона. Кроме того, в их состав входили толмачи, говорившие на иностранных языках; они действовали на дипломатическом и торговом поприще. Они были уполномочены заключать торговые договоры с чужеземцами. Вооружение воинов состояло из копий, кинжалов, секир, булав, пращей, разнообразных луков, деревянных и медных щитов. Изготавливалось оружие, как правило, из камня (каменные булавы унаследованы от далеких предков) и меди.

Полиция была самостоятельной и не входила в войско. Конечно, дворцовая стража играла одновременно роль и государственной полиции, а помархи имели своих местных «жандармов» для разрешения деревенских и домашних ссор, для ареста подозрительных личностей и поддержания порядка на дорогах. Существовали также специальные отряды «охотников», в действительности, вероятно, настоящей полиции пустыни. Охотники следили за безопасностью пограничных путей на востоке и западе страны. Со своими дрессированными собаками, прообразом наших ищеек, они выслеживали подозрительных лиц и бродяг, постоянно пытавшихся грабить караваны и обворовывать отважных путешественников. Нельзя пренебречь и политическим значением полицейских пустыни: они наблюдали за перемещением кочевников. Ведь племена номадов только и мечтали, как бы вторгнуться на территорию Египта и совершить набег. Охота, как таковая, составляла для них побочное и, вероятно, доходное занятие, потому что знатные господа ценили отборную дичь из пустынных областей.

Столицей, величайшим городом Древнего царства оставался Мемфис. Он играл к тому же важную экономическую роль — с течением времени она менялась, но никогда за всю историю Египта фараонов город не утрачивал своего значения. Фараоны V династии воздвигли Гелиополь, религиозную столицу страны, расположенную близ Мемфиса. Гелиополь, священный город, где находился храм бога Ра, будут почитать все фараоны, в том числе и Птоломеи. Именно здесь билось

сердце египетской религии Египта, корни которой уходят в глубь доисторических времен. Даже в эпоху Нового царства, когда первым городом Египта стали Фивы, Гелиополис не погрузился во мрак забвения. От блеска солнечной столицы, его многочисленных великолепных памятников остался один-единственный след — обелиск Сенусерта I.

Столицы номов имели второстепенное значение. Они пользовались некоторой автономией, поскольку имели свою юрисдикцию, свои амбары — символ относительной экономической независимости, свое ополчение. Но на местах сильную центральную власть фараона представляли писцы фиска, которые с придирчивой тщательностью контролировали все области жизни. Канцелярия этих «казначеев бога» не была синокурой. Ее чиновники без устали бороздили номы по суше и по морю. Чтоб проверить работы на карьерах, им приходилось путешествовать даже по пустыне. Писцы держали под постоянным контролем доходы от сельского хозяйства, и в течение всех четырех династий Древнего царства усердие их не иссякало. Их отчеты сосредоточивались в «министерстве финансов» — «Обоих белых домах», которое объединяло Белый дом Верхнего Египта и Красный дом Нижнего Египта.

Управители областей, номархи, вели довольно роскошную жизнь. Номарх мог считать себя «властелином земли» в той мере, в какой процветание нома зависело от его управления. Некоторые номархи оставили на стенах гробниц свои изображения чуть ли не в царском облике. В этих сценах хозяин владения восседает в кресле на ножках в виде львиных лап, иногда даже позволяет себе носить накладную бороду — отличительный знак богов и царей. Он созерцает процессию мужчин и жепцип, нагруженных жертвоприношениями, несущих лучшее, что дает его владение. Счастье богов — это счастье людей. Земледельцы, ремесленники, рыбаки работают с песней. Жертвенные столы заставлены вкусными блюдами. Магические заклинания переносят яства в потусторонний мир, где они никогда не иссякают. Пища, наитки, ткажи, сосуды, мебель, танцы, музыка, игры... не перечислить бесконечных наслаждений в великих владениях, согретых жаром бога Солида и овеваемых северным морским ветром. Все эти картины повседневной жизни свежи до сих пор, они нетленны, потому что волей египтян неразрывно

связаны с вечностью. Сообразуя обыденную жизнь с ритмами космоса, египтяне органично слились с мирозданием и воспроизводили его ритм стихийно в своем искусстве, не лишенном религиозной научности, в рисунках и геометрии. В египетских гробницах не ощущается дыхания смерти, там пульсирует вечная жизнь, которую донес до нас творческий гений Древнего царства.

Среди богатств Древнего царства одно надлежит особо отметить, так как оно принадлежит только древнему Египту и не имеет отношения к арабской культуре, в наши дни затопившей страну. Речь идет о винограде. Любители мяса, овощей и фруктов, древние египтяне очень ценили вино. Большое значение имело его государственное производство, но и частные лица нередко выращивали виноград в своих садах. Строго контролировалось качество вина, по крайней мере тех сортов, которые выдерживали в погребках царя и знати. Названия вин современного Египта восходят к Древнему царству и обязаны ему своим происхождением. На сосудах с вином тех времен есть ярлыки, где написано: «10-й год такого-то царя, вино такого-то качества, доставлено с такого-то виноградника».

Основные области виноделия находились в Дельте и оазисах, ими управляли наместники. Из этих районов вывозили также каустическую соду. Некоторые сорта вин выдерживали до готовности по два столетия и только тогда пили. Неудивительно, что богиня Хатхор была одновременно покровительницей любви и опьянения и что тема божественного опьянения — одна из самых древних в египетской религии. Пиршества играли большую роль при сборе напоенного солнцем винограда. Египтяне Древнего царства призвали богов на самый прекрасный в истории пир, где бок о бок сидели великие фараоны, строители пирамид, вдохновенные ваятели и простые смертные, чья жизнь обрела смысл потому, что была неотделима от гармонии неповторимой цивилизации.

Глава VI

ПИОПИ II, ИЛИ САМОЕ ДЛИННОЕ В ИСТОРИИ ЦАРСТВОВАНИЕ

Пиопи II — центральная фигура VI династии, которая правит с 2325 по 2155 г. до н. э. и включает семь царей. Этот фараон был возведен на трон еще ребенком и царствовал девяносто четыре года. Насколько нам известно, это самое продолжительное царствование в истории. Оно свидетельствует о том, что египтяне доживали до глубокой старости. Это длинейшее владычество, как увидим, будет не слишком счастливым и ознаменует конец Древнего царства, золотого века, дарованного немногим цивилизациям. В начале царствования Пиопи II основы Древнего царства еще незыблемы. Через девяносто четыре года государство окажется на грани распада. Попробуем понять почему.

Пиопи II, сын Пиопи I и сводный брат Меренра, вступил на престол шестилетним ребенком. Алебастровая статуэтка высотой сорок сантиметров, хранящаяся в Бруклинском музее Нью-Йорка, приобщает к трогательной сцене: царица Анхнесмерира держит сидящего боком маленького фараона на коленях; эта поза не имеет аналогов в египетской скульптуре. У монарха детское тело, но лицо взрослого человека! Таким хитрым способом скульптор дал понять, что тот, кто облечен обязанностями фараона, взрослеет рано. В первые годы царствования Пиопи II страной управляла его мать. В рассказе об экспедиции на Синайский полуостров на четвертом году царствования мать и сын упоминаются вместе.

Один любопытный случай доказывает, что юный фараон был еще совсем ребенком, невзирая на тяжкое бремя своего долга. Когда Пиопи II было восемь лет, первопроходец Хуфхор совершил свой четвертый поход в Нубию¹. Это был суровый и отважный человек. Отправившись из Элефантин, он проложил новые пути

в нубийских землях, добрался до мест, где пикто до него не бывал, несомненно, миновал районы южнее второго порога и, возможно, прошел третий. В этих краях нужно было опасаться туземцев, но счастье улыбалось смельчаку. Он привел из странствий сотни ослов, груженных ладапом, слоновой костью, редкими маслами, шкурами леопардов, метательными палками и множеством других товаров. Но кроме того, в этот год он сделал открытие, которое привело маленького фараона в непостоянный восторг: он нашел пигмеев, настоящего живого пигмея. Как только Пиопи II узнает новость, он немедленно отправляет письмо Хуфхору, где пишет: «Мое величество желает видеть этого карлика более, чем все дары копей Синая и Пунта».

Царь в Петеренин, он требует, чтобы путешественник как можно скорее явился во дворец и привел это найденное на краю света чудо в добром здравии. Пусть Хуфхор примет все предосторожности, пусть внимательно следит за пигмеем, пусть тщательно отбирает людей, что будут сторожить его на судне, пусть, если требуется, десять раз за ночь проверяет часовых. Путь из Нубии до царского дворца прошел без всяких приключений. Фараон был вне себя от радости, увидав наконец живого карлика, который, к полному восторгу владыки, сызясал перед ним ритуальные танцы.

Другой герой известен, пожалуй, даже больше Хуфхора. Речь идет о сановнике Уни². Его карьера была удивительно длинной и протекала при трех фараонах. Его послужной список — образцовый пример постепенного продвижения вверх. Прежде чем добиться важных постов, Уни довольствуется местом мелкого чиновника. Административная иерархия Древнего царства была подвижна: скромное происхождение не было препятствием блистательному восхождению к вершинам власти. Сначала — мелкий чиновник, затем — хранитель печати, управляющий дворца, обладатель жреческого поста в городе пирамид Пиопи I и, наконец, Уни становится доверенным лицом фараона, наперсником в одном темном деле, связанном с гаремом. Как «друг» царя, — а этот титул означает особое положение придворного, — он ведет допрос свидетелей в отсутствие главы правосудия — визиря. Пиопи I совершенно не намеревался предавать огласке происшествие, подробности которого нам неизвестны. Он знал, что Уни будет держать язык за зубами и наилучшим образом

уладит дело. В то время, когда Уни вел расследование, он еще не занимал высокого положения, хотя уже служил при дворе. Он оправдал доверие фараона, сгладив все острые углы и никогда не болтал о том, что видел и слышал.

Уни сыграл важную роль в войнах с кочевниками. Семитские племена на северо-востоке Египта были беспокойны. Они совершали набеги на Дельту и грабили жителей, держа их в постоянном страхе. Положение становилось нетерпимым. Царь ставит Уни во главе нескольких тысяч человек и посылает войско уничтожить «тех, кто на песке», проучить вилетчиков и показать им, что фараон — хозяин на своей земле. Уни с рвением берется за новое поручение. Вероятно, его противниками были не одни нищие бедуны, вооруженные палками. К ним, должно быть, прикннули более культурные племена, пришедшие с юга Палестины. Некоторые полагают даже, что имело место вторжение врагов из Азии, но это маловероятно. Скорее всего непокорные кочевники нарушили покой в районе синайских копей, от успешной работы которых зависела вся экономика Египта. Ополчения местных князей не смогли восстановить порядок, возникла необходимость вмешательства центральной власти и войска, поднятого фараоном. Солдат набирали и из Верхнего и из Нижнего Египта, в воинских рядах были даже пубийцы. Вероятно, войско делилось на полки, каждым полком командовал вельможа.

Нужно заметить, что Уни, главнокомандующий, отдавал приказы царедворцам-сановникам, носившим более высокие звания, чем он сам. Но он, доверенное лицо фараона, проявил все свои способности, так что никто даже не пытался оспаривать его власть. Не он ли сумел пресечь все ссоры в войске, установить железную дисциплину, помешать воинам отбирать хлеб и сандалии у путников, встреченных на дороге, сохранить полное спокойствие в деревнях, по которым проходило войско? Благодаря его заботам воины не занимались вымогательством и грабежом. После того как войско уходило, в домах оставалась целой одежда, а с полей не пропадали козы. Блестящий военачальник знал и хранил государственные тайны. Ему одному было известно точное число солдат в войске фараона.

Поход прошел с полным успехом. В своей автобиографии Уни не тратит много слов на описание сраже-

ний и побед. Но те результаты, о которых он говорит, очень красноречивы: укрепления противника уничтожены, войска истреблены, жилища сожжены, виноградники и плантации смоковниц изрублены. Захвачено множество пленников. Эти сведения недвусмысленно показывают, что противники фараона прочно утвердились на территории, которая считалась сферой влияния Египта. Возможно, причиной потери этих земель стало освоение их иноплемениками. Вероятно, восстаповление египетской власти не было таким уж легким делом, как это представлено, ибо сам Уни признается, что для полного покорения жителей песков понадобилось пять военных походов.

На этом походы Уни не закончились. Ему пришлось отправиться на юг, в Нубию. Но теперь речь шла скорее о надзоре и торговле, чем о завоеваниях. В то время Нубия была спокойна. Мы уже упоминали о том, что нубийцы служили в войске фараона. Этот регион тем не менее не был ни составной частью Египта, ни его колонией. Граница между Нубией и Египтом проходила по первому порогу. Можно понять, что Нубия была особой сферой влияния и источником экзотических товаров, ценных в землях фараона. Царь назначил Уни «начальником Верхнего Египта», несомненно, для того, чтобы сызнова утвердить свое владычество над этой далекой от столицы областью, где местные князья, особенно номархи Элефантины, вели себя слишком независимо. Определяя на должность наместника свое доверенное лицо, царь надеялся показать им, кто подлинный и единственный хозяин страны. Но эта миссия не была столь успешной, как все остальные. Ведь титул «начальника Верхнего Египта» носили также и номархи. Попытка реставрации абсолютной централизованной власти на юге провалилась.

Уни оказал еще немало услуг своему суверену. Он организовал экспедицию к гранитным карьерам Асуана. На двенадцати судах привезли камень для постройки пирамиды Мерефра. При этом Уни оказался таким мастером в «перевозке материала», что сумел доставить из Туры саркофаг, а также архитрав и стол для жертвенных воззваний, не говоря уже о плите для жертвоприношений из алебастровых карьеров Хатнуба. Все это он доvez до Мемфиса по мелководью за семнадцать дней. Уни же поручили прорыть пять каналов между нагроможденными скал первого порога.

В конце своей карьеры Уни стал управляющим Верхним Египтом. Он обладал всей полнотой власти, богатством, ему воздавали почести, а он отлично вел учет имущества и доходов царя. Последняя миссия, возможно, отражает беспокойство фараона, желавшего знать, насколько прочна его власть в стране.

* * *

Началу правления Пиопи II сопутствовали наилучшие предзнаменования. Египет могуч, Мемфис — блистательная столица. Достаточно лишь взглянуть на великоленные мастабы знати, на гробницы с чудеснейшими барельефами в мемфисском некрополе, от Абу-Сира на севере до Саккары на юге. Все здесь дышит красотой и спокойствием. Фараоны VI династии продолжают строить пирамиды. Они ниже пирамид Хуфу и Хафра, но не уступают им в величии. Все эти сооружения имеют пропорции, продиктованные так называемым «священным треугольником». Своды усыпальниц сложены из огромных блоков толщиной до двух с половиной метров и весом почти сорок тонн. По традиции, ведущей начало от последнего царя V династии Уписа, на стенах склепов продолжают высекать «Тексты пирамид». Под звездным сводом своего вечного жилища, как в раскрытой книге, спят вечным сном фараоны.

Серьезные проблемы ставит перед Пиопи II ном Элефантины, через который проходит граница между Египтом и Нубией. Царь вынужден дать этому региону особый статус. Им управляет не сам номарх, а чиновник высокого ранга, наделенный особыми полномочиями. За границей тщательно наблюдают, в Нубию регулярно посылают экспедиции, поддерживают в хорошем состоянии дороги, открытые «разведчиком» Хуфхором, прокладывают новые торговые пути. Решено основать в Нубии египетские колонии и защищать их с оружием в руках. Путешественники, торговцы, воины бороздят Нубию. Караваны везут в Египет драгоценные камни, страусовые перья, эбеновое дерево. Нубия — экзотическая мечта Египта. Это реальный и разумный форпост перед Черной Африкой.

Торговая деятельность Египта при Пиопи II не ограничивается экспедициями в Нубию. Устанавливаются регулярные связи с Пултом (район современной

Эритрея) и с Библом. Из этих областей ввозили предметы роскоши, драгоценные эссенции, дерево редких пород — все, что особенно ценилось двором с его утонченными вкусами. Такие экспедиции были сопряжены с известным риском. На одно из торговых египетских посольств в начале его пути к Пунту напали кочевники и перерезали многих путешественников. Птолеми II отреагировал мгновенно. Он послал карательный отряд, чтобы наказать убийц, а главное — привезти останки жертв, чтобы предать их погребению в Египте. Ведь для египтянина во все времена не было участи горше, чем умереть вдали от родины, «возлюбленной земли».

Отдельные отряды египетского войска совершают набеги на Палестину. Они разрушают стены укрепленных городов, враждебных Египту, а если нужно, под видом карательных акций опустошают виноградники и уничтожают посевы, истребляют жителей и уводит пленников. В храме у пирамиды Птолеми II изображены даже несколько ливийских вождей, приведенных к фараону. Но в исторической достоверности этих военных кампаний можно усомниться. Ведь это изображение в точности повторяет сцену, изваянную в поминальном храме царя V династии Сахура; ливийские вожди даже носят те же имена!

Более успешным нововведением оказались экспедиции в удаленные оазисы. Здесь вновь действует неутомимый разведчик Хуфхор, одержимый стремлением открывать все новые и новые горизонты. В 250 километрах к западу от Луксора рассеяны такие оазисы, как Харга и Дахла, маленькие замкнутые мирки, достойные, однако, упоминания. Харга в наши дни протянулась на 150 км в длину, а ширина ее колеблется от двадцати до сорока километров. В оазисе Дахла, в Балате, где Французский институт восточной археологии недавно произвел многообещающие раскопки, открыты гробницы, датируемые VI династией. В одной из них захоронен важный человек по имени Медунефер, помещик, капитан и высокопоставленный жрец. Его погребение оказалось нетронутым, так как наземная часть сооружения обрушилась. В гробнице найдено много любопытных вещей, среди которых каменные изголовья, палетки писцов, драгоценности, амулеты. Зодчие VI династии построили здесь довольно большой город. Начиная с этого времени оазисы перестали быть острова-

ми, затерянными в бескрайней пустыне, они становятся обитаемыми и цивилизованными областями Египта.

Царь особенно заботился о религиозных учреждениях; он издал закон об освобождении их от налогов. Подражая своему предшественнику из V династии Нефериркара, он освободил некоторые храмы от всех податей³.

Вскоре оказалось, что такая политика небезопасна. Даруя подобные привилегии, отдавая в безвозмездное пользование храмам земли, по праву принадлежащие фараону, Птолеми II положил начало ослаблению царской власти. Его престиж неуклонно падал. Почему же он так поступал? По собственной ли воле или из необходимости заручиться преданностью номархов или местных властителей, которая была прямо пропорциональна щедрости царя? Как бы то ни было, это, похоже, первые шаги государства к пропасти. Освобождение от налогов приводит к уменьшению подвластных царю земель. В помах образуются сословия, которые держатся за вновь приобретенное богатство. Конечно, не стоит рисовать чересчур мрачную картину. Знатным людям далеко до фараона. Он остается царем-богом, на его власть никто не посягает. Но червь уже точит плод.

Могущественное царство Птолеми II оказалось колоссом на глиняных ногах. Повиновна в этом была отнюдь не угроза извне, а сама его внутренняя структура. Слабым местом государства оказались отношения фараона с номархами. Цари V и VI династий, желая обеспечить лояльность местных правителей, дали им чересчур много привилегий. Прочно обосновавшись в своих областях, номархи мало-помалу образовали государство в государстве. Формально признавая центральную власть, в действительности они были от нее независимы. Тому есть два свидетельства. Первое — номархи предпочитают строить свои усыпальницы в собственных помах, а не возле гробницы фараона. Второе — они стараются сохранить все приобретенные богатства в семье, а для этого передают свои должности по наследству сыновьям, не спрашивая позволения царя. Фактически фараон лишь в очень редких случаях назначает номарха. Так, некоторые номархи обрели независимость. Например, номарх Абидоса имеет свой двор, преданных чиновников, архитектура его резиденции копирует царский дворец. При этом номархи — люди провидательного ума и чрезвычайно сведущи в

государственных делах. Они совершенно не намерены сопротивляться центральной власти, от которой зависят и которую считают неотъемлемым условием спокойствия Египта, а следовательно, сохранения их собственного благосостояния. Но чем дальше от Мемфиса, тем свободнее чувствуют себя высокопоставленные лица в своих владениях.

Приведенный анализ не претендует на исчерпывающую полноту. Возможно, еще бытовало представление о том, что посмертный жребий всех египтян связан с потусторонней судьбой их фараона. Знать продолжала строить гробницы в Саккаре, под сенью царской пирамиды, под защитой царя-бога. Было бы преувеличением вообразить, что заговорщики-номархи собирались свергнуть фараона. Мы говорим о положении дел, которое само по себе вело к неизбежному результату, а не о состоянии умов.

Часто пишут, что под старость Пиопи II уже не обладал достаточной властью, чтобы управлять Египтом, что великий старец, которому было уже за девяносто, отдал бразды правления номархам, они же своей враждой ввергли страну в пучину анархии. Сатирическая литература даже обвиняет Пиопи II в преступной связи с одним из его великих сановников. Любовники при содействии продажного чиновничества якобы находили удовольствие в грязных судебных интригах, лишали истцов возможности получить возмещение убытков. Все это, вероятно, можно объяснить тем, что народ был недоволен правлением угасающей династии. Экономика постепенно замирает. Свидетельство тому — замена при строительстве кирпичом-сырцом камня, перевозки которого становились затруднительными. А это в Египте всегда признак экономического и социального нездоровья. Но гробницы номархов, например в Менфе, Асьюте, Асуане, по-прежнему роскошны, и ничто не наводит на мысль, что страна стоит на краю пропасти.

Совершенно неправомерно говорить об «общественном брожении» при Пиопи II. Чтобы разобраться, почему этому трудному царствованию пришел конец, историки предположили вторжение кочевников в Нижний Египет, гражданскую войну, ряд неурожайных лет и голод, пренебрежение ирригационными работами, приведшее к истощению земли... Но все это — лишь гипотезы, а не установленные факты. Единственное,

что достоверно, — это ослабление центральной власти и усиление некоторых номархов. Самые богатые номы смогли приобрести относительную независимость. Быть может, страна действительно обеднела, но причины этого неизвестны.

К концу правления Пиопи II Древнее царство распадается. Великому монарху наследуют восемь или более царей, но среди них нет ни одной сильной личности. Можно предполагать серьезные проблемы престолонаследия, дворцовые интриги, приведшие к политической нестабильности, экономические последствия которой всегда были очень серьезны для такой страны, как Египет. Последней властительницей VI династии Древнего царства была Нитокрис, — по словам Манефона, самая благородная и прекрасная женщина своего времени. Геродот не преминул рассказать о ней пикантные подробности из области «кухонных сплетен»: она якобы покончила с собой после того, как отомстила тем, кто убил ее брата и передал ей власть. Так Египту приписали печальные, губительные ссоры, типичные для Греции ⁴.

Нитокрис, действительно, пришлось править, говоря современным языком, во время «кризиса», слишком глубокого, чтоб из него можно было выйти. К 2155 г. до н. э. Древнее царство исчезло в тумане Первого переходного периода.

Глава VII

СЕНУСЕРТ И УЛЫБКА СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Одно из чудес археологии на огромной густо застроенной территории Карнака — часовня, или небольшой храм царя Сенусерта I, одного из фараонов Среднего царства (XI и XII династии¹, властвовавшие с 2134 по 1785 г. до н. э.). Маленький памятник неправдоподобно чистых линий исчез. Его аккуратно разобрали сами египтяне и заложили его блоки в основание третьего пилона большого Карнакского храма. Этот шедевр ценой кропотливой работы воссоздал французский архитектор Анри Шеврье. Перед глазами людей двадцатого века предстала часовня в виде каменного куба, прорезанного окнами, пропускающими внутрь свет, со слегка поднимающимися входными пандусами. Я часто глядел на этот возрожденный храм и заметил две особенности: во-первых, иероглифы, высеченные на стенах, непогрешимо совершенны. Они воскрешают в памяти Среднее царство, эпоху по преимуществу литературную, египетский язык которой считается классическим. И еще: мне кажется очевидным, что этот храм улыбается. Независимо от его строгости, его священное назначение? он оживлен такой внутренней радостью, таким полным ощущением гармонии всего сущего, что улыбка глядит с его камней живым символом того времени, когда правили великие фараоны.

Личность царя Сенусерта стала легендарной: он — властелин вселенной. Его слава вышла далеко за пределы Египта, ибо Сенусерт с благословения богов правил миром. Прежде чем приступить к завоеванию земель, он победоносно завершил войну против Ливии. Девять лет сражался он в Азии и Европе и всюду оставлял стелы в память о своих победах. По возвращении в Египет он разоблачил заговор; подстрекателем оказался его брат, а целью — убийство царя. Сенусерт возвел множество храмов, построил плотину, выкопал каналы, в частности большой канал между Нилом и Красным морем. В его царствование

налоги были справедливыми, а земельная политика успешной. Он сделал правосудие беспристрастным, составив исчерпывающий свод законов. Великодушный Сенусерт освободил часть военнопленных и должников. Он стал для Египта олицетворением мира и безмятежности.

За этой легендой скрыта историческая правда. Но Сенусерт, о котором идет речь, отождествляется с двумя великими фараонами — Сенусертом I (1971—1926 гг. до н. э.) и Сенусертом III (1878—1841 гг. до н. э.), правление которых было расцветом XII династии. Сенусерта III часто путают с Рамсесом II: египетские имена этих двух фараонов похожи. Имя Сенусерт означает «человек (богини) Усерет»; о последней мы, к сожалению, мало осведомлены. Сенусерт I, царствовавшие которого стало синонимом прочного мира, был, однако, великим воином, человеком, умевшим править твердой рукой. Он почитал предков и посвятил основателю XI династии Инхотефу Великому статую, а Ментухотепу II — жертвенник. Он, конечно, не забыл тревожных времен Первого переходного периода, когда страна погрузилась в полный хаос. Потому-то Сенусерты и были особенно энергичны в государственных делах, что стремились предотвратить возврат смутной эпохи, когда царило зло, когда разбойники с большой дороги грабили население, служанки крали богатства своих хозяек, а на смену порядку пришел хаос.

Сенусерта называли «звездой, которая освещает Обе земли» (намек на его роль духовного наставника), «соколом, побеждающим силой» (то есть верховным военачальником), «сыном Атума» (наследником демиурга), «властелином вселенной». Сенусерту III также воздавались подобные хвалы: его называли оплотом в смутные времена, кровом, защищающим боязливых от врагов, теплым и сухим местом зимой, убежищем, укрывающим от преследования. Итак, Сенусерты извлекали пользу из литературы, предназначенной петь им хвалу, доказывать их милосердие и прославлять их как благодетелей и защитников. Во всех городах царя Сенусерта любили больше, чем собственных местных богов. Мужчины и женщины ликовали при виде фараона. Синухет описывал царя так: «...бог, которому нет равного и подобного которому не было до него. Он исполнен мудрости: его замыслы

совершенны и распоряжения превосходны». Сенусерты были одновременно мудрецами и людьми дела, встречавшими опасность лицом к лицу. Каждый из них только сам может натянуть свой лук: никто не сравнится с ними силой. Но такая мощь не мешала им нежно любить свою страну. Каждый египтянин должен всем сердцем почитать царя, ибо тот дает жизнь своим верноподданным. Врагов же царя покарает бог.

В местности Кахун³ найдена целая кипа важных папирусов. На одном из них записан гимн Сенусерту III живущему. Папирус рассказывает о празднике, устроенном в честь приезда царя в одну из своих резиденций. Народ ликовал, приветствуя царя, как защитника Египта, победителя, повергнувшего противника. Радовались все: боги, предки, народ. Сенусерт — это пастырь, который дарует египтянам дыхание жизни. Конечно, не случайно, что первый известный колосс, символ обожественного царя, датируется царствованием Сенусерта III.

* * *

Отец Сенусерта I, великий фараон Аменемхет I, приобщил сына к делам правления. Когда Сенусерт занимал пост vizира, владыка поручил ему отправиться с экспедицией в карьеры Вади Хаммамат и отыскать камень для большого саркофага. Когда рабочие трудились, к ним подбежала газель. Озадаченные, все прекратили работу: обычно это пугливое животное не приближается к людям. Но рабочим предстояло удивиться еще больше. Газель родила детенышей на большой каменной глыбе, которая оказалась как раз подходящей для крышки саркофага.

Аменемхет I сам обучил сына «ремеслу» фараона. Его слова, запечатленные на папирусе, деревянных табличках, острака и даже на кожаном свитке, причисляются к литературным шедеврам древнего Египта. Аменемхет I признается, что его правление оказалось нелегким. У него были столкновения с некоторыми местными властителями. «Я ходил до Элефантины, — объясняет он, — я спуускался до Дельты. Я стоял на границах страны. Я созерцал пределы ее, я простер до границ могущество длани своей». Царь советовал сыну следовать его указаниям, если тот

хочет царствовать счастливо. Пусть рассчитывает только на себя, ибо когда приходит беда, у тебя нет друзей. Пусть сын будет бдителен со своими подданными, пусть не доверяет никому, даже самым близким. Пусть он научится сохранять ясный ум даже во время сна. Старый царь давал все необходимое беднякам и сиротам, но взамен не получил ничего, кроме неблагодарности и неприязни. В течение всей своей жизни он был осторожен, за исключением одного единственного случая. Это произошло однажды вечером во дворце. Царь предался отдыху после обеда, ибо сердце его устало. Вдруг послышался звон оружия. Люди, проникшие в личные покои фараона, произнесли его имя. Почувствовав опасность, он замер, как змея в пустыне, но так и не смог оказать сопротивление убийцам. Даже успей он выхватить меч, все равно был бы убит: врагов было слишком много.

Стал ли отец Сенусерта I жертвой заговора, или ему удалось избежать насильственной смерти? В поучении, которое он дает сыну, это не уточняется⁴. Как бы то ни было, новый фараон запомнил урок. Еще при жизни отца он выполнял обязанности командующего войском в Азии, Ливии и Нубии, а став фараоном, пресек все попытки мятежа. Сенусерт обуздал и чужие земли, и Египет. В законодательстве он воспользовался услугами искусного визиря Ментухотена, одного из организаторов религиозных мистерий в Абидосе, где фараону принадлежала ритуальная роль Хора. Царь любил визиря больше всех других сановников, а визирь вел дела так, что власть царя признавали и в Египте, и в других странах. Единственный друг фараона, Ментухотен принимает почести от всех других придворных, одаривая каждого вельможу своими милостями. Это он с позволения царя утверждает законы, назначает на должности чиновников, следит за выполнением кадастра, отпускает людей с миром после приговора трибунала. Так как визирь еще и судья, ему покровительствует бог Тот. На его языке — изречения бога, дабы не произносить несправедливых слов. Зная все, что таится в глубине сердец, он изобличает лжецов и удаляет от особы фараона всякого, кто питает к нему недобрые чувства.

Сенусерт I управляет страной, опираясь на личный совет. Царский двор располагает бюджетом, за

которым тщательно следят писцы, требующие отчета обо всех расходах. Они указывают, кто отдал распоряжение, будь то в устной или в письменной форме. Веде — и в городе и в деревне — работают чиновники. Производится перепись населения. Сокровищница полна, богатствами хорошо распоряжаются. «Казначей бога» отпускают средства на большие работы согласно описям.

Египет Сенусерта I процветает главным образом благодаря административной реформе, начатой еще при его предшественниках. Фараону удалось уладить непростое дело: отменить привилегии и ограничить власть номархов. Он снова берет бразды правления в свои руки. Правда, некоторые семейства в номе, например в Бени Хасане, остаются богатыми и могущественными, местная знать содержит дворы, столь же пышные, как у фараона, куда ливийцы приносят дань, как они это делают в честь царя Египта. При пересмотре кадастров точно установлены границы номов. Пределы владений отныне стали незыблемы, как небеса. Царь поступает как Атум-демиург. Он отринув несправедливость, восстановил в стране первоначальный порядок, дал каждому то, что ему причитается. Он возвратил обратно земли, украденные одними городами у других.

Областена начальники, номархи, становятся верными подданными царя. Любимые в столицах своих номов, как они сами утверждают, они исчисляют годы своего правления так же, как фараоны. Они строят себе великолепные гробницы: среди вершин египетского искусства некрополи Эль-Берше, Бени Хасана, Мемра. Номархи, должность которых была наследственной, имеют собственные ополчения, собирают для фараона налоги, следят за ирригационной системой. В царствование Сенусертов номархи становятся блестящими чиновниками, которые по праву хвалялись тем, что накормили голодных, одели нагих, приняли меры при неурожае. Номархи не стоняют земледельцев с их угодий, не угнетают слабых.

Сенусерт III, по-видимому, ликвидировал остатки привилегий номархов. Об этом говорит исчезновение пышных гробниц в номе после его царствования. Царская власть снова утверждается во всей своей мощи. Творения литературы подчеркивают это возвращение к исконным традициям Египта.

Сенусерт I устроил столицу не в Фивах, а в Среднем Египте⁵, откуда ему было легче управлять и севером и югом страны. Он назначает одного из своих приближенных «маром» Фив, чтобы не упускать из поля зрения этот великий город. Сенусерт свискает любовь жрецов Амона и самого бога Фив, но не пренебрегал и другими божествами, как, например, Птахом — богом Мемфиса. Известен восхитительный рельеф, где Птах по-братски обнимает Сенусерта и дает фараону дыхание жизни.

Царь был великим строителем. Из карьеров ему поставляли материал, необходимый для возведения важнейших сооружений. В столичном городе Ллште была построена его пирамида, в Карнаке — великолепная часовня, о которой говорилось в начале главы, и другие строения при храме Амона, в Гелиополе — храм, от которого уцелел один лишь обелиск. Сохранился текст, рассказывающий о совещании царя с советниками по поводу строительства в Гелиополе. В третий год царствования Сенусерт I пожелал посвятить храм богу Ра-Хорахти. Царь является в зал приемов в двойном венце и совещается с придворными. Бог послал фараона на землю, чтобы тот исполнил свой долг перед ним: Сенусерт должен воздвигнуть святилище. Фараон поясняет: «Он поставил меня пастырем этой страны, ибо ему ведомо, кто установит в Египте порядок. Он вручил мне то, что он защищает (вселенную), то, что освещает его око». Фараон — избраннык, он предназначен царствовать «с зародыша». Страна принадлежит ему во всей своей протяженности, в длину и в ширину, его власть простирается до небес. Возводя храмы, царь продолжает жить в своих творениях, он не может исчезнуть бесследно. «Что принадлежит вечности, то не погибает». Придворные одобряют план Сенусерта: «Слово в твоих устах. Знай же за тобой, о царь!» — восклицают они. Посоветовавшись с управителем дворца и «министром финансов», властелин поручает им организовать работы и подготовить строительную площадку. В заключение описана церемония закладки храма, возглавленная фараоном. Верховный жрец-чтец и писец божественных книг держат веревку, по которой намечают план нового строения, а народ ликует.

Почти все архитектурные памятники той очистительной поры разрушены. В эпоху Нового царства камень древних построек закладывали в фундаменты новых храмов. Повторное использование старых блоков связано с желанием следовать священной традиции — воплощать древние творения в новых. Поэтому при «демонтаже» храмов или пилонов находят разрозненные части построек времен Среднего царства.

Сенусерт I, как и фараоны Древнего царства, выбрал себе усыпальницей пирамиду. Ее высота — около шестидесяти метров. В подземных помещениях можно заметить технические новшества. Фараоны Среднего царства усложняют систему коридоров, создают настоящие лабиринты. Возможно, это делалось для того, чтобы сбить с толку грабителей. Кроме того, вход в пирамиду расположен теперь не на севере. Это, без всякого сомнения, свидетельствует об отказе от древней теологии, ключевым моментом которой было учение о пребывании души возле околополярных звезд.

Большое деяние Сенусерта I и всей XII династии — освоение и культивация земель в районе Фаюма, к северо-западу от Каира, там, где рукав Нила Бахр Юсуф поворачивает к знаменитому Меридову озеру, современному Биркет аль-Карун. Сенусерт I превращает этот район в один из самых плодородных в Египте. Он также строит его столицу Шедет, что значит «место, образованное от рытья», которую греки называли Крокодилополем⁶, то есть городом крокодила, потому что в городе поклонялись Себеку, богу с крокодильей головой. Благодаря необычайно эффективной ирригационной системе Фаюм стал маленьким земным раем, чарующей местностью на берегу озера, богатого рыбой. Шляз в Эль-Лахуне регулировал подъем воды. После разлива озеро служило резервуаром воды для земледельцев. Фаюм становится обширной и очень богатой областью с площадью приблизительно 2000 км². Ландшафт оживляют ивы, акации, тамаринды, на полях выращивают зерновые, лен и виноград. Пользуясь мягким климатом, обитатели этих земель насадили цветущие сады, где порхало множество птиц.

Археологи нашли развалины города Эль-Лахун. Положение его занимал дворец царя. Войти в город, окруженный крепостной стеной, можно было только через один ворота. Градостроительные приемы просты и

ясны⁷. Резиденции сильных мира сего занимают значительные площади (около 2500 м²), а самые маленькие домики — примерно 80 м². Ремесленники, ваятели, золотых дел мастера, сандалщики объединялись по роду занятий.

Значительно позднее, в эпоху Птолемеев, Фаюм достигнет еще большего процветания. Птолемей воздвигнут храмы, заложат новые поселения, улучшат систему дамб и плузов и увеличат, таким образом, посевные площади. С пачала III в. п. э. регион, как и весь Египет, страдал от плохого управления и мало-помалу захирел. Возделанные земли были погублены.

Экономическое значение Фаюма не должно затеплять роли этой области в мифологии. Эту местность отождествляли с изначальным океаном, считали «матерью богов и людей», залогом плодородия земли. Кроме того, западнее Эль-Лахуна был построен знаменитый лабиринт — поминальный храм царя Аменемхета III.

Геродот писал: «Это двенадцать крытых зал, порталами своими расположенных одна против другой и соединенных между собой в одно помещение; шесть зал обращены на север, шесть на юг. Снаружи они окружены большой стеной. Покои в лабиринте двойного рода, одни подземные, другие на поверхности земли, над первыми; всех покоев три тысячи, по полторы тысячи в каждой половине. Покои наружные мы видели сами, ходили по ним, рассматривали их и на основании этого говорим о них, тогда как о покоях подземных мы узнавали только по рассказам. Египетские сторожа ни за что не хотели показывать их нам, потому что, говорили они, там помещаются гробницы царей, соорудивших лабиринт, и священных крокодилов. Таким образом, о подземных покоях мы говорим по слухам, а наружные, превосходящие дела рук человеческих, мы осматривали сами. Действительно, переходы через покои и извилистые коридоры от одной залы до другой, исполненные разнообразнейшего великолепия, представляли тысячи чудес, когда, бывало, переходил из залы в покои, из покоев в коридоры, из коридоров в другие покои, из этих покоев в новые залы» (*Геродот. История, II, 148. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888*). Таково свидетельство греческого путешественника об этом сложном храмовом сооружении, от которого не осталось и следа⁸.

Сохранился портрет Сенусерта III в зрелом возрасте. Это суровый, серьезный человек, сознающий важность своих обязанностей. На его лице читается настороженный скептицизм. Фараон не строит иллюзий по поводу людских добродетелей. Опыт правления великим правителем от заблуждений. Его владычество не слишком отличается от царствования Сенусерта I. Глубоко религиозный, он заботился о священном городе Абидосе, достигшем в период Среднего царства наивысшего расцвета. В Абидосе поклонялись Осирису и праздновали мистерии в его честь. Царь посылал туда главного казначея, чтобы должным образом украсить великий храм. Высокопоставленный чиновник привез жрецам Осириса многочисленные подарки: золото, серебро, лазурит. Бог вознаграждал фараона, даровав ему славу.

В религиозной политике фараона Абидос играл главную роль: ведь фараон отождествлял себя с Осирисом, богом этого священного города⁹. Считалось, что каждый человек, в свою очередь, может стать Осирисом и наслаждаться счастьем в потустороннем мире, если его душа будет оправдана на суде мертвых. В Абидосе насчитывается значительное количество посвященных стел. Самая распространенная ритуальная формула посвящения такова: «Жертва, даваемая царем, чтобы дал он жертву такому-то». Царь и бог соединяют свою силу и обеспечивают уснопшему загробную жизнь.

Идея абидосского культа оказалась бессмертной. На закате египетской цивилизации, когда угасла жизнь в Фивах, древний культ Осириса, дополненный культом Исиды, перекочевал в Европу. Там он продолжает свою жизнь в такой общепризнанной религии, как христианство, и в тайном учении общества посвященных — франкмасонстве.

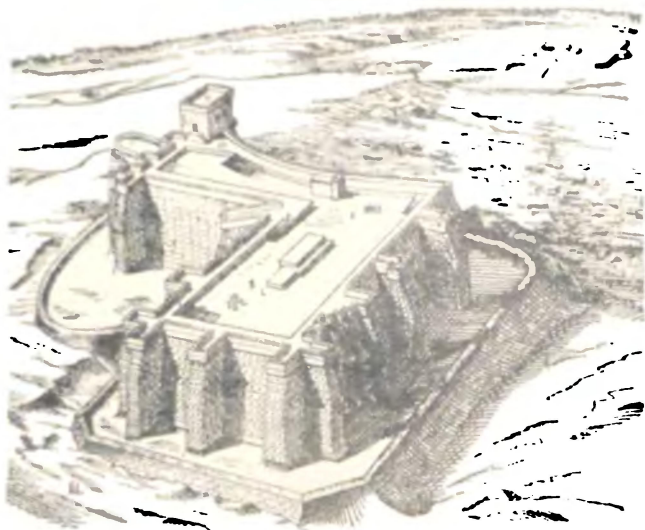
Единый, неделимый, хорошо защищенный на границах Египет Сенусерта III не забывал о внешнем мире. Предпринимаются дипломатические миссии и военные походы: египтяне торгуют, ищут золото, разрабатывают карьеры, строят крепости — вот основная цель этой деятельности. От Коптоса отправляются в землю Пуна караваны ладаном. Воины охраняют торговые караваны, отражают нападения грабителей, которые бредут по дорогам пустыни. Хорошо налажено

снабжение: путники признают, что их отлично кормят. Чтоб облегчить путь, косят колоссы. Бедуянов и ливийские племена считают варварами: у них не существует правил, свойственных народам цивилизованным. Ведь они нападают на противника, не предупредив о дне сражения.

Сенусерт III был очень тверд в своей нубийской политике. На восьмой год правления царь совершил поход, чтобы сокрушить «презренную страну Куш», нынешний Судан. Для прохода кораблей фараон приказывает вырыть новый канал у острова Сехель близ первого порога. Он серьезно относится к возможности восстаний нубийцев. Для свободного и безопасного следования торговых караванов необходимо, чтобы в Нубии царило спокойствие. На шестнадцатом году владычества царь ставит стелы на острове Урварти и в Семне. Так он отмечает пределы египетской экспансии на юге. Сенусерт III оповещает: «Я установил границу, я миповал пределы, достигнутые моими отцами в верховье, я преумножил то, что получил. Я царь, что произносит слово и совершает поступки. То, что задумало мое сердце, я осуществляю». Фараон не испытывает никакой жалости к противнику, на которого нападает. Он никогда не отступает. Среди наследников царь признает сыном того, кто защитит границы, и отрекается от того, кого не тревожит их безопасность. Статуя Сенусерта, воздвигнутая в Нубии, будет вечным напоминанием потомкам об их долге.

Сенусерт III строит и укрепляет тринадцать крепостей между Элефантинной и Семной к югу от второго порога. Построенные на возвышенных местах или на островах, крепости дают возможность следить за передвижениями нубийских племен. Эти сложные из кирпича укрепления служат для обороны. Египет защищен стенами, бастионами, башнями и крепостями, которые соединяются между собой дорогами. Таковы Бухен, Миргисса, Семна, вид которых мало чем отличается от средневековых укрепленных замков. Впрочем вероятно, что наряду со стратегическими задачами на эти поселения возлагался таможенный контроль. Очень тщательное наблюдение ведется за границами: ни один нубиец не мог их пересечь без разрешения египтян.

Хотя Сенусерт III возвещает о пленении нубийцев и доставке их в Египет, об уничтожении огнем посе-

Крепости в Семна и Кумме
(реконструкция Перро и Шипье)

вов в наказание мятежникам, его владычество через много веков оценили по заслугам, так как в Нубии ему стали поклоняться как богу. И подарком: царь проявил свойственный ему государственный ум, покровительствуя культу Дедуна, древнего нубийского бога, чтимого местным населением.

Как и многие другие фараоны, Сенусерт III проявлял замечательное мужество, когда того требовали обстоятельства. Он лично возглавил единственный крупный военный поход времен Среднего царства. Он повел свое войско в Сирию и Палестину, где беспрепятственно истребил противника, метко стреляя из лука. Азиаты и бедуны, все еще державшиеся на окраинах Дельты, по всей вероятности, пытались делать набеги на египетские земли. Такой монарх, как Сенусерт III, не мог с этим мириться. Удар был молниеносным и успешным. Войско достигло района Сихема и разгромило палестинцев в самом сердце их владений. Один из воинов по имени Себекху совершил ряд подвигов, достойных упоминания в тексте стелы. Хорошо известен внешний вид азиатов тех времен, так как в гробнице монарха из Бени Хасана с мельчайшими подробностями изображено тридцать семь азиатов.

У мужчин и женщин черные волосы, пестрые одежды, они обуты в сандалии. Женщины носят в волосах ленты, их лодыжки украшены браслетами. Мужчины вооружены копьями, секирами, луками и метательными палками. Один из них играет на лире.

Итак, продолжая труды Сенусерта I, Сенусерт III укрепляет страну с востока и юга. В войске имеются специальные подразделения для охраны границ. Номархи в своих областях в случае надобности набирают рекрутов в войска, но в них служат и иноземцы, например нубийские лучники. Их деревянные фигурки найдены в могиле важного вельможи, князя Асьюта, отправившегося в мир иной в окружении своих воинов. Пехотинцы вооружены луками, стрелами, деревянными щитами, обтянутыми бычьей кожей, копьями, мечами.

Помимо войск фараоны Среднего царства владеют иным, совершенно необычным средством ведения войны: магией. Враги Египта считались, собственно говоря, не просто противниками, а воплощением зла. А значит, необходимо было применять магические средства, потому что одного оружия оказывалось недостаточно. На сосудах или статуэтках, изображающих пленников со связанными за спиной руками, писали названия азиатских или нубийских племен, которые подлежало уничтожить. Таким образом, на врагов накликалась порча. Эти предметы сразу же разбивали, после чего должны были погибнуть в недрах Египта. До нас дошли списки князей и чужезмцев, повинных в беспорядках, которые прекратились после вмешательства умелых чародеев. Не следует подходить ко всему этому с легковесным рационализмом и глумиться над обычаями, которые, как свидетельствуют этнографы, по сию пору бытуют у некоторых народов. Это говорит об их живучести, они — одна из форм реальности, пусть даже идущая вразрез с нашими представлениями.

* * *

Египет Сенусертов был цивилизованным обществом. В период Среднего царства, когда в жизни существовало столько светлых, лучезарных сторон, художественный гений выражал себя во всей полноте радости творчества. Переживало свой золотой век,

например, ювелирное искусство. В Дахшуре и Эль-Лахуне в гробницах царевен открыты настоящие сокровища, среди которых первое место занимают украшения. Исполнение, выбор формы, цветовая гамма свидетельствуют о вкусе и уточенности, близких к совершенству. Чаще всего украшения делались из золота и полудрагоценных камней. Каждый камень имел свой определенный символический смысл. Бирюза, например, олицетворяла небесную радость, получаемую богиней Хатхор. Некторали, кулоны, амулеты, бусы, диадемы, ожерелья, браслеты изготовлены со вкусом и мастерством, в котором нет ничего лишнего или вычурного.

Неудивительно, что эту эпоху считают «классическим» периодом в истории египетской письменности. Когда приближаются к иероглифам, знакомство с текстами начинают с таких сочинений Среднего царства, как «Сказка о потерпевшем кораблекрушении», или «Приключения Синухета». Однако их чтение и толкование отнюдь не логично. Признаю, что литературные средства выражения в то время достигли совершенства, в основе их лежит сложнейшая грамматика, в которой до сих пор обнаруживают тысячи новых нюансов. В литературе Среднего царства представлены многие жанры: трагедия — «Беседа разочарованного со своей душой», где человек в изысканных выражениях размышляет о смерти; приключения — «Синухетом», его жизнью, полной подвигов и опасностей; сказки — «Потерпевшим кораблекрушение»; эпос и сатира — «Обличениями поселенца», где буйно рассыпаны перлы риторики, и «Сатирой на профессии», в которой писец хулит по очереди все ремесла, кроме собственного, показывая, что оно наилучшее¹⁰; пророчества, где мудрецы описывают ужасные события и опасности, грозящие Египту, и возвещают приход царя-спасителя; «Поучения», где царь обучает сына ремеслу управления и искусству общения с людьми.

Среди различных, более или менее увлекательных произведений самым знаменитым можно считать рассказ о Синухете. Это произведение полностью воссоздано по различным папирусам и острака. Повествование ведется от первого лица. Синухет, имя которого означает «Сын сикомора», рассказывает о своей жизни. Рожденный в незнатной семье, воспитанный

при дворе в Липте, этот чиновник был служителем гарема царицы Снефру, супруги Сенусерта I. Рассказ начинается в десятый год царствования фараона, когда тот еще делит власть со своим отцом Аменемхетом I и ведет военные действия на территории Ливии. Синухет во время похода попал в затруднительное положение, определившее его дальнейшую судьбу.

В год тридцатый, в третий месяц разлива, в седьмой день царь Аменемхет I поднялся на свой горизонт и воссоединился с солнечным диском. При дворе воцарилась печаль. Все облачились в траур. Большие ворота дворца закрыты. Придворные в скорби сидят, уткнув головы в колени. Печальная весть достигла Сенусерта I. Ее сообщают ему спешно отправленные посланники. Царь отбывает с небольшим отрядом преданных придворных, чтоб как можно скорее добраться до столицы.

Несчастья Синухета начинаются с того, что однажды ночью он случайно слышит тайный разговор, из которого, как ему кажется, узнает о готовящемся против царя заговоре. Что же замышляется? Гражданская война? Захват престола? Неизвестно: Синухет так перецугался, что, не дослушав, пустился наутек. Он признается: «Сердце мое смутилось, руки мои дрожали, трепет охватил все тело — удалился я прыжками, нашел укрытие и затаялся в кустах, очищая дорогу идущему»¹¹.

Синухет направился на юго-восток, пересек южную окраину Дельты, переправился через Нил и оказался у «Стен князя». Речь идет о знаменитой крепости, построенной фараоном Аменемхетом I на северо-восточной границе Египта для защиты земель Дельты от набегов азиатов. Эти «Стены князя» были столь величественным сооружением, что о нем возникла легенда. Собственно говоря, считалось, что великая египетская стена идет от Пелусия до Гелиополя. В действительности же все было куда скромнее: речь шла о малых фортах с постоянным гарнизоном, построенных в нескольких местах. Вероятно, именно в ту эпоху возникло понятие «граница». Фараоны желают сохранить территориальное единство Египта, где живут «люди», окруженные иноземцами, находящимися, в самом деле, на значительно более низкой ступени цивилизации.

Синухет притчется, чтобы не понасться часовым. Он продолжает свой путь лишь ночью. Но силы его на исходе. «Жажда напала на меня, овладела мною жажда, задыхался я, горло мое пылало, и я подумал: „Это вкус смерти“». Вдруг он слышит рев стада. Это приближаются бедунны. Один шейх, бывавший в Египте, узнает Синухета. Он дает ему воды, молока, а затем уводит к себе.

Начинается кочевая жизнь Синухета. Он проходит одну страну за другой, минует Сирию и Палестину, которые в то время спокойны. Хотя между ними и Египтом не было настоящего союза, войска фараона поддерживали мир и порядок на этих землях: Сенусерт I избрал дипломатический путь. Добравшись до страны Кедем, расположенной южнее Библа, Синухет прожил там полтора года. И вот его приводят к правителю Верхней Речену, княжества в Палестине, который задает ему каверзный вопрос: «Почему пришел ты в эту страну?». Синухет не открывает всей правды. Он объясняет, что, возвращаясь из похода с чужбины, получил вести, от которых смутилось его сердце и повлекло его дорогами пустыни. Но он ни в чем не виновен. Причина его долгих странствий — злой рок. «Это подобно предначертанию бога», — говорит Синухет.

Желая выразить свою преданность царю Сенусерту I, который вошел во дворец, чтобы наследовать отцу, Синухет поет ему хвалу. Он прославляет его мудрость, его умение командовать войском, мужество и доброту.

Правитель Речену женит Синухета на своей старшей дочери, дает ему хорошую должность при дворе и прекрасную землю. «Там росли фиги и виноград, и вина было больше, чем воды, мед в изобилии, и много оливкового масла, на деревьях всевозможные плоды; ячмень и пшеница, и бесчисленные стада». Несколько лет Синухет проводит в этом маленьком раю, где вдоволь всякой еды. Он говорит, что его «сыновья стали мужами: каждый правил племенем своим». Беглый египтянин на чужбине стал князем. Он умеет быть милостивым, помогает тем, кого ограбил в пути, поит жаждущих, наставляет на путь истинный заблудших. Человек действия, Синухет становится у бедуннов военачальником и помогает отражать нападения враждебных племен. Он одерживает

многочисленные победы, и слава его в этой земле все растет.

Покой Синухета нарушает вызов на поединок. «Силач из Речену», великан, которого никому не удавалось победить, вызывает его на бой. «Сказал он, что хочет биться со мной. Думал он убить меня. За-тестует. Он не знает этого человека и не понимает причин его враждебности. Тем не менее он готовится к предстоящей борьбе. Ночью он натягивает лук, во-стрил меч, чистит оружие.

Позутру обоих героев ожидала толпа народа. Все «болеют» за Синухета. Потрясая щитом, секирой и охапкой дротиков, силач двинулся на Синухета. Но Синухет проворнее и ловчее, он уклоняется от ударов, ни одна из стрел противника не попала в цель. Когда же разъяренный великан бросается на Синухета, тот пускает стрелу. Она попадает противнику в горло. Смертельно раненный богатырь падает ничком. Синухет добивает силача его же секирой и выпускает победный клич. Давид победил Голиафа.

Азиаты воют от восторга, героя поздравляют, и он становится обладателем всего добра своего врага. Владелец красивого жилища, обширного хозяйства, вызывающий всеобщее восхищение Синухет ни в чем не испытывает нужды.

Однако он несчастлив. «О ты, предначертанный мое бегство, кто бы ты ни был,— моли о в глубине сердца,— будь милосерд, приведи меня в царский дворец!» Ведь любой древний египтянин, принужденный жить на чужбине, мечтал лишь об одном — возвратиться в Египет. Ему невыносима мысль быть погребенным за пределами отечества. Иногда египтяне ходили в походы специально, чтобы доставить в Египет тела воинов или чиновников, умерших вдали от возлюбленной земли.

Синухет страдает. Он чувствует себя изгнанником и жалеет снова жить в милости фараона, поклоняться царице, услышать голоса царских детей. «О! — вздыхает он,— да омолодится тело мое, ибо, вот, наступила старость: слабость одолела меня, и глаза ожелели, и руки обесспели, и ноги уже не возмужают усталому сердцу. Я приближаюсь к уходу, и уведут меня в город вечности». Великий визиерь Птахотец, который написал свои поучения в возрасте

ста десяти лет, считая, что настало время передать свой опыт, испытан те же тяготы и страдания, но он находился в Египте. В душе его царило спокойствие.

И происходит чудо. Мольба Синухета доходит до фараона, и тот шлет вестника к беглому египтянину. Царю не в чем его упрекнуть. Синухет не совершил ничего плохого. «Возвращайся в Египет,— пишет Сенусерт.— Ты снова увидишь двор, при котором вырос, поцелуешь ты землю у великих врат и присоединишься к семерым, друзьям фараона». Синухету обещают красивую усыпальницу и похороны с соблюдением всех обрядов.

Получив такую вест, Синухет не может сдержать радости. Он падает ничком, затем обходит все кочевье, кричит от счастья. Великодушные царя отводит от него смерть. Он пишет ответ и еще раз объясняет, что не задумывал побега заранее. «Это подобно сновидению: как если бы видел себя житель Дельты в Элефантине, человек болот — в Нубии».

В час расставания Синухет делит свое добро между детьми. Фараон послал беднякам подарки. Синухета поручают воинам, и те провожают его до самой столицы Лишта, что южнее Мемфиса. Его приводят во дворец. Царские дети и друзья встречают странника. Царь сидит на золотом троне. Синухет так взволнован, что чуть не терит сознание. Его все еще страшит наказание. Но Сенусерт выказывает ему благоволение и дружбу. Он даже шутливым тоном говорит царице: «Смотри, вот пришел Синухет, он как азиат, он превратился в кочевника». Некоторые приснули со смеху, некоторые запротестовали, ведь Синухет не мог до такой степени измениться. Но Сенусерт подтвердил, что это все-таки он.

Провооглашают царское решение: Синухет вновь вводится в круг знати, приближенных монарха. Он будет жить в доме царского сына. Ему уже под шестьдесят, и не меньше четверти века провел он на чужбине. Пришло время отдохнуть, удалиться на покой. Синухет доволен прохладным помещением в своем новом роскошном жилище, он находит там мягчайшую одежду из царского льна, ладан и драгоценные умощения. Синухет быстро привыкает к новой жизни. Его бреют, стригут ему волосы, снимают грубое платье — последний след прошлого.

Работникам велют починить дом в сельской местности, принадлежавший прежде одному знатному человеку. Там Синухет и закончит свои дни. Для него сажают деревья. Трижды в день ему, как придворному, приносят пищу с царского стола. Мастера готовят Синухету гробницу, его посмертное владение убирается с великой заботой. Синухет признает: «Нет человека толпы, которому сотворили подобные благодеяния. И был я в милости у царя по день смерти».

Вот таков этот прекрасный текст. Он великолепно воссоздает время Сепусерта и утонченную культуру фараонов Среднего царства. Сиро-Палестинский мир тоже описан точно и беспристрастно, и как разителен контраст между этим миром и Египтом, царским двором, где господствуют духовные и культурные ценности! Изысканность языка, очарование приключений, глубина мыслей и символов — в общем, рассказ о Синухете можно по праву назвать шедевром.

Глава VIII

ЯХМОС-ОСВОБОДИТЕЛЬ

Фараон Яхмос известен лишь узкому кругу специалистов. А между тем перед ним в огромном долгу величайшие фараоны Нового царства: ведь именно Яхмос освободил Египет от иноземных захватчиков. Так неужели он не заслужил вместе со своим предшественником, горячим Камосом, нескольких страниц, напоминающих об их подвигах?

Слава Среднего царства потонула во мраке смутной эпохи, о которой мало что известно,—Втором переходном периоде, когда с 1875 по 1552 г. до н. э. правили XIII—XVII династии¹. Времена беспорядков сменились иноземным вторжением. К 1650 г. до н. э. Дельтой завладели чужеземцы-гиксосы. Историк Иосиф Флавий, ссылаясь на Манефона, пишет, будто нашествие было божьей карой, ниспосланной Египту. Гиксосы пришли с востока и почти беспрепятственно заняли египетские земли. Они жгли города, разрушали храмы, убивали или уводили в рабство египтян, не щадя ни женщин, ни детей. Гиксосы подчинялись вождю, сплотившему их вооруженные отряды. Захватчики повсюду собирали дань и жестоко угнетали побежденных. Определение «царипастухи» по отношению к этим завоевателям ошибочно. Оно возникло из неправильного толкования слова «гиксосы», названия, данного чужеземцам египтянами. В действительности оно означало «владыки чужеземных стран». В эпоху Среднего царства так именовали вождей бедуинов.

Апокалиптическая картина вторжения требует, вероятно, существенной корректировки. Во время царствования слабой XIII династии на Дельту совершали набеги банды грабителей-семитов, в числе которых было много палестинцев. Они все дальше и дальше проникали в глубь Дельты. Со временем они

поняли, что реальная власть фараонов слабеет, а с ней слабеет и обороноспособность Египта. Осмелев, гиксосы постепенно утверждаются на территории Обеих земель и овладевают всем Египтом, так как египетское войско и полиция оказались неспособными остановить нашествие. Можно с достаточным основанием утверждать, что гиксосы не были племенем поработителей, явившихся из дальних стран. Скорее всего они составляли союз кочевников-семитов, которые воспользовались упадком Египта и овладели частью громадной страны, о богатствах которой им было хорошо известно.

Гиксосы основали свою собственную столицу Аварис, укрепленный город в Дельте. Широко распространена легенда, что гиксосы завоевали Египет благодаря использованию колесниц. Это совершенно неверно. У них, как и у их противников, египтян, была только пехота. В Аварисе поклонялись богу Сетху, имя которого имело тогда форму «Сутех»; его черты были близки азиатскому Ваалу (Баалу). Но завоеватели не преследовали и за почитание других богов.

Принято считать, что гиксосы господствовали в Дельте и в Среднем Египте. Мало вероятно, чтобы их власть распространялась и на Верхний Египет, где скорее всего правило несколько князей, неспособных объединиться. Фивы сохраняли независимость, а Нубия на юге уже вышла из-под протектората Египта.

Современные историки не слишком верят Иосифу Флавию, которого мы упоминали выше. Они не признают, что материальный итог владычества гиксосов был столь губительным. Думается, что все опустошения, разрушения и пожары — это лишь литературные образы, цель которых — придать большее значение деяниям царя-спасителя, вырвавшего страну из лап ужасных чужеземцев. Истинной же бедой было отсутствие великого фараона. Гиксосы пользовались благами, а не разрушали их. Они освоили иероглифическое письмо, египетские обычаи, приняли даже египетские имена, но, вероятно, никогда не проникали далее Гибелейна. Завоеватели быстро египтизировались, они вовсе не были разрушителями основ. Жизнь египтян при иноземном владычестве не переменилась: ведь правители гиксосов мало от-

личались от бесцветных монархов XIII династии. Гиксосы принесли в Египет более совершенное оружие — кинжалы, бронзовые мечи и луки; первыми стали использовать конные колесницы. Они возвели вокруг своей столицы надежные укрепления². Из всего этого египтяне извлекли большую пользу: они «модернизировали» свое войско.

«Завоевание» гиксосов не следует представлять себе как захватническую войну. Скорее это постепенное проникновение в Северный Египет, происходившее почти без военных столкновений. Оккупация продолжалась почти столетие. Политическая и экономическая жизнь в стране замерла. И вот снова, во второй раз, «национальное» сознание пробудилось в Фивах.

Около 1650 г. до н. э. в Фивах царствовала XVII династия, а на севере одновременно с ней правила XVI династия гиксосов. Фиванцы уже с трудом терпели чужеземцев на египетской земле. Фиванские князья объединяют под своей властью южные помы и решаются на военную вылазку. Происходит первое столкновение. В нем гибнет фиванский правитель Секнефра-Таа. Найдена его мумия; на голове ее обнаружено несколько ран³. Гиксосы, без всякого сомнения, отбросили египтян, но не разгромили, ибо восстание не угасает, а, наоборот, набирает силу. К 1555 г. до н. э. к власти в Фивах пришел Камос, намеренный продолжать решительную борьбу.

Избранный богом Ра царь Камос собирает во дворце великий совет, чтобы прояснить положение дел. С горечью признает он, что «одни властитель» (то есть владыка гиксосов) сплит в Аварисе, а другой — в Куше (то есть в Нубии). Итак, Камос оказался в клещах между враждебными ему севером и югом. Но сердце царя жаждет освободить Египет, и эта страсть оказывается сильнее грозившей опасности. К счастью, юг Египта под его правлением процветает — надежная база для начала войны есть. Но царедворцы тревожатся. Они советуют Камосу соблюдать осторожность, а тот не желает их слушать. Египет должен быть освобожден!

Камос отправляется в поход. «Я поплыл богатырем (?) вниз по Нилу, чтобы напасть на азиатов по

приказу Амона, надежного советника. Мое могучее войско было передо мной, как знойное дыхание огня»⁴.

Первостепенная задача Камоса — вернуть в лоно «национальных» интересов египтян, принявших сторону гиксосов. И он тщательно готовится к этому предприятию. Вот как царь рассказывает о своем сражении с князем Тети: «Я провел на моем судне ночь с радостным сердцем. Когда рассвело, я нанес на него, как сокол». К полудню дело было кончено. Противник повержен, стены его города разрушены, люди пленены. Войны Камоса, подобно львам, делили добычу: им достались скот, молоко, мед.

Гиксосам пришлось сражаться, отступая на север. Они укрываются в своей столице Аварисе. Египтяне начинают осаду города. Камос предстает безжалостным мстителем: он приказывает смести с лица земли дружественные азиатам города. Враги Египта, те, кто забыл о всевластии фараона, гибнут. Царю постоянно сопутствует удача. Его люди захватывают посланца, пробравшегося в Нубию с письмом от гиксосского властителя. Он взывал к нубийцам о помощи против Камоса, которого считал очень опасным. Властитель предупреждал своих южных союзников: «Если он разгромит меня, вас он тоже уничтожит». Он умоляет: «Ступай же на север без промедления. Смотри, оп здесь у меня, и нет никого, [кто бы встал] на тебя в Египте. Смотри, я не дам ему пути, до тех пор пока ты не придешь. Тогда мы разделим города, что в Египте [между собой]... в радости». Не удовлетворившись обретенной независимостью, мятежная Нубия предала Египет. Но она не смогла оказать гиксосам той поддержки, на какую они рассчитывали. На границе Египта стояла укрепленная Элефантина, неизменно верная Камосу. Даже если предположить, что нубийские войска были посланы, им не удалось бы пройти мимо Элефантин. Итак, азиатско-нубийский союз против Египта не сложился. Камос триумфатором возвратился в Фивы, где его встретил ликующий народ. И все-таки победа была неполной, и потому Камоса не считали освободителем Египта. Это славное звание досталось его преемнику Яхмосу, основателю XVIII династии и Нового царства.

Яхмоса, правившего с 1552 по 1527 г. до н. э., можно считать и последним фараоном XVII и первым — XVIII династии. Он — символ заката одной эпохи и провозвестник зари того периода истории Египта, который известен лучше всего — Нового царства (период с 1552 по 1070 г. до н. э.: XVIII, XIX и XX династии).

Не вызывает сомнения, что Камосу по удалось разрушить крепость Аварис. Гиксосы были отброшены далеко на север, по их столица выстояла. Яхмос, чье имя означает «Луна родилась», продолжал войну до полной победы. Ему суждено было взять Аварис, и событие это почитают столь важным, что оно послужит оправданием для смены династий. О падении Авариса нам известно из надписи, высеченной на стене гробницы некоего Яхмоса, сына Абен (так звали его мать), в городе Эль-Каб⁵. Этот Яхмос был блистательным воином. Он рано начал военную карьеру, и служба его оказалась долгой. Ему, человеку безграничной храбрости, посчастливилось совершить множество военных подвигов на глазах царя Яхмоса, и властелин осыпал его знаками отличия и наградами, в том числе даровал самую желанную из них — «золото доблести».

К сожалению, нам мало что известно о том, как был взят Аварис. Борьба за него была долгой и упорной. Войско фараона не удовлетворялось этим блистательным успехом. Была предпринята еще одна осада, длившаяся три года, чтобы завладеть Шарухеном, крепостью на юго-западе Палестины. Несомненно, фараон хотел искоренить само семя гиксосов, гнать их до самого логова, из которого они вышли. И на этот раз с азиатской угрозой покончено. Египет надежно защищен от вторжения с востока.

Но освобождение еще не завершено. Как мы уже говорили, Нубия более или менее активно поддерживала гиксосов. Яхмос повел войско на юг Египта и, сбросив захватившего власть в Нубии узурпатора, вернул страну Египту. Воин Яхмос, сын Абен, всюду следовавший за фараоном, был еще и поэтом. Он воспел его победы. Отважный боец не преминул перечислить почетные награды, которые получил за героизм. Другой воин, тоже прошедший долгий и

славный путь, рассказывает о подобных же событиях. Можно прийти к выводу, что войны Яхмоса являлись главным оружием — воодушевлением. Они служили в армии-освободительнице, борющейся за то, чтобы вернуть Египту былое величие, чтобы на смену старым временам пришли новые. Впрочем, Нубия не оказала сильного сопротивления. Кушитские властелины, ненадолго поверившие в свою независимость, быстро склонили головы. И все же понадобилось три военных похода, чтобы Нубия окончательно прекратила сопротивление.

Фиванский царь Яхмос, став фараоном, добился всего, чего хотел. Он — освободитель отечества, какое же звание может быть выше этого? Уроженец Фив, он делает их столицей возрожденного Египта. Яхмос повсюду восстанавливает храмы. Он выдвигает идею о том, что фараон — вместилище божественной силы, выражающей через него свою волю. Если царь побеждает, то потому, что божество благоприсутствует его деяниям. Скоро могущественные фараоны Нового царства подхватят эту идею и будут подчеркивать благоволение своего отца Амона.

Женщины, принадлежавшие к фиванской царской семье, борющейся против гиксосов, сыграли немаловажную роль в освобождении Египта⁹. Напомним, что законное право престолонаследия передавалось по женской линии, при посредстве женщины претенденты на престол становились законными фараонами. Мать Яхмоса по имени Яххотеп после смерти была обожествлена. Она пресекла мятеж в Фивах и восстановила единство в воинских рядах и боевой дух. После смерти Камоса, когда Яхмос потерпел временную неудачу под Аварисом, царица сумела вдохнуть мужество в сражавшихся — и поддерживала его до тех пор, пока царь не привел войско к победе. Эта сильная женщина умерла в возрасте восьмидесяти с лишним лет. Ее мумия хранится в Каирском музее.

Яхмос сочетался браком с Яхмос-Нефертари, ставшей еще более знаменитой царицей, чем ее предшественница. Ее имя упоминается во многих надписях. Царь, не колеблясь, беседовал с ней о делах и часто следовал ее мудрым советам. Однажды Яхмос задумался о своих возлюбленных предках, вопрошая

себя, как воздать им хвалу. Он желал поддвинуть в их честь монументы, дабы увековечить их память. Видя его озабоченным, царица спросила, какие мысли волнуют его сердце. Фараон открылся ей. Царица посоветовала ему заняться строительством, что он и сделал. Царица вместе с царем присутствовала при торжественных актах. Например, она сопровождала его в каменоломни Туры на открытие новых шахт. Освобожденный Египет снова мог строить.

Когда говорят о Новом царстве, обычно в большей или меньшей степени подчеркивают роль вторжения гиксосов. Если Первый переходный период в Египте отмечен внутренним расколом, то Второй переходный период связан с первым крупным нашествием иноземцев. Водворение гиксосов в Дельте стало страшным кошмаром, год от года набиравшим силу. Азиатские кочевники перешли к оседлости. Но даже усвоив египетские обычаи, египтянами они не стали. Еще долго после изгнания гиксосов их вспоминали как язву, как болезнь, разъедающую тело народа.

В борьбе за освобождение Египет обрел острое чувство своей самобытности, неповторимого своеобразия, отличия от других народов. Кроме того, в высших слоях египетского общества появился новый — или по крайней мере относительно новый по проявлениям — слой — слой воинов. Фортификационных сооружений, построенных монархами Среднего царства, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить вторжение. Оставаться на оборонных позициях стало небезопасно. Фараоны Нового царства осознали это и иногда предпочитали перейти в наступление, не ожидая ударов противника. Египет Нового царства становится военной державой, ибо хочет защитить страну от любой угрозы чужеземного завоевания, оградить ее от повторения уже однажды пережитого при вторжении гиксосов. Чередую войну и мир, ратный труд и роскошь придворной жизни, Египет идет по третьему славному периоду своей истории, блистательные имена которого мы еще храним в памяти как ярчайшие звезды: Хатшепсут, Тутмос III, Аменхотеп II, Тутмос IV, Аменхотеп III, Эхнатон, Рамсес II, Рамсес III... Благодаря сохранившимся источникам мы можем воссоздать жизнь этих фараонов.

Глава IX

ХАТШЕПСУТ, ЖЕНЩИНА-ФАРАОН

Более двадцати лет, с 1490 по 1468 г. до н. э., в Египте царствовала женщина по имени Хатшепсут. Это не первая женщина-фараон на троне Египта. Такое уже случилось — один раз во времена Древнего царства и один раз в эпоху Среднего. Но те две женщины властвовали на закате замечательных эпох, в периоды кризисов. Хатшепсут же, напротив, стала главой богатого и сильного государства. Умная, ловкая, вероятно наделенная выдающимися административными способностями и головой политика, Хатшепсут была одной из двух дочерей великого фараона Тутмоса I (1506—1494 гг. до н. э.). Это он посвятил дочь в науку управления страной. Она же платила отцу глубокой привязанностью, считая его во всем примером для подражания.

Тутмос I надежно надел на Нубию египетское ярмо. Он совершил важный военный поход в Азию. В сопровождении «офицера» Яхмоса, сына Абен, известного своей долгой службой, царь дошел до территории Нахарины, расположенной восточнее Евфрата, где обитали митаннийцы¹. Покорив их, он увековечил свою блистательную победу, приказав воздвигнуть пограничную стелу на берегу Евфрата. Великий завоеватель Тутмос III обнаружит ее невредимой спустя почти полвека, когда его войско дойдет до этих мест. На обратном пути царь развлекается. В Сирии он охотится на слонов. Здесь в последний раз получает от него «золото доблести» Яхмос, сын Абен. Такое отличие доставалось воину семь раз. А впервые его наградили, когда Египет еще не был под властью гиксосов! Старый боец, вызывавший всеобщее восхищение, решает закончить военную службу и вкушать заслуженного покоя. Начало большого строительства в Карнаке тоже дело рук Тутмоса I. Рабо-

там в этом месте, где состязались в мастерстве архитекторы Нового царства, руководил при Тутмосе I водный Ивени.

Хатшепсут унаследовала деятельный характер своего отца. Она стала супругой Тутмоса II, сына Тутмоса I от наложницы². Царствование этого фараона оказалось недолгим, всего с 1493 по 1490 г. до н. э. В первый год его правления начался мятеж в Нубии. Фараон разъярился, как пантера. И подарком: ему донесли, что грабители угнали скот и что племена осмелились напасть на крепости. Гнев его был ужасен. Он поднялся вверх по Нилу и истребил мятежников, похитив лишь одного сына вождя; царь привез его пленником в Фивы, где народ приветствовал воинов-победителей. Едва успокоился юг, как начались волнения в Сиро-Палестинских землях. Тутмос II немедленно направился туда.

Молодой царь, подававший такие большие надежды, рано умер. Его кончина поставила Египет в сложное положение. Тутмос II имел троих детей — двух дочерей и сына, будущего Тутмоса III. Но наследник был еще ребенком и не мог принять на свои плечи тяжелого бремени, для которого его предназначала судьба. Хатшепсут становится регентшей. «Дочь царя, сестра царя, божественная супруга, жена царица великая», она, по ее собственному утверждению, правила страной согласно воле племянника.

Но такое завуалированное, замаскированное правление претило внутреннему складу египтянок. Поэтому Хатшепсут решает сделаться настоящим царем. Мы не ошиблись, сказав «царем», а не «царицей». Она начинает использовать мужскую атрибутику, которая делает из нее такого же фараона, как все прочие. Превращение совершается постепенно. Сначала, еще в женском облике, она действует как фараон. Затем надевает мужское платье, принимает царскую титулатуру, убирает окончания женского рода из своих имен и титулов и начинает носить накладную бороду и двойной венец. Через два года после смерти Тутмоса II Хатшепсут уже выступает как глава государства. Она озабочена тем, чтобы ее власть выглядела законной, и ссылается на отца, возлюбленного Тутмоса I, который якобы избрал ее царицей.

Тексты подтверждают, что Хатшепсут, дочь бога Амона, вручившего ей власть, управляла Египтом по

своему собственному разумению. Страпа склонилась перед ней. Она становится «буксирным кашатом Нижнего Египта», «швартовой стойкой Верхнего Египта», «рулем Дельты». Такие образы, почерпнутые из морской терминологии, заставляют вспомнить о выражении «корабль государства», курс которого столь успешно прокладывала Хатшепсут. Благодаря ее мудрому правлению Обе земли жили в мире.

Хатшепсут была очень красива. Один из самых прекрасных ее портретов хранится в Нью-Йоркском музее «Метрополитэн». Это сфинкс с человеческой головой. Черты лица одновременно нежны и непреклонны. Мумия Хатшепсут производит сильнейшее впечатление. У нее сохранились длинные волосы. Несмотря на маску, палоченную смертью на это лицо, в нем угадываются сила, непреклонная воля и лучезарное очарование женственности.

Благодаря трудам своих предшественников Хатшепсут царствовала в мире. Пользуясь спокойствием, она посвятила свою деятельность хозяйству страны и особенно широко развернула строительство архитектурных сооружений. Во дворце, восседая на троне, она размышляет о своем создателе Амоне. Сердце велит ей воздвигнуть в честь бога два обелиска. Ум царицы начинает работать. Она уже представляет себе, каково будет изумление людей, когда они увидят эти памятники. Хатшепсут понимает, что благодаря этому деянию ее имя будет незабвенным, она его увековечит. И в самом деле, в Карнаке царица воздвигла четыре обелиска и еще несколько сооружений, в том числе зал для священной ладьи, окруженный примыкающими к нему часовнями. О ее работах на севере страны мы знаем мало, зато достоверно известно, что царица построила храм, посвященный Хору в Нубии, в Бухене. Это святилище знаменито своими канпелированными колоннами, близкими по стилю к дорическим. Через тысячелетие его планом воспользуются при возведении греческих храмов.

Но венец творений царицы — храм в Дейр эль-Бахри близ Фив, в местности, посвященной богине Хатхор. По его рельефам можно прочесть всю историю царствования Хатшепсут. Знакомство с этим памятником — одно из самых сильных впечатлений, которые суждено испытать тому, кто впервые путе-

построен по Египту. Незабываема его архитектура, одновременно воздушная, неземная и уходящая корнями в вечность. Чья небесная суть подчеркивается отвесными утесами, к которым примыкает храм. Его называют «чудом из чудес», и египтяне утверждали: «[Счастье] лицезреть его превосходит все, что есть в мире».

Святыни существовало в этом месте уже в эпоху Среднего царства. Царица же задумала создать здесь совершенно своеобразный храм и доверила руководство работами зодчему Сепенмуту. В египетской архитектуре план Дейр эль-Бахри неповторим. Храм размещен на расположенных друг над другом террасах, которые соединяют пологие пандусы.

Судьба даровала царице огромное счастье увидеть свой номинальный храм законченным. Тутмос III, захватив престол, уничтожил некоторые картуши Хатшепсут, но не разрушил здания, увековечившего ее память. Рамсес II, как и повсюду в Египте, запечатлел здесь свое присутствие, вписав собственные иконы и тексты, прославляющие его деяния. Храм частично приходит в запустение к концу XX династии, ко времени ослабления Египта. Священное место стало кладбищем для жрецов и жриц Амона. Здесь же прятали царские мумии. Пыль и песок засыпали большую часть сооружения. В эпоху Птолемеев религиозные власти вновь начинают заботиться о Дейр эль-Бахри. Культ Хатшепсут уже давно угас, но приводятся в порядок часовни. Там паломники поклоняются двум мудрым божествам — мастеру Имхотепу, визирию фараона Джосера, и Аменхотепу, сыну Хапу, визирию Аменхотепа III. Монахи и отшельники выбрали Дейр эль-Бахри «монастырем Севера» и уединялись там для размышлений. В V в. н. э. на руинах египетского святилища, совершенно покинутого ко II в., обосновался монастырь. В VIII в. жизнь здесь замирает, чтобы возродиться в XIX в., когда были начаты раскопки. Нам выпала удача оценить «чудо из чудес» в виде достаточно близком к первоначальному. Но раскопки и реставрация потребуют еще по крайней мере пятьдесят лет.

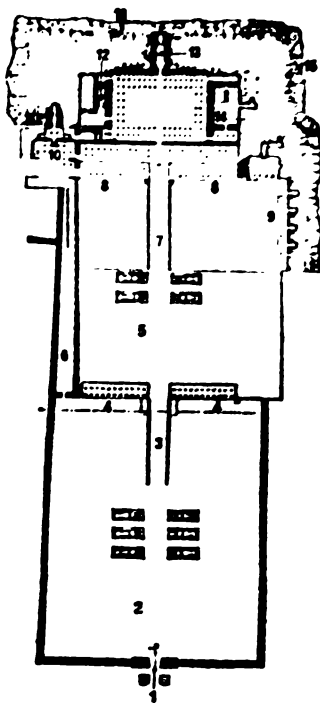
Понадобилась бы целая книга, чтобы рассказать о храме, о его архитектуре, описать его залы, перевести тексты, детально объяснить рельефы. Этот каменный мир, большое место в котором занимает боги-

ни радости и любви Хатхор, — бессмертный гимн красоте. Царица славит здесь своего отца Тутмоса I, великого бога Амона-Ра, бога солнца Ра-Хорахти и бога потустороннего мира Анубиса.

Под фундаментом, в углах строения, под порогом обнаружены религиозные амулеты, в том числе скарабей. Кроме того, найдены различные орудия, деревянные молотки, резцы, а также инструменты для ритуала отверзания уст и глиняные кувшины с надписью «Дочь Ра Хатшепсут сделала этот памятник для своего отца Амона во время натяжки бечевы для [разметки] храма Амона, чуда из чудес».

Чтобы попасть в храм, пужно пройти по аллее сфинксов, изображающих Хатшепсут: царица собственной персоной встречает паломников. Перед храмом был разбит роскошный сад с аллеями сикомор, рядами тамариндов, пальмами, фруктовыми деревьями, кустами ладана. Тут насадили и виноградник, имелись водоемы, заросшие папирусом, где разыгрывались ритуальные действия охоты и судоходства. Две персеи притягивали взор ко входу храма.

Рельефы портика нижней террасы, посвященные сценам охоты, изображают фараона в облике животного с человеческой головой, сокрушающего врагов. Их девять — они символизировали все чужеземные страны.

- План храма Хатшепсут в Деир эль-Бахри.
- 1 — входные ворота;
  - 2, 5 — террасы;
  - 3, 6, 7 — папиусы;
  - 4, 8, 9 — колоннады;
  - 10, 12 — часовни Хатхор и Амона;
  - 11 — стена со статуями Осириса;
  - 13 — часовня Хатшепсут;
  - 14 — двор с алтарем Солнца;
  - 15, 16 — скалы

Далее в обряде четырех тельцов пластелин Египта отождествляется с волопасом, дарующим жизнь. Потом фараон Хатшепсут собирает папирус в честь богини Хатхор и охотится с метательной палкой и ловчей сетью на водоплавающих птиц. В «портнике обелисков» показано, как обтесывают, перевозят и поднимают громадные монолиты из розового гранита, предназначенные для храмов Карпака. Их сплавляют на барже из дерева сякоморы; длина ее более шестидесяти метров. Когда баржа прибывает в Фивы, само небо ликует. Амон обещает своей дочери Хатшепсут счастливое царствование. Жрецы, знать, чиновники, воины устраивают шествие. Совершаются жертвоприношения, режут быка, а затем приступают к посвящению обелисков Амону. Хатшепсут совершает священнодействия; в ходе их осуществляется дарение земли, на которой будут воздвигнуты обелиски. Один из ритуалов — бег по священному участку, принятый еще Джосером.

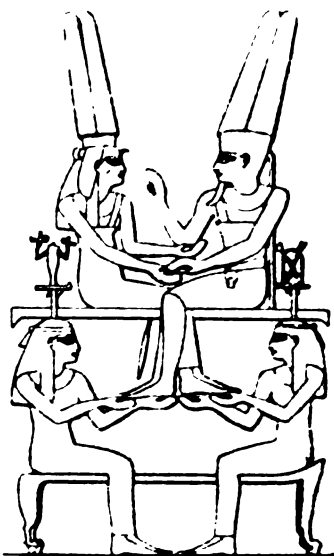
Теперь покинем нижний двор и поднимемся по пандусу к средней террасе. Северная часовня, посвященная Анубису, богу с головой шакала, ведет царю в глубь святилища. Бог не даст Хатшепсут заблудиться в царстве мертвых. Южная часовня посвящена Хатхор, владычице запада, которая принимает усопших в некрополе. Ей приносят в жертву цветы, фрукты, посвящают бусы или скарабеев. Святилищу Хатхор предшествует зал с колоннами. Капители изображают женские головы с коровьими ушами. Хатхор, почитаемая как мать царицы, изображается то в виде коровы, то в образе прекрасной женщины. Богиня принимает свою дочь, построившую ей дом и приносящую пищу на ее алтари. Святая святых храма — узкий, вырубленный глубоко в скале зал. Там священная корова кормит Хатшепсут своим молоком, ваятком бессмертия. На изображении в глубине святилища показана триада: Амон, протягивающий обоженной Хатшепсут знак жизни, и Хатхор, поддерживающая венец царицы, а над триадой парит крылатый диск.

На средней террасе возведен и «портник рождения», задуманный, чтобы показать божественное происхождение Хатшепсут и таким образом узаконить ее власть. При поддержке фиванских жрецов царица создала теогамический миф, согласно которому ее

отцом является сам Амон. Последнего почитал Аменхот из XII династии, имя которого означает «Амон вперед». Это бог Фив, города, где зародилось движение за освобождение Египта, кончившееся изгнанием гиксосов. Славя Амона, египтяне благодарили Фивы. Происхождение этого бога неясно. Его имя обозначает «сокропопный». Очень быстро он приобрел солярные черты и, слившись с Ра, стал всемогущим божеством Нового царства, под именем Амона-Ра, царя богов.

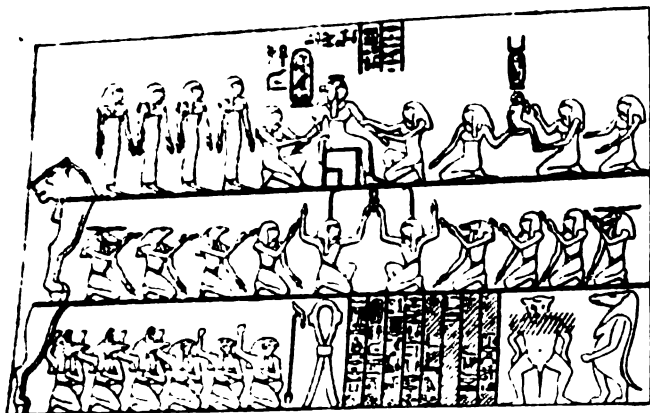
Рельефы «портика рождения» приглашают нас в свидетели совета богов под предводительством Амона-Ра. Он решил соединиться с царицей Яхмос, прекраснейшей из женщин. С согласия богов

Амон принимает облик фараона и входит в покои своей супруги. Он застаёт царицу спящей. Почувствовав нежный аромат, исходящий от тела мужа, она пробуждается. Амон улыбается царице, любовь переполняет их сердца, и они соединяются. Беременная царица радуется: она знает, что произведет на свет девочку, которой будет дарована власть. Боги покровительствуют появлению младенца на свет. Бог Хнум лепит ребенка и его *Ка* на гончарном круге, чтобы они обрели жизнь, силу, здоровье и обильную пищу, справедливую мысль, любовь, все радости жизни и долголетие. Богиня-лягушка Хекет оживляет фигурки, изготовленные Хнумом. Бог Тот возвещает счастливой матери начало родов, и царицу ведут в родильную комнату. Хатшепсут появляется на свет в присутствии Амона и Девяти богов. Новорожденную показывают божественному отцу, он благослов-

Амон и царица
спят на ложе
(иероглиф «небо»).

Их ноги поддерживают
богиня-покровительница
Селкет (слева)
и Нейт

Сцена рождения будущего фараона.
 Две богини поддерживают царницу,
 сидящую на родильном кресле
 (египтянки рожали сидя),
 другие передают божественного младенца.
 Внизу слева «Души Не и Нехеса»,
 справа Бес и Таурт,
 покровители рожищ и детей

ляет дитя, плоть от его плоти, беря неворожденную на руки. Далее следуют сцены кормления грудью, представления Хатшепсут богине Сехмет, которая записывает ее картуши. В одном тексте говорится: «Ее величество росло лучше всего [что растет]. Божественным был ее образ, исходило от нее божественное сияние. Ее величество стало прекрасной молодой девушкой, цветущей, как весна».

После представления богам юга и севера Хатшепсут отправляется путешествовать по Египту. Местные боги и их жрецы признают Хатшепсут фараоном. Ее путешествие — это своего рода политико-религиозное паломничество. Наконец приходит время коронации в столице. Хатшепсут предстает перед своим отцом Тутмосом I, сидящим на троне. Он объявляет свою дочь, имя которой означает «Первая среди благородных», наследницей. Отныне она будет отдавать приказы. Пусть каждый слушает ее слова, пусть повинуется ее распоряжениям. Боги защитят ее магией. Великие люди Египта слушают эту речь и радуются. Они убеждены, что Хатшепсут будет прислу-

Хнум лепит на гончарном круге
будущего фараона и его *Ka*

шиваться к голосу египтян, как это делал ее отец. В последней сцене царица принимает венцы Верхнего и Нижнего Египта. Нужно отметить, что некоторые картуши Хатшепсут сбиты, а последнее изображение, с ритуалом коронации, сильно повреждено. Ученые хотят видеть в этом желание Тутмоса III отомстить царице. Но если принять такую версию, то остается пезсным, почему многие картуши не тронуты, почему не уничтожены все рельефы?

Без поддержки жречества Амона заетя Хатшепсут была бы обречена. Как ни парадоксально, но жрецы Амона назвали царем Тутмоса III. Однако царица нашла верного союзника в лице верховного жреца Хапусенеба, очень влиятельной в то время политической фигуры. Он способствовал созданию мифа о божественном происхождении Хатшепсут и узаконил с теологической точки зрения ее наследственное право на престол. Возведенный в ранг главы жрецов юга и севера Хапусенеб управлял всеми культами, подчинил себе оракул и оповешал о воле Амона. Впоследствии Хатшепсут дала ему должность vizира, поставив, таким образом, во главе государства.

На той же средней террасе храма Дейр аль-Бахри в «портике Пунта» воспроизведены эпизоды торгового посольства в эту страну. Хатшепсут считала экспеди-

пию в Пунт одним из самых важных деяний своего мирного царствования. В ее правление наступил перерыв в завоевательной политике энергичных фараонов XVIII династии. А между тем царица присваивает себе достаточно многозначительный титул: она — владычица света, уничтожившая хаос Второго переходного периода. Она счастлива, что восстановила памятники, разрушенные в те времена, когда аспаты владели Аварисом и по северным помам рыскали грабители, не признающие бога Ра. Хатшепсут еще раз подчеркивает законность своей власти. Беспорядки прекратились потому, что она стала фараоном.

Внешняя политика Хатшепсут, несомненно, очень слаба. Волнения в Азии не прекращались. Египетская позиция невмешательства вдохнула в мятежников новые надежды. Когда власть перешла к Тутмосу III, положение было довольно-таки взрывоопасным, и повинна в этом отчасти была Хатшепсут.

Царица прежде всего стремилась сохранить и укрепить торговые связи с иноземными странами. Вершиной этой политики стала экспедиция в Пунт. Еще во времена Древнего царства египтяне бывали в Пунте, споры о местоположении которого до сих пор не утихают. Скорее всего он находился на побережье Сомали близ Эритреи. Можно думать, что Египет и Пунт всегда жили в добром согласии. Амон Фиванский внушил своей подопечной Хатшепсут мысль совершить эту необычайную экспедицию в страну ладана, который в больших количествах расходовался жрецами при совершении обрядов.

Египетский флот состоит из пяти больших кораблей по тридцать гребцов в каждом. Увидев прекрасную землю Пунта, еще и приукрашенную легендами, флот бросает якорь в кишачих рыбой водах. Нагруженная продовольствием лодка отходит к берегу. Моряки раскладывают бесчисленные подарки, а предводитель посольства под охраной военного эскорта приветствует царя Пунта и царицу, уродину с явными признаками слоновой болезни. Египтяне раздают бусы, ожерелья, оружие. Знатные люди Пунта склоняются и воздают почести Амону.

Египтяне восхищаются чарующей тропической флорой. Туземцы живут среди пальм в круглых хижинах, куда взбираются по приставным лесенкам. Они носят такую же одежду, что и во времена Хуфу.

Мода в этих землях почти не меняется: волосы по-прежнему заплетают в косы, носят остроконечные бороды.

Сделки совершают в добром расположении духа. Для посланцев царя и египетских вельмож раскидывают шатер. Начинаются переговоры. Египтяне увезут с собой эбеновое дерево, золото, ладан, слоновые бивни, обезьян, шкуры леопардов и живых диких зверей. Они будут особенно заботиться о деревьях ладана, корни их обернут цинновками. Погрузка — дело египетских моряков. Жителям Пунта не разрешено подниматься на борт кораблей.

Конец торговых сделок отпраздновали на веселом пиру. Не было недостатка ни в хлебе, ни во фруктах, ни в мясе, ни в вине, ни в пиве. Официальные тексты не говорят о меновой торговле. Привезенные товары — это дань Пунта царице Хатшепсут. Добавим, что предприятие не было чисто торговым. Одной из его целей было также принесение жертв Хатхор, владычице Пунта. На берегах этой земли царица приказала установить статую, изображающую богиню в обществе бога Амона.

На обратном пути проказницы-обезьянки лазают по корабельным капатам. Им не мешают: ведь им предстоит сделаться домашними любимцами знатных людей.

Возвращение в Фивы — подлинный триумф. Оно напоминает прием, оказанный морякам царем Сахура во времена Древнего царства. Стоя на борту при опущенных мачтах, спущенных парусах, поднятых веслах, моряки вскидывают руки, приветствуя фараона. Следует заметить, что суда были магически защищены, ибо нос и корма украшались «ключом жизни» (знаком *анх*) и оком Хора.

Царица возглавляет церемонию встречи в садах храма Дейр эль-Бахри. Там и сажают деревья ладана. Меряют свежий ладан, взвешивают золото и другие металлы. Сама Хатшепсут следит за точностью мер и веса. Во время прекрасного праздника в долине Амон посетил храмы фиванского некрополя. Затем, прибыв в Дейр эль-Бахри, бог наслаждается чистой и свежестью воскуренных ему фимиамов. Это и было главной причиной, из-за которой он повелел послать экспедицию в Пунт. Сердце его познало удовольствие, небо и земля утопали в ароматах.

Направимся теперь к верхней террасе. Внешний ее портик разрушен. В нем находились колоссы в виде мумий с лицами царицы. Портал из розового гранита вел во двор. Эта тайная часть храма посвящалась культам Амона, Ра и обожествленной Хатшепсут. Главное святилище располагалось по оси храма. Впоследствии изображения Хатшепсут кое-где, но далеко не всюду, заменил изображениями Тутмоса III. В этом месте с милостью богов связывают свою славу два семейства — Хатшепсут с родителями и Тутмос III со своим отцом.

К сожалению, сама погребальная часовня Хатшепсут сохранилась плохо. В ней показаны дневное и ночное плавание солнечной ладьи, жертвоприношения животных, тканей, цветов. Таким образом, Хатшепсут имела все необходимое для потусторонней жизни. В глубине часовни расположена культовая стела, священный предмет, дарующий духу царицы вечную жизнь.

В другой часовне верхней террасы, посвященной культу Тутмоса I, нас ожидает самый поразительный сюрприз. На одной из стен изображен коленапреклоненный молящийся человек. Указано его имя: Сененмут.

Сененмут был гениальным зодчим, построившим храм в Дейр эль-Бахри. Он, особа не царского происхождения, отважился — или получил разрешение — увековечить свою память в изображении. Исповедовавший особый культ Хатхор, Сененмут присутствует также в другом месте строения. Рожденный в простой семье, он быстро сделал карьеру, заняв один за другим не менее двадцати постов. Его уполномочили управлять великим храмом в Карнаке, он был вторым пророком Амона, наставником наследной царицы и главой личного совета Хатшепсут. Статуи представлял его окутавшим плащом дочь царицы.

После шестого года царствования Хатшепсут имя Сененмута исчезает из надписей. Те, кто считают Сененмута любовником Хатшепсут, полагают, что он, вероятно, впал в немилость. Истина, конечно, кроется в ином. Скорее всего создатель Дейр эль-Бахри умер. Недалеко от храма, возле каменоломни, находится гробница, приготовленная для зодчего. Склеп расположен под северо-восточным углом нижней террасы храма. Сененмут рассчитывал упокоиться под

своим шедевром и вечно оставаться возле своих государыни. Но по неизвестным причинам он не был похоронен в Дейр эль-Бахри³.

Как же закончилось царствование Хатшепсут, необыкновенной женщины и самой великой египетской царицы? Достоверных сведений нет. Часто пишут, что юный Тутмос III, захвативший власть после смерти царицы, будто бы ненавидел свою тетку. Он якобы повелел сбить ее имя на памятниках, чтобы стереть даже память о ней. Эти утверждения нуждаются в уточнении. Тутмос III не разрушил самого выразительного символа царствования Хатшепсут — храма Дейр эль-Бахри. Более того, эта так называемая ненависть проявилась слишком поздно, только через пятнадцать лет после смерти царицы. Как можно объяснять символическое разрушение и изувечие некоторых статуй желанием Тутмоса III поставить свое царствование сразу же после царствования Тутмоса II, если все эти действия по отношению к имени и изображениям Хатшепсут не носят систематического характера? Тутмос III больше озабочен тем, чтобы признавалась законной его власть, а не уничтожением памяти Хатшепсут.

Очевидно, что и Хатшепсут и Тутмос III были сильными личностями. В данном случае история распорядилась прекрасно, позволив показать себя обоим. Когда Хатшепсут умерла, новый фараон уже не был ребенком. Вынужденный доказывать свои способности и умение властвовать, он стал величайшим военным генералом древнего Египта.

Найдена гробница Хатшепсут. Это первая гробница, вырубленная в Долине царей. Она расположена на глубине более ста метров и не содержит ни текстов, ни изображений. В склепе найдены саркофаги Хатшепсут и ее отца Тутмоса I. Но Хатшепсут, сделавшись фараоном, повелела приготовить для себя еще одну гробницу — в Долине царей. Верховный жрец Амона Хапусенб занимался ее устройством. Ось этой «вечной обители» направлена на храм Дейр эль-Бахри — и, таким образом, гробница связана с главным памятником женщины-фараона.

Отцу Хатшепсут Египет обязан фундаментальным нововведением: выбором Долины царей для послед-

него пристанца фараонов. Над этой дикой, пустынной долиной-вади к западу от Фив возвышается вершина — своего рода естественная пирамида. Кто-кто задастся вопросом, не дело ли она рук человеческих, не вытесана ли она, чтобы напомнить древние царские пирамиды и быть защитой фараонам, окружающим ее подножие? Для охраны Долины царей были сооружены укрепления, она была недоступна простым смертным. Гробницы вырубали только посвященные мастера, подступы к ним были затруднены. В тревожные времена это священное место станет приманкой для воров и грабителей, жаждущих завладеть золотом фараонов.

Создатели царских гробниц обосновались в Дейр эль-Медине. Название этого места по-египетски значит «место Правды», «место гармонии». Мастеров никогда не было очень много — всего тридцать-пятьдесят человек. Они подчинялись непосредственно самому царю и визирю. Точно установлено их существование в правление XIX и XX династий. Но «сечь» ремесленников, несомненно, начал работать уже при XVIII династии. Он представлял собой коллегия посвященных, правила жизни которой сходны с уложением других общин строителей.

* * *

Счастлирое царствование, годы мира и спокойствия, красота цивилизации, воплощенная в храме Дейр эль-Бахри, — таков итог трудов Хатшепсут, и итог этот благоворен. Но вдали уже слышится звон оружия. Это пришло время Тутмоса III.

Глава X

ТУТМОС III, ЕГИПЕТСКИЙ НАПОЛЕОН

Судьба предначертала юному сыну Тутмоса II Тутмосу III царский венец. Но он был царем только номинально, а реальная власть принадлежала его тетке Хатшепсут. И все же его права были недвусмысленно засвидетельствованы. Сам Амон отдал ему свое предпочтение. Когда юноша находился в Карнакском храме, бог сошел со своего места и направился к нему. Он узнал Тутмоса, остановился перед ним и назвал царем. Предсказание оракула невозможно опровергнуть. Но надпись, которая сообщает эти факты, датируется сорока годами позднее того момента, когда Тутмос III пришел к власти. Как и Хатшепсут, он узаконил свое восшествие на престол, приписав ему неопровержимое религиозное обоснование. И слова оно зиждилось на прямом вмешательстве Амона.

В течение блистательного царствования Хатшепсут Тутмос III оставался в тени. Утверждения, что он находился в это время в темнице, не более чем фантазия. Воспитанный во дворце, он употребил эти долгие годы, чтобы подготовиться к царскому ремеслу, никогда не оставляя надежды стать правителем. Официально он считался фараоном почти четверть века, но обрел реальные права монарха только в 1468 г. до н. э.

Он быстро наверстал потерянное время. Его визирь говорит о нем: «Царь ведает все, что происходит. Нет такого затруднения, которое он не смог бы преодолеть, нет ничего такого, чего бы он не довел до благополучного конца». Факты подтверждают, что высокий сановник не ошибался.

* * *

Сам бог Сетх учил Тутмоса III стрелять из лука. Этому охотно веришь, когда речь идет о воинской доблести самого победоносного царя египетской истории, прозванного даже «египетским Наполеоном»¹. При изучении мумии Тутмоса III, которую нашли разломанной на три части, но восстановленной жрецами и спасенной от уничтожения, обнаружилось, что Тутмос III был человеком среднего роста и зарядного телосложения. Когда он занял трон, азиатская опасность стала уже реальной и неизбежной. Политика невмешательства, проводимая Хатшепсут, хотя и сохранила мир, но не помешала митаннийцам создать коалицию против Египта, страны процветающей и соблазнительной своими богатствами. Митаннии собралась под своими знаменами вождей мятежных племен и кланов, которым до этого редко удавалось прийти к согласию. Союз возглавил царь Кадеша².

Тутмос III начал долгую войну против азиатов. Чтобы утвердить владычество Египта, ему пришлось совершить семнадцать походов. По правде сказать, они имели различное значение. Одни были сражениями, другие представляли собой просто инспекционные поездки. Своего рода военный дневник, или то, что называют «Анналами» Тутмоса III, начертан на стенах храма в Карнаке.

Впервые фараон выступил в поход на двадцать втором — двадцать третьем году официального царствования, то есть на первом и втором годах фактического правления. Прошло совсем немного времени после смерти Хатшепсут, а царь уже начал свою победоносную внешнюю политику. Итак, на восьмом месяце двадцать второго года правления Тутмос III по приказу своего отца Амона-Ра отправляется в Азию, чтобы расширить границы Египта и побить презренных врагов. Дней через десять он добирается до города Газа — и овладевает им в день годовщины своего вступления на трон. Поход продолжается. Войска двинулись до Ихема, где состоялся военный совет. Царь Кадеша и его союзники собрались в городке крепости Мегиддо. В этот город вели три дороги. Две были широки и легкодоступны, третья, лежащая между ними, узка и неудобна. Воинам пришлось бы идти по ней гуськом. Если враги устроят здесь засаду, все

египетское войско будет уничтожено. Советники фараона взывали к осторожности, говоря, что не стоит идти по средней дороге. Но царь придерживался иного мнения, нежели штаб. Этот путь казался ему самым коротким. Фараон сказал: «Клянусь, как любит меня Ра, как жалует меня мой отец Амон, как молодо [дышит] мой нос жизнью и счастьем, Мое Величество пойдет по пути тому. Никто не может сказать, что фараона страшат опасности». Советники покорились воле властелина скрепя сердце. «Слуга должен последовать за своим владыкой» — таково было их решение.

Впереди войска несут символ Амона. Во главе идет Тутмос, его боевая колесница сверкает золотом. За ним в затылок друг другу, воинов за воином движется по узкому проходу армия. На лицах написана тревога, но никто не отступает. Когда все миновали теснину, Тутмос понял, что выиграл. Враги, разумеется, поставили заслоны, но на двух других направлениях.

Египетское войско, выйдя из ущелья, развертывается в долине Мегиддо. Царь дает войску отдохнуть перед броском на юг, к крепости, перед которой к семи часам вечера разобьют лагерь. Воинам велют готовиться к сражению, которое должно состояться на следующее утро. Предстояла жестокая битва. Под союзные знамена собралось более трехсот князей Сирии и Палестины. Сражение, однако, было дано только через несколько дней. Причины задержки неизвестны. Вполне вероятно, что в самом начале схватки союзники проделали такой военный маневр, что солнце било египтянам прямо в глаза. Тутмос III, умелый тактик, в этих неблагоприятных условиях прекращает атаку и вводит противника в заблуждение, переместив войска. Это позволяет ему внезапно проникнуть в Мегиддо. Фараон на золотой колеснице подобен богу. Его охраняют Хор и Монту. В пылу сражения он бьется в самой гуще своей армии, не щадит себя, вдохновляет воинов своей отвагой. Между тем множество врагов укрывается в крепости, и египтяне осаждают ее.

Египетские тексты трактуют результат военных действий как полную победу. Но, учитывая стратегию, принятую Тутмосом III, возникает вопрос, а не избежал ли он сражения? Начинается долгая семиме-

сячная осада. Царь хочет, чтобы крепость сложила оружие, но «овладеть Мегиддо — это значит взять тысячу городов». В цитадели заперлись почти все князья, правившие в городах Сирии и Палестины. На рельефах Карнакского храма каждый побежденный город изображается пленником со связанными за спиной руками. Их не менее трехсот пятидесяти. В осажденной крепости начался голод, и коалиции пришлось сдать ее. Примечательны трофеи похода. Речь идет о более чем девятистах колесницах, двух тысячах лошадей и большом количестве драгоценных металлов, обогативших египетскую казну. Вероятно, царь не казнил азиатских князей, а лишь сурово предостерег их и отослал восвояси.

После этого большого успеха Тутмос III не бездействует. Он понимает, что один блестящий удар дает немного, что коалиция неизбежно возродится. Поэтому его следующие кампании направлены на дальнейшее завоевание Сиро-Палестинских территорий. Военная оккупация сопровождается экономическим подчинением. Богатые земли Сирии разделяются на районы. Каждый год царь сам приезжает в покоренные страны и взимает налоги. Власть Египта проявляется сдержанно, но неизменно присутствует. Фараон привозит из своих экспедиций растения и животных, которых нет в Египте. Они будут воспроизведены в рельефах знаменитого «ботанического сада» в Карнаке.

Царь ведет тонкую политику. Он желает насадить в колонизованных регионах египетскую культуру, назначает на административные должности своих ставленников, привозит в Египет членов семейств азиатских князей, чтобы воспитать их в египетском духе, а уж потом отослать на родину.

Выяснив, что морское сообщение между Египтом и Сирией значительно проще, чем сухопутное, Тутмос III обеспечивает Египту военную базу в Палестине. Создание такого опорного пункта становится целью его пятой кампании. Покоренная земля богата: она манит садами, фруктовыми плантациями, обильными урожаями хлеба. Египетское войско преисполнено праздной жизни и удовольствиям. Воинам представляется случай оценить прекрасные местные вина и пощипать. Но легкая победа не лишает царя бдительности. Он не отбавляется от своих планов и,

не встретив большого сопротивления, доходят до Оронта. Кадеш, царь которого был главой побежденной в Мегиддо коалиции, окончательно покоряется Египту. Во время седьмого похода фараон усмиряет бунт в Финикии.

В тридцать третий год правления, в год восьмого похода, царь решает па большую экспедицию, цель которой — достичь Евфрата. Он не скупится на расходы и приказывает выстроить множество кораблей из кедра. Их грузят на телеги, запряженные быками. На этих кораблях царь намерен пересечь Евфрат. При Каркемине, западнее Аленно, происходит сражение. Побежденный враг беспорядочно бежит. Не без волнения приказывает Тутмос III воадвигнуть стелу рядом со стелой своего предка Тутмоса I, который побывал в этих местах до него. Царь Митанни разбит наголову, но его войска не истреблены, и через два года фараону придется возобновить борьбу.

На обратном пути на юг египетское войско столкнулось с мятежом сирийских князей. Египтяне разрушат около тридцати городов. Но в победоносном тридцать третьем году нашлось время и для передышки: Тутмос III предается радостям охоты на слонов. Вблизи одного из озер царь гонит сто двадцать громадных животных. Он устремляется на толстокожих, которые утоляют жажду и купаются в озере. Но фараон неосторожен. Разъяренные животные угрожают его жизни. Монарха спасает знаменитый воин по имени Аменемхб. Он будет похваляться впоследствии, что бросился в озеро и отрубил хобот самого большого слона, угрожавшего государю. Этот воин совершил еще один удивительный подвиг во время сражения при Кадеше. Властитель Кадеша замыслил смешать египетские ряды и посеять в них панику, запустив в строй египетских колесниц испуганную кобылицу. Аменемхб разгадал коварный замысел противника. Полагаясь лишь на собственную отвагу, он бросается к кобылице, убивает ее и приносит царю отрубленный хвост.

К концу тридцать третьего года царствования престиж фараона утвердился на всем Ближнем Востоке. Его считают выдающимся военачальником, командующим армией, не ведающей поражений. Чтобы списать его милость, ассирийцы, вавилоняне, хетты посылают ему дань. С 33 по 42 год царствования

Тутмос III укрепляет свою империю. Все кампании, которые он предпринимает, утверждают египетское влияние на завоеванных территориях и пресекают попытки мятежей. Несколько бунтов местного масштаба задушено в зародыше.

Сказка «Взятие Яффы» рассказывает об одной экспедиции Тутмоса III в Сирию. Военачальник по имени Дхаути не сумел сломить сопротивление палестинской крепости Яффы. Понимая, что приступы не принесут успеха, он решил пойти на хитрость: в осажденный город внесли огромные кувшины для масла. Внутри сосудов прятались египетские воины. Попав в крепость, египтяне без труда справились с врагом. Нетрудно догадаться, что эта сказка предвосхитила знаменитый рассказ о троянском коне.

Операции в Азии преследовали не только военные цели. В двадцать седьмой год правления один высокий сановник, брадобрей царя, получил в награду раба-азиата, плененного при одной из побед Тутмоса III. Брадобрей женил его на своей племяннице и дал чете приданое. Подобным образом в Египте оседают множество военнопленных. Они врастают в египетское общество и даже иногда получают важные должности.

Царь женился на сирийках, которые получали при этом статус второстепенных супругов. Известны драгоценности трех его иноземных жен. Их общая гробница была открыта в результате сильных дождей, вызвавших оползень. Удачливый феллах, нашедший клад, завладел золотом и вскоре взял себе вторую жену — верный признак богатства. Когда на него поступил донос, он доверил тайну своей второй суженой. Женица пыталась ускользнуть от полиции, но ее узнал влюбленный в нее полицейский. Очень скоро произвели раскопки и спасли драгоценности из гробницы чужеземных жен Тутмоса III.

Нужно отметить, что военная добыча семнадцатипятилетнего вождя была, по-видимому, не так уж велика: 6500 плененных, 4000 голов крупного рогатого скота, 1000 лошадей, 100 кг золота. Такие цифры приводят некоторые специалисты. Никаких разрушений, никакого грабежа, очень мало убитых и с той и с другой стороны. Победы фараона не сопровождались уничтожением врага, они имели целью распространить власть Египта на мятежных соседей.

Все эти победы позволили Тутмосу III представить себя орудием бога, которому принадлежит все-ленная. Амон-Ра даровал ему могущество, власть над народами, распространил его славу и страх перед ним на все страны, вплоть до четырех столбов, поддерживающих небо. Он побеждает мятежные орды, отвергающие мировой порядок. Если Тутмос стал владыкой земли как вдоль, так и поперек, с запада на восток, то лишь потому, что бог им руководил. Змеурей на лбу фараона освящает его господство, дает огонь, искореняющий мятежи зловредных тварей. Пришли народы и распростерлись перед фараоном в знак повиновения, их спины согнуты под тяжестью дани. Так повелел бог.

Хотя Тутмос III занят в основном Азией, не забывает он и о юге Египта. На пятнадцатом году царствования он отправляется в Нубию. Речь в данном случае идет не о военном походе, а об «инспекции» подчинившейся, покорной страны. Нубия предвосхищала судьбу завоеванных земель: это была чужеземка, покорившаяся фараону. Тутмос III восстановил древний храм в Семне и начал строительство в Амаде и Бухене. Стела в Гебель Баркале рассказывает, что на небе появилась звезда, знак благоволения Амона-Ра, одобрявшего поступок царя. В Гебель Баркале, ниже четвертого порога, вознесся прекрасный храм Амона-Ра. Процветающий рынок, защищенный военными укреплениями, торговал товарами, которые везли караваны из Африки. Произошло еще одно необычайное событие — был пойман носорог, животное, которое редко упоминается в египетских источниках.

Само собой разумеется, что многочисленные военные походы Тутмоса III требовали большого дисциплинированного войска. Армия выполняла в основном военные задачи, но служила также защитой рабочим в карьерах и при перевозке материалов. В эпоху Нового царства фараоны, которые вели завоевательную политику в чужих землях, создали настоящее профессиональное войско с кадровыми офицерами. Некоторые из них, например Яхмос, сын Абен, проходили длинную служебную лестницу. Тутмос III имел прекрасно обученные войска, способные быстро осу-

шествовать самые сложные маневры и иногда по-
роптавшие на трудности.

Войско становится привилегированным сословием. Воины пользовались неоспоримой славой, тем более, что военная добыча обогащала храмы и, следовательно, общество в целом. Стоит особо упомянуть элитарный корпус колесничих. Сам царь сражался, стоя в великолепной колеснице. Впоследствии отомят также его дар вести осаду вражеских городов. При приступе применялись тараны и приставные лестницы.

Воины, побывавшие в Азии, открыли для себя иной образ жизни, иные религиозные обычаи, узнали роскошь — и принесли ее в Египет. Египетское общество повсеместно менялось.

Война на древнем Ближнем Востоке — очень сложное явление. Там никогда не устраивали страшной кровавой бойни, спутницы современных конфликтов, вспыхивающих в мире, претендующем на звание цивилизованного. Сухопутные битвы были редки и разворачивались на ограниченном пространстве. Человеческие потери редко бывали значительными. Сражения составляли лишь малую толику военных операций, куда входили еще нескончаемые переговоры, интриги, попытки сговориться с враждебными государствами, демонстрация силы для устрашения противника, грозные декларации с той же целью, обмен посланцами, подкуп государств-союзников для приобретения влияния и сравнительно хорошо поставленный шпионаж. В знаменитых сражениях, подобных битве при Мегиддо, победу приносила скорее успешная тактика, а не истребление противника. Не забудем и об огромном значении формул вежливости, ритуалах, религиозных обычаях, припятых даже между врагами.

Очень важен тот факт, что высокопоставленное офицерство египетского войска состояло из царских писцов, то есть людей образованных. Они никогда не упивались жестокостью и кровью. Командиры элитарного корпуса лучников вовсе не были невежественными солдафонами. Умственные и нравственные качества часто выдвигали их после службы в войске на должности первых советников. Существовал еще один элитарный корпус — корпус возничих колесниц, где проходили выучку и государственные люди и дипломатов некоторые сыновья царя.

В войнах Нового царства колесницы играли решающую роль. Экипаж египетской колесницы состоял из двух воинов. В колесницу впрягалась пара лошадей. Войско колесничих делилось на отряды по двадцать пять колесниц; ими командовали капитаны, получавшие приказания непосредственно от главнокомандующего. Войско колесничих требовало интендантской службы, в которую входили конюшенные, конюхи — специальный штат, следящий за «транспортом» и лошадьми.

В этом профессиональном войске служили как египтяне, так и чужеземцы, но это пока еще не пармичи. Новое царство родилось в борьбе против завоевателей-гиксосов, и фараоны стремились наилучшим образом организовать «национальное» войско, орудие освобождения. Верховным вождем становится фараон. Ему помогает визирь, знающий текущее состояние воинских сил, и главнокомандующий.

Большую часть войска составляла пехота. Самая маленькая войсковая единица — отряд в пятьдесят человек. Затем следует рота, в которую входило две сотни солдат. У каждой роты имелся штандарт. Пехотницы носили набедренные повязки, а живот защищали куском кожи. В это время начинают применять доспехи из кожи или бронзы. Чужеземцы, служившие в египетском войске, имели свое, особое вооружение: круглые щиты, длинные мечи и шлемы. В «Сатире на профессию» писец хулит все занятия, чтобы доказать преимущества своего собственного завидного ремесла.

Воину, конечно, живется ужасно. Еще ребенком его отрывают от родителей и запирают в казарме. Он терпит побои, а потом его посылают в Сирию, где он рискует жизнью, ест плохой хлеб, пьет грязную воду, страдает то от жары, то от холода, и наконец, больной или израненный, возвращается в Египет. Да, эти тяготы были частью опасной жизни воина, но они не исчерпывают всех сторон этого ремесла. Во многих походах, как было показано, солдатам удавалось по бездельничать, пожить в неге в богатых и мающихся удовольствиями азиатских странах. Закончив службу, воины возвращались в Египет, где их ждала награда. Самые отважные получали золотой орден мухи, всех наделяли полями, небольшими владениями. Из бывших воинов, владевших землей и освобожденных от

палогов, скорее всего и формировалась военная армия стократии.

Лошади, ввезенные из Азии около 1600 г. до н. э., использовались на войне для запряжки колесниц. Но лошади пригодились и для более мирных занятий, так, например, как перевозка почты между городами. Частные же лица не ездили на лошадях, а по-прежнему ходили пешком или передвигались на лодках³.

* * *

Тутмос III, как и его предки, — создатель. Он превратил Карнак в самую большую стройку Египта. Чтобы почтить своего отца Амона-Ра и в благодарность за победы, которые бог дал ему одержать, царь обогащает его храм великолепными памятниками.

Уже до Тутмоса III фараоны украшали храм Амона. Но, став верховным богом империи, Амон заслужил жилища, достойного своей божественной власти, дарующей победу. — огромного, колоссального отражения его небесного и земного владычества. Обелиски, возносящиеся к тучам, рассеивающие силы зла и защищающие священный воздух, массивные пилоны, где ритуальные сцены рассказывают о победоносных сражениях, залы с колоннами — все это Карнак, каменный гимн царю богов.

Тутмос III приказывает установить статуй-колоссы, олицетворяющие реальное присутствие божества в лице фараона. По установившейся традиции он разбирает постройку предыдущих фараонов, и использует камень в новых сооружениях. Он создает знаменитый зал Аппалов, где рассказывается о его военных подвигах, «ботанический сад», в рельефах которого показаны экзотические растения, увиденные во время азиатских походов, «компану предков», рельефы которой изображают жертвоприношение царя своим предкам (в XIX веке они были вывезены в Лувр). Искусство ваятеля тепло и трепетно. Он оживил эти стены, на века запечатлевшие величие царствования Тутмоса III. Большая часть надписей сделала не ранее сожжений мифовало. Походы окончены, время сражений миновало. Настал час воспоминаний, и Тутмос III изображает самые замечательные свои подвиги. Исключительный шедевр строительства этого царствования — так называемый «зал праздников», *ат-мену* (это египетское название означает «блистающий памятник»

камп»). Ансамбль строений, образующих единое целое внутри Карнака, был храмом возрождения Тутмоса III. Он состоит из трех основных частей — большого зала с опорами и колоннами, часовен, посвященных символикe возрождения, и часовен воскресения природы под живительными лучами солнца. Для царя этот храм, глубокая и сложная теология которого заслуживала бы длительного описания, был главной целью его строительства. Здесь во время обрядов возрождалась сила царя. Кроме того, небезынтересно упомянуть, что *ах-мену*, как заметил египтолог Поль Барге, подробно изучавший этот памятник, был местом посвящения жрецов Амона в таинства. Святилище Тутмоса III уподоблено небу, врата которого открываются для того, кто достоин туда попасть.

Обогащая Карнак, Тутмос III давал средства также и его жрецам, в частности тому, роли которого придавал огромное значение, — верховному жрецу Амона. Среди даров Амону и его слугам можно упомянуть золото, серебро, пленников из Азии и Нубии, поля, сады, фруктовые плантации, стада. Обычные жертвоприношения дополняются особыми — данью побежденных городов. Короче говоря, храм Амона-Ра становится огромной организацией, экономической структурой которой управлял верховный жрец.

И все же Тутмос III, чей решительный характер нам уже известен, не всегда жил в добром согласии с верхушкой священнослужителей Амона. И впрямь, ведь великий жрец Хапусепеб позволил Хатшепсут захватить трон и отодвинуть в тень юного Тутмоса III. Когда Тутмос III пришел к власти, он назначил верховным жрецом друга своего детства Менхеперрасенеба. Дав ему богатство, царь потребовал взамен послушания. Тутмос III с недоверием относится к жрецам Амона и опасается их усиливающейся власти. Он не потерпит ущемления своей собственной: страной правит фараон, и никто иной.

Ему удалось оживить и возродить блеск старейшего культа Гелиополя. Царь приказал восстановить разрушенные и заброшенные постройки, например храм Ра в Сихебу, в Дельте. Солнечные культы мемфисского региона пользовались щедростью царя, который пытался установить хотя бы шаткое равновесие

между священнослужителями Египта, чтобы жречество Амона не обрело абсолютного преимущества. В дальнейшем такой мудрой религиозной политике следовало далеко не всегда.

Тутмосу III помогал искусный премьер-министр, визирь Рехмира. В должность его ввел сам фараон; это была грандиозная церемония. Фиванская гробница визиря — одна из красивейших в Египте. Царь торжественно перечислил вельможе его будущие обязанности⁴. Фараон говорил: «Будь осмотрителем во всем, что происходит в твоём учреждении. От этого зависит порядок во всей стране. Визирь трудится не ради удовольствия, а исполняет долг. Твоя задача — не попустительствовать князьям и сильным мира сего. Держись закона». Этот закон — Маат, гармония мироздания, дочь света. Она всегда находится на груди визиря в виде амулета. Пусть любой проситель будет принят визирем, если его жалоба справедлива, пусть не отдаст он предпочтения ни родственнику, ни другу, но пусть и не впадет в противоположную крайность подобно тому сановнику, что отказывался выслушивать близкого из боязни быть обвиненным в пристрастии, даже если требования того были законны. Дело чести для могущественного человека, подобного визирю, — быть воплощением справедливости. «Таков закон со времен богов». Если визирь не станет рабом своих чувств и личных интересов, если он знает вековые египетские обычаи и уставы богов, то не изменит этому закону.

Понятно, что введение визиря в должность далеко выходило за рамки светской церемонии. Велика была ответственность, возложенная на его плечи. Как глава правительства, он должен быть сведущ в самых разнообразных областях. Когда мы говорим «визирь», то нужно помнить, что его обязанности разделялись между двумя сановниками, визирем севера и визирем юга⁵. Визирь севера имел резиденцию в Гелиополе и управлял египетскими землями от Слута до Средиземного моря. Визирь юга сидел в Фивах и правил землями от Слута до первого порога.

В сопровождении хранителя сокровищницы визирь ежедневно ранним утром являлся в царский дворец. Он беседовал с фараоном с глазу на глаз, каждый день

докладывал ему обо всех государственных делах. Получив указания царя, визирь сам отдавал приказы храпителю сокровищницы. Открывались канцелярии и там изучались сведения, поступившие из различных египетских номов. Визирь отправлял приказы в столицы номов. Наконец, он принимал тех, чьи жалобы оказывались достаточно обоснованными. Иногда визирю приходилось разъезжать для инспекции номовых властей или для разбирательства дел, не входящих в компетенцию местных судов.

В эту эпоху власть номархов снова была ограничена. Местные правители окончательно подчинились твердой центральной власти. Некоторые крупные династии в номах еще обладали значительным богатством, но их политическое влияние сильно ослабло.

Канцелярия визиря становится огромным правительственным учреждением, где сосредотачиваются архивы царства. Сюда приносят документы, на которых стоит печать визиря. Кроме ответственности за правосудие и филиансы на визиря возлагается организация больших работ, которые он обеспечивает средствами. Он следит также за содержанием оросительных каналов, за кадастрами, за хлебными амбарами, хранением зерна. Значительны и его военные prerogatives: он сам подбирает личную охрану царя, его мнение учитывается при назначении высшего офицерства, он подробно осведомлен о состоянии войск и вооружения.

Конец царствования Тутмоса III был спокойным. В течение последних двенадцати лет о походах в Азию не упоминается. Покоренные земли регулярно присылают дань в Египет, ко двору фараона. Накапливаются богатства, растет интерес к роскоши. Престиж фараона так велик, что Египет становитсяладыкой древнего мира, грозным военным государством, которому никто не отваживается противостоять, блистательной цивилизацией, с которой все страны жаждут поддерживать добрые торговые отношения.

На закате жизни Тутмос III приближает к трону своего сына Аменхотепа II, чтоб тот постигал искусство власти. К моменту смерти египетского Наполеона, почившего приблизительно около 1436 г. в возрасте шестидесяти или более лет, Египет стал империей, раскинувшейся от Евфрата до Судана. Это самая большая территория, какой когда-либо достигали

Обе земли. В одном гимне говорится, что бог обещал даровать царю всю землю от края до края. В его кулаке зажаты берега океана. Царь — это бык с гордым сердцем, властвующий над миром. «Южная граница его простирается до пределов земли, северная — до пределов Азии, до столбов, поддерживающих небо».

Гробница Тутмоса III, вырубленная в Долине Царей, прославляет семьсот сорок богов, пзображенных в ее большом зале. Фараон, таким образом, воздал почести чуть ли не всем божественным силам, облегчавшим его труды. Среди разнообразных сцен стоит обратить внимание на кормление царя Исидой в комнате с двумя опорами. Комната удивительна, так как углы ее скруглены и она имеет форму огромного картуша, внутри которого вечно живет дух великого Тутмоса III.

Глава XI

АМЕНХОТЕП II, ЦАРЬ-СПОРТСМЕН

Аменхотеп II, сын Тутмоса III, царствовал около четверти века, с 1438 по 1412 г. до н. э. Менее знаменитый, чем его отец, этот фараон, однако, заслуживает внимания благодаря яркому своеобразию характера, которое принесло ему репутацию «царя-спортсмена».

Он был рожден в Мемфисе. Еще совсем юному, ему было поручено паблюдать за доставкой леса в гавань Перунефер¹, расположенную около города. Прежде чем отец приблизил его к трону, он занимал жреческие должности. С первых лет правления ему пришлось доказывать свою пригодность к царскому ремеслу: смутьяны в Сиро-Палестинских землях, надеясь, что смерть великого Тутмоса всколыхнет волнения в Египте, подняли мятеж. Но они недооценили энергию нового фараона. Его вмешательство было немедленным и жестоким. Сирийские вожди были пленены и казнены.

Аменхотеп был искусен в трудах бога Монту, то есть в военном деле. Предание приписывает ему телосложение атлета и недюжинную физическую силу. Он был неутомимым гребцом, столь сильным, что заменял две сотни человек. Великолепный наездник и большой любитель лошадей, он без усталости преодолевал огромные расстояния. Он показал себя самым проворным бегуном. Только он один мог натянуть тетиву своего лука и был так силен, что стрела его пробивала толстую медную мишень. Аменхотеп II был воплощением идеального образа, который часто встречается в египетской скульптуре: сильный широкоплечий человек с плоским животом, прочно стоящий на ногах. Тексты неоднократно упоминают «спортивный» характер царя, подчеркивая, что его натура олицетворяет спре-

ведливую силу, умиряющую врагов, мятежников, тех, кто покушается на мировую гармонию.

Можно допустить, что царь и в самом деле был атлетом, которому мила атмосфера войны и сражений. Жестокость, с которой он подавил мятежи, изобличает характер цельный, готовый на все, лишь бы не поступиться ни крупницей верховной власти Египта. Его изображают на несущейся во весь опор колеснице, он, по-видимому, лично участвовал в сражениях в авангарде войск. Говорят, что однажды ему пришлось в одиночку сторожить множество пленников на протяжении целой ночи. Войско, кроме дворцовой стражи, было далеко. Но царь никого не боится. Перед переправой через Оронт, он, помолвившись богами, приказал сжечь пленников. Их собрали вместе и подожгли всю толпу, запылал фантастический факел. Такие рассказы не следует понимать буквально. Аменхотеп II хотел нагнать страху на врага. Легенды изображают его также гулякой и любителем выпить. На одном из пиршеств с обильными возлияниями он, будто бы, недвусмысленно выказал презрение к чужеземным соперникам, назвав их «старыми бабами».

Деятельный, возможно, жестокий Аменхотеп II, неважкая на потрясения, волновавшие Азию, сохранил империю Тутмоса III в целости. Во время первого сирийского похода царь одержал блестящую победу и привел шестнадцать живых пленников, привезав их к колеснице. Эта легенда, по-видимому, рассказывает о жестокой битве, в которой была разрушена крепость Шампи-Адуму. Царь переправляется через бурные, как разгневанный бог, воды Оронта. Азиаты перестраиваются, чтобы атаковать египтян. Но их кавалерия оказывается слабой и не может отбросить войска фараона, который, подобно стремительному соколу, бросается в битву. Под его ударами один за другим падают враги. Победитель Аменхотеп II появляется перед городом Нии. Он вновь готов приступить к осаде, но благоразумные жители поднимаются на крепостные стены и приветствуют царя Египта. Аменхотеп принимает капитуляцию. Ему покоряются также царь Кадеша и многие другие азиатские князья. Некоторые селения в наказание стирают с лица земли. Решительные действия фараона предотвращают возрождение азиатской коалиции. Трофеи военных операций огромны. В Египет приводят множество

пленников, среди них большое число знатных сирийцев. Кое-кому из них уготована блистательная карьера на земле фараона. Сердце его величества уподобилось сердцу дикого быка, пьяного от радости. На обратном пути Аменхотеп II по традиции развлекается охотой на газелей, лисиц, оленей и диких ослов, а также совершает несколько увеселительных прогулок.

На девятом году царствования Аменхотепу приходится совершить второй поход в Азию. Вспыхивает мятеж в сирийской области Речону. Дело не так серьезно, как события, что принудили совершить первую экспедицию, но Аменхотеп II столь же решительно вторгается в Азию. Когда царь отдыхал в шатре, ему в сновидении явился бог Амон и возвестил победу. Веря в свою счастливую звезду, направляемый Амоном Аменхотеп без всякого труда усмиряет бунтующие селения. И здесь добыча велика. Кроме того, фараон ставит вместо мятежных вождей своих доверенных людей. Создается впечатление, что Аменхотеп II вел своеобразный «крестовый поход», в котором Египет олицетворял силы добра, а восставшие азиаты — силы зла и разрушения, грозившие уничтожить мировую гармонию. Не стоит так преувеличивать и говорить о священной войне. Но не следует и недооценивать теологического и священного аспекта войны фараона.

Проводя жестокую политику в сирийских землях, царь требует от них очень тяжелой дани. Речону, например, была обязана дать более шестисот килограммов золота и сорок пять тонн меди. Таким образом, очевидно экономическое значение войны, обогащавшей Обе земли.

Число пленников всегда велико, но не нужно понимать такие сведения буквально. Общее количество пленных одной операции в действительности может оказаться суммой всех захваченных, включая предыдущие походы. Надписи Карнакской стелы говорят, что Аменхотеп II собственноручно проломил своей палицей головы семи сирийских вождей. Шесть трупов были повешены на крепостной стене Фив, а седьмой увезли в Напану, чтобы устрашить публичнее.

Азиатская коалиция, в которую входили бедуины, палестинцы, сирийцы, индоиранцы и, возможно, древние евреи, понимает, что Аменхотеп для нее самым опасным силен. Несколько азиатских князей объединяются и

решают заключить мир с Египтом. С данью на синах они смиренно являютя ко двору фараона и просят даровать им «дыхание жизни».

Царствовавшие Аменхотепа II не было безраздельно посвящено войне. Хотя войны в благодарность за службу получали при дворе многие дары, хотя царь придал большое значение смотрам рекрутов после обязательной, предписанной правилами стрижки волос, круг его деятельности не ограничивался воинскими занятиями. Он был еще и великим строителем. Карнак стал главной его заботой. Он продолжил гигантское строительство, начатое его отцом, Тутмосом III. Но, как и отец, Аменхотеп II не пренебрегал и другими городами. Он посылает зодчего Минмеса в Дельту, где тот должен заняться строительством. Разворачиваются работы также в Нубии, а именно в Амаде, в ста восьмидесяти километрах от Асуанской плотины. Там состоялась церемония закладки храма, проведенная Аменхотепом II; так он завершил труды, начатые Тутмосом III. Воинственный царь установил в Амаде стелу, рассказывающую о его победоносных войнах в Азии. Аменхотеп II выстроил еще один храм в Нубии, в Калабше. Он положил начало новой архитектурной традиции, которая достигнет расцвета при Рамсесе II.

После восстановления мира в Азии Аменхотеп II бесмятежно царствует в могущественном Египте, где блеск высшего общества соперничает с блеском царского двора. Роскошные гробницы вельмож, например захоронение визиря Рехмира, который начал службу еще при Тутмосе III. Среди украшающих гробницу сцен изображено приношение дани критянами, суданцами, сирийцами, ассирийцами. Это прекрасный символ правления, ритуал верноподданничества иноземных народов фараону и его ставленникам. Гробница Кеамона, главного царского управляющего, состоит из преддверия с десятью опорами и усыпальницы, потолок которой подпирают восемь столбов. Этому сановнику было поручено устроить роскошное празднество в честь Нового года, на котором преподносились великолепные дары: лучшие изделия мастерских, статуи, вазы, колесницы, ожерелья из драгоценных металлов, парадное оружие. Последнее жилище Сеннефера, князя одного из южных городов, называется «виноградной гробницей», так как свод ее украшен вино-

градными лозами с тяжелыми гроздьями ягод. Она напоминает о счастливых временах, когда египтяне наслаждались дарами природы и миром после войны.

Предполагается, что Аменхотеп II умер в возрасте около пятидесяти лет. Его уцелевшая мумия была усыпана листвою и цветами, на груди лежал букет мимозы. Гробница Аменхотепа II в Долине царей производит сильное впечатление. Входной коридор ведет глубоко под землю. Внезапно его преграждает символический колодец, связанный с *Нуном*, океаном-прародителем, окружающим землю. Первый зал с двумя опорами лишен всякого декора. Лестница ведет вниз, в зал с шестью столбами; на стенах его разворачиваются сцены из заупокойной книги *Амдуат*. Назначение последней — возродить существо, судьба которого подобна солнцу, умирающему вечером и рождающемуся утром. Потолок гробницы изображает небо. Он покрыт темно-голубой краской, на его фоне сияют золотые пятиконечные звезды. Пол понижается и приводит в склеп, где и был обнаружен саркофаг. Там все еще находилась мумия царя. Гробница Аменхотепа II служила также хранилищем для других царских мумий. Их укрывали здесь перед тем, как спрятать в надежном месте.

После телесной смерти Аменхотеп, мощный дьяволом, продолжал блюсти безопасность царского потомства. Защитник своего народа, он мог гордиться тем, что сохранил могущество своей земли и продолжил традицию отцов.

Глава XII

ТУТМОС IV И СФИНКС

Тутмос IV, сын Аменхотепа II, был приближен к трону отцом и правил десять лет, с 1412 по 1402 г. до н. э. Это период мира и роскоши. Время как бы остановилось. Египет лежит в центре спокойной империи.

Мумия сорокалетнего царя найдена в плохой сохранности. Однако лицо Тутмоса IV осталось очень красивым. Оно излучает безмятежность, несет печать живого ума, богатой внутренней жизни. В его чертах как будто отразились вся изысканность, вся прелесть того благословенного времени.

Этот счастливый и добрый царь пережил одно странное приключение, о котором стоит рассказать. Еще до того как стать соправителем, юный Тутмос развлекался охотой в пустыне, в Гизе, близ большого Сфинкса, почти совершенно засыпанного песками. Египтяне Нового царства называли его Хармахисом¹, т. е. Хором в горизонте, и считали хранителем некрополя. Его называли также Хепри-Ра-Атум, что значит солнце восходящее, полуденное и вечернее, — иначе говоря, животворящее светило во всех его ипостасях. Будущего владыку сравнивали с молодым Хором. Полный сил, он натягивал лук и стрелял по металлической мишени, охотился на львов, вихрем носился на колеснице, запряженной быстрыми, как ветер, конями.

К полудню Тутмос утомился. Он стал с почтением рассматривать изваяние. Подходили паломники, чтобы поклониться божеству и принести жертвы его *Ка*. Текст на стеле Сфинкса, сохранивший рассказ об этом событии, говорит: «Итак, в этих местах стояла огромная статуя Хепри, великая мощью, священная величием, и витала над ней тень Ра».

Тутмос сел под сенью бога и задремал между лапами. Когда солнце встало в зените, будущим фарао-

пом овладел священным сон. Сфинкс явился ему в сновидении и говорил, как отец с сыном. Он возвестил: «Если ты освободишь меня от песков, что душат меня, я сделаю тебя царем». Тутмос будет увенчан белым и красным венцом, вся страна покорится ему как в длину, так и в ширину, все, что охватывает взор властелина вселенной, будет принадлежать ему, и жизнь его будет долгой. «Мой образ принадлежит тебе, мое сердце принадлежит тебе,— говорит Сфинкс.— Я страдаю, бремя, отягощающее меня, погубит меня. Спаси меня, сын мой».

Потрясенный Тутмос дал слово выполнить желание Сфинкса. Он приказал откопать изваяние, и Сфинкс обрел прежнее великолешие. Бог тоже сдержал обещание. Тутмос IV стал великим фараоном. Чтобы увековечить договор бога и царя, между ланами Сфинкса была установлена стела из розового гранита высотой 3,6 м. Она найдена на том же самом месте в 1818 г.

За этой легендой скрывается продолжение ловкой и умелой религиозной политики, начатой Тутмосом III. Тутмос IV хорошо понимал свою роль. Фараон — единственный властелин Египта. Верховный жрец Амона назначается царем и выполняет свои особые задачи. Царь не дает ему никаких поручений, связанных с управлением страной. А Ра-Хармахис, Сфинкс — солярный бог, непосредственно связанный с гелиопольским культом.

Итак, власть Тутмоса IV узаконили жрецы древнейшего священного города царства, а не клир фиванского Амона. Таким образом фараон поддерживает равновесие между различными религиозными учениями и той светской властью, которая находится в руках жреческих коллегий.

На международной арене Тутмос IV проводил деятельную мирную политику в отношении сильнейших чужеземных государств. Он, конечно, предпринимал инспекционные походы в Азию и даже взял сирийскую крепость, где горстка бултошников водила мятеж.

Но обошлось без существенных сражений. Фараон принимал меры по поддержанию порядка и осуществлял наблюдение «с позиции силы». Сирийцы, по-видимому, поставляли Египту хороших каменщиков, которые возводили там крепости.

Лави угрожала опасность дестабилизации. Митанницы чувствовали надвигающуюся угрозу. Новый народ, хетты, проявлял воинственные стремления. Митанни, которая так долго боролась против Египта, теперь искала оборонительного союза с ним против хеттов. Тутмос IV поощрял их намерения. Страны обменивались посланцами и посольствами.

Чтобы скрепить союз, фараон изъявил желание жениться на митаннийской царевне по имени Мутемуиа. Шесть раз подряд царь Митанни давал отказ. Настойчивость Египта после многочисленных обменов любезностями стала еще упорней. Наконец бракосочетание состоялось. Со стороны Тутмоса IV такой шаг означал настоящую революцию. Чужеземки по обычаю могли быть только второстепенными супругами. Однако Мутемуиа Митаннийская была возведена в ранг «великой царской супруги» и стала матерью Аменхотепа III². Царица Египта считалась хранительницей божественной крови. Нетрудно понять, как велико было благоволение, оказанное фараоном новым союзникам. Тутмос IV заключил также дружеское соглашение с царем Вавилона, и обе стороны строго соблюдали его.

Что касается Нубии, там не возникало больших волнений. Царь посетил ее на восьмом году царствования. Надпись, выбитая на скале близ Кошоссо, говорит, что фараон беседовал со своим отцом Амоном о мятеже в Нубии. Тутмос IV отправился в храм в Карнаке, принес большие жертвы богу и просил направить его на верный путь. Амон благосклонно отвесил к своему сыну, и тот вышел из святилища с «расширившимся сердцем», то есть радостный.

В те времена, когда жизнь текла между пальцев обильно, как вино, когда одежды знатных людей были роскошны и щеголи следовали самым изысканным модам, призрак войны отдалился. Тем не менее в гробнице царя нашли роскошную парадную колесницу, кузов которой остался цел. Ее металлические части золочены. На наружной поверхности колесницы изображен фараон в гуще рукопашной схватки. Он возвышается над противником и посылает смертоносные стрелы. Невозмутимо спокойный, он являет собой господство порядка над хаосом. Эта колесница, пройдя через руки самых искусных ремесленников царства, вышла из их творением искусства, пиршеством для глаз. Она имеет ритуальное, а не военное назначение.

В те времена жил знаменитый писец и астроном, жрец Амона Пахт. Его гробницу в фиванском некрополе посещают чаще других. Любопытно, что украшающие усыпальницу рельефы не имеют ничего общего с заплатами усопшего: они изображают охоту, рыбную ловлю, сбор винограда, пир, происходящий одновременно и в земном, и в потустороннем мире.

Гробница Мепна, писца кадастров, также очень хорошо сохранилась. Сцены сельской жизни соседствуют в ней с религиозными — поклонения восходящему солнцу и богу мертвых Осирису. Там есть и изображения паломничества на ладьях к священному городу Абидосу, и сцена психостасии, где судья иного мира завешивают душу умершего.

В гробнице самого царя сохранился саркофаг из известняка, украшенный двумя глазами воскресшего усопшего. Мумия изъята и укрыта в гробнице Аменхотепа II. Когда гробницу открыли, на полу обнаружили множество валявшихся предметов — это были сломанные части погребальной утвари. До сих пор не найдено объяснения этой находки. Мысль о ненависти к Тутмосу IV кажется невероятной. Может быть, это следы давнего ограбления.

В царствование Тутмоса IV воздвигнут самый высокий из известных обелисков. Его высота около 45 м. Ныне он находится перед церковью Сен-Жан-де-Латрап в Риме. Обелиск являет прекрасный символ эпохи, незыблемой и надежной, как этот восхитительный монолит, возносящийся к небу воплощением божественной славы и света.

Глава XIII

АМЕНХОТЕП III, ИЛИ ЦАРСТВО СВЕТА

В течение тридцати шести лет царствования Аменхотепа III (1402—1364 гг. до н. э.) Египет достигает вершины мощи и богатства. Это апогей Нового царства. Победоносные войны, постоянно приносящие дань от покоренных стран, превратили Фивы в пышную столицу. Египет богат, очень богат. Процветает и внешняя и внутренняя торговля. Примечательно, что возникает единица стоимости — *дебен*, кусок меди весом около девяноста граммов. Но «деньги», как таковые, в какой бы то ни было форме не появляются. Торговля, как правило, остается меновой. Если какой-то товар стоит определенное количество *дебенов*, за него можно получить другой товар равной стоимости в *дебенах*. Но *дебен* сам по себе не имеет хождения в обращении. Один из моих коллег удивлялся: «Не пойму, почему эта величайшая цивилизация, которая все создала, все в себя вобрала, не придумала денег». По моему разумению, Египет проявил большую мудрость и предпочитал не использовать этого изобретения. Греки лишили цивилизацию фараонов ее чистоты, привнеся в Египет денежную экономику.

Когда Аменхотеп III взошел на престол, он оказался Крезом цивилизованного мира, самым богатым фараоном в истории Обеих земель. Никогда еще государственная казна не была так полна. Монарх повелевал миллионами людей. В египетских текстах для описания фараона часто используется символический образ солнца, поднимающегося на трон. Он озаряет египтян и другие народы своим светом. Сущность же власти фараона остается священной. Жак Пиренн в «Истории цивилизации древнего Египта» (т. 2, с. 108) пишет: «Произвол никогда не был сущностью царской власти, никогда не бывал в Египте. Власть, и царская власть в большей степени, чем любая дру-

гая. была только выражением Закона — воли великого бога-создателя. В действительности власть принадлежала богу. Царь лишь исполнял на земле его волю, поэтому он и был заместителем божественного *Каа*.

Ни на кого из фараонов так не клеветают египтологи, как на Аменхотепа III. Многие называют его изнеженным восточным деспотом, гулякой, наслаждавшимся роскошной, беспутной жизнью в великолепных дворцах. Единственная деятельность, которой он якобы занимался, — это большие охоты на львов. Говорят, что в течение первых десяти лет царствования он убил более двухсот этих хищников. Известно также, что во время одной лишь охоты под его ударами пало сто диких быков.

Великий царь заслуживает оправдания. Фараон такого масштаба, конечно, не мог вести себя, как сатрап эпохи упадка. Этого не допускало тяжкое бремя его долга, где преобладали религиозные и обрядовые начала. Действительно, Аменхотеп III правил мирной и богатой страной. Очень благочестивый, он был человеком высокой духовности. Некий чиновник, в обязанности которого входило управление владениями, сообщает, что получил наставление из уст самого царя и что тот умел вести себя, как мудрый учитель. Недавние исследования показали, что охота на львов и диких быков была не просто развлечением пресыщенного монарха, искавшего сильных ощущений. Это были ритуальные действия, означающие господство порядка над хаосом — предмет постоянных забот державы фараонов.

Супруга Аменхотепа III Тэе была яркой личностью и имела влияние на ход государственных дел. Царь и царица жили в полном согласии; впрочем, это не единственный случай в истории египетской монархии. В память о заключении их брака было изготовлено множество небольших скарабеев, на которых вырезан текст, рассказывающий всему Египту об этом событии.

Царь и царица совместно вели множество государственных дел. Аменхотеп III почитал свою супругу и однажды преподнес ей пышный подарок, достойный блеска XVIII династии: он приказал вырыть для царицы Биркет-Абу, искусственное озеро для развлечений, к югу от храма Меджет-Абу, восточнее дворца в Мальгате. Царские водные были искусны,

а рабочие прилежны, и озеро было готово через пятнадцать дней. Царица торжественно открыла его, совершив прогулку в ладье с любопытным названием «Спящие Атона». Этот бог приобретал все большую и большую популярность, а впоследствии фараон Эхнатон внезапно поднял его славу на недостижимую высоту.

Портреты Тэе изобличают серьезный и очень твердый характер. Ее лицо иногда имеет довольно замкнутое выражение, черты жестки. Без всякого сомнения, царица была женщиной «с головой». Поразительный факт: Тэе — простолюдинка¹. Можно ли вообразить, что выбор Аменхотепа III явился плодом истинной любви, которая подарила молодой женщине самый высокий сан?

Влияние Тэе на политику доказывает письмо царя Митанни, посланное Аменхотепу IV после смерти его отца Аменхотепа III. Там сказано: «Все слова, которыми мы обменялись с твоим отцом, знает твоя мать Тэе. Никто, кроме нее, их не ведает, только от нее ты можешь их узнать». Значит, Тэе не была легкомысленной и группкой, не знавшей ничего, кроме гарема. Это фигура первостепенного значения, ей были известны государственные секреты. Царица сыграла решающую роль в формировании образа мыслей будущего фараона Эхнатона, и, конечно, ее влиянием объясняются некоторые стороны его внешней политики. Кроваво заинтересованная в величии Египта, она не ограничивалась узким кругом «национальных» интересов, а старалась поддерживать связи с другими народами.

Центром блистательной империи были стовраты Фивы. Никогда город Амона не был так богат и изобилен. В садах разгуливают франты и щеголихи. При роскошном дворе одно празднество сменяется другим. Лишь крестьяне да ремесленники еще носят простые набедренные повязки — самую распространенную одежду со времен Древнего царства. Теперь царит роскошь, моды усложнились. Длинные, более или менее прозрачные, изящные одежды соперничают с изысканностью замысловатых причесок. В Египет ввозят высоко ценные иноземные товары: предметы туалета, амфоры, изделия из стекла. С Крита, из Микен, из азиатских областей, из Нубии стекаются всевозможные богатства.

Жилища вельмож ломятся от богатств. Перед каждым домом разбит обнесенный стеной сад. В саду непременно имеется водоем, заросший лотосами и папирусом, куда хозяин и его гости отправляются подышать свежим воздухом. Сады засажены разнообразными деревьями — акациями, гранатами, пальмами, украшены увитыми зеленью павильонами и беседками. В жилищах множество разнообразных помещений. Тут и столовые, и спальни владельцев и их семейств, комнаты для гостей, вашиные комнаты, лоджии, семейные молельни. Большие владения представляли собой совершенно независимые хозяйственные организмы. Они давали кров множеству работников и ремесленников, трудившихся в давилнях, винных погребах, хлевах, конюшнях, на бойнях, в пекарнях, в зернохранилищах.

Пиршества поистине ослепительны. Но не надо забывать, что сцены, которые передают их радостную и утонченную атмосферу, изображены на стенах гробниц. Смерть здесь неотделима от жизни. В гробницы приносят жертвоприношения для мертвых и даже устраивают пирры, проводя ночь в поминальной часовне. Вечные жилища фиванских богачей — подлинные шедевры. В Ассасифе, некрополе, расположенном к югу от Дейр эль-Бахри, находится гробница Аменемхата, личного советника царя. В гробнице есть зал с шестьюдесятью шестью опорами. В гробнице Херуефа, управляющего великой супруги царя, восхитительные сцены запечатлели празднество подъема столба-джед, символа божественного постоянства, стабильности. В так называемой «Долине знатных», в гробнице надзирателя хлебных амбаров Верхнего и Нижнего Египта, соседствуют, как и всюду, светское и сакральное. Когда вельможа представляет отчет царю, сидящему под балдахинном, он тем самым совершает жертвоприношение. Описание богатого мира символов и искусства фиванских гробниц, где узнаваема жизнь вечная и жизнь обыденная, поистине заслуживает отдельного тома.

Аменхотеп III обосновался во дворце Мальгатта на левом берегу Нила, южнее Мединет-Абу. Дворец почти полностью разрушен, но и то немногое, что сохранилось, может убедить зрителя, что это, несомненно, самый роскошный из всех дворцов Египта. Здесь царят яркие краски и преобладает натуралистический декор. Всяду растения, картины природы, птицы. В зале

празднеств Аменхотеп III справлял «юбилей», или празднества-сед в тридцатый, тридцать четвертый и тридцать седьмой годы своего царствования, обретая новые силы, необходимые ему, чтобы продолжать управлять страной. От пышных дворцов Нового царства остались одни развалины: построенные из кирпича, а не из камня, они не предназначались для вечности.

Богатейшие Фивы были также городом богословским. Столица считалась более священной, чем другие крупные города. Именно здесь впервые появились вода и земля. Фивы — Око бога Ра. Ему принадлежит все. Вот почему фиванское жречество, широко пользовавшееся богатствами Египта, отстаивало свое право на особое место в «национальной» жизни.

Аменхотеп III и Тэие не были слепы. С одной стороны, они радели за сплоченность страны и не могли изолировать верховного жреца Амона в каком-нибудь «гетто». С другой стороны, они остерегались того противовеса своей власти, который был сосредоточен в его руках. Первое время Аменхотеп III продолжает тонкую политику своих предшественников, поддерживая равновесие между Гелиополем, Мемфисом и Фивами, по крайней мере в плане религиозном. Ра гелиопольский — демиург, но гарантирует сотворение мира бог Птах из Мемфиса. Ра один, он — единственный, а Амон-Ра — таинственный бог, не имеющий ни формы, ни имени. Он отец богов. Так хитроумно обеспечивался «обмен идеями» между различными культурами. Аменхотеп не может забыть, что его имя означает «Владыка правды — Ра»². Это имя налагает на него особые обязательства по отношению к Гелиополю. Царь не только оказывает милости жрецам Солнца, нейтрализуя фиванское влияние, но и лишает жречество Карнака некоторых административных привилегий. Тем не менее нет никаких признаков открытого конфликта. Хотя царь и играет на плюрализме культов, но это микром образом не оборачивается противопоставленным доктринам.

Когда Аменхотеп III назначает верховного жреца Птахмосе визирем Верхнего Египта, он, конечно, исходит из дружеских побуждений. Птахмосе сделал блестящую карьеру, ибо всегда поступал так, как требует истина, которую любит царь и которой он живет.

Жрец много работает, проводит бессонные ночи, чтобы выполнить свои обязанности. Каждое утро он первым приветствует царя. Он угадывает замыслы фараона, исполняет его приказы, не допуская небрежности. Он умеет хранить молчание и вести себя сдержанно.

Управление Египтом становилось настолько сложным, что фараон вынужден частично передать власть таким высшим должностным лицам, как визирь, наместник Нубии и верховный жрец Амона. Если царь обладает достаточно сильной натурой, то при этом никаких проблем не возникает. В противном случае властолюбие сановников может проявиться и поставить под угрозу единство Египта.

Верховный жрец Амона, он же первый «пророк» бога, назначался на должность самим Амоном. Это происходило так: во время церемонии статуя бога склонялась перед тем, кто возводился в сан главы священнослужителей. Но цари с XVIII династии вмешиваются в церемонию назначения. Собственно говоря, ведь фараон доверяет верховному жрецу свои богатства, возлагает на него ответственность за храм, объявляет ему, что отныне все находится под его печатью. В свою очередь, верховный жрец Амона, становясь политической фигурой первого ранга, использует свое влияние при интронизации царя. Именно так случилось, когда Хапусенеб способствовал возведению на престол царицы Хатшепсут. Верховный жрец повелевал многочисленными священнослужителями и мирянами, владел огромными пространствами возделанных земель. Амон давал фараону силу победить врага на войне, а царь благодарил бога, обогащая его мирские владения.

Невзирая на роль, которую стали играть Фивы, Мемфис остается административной столицей Египта и сохранит это положение до Позднего царства. Здесь находятся храмы, дворец, царский гарем. Здесь часто бывают фараоны. Мемфис — важнейший экономический и стратегический пункт с портом и арсеналом. Город буквально кишит иноземцами, живет насыщенной жизнью.

Амонхотеп III любил Нубию. Он приезжал туда охотиться и забирался в своих странствиях южнее четвертого порога. На пятом году его правления в Нубии возник мятеж, подавленный войском под коман-

дованием наместника Нубии. В текстах утверждается, что Аменхотеп III лично участвовал в операциях и сам мощной длащью пленил более тысячи врагов. Однако скорее всего мятеж в действительности захватил совсем небольшую территорию и не приобрел сколько-нибудь значительного размаха. Нубия была достаточно спокойна, чтобы в ней в мире и безопасности работали ремесленники фараона и возвели также внушительные сооружения, как Сульб и Седэнге. Именно здесь, вдали от пристальных взглядов фиванских жрецов, царь основал святилище в честь солнечного бога Атона³.

Нубия делилась на две области, которыми управлял наместник. Его изображали справа от царя с жезлом, секирой и флагеллумом-бичом в руках. Подчиненная наместнику территория была основным поставщиком золота, необходимого для отделки храмов. В нубийских селениях обосновывались египетские жрецы, чиновники, воины. Они, однако, сохраняли привычки и обычаи своей страны и почти не смешивались с местным населением. О многом говорит тот факт, что воины утверждали, будто нубийская кухня нехороша и не идет ни в какое сравнение с египетской.

Дети высшей нубийской знати воспитывались в Египте. Египетская культура оказывала на них глубочайшее влияние. Они призваны были сделаться эмиссарами египетской политики у себя на родине, где по возвращении занимали важные государственные должности.

Аменхотеп III утверждает, что его царство простирается далеко на юг и на север. На юг — за Напату, что представляется верным; на север — до земли Нахарина, что кажется лишь желанием фараона, так как положение в Азии быстро менялось. Египет все еще считал себя центром мира, куда стекается дань. К моменту первого «юбилея», к тридцатому году царствования Аменхотеп III велел подсчитать, какое количество зерна собирают в подвластных Египту землях. Получилась громадная цифра — двадцать пять миллионов гектолитров.

Аменхотеп III — бог и солнце своих подданных. Он их защищает. В письме князю палестинского города Гезера фараон называет себя «царем, твоим владыкой, что дарует жизнь своему слуге». Он заявляет, что чувствует себя хорошо, так же как и его войско, что

бог Амон поставил мир под его пяту. Каждый год подвластные князьки должны платить дань, принимаемую служащими египетской администрации. Дань выплачивалась либо натурой, либо драгоценными металлами. Если фараон желал сделать подарок союзнику, то посылал ему запечатанный ларец с золотом. По прибытии в чужие земли желтый металл строжайше проверялся в присутствии послов. Золота у Аменхотепа III требовали отовсюду: необходимо было финансировать всевозможные работы. И фараон умел показать себя щедрым. Дипломатическим языком был аккадский⁴. Из религиозных соображений египтяне сохраняют иероглифы только для внутреннего пользования. Писцам, которые избирали дипломатическую карьеру, приходилось овладевать чужеземными языками.

Одно из соседних государств все-таки волновалось. Речь идет об Ассирии, которая долгие годы подчинялась Митанни и Вавилонии, но постепенно под предводительством деятельных царей обрела независимость. Аменхотеп III следит за изменениями и использует в большей мере дипломатию, чем военные акции. С ассирийцами он обменивается подарками, с вавилонянами торгует лошадьми, драгоценными металлами, лазуритом. Кипр менял медь на египетское золото. Властители называли друг друга «братьями», но предъявляли друг другу явные и откровенные требования, одобренные, правда, неотъемлемыми формулами вежливости. Хотя египетские тексты называют Кикладские острова, Кипр и Крит подданными, в действительности это не совсем так. Речь идет скорее о торговых связях, основанных на договорах, в которые входили некоторые особые условия.

Аменхотеп III укрепляет дружеские связи с Митанни. Он сватает дочь царя. Правитель Митанни по традиции отказывает. Аменхотеп III должен выплатить приданое. Он начинает переговоры и обещает возвести митаннийскую царевну в ранг египетской царицы. Контракты подписываются, и происходит обмен подарками.

Вавилонский царь также отказывается выдать дочь замуж за египетского фараона. Он заявляет, что не знает судьбы вавилонской царевны, некогда отданной Тутмосу IV. Жива ли она? Не была ли заключена в гареме в роли второстепенной жены? Аменхотеп

требует посла, чтобы обсудить свое предложение. Вавилоняне посылают чиновника низшего ранга, выражая этим свое явное подовольство. Потребуется шесть лет, чтобы сгладить разногласия между владыками. Но возможности Вавилонии спорить с Египтом все же ограничены. Когда вавилонский царь выразил желание получить в супруги египтянку в обмен на свою дочь, то получил жесткий ответ Аменхотепа III: никогда дочь Египта не будет отдана чужестранцу. Вавилонянин вынужден покориться и принять условия фараона.

Дипломатические браки Аменхотепа III с чужеземками устраивала иногда царица Тэе. В Египте хорошо принимали дочерей чужеземных царей, они занимали положение второстепенных супругов и достаточно роскошно жили в так называемом «царском гареме», где женщины не были затворницами, а вели светскую жизнь и занимались некоторыми ремеслами.

Аменхотеп III — тонкий, миролюбивый дипломат. Его политика потеряла стабильность вследствие нового фактора — амбиций хеттов. Властитель страны Хатти Сушпилулиумас был хитер и ловок. Он поставил себе целью положить конец влиянию египтян в Азии. Первым шагом к этому было уничтожение Митанни. Войска хеттов были брошены в наступление, но в то время еще действовали условия союзнического договора, и египетская армия поддержала Митанни. Хетты отброшены, но их царь не складывает оружия. Он понимает, что победить Митанни может только сильная коалиция. Одного за другим подкупает он азиатских правителей, подвластных Египту: к тому времени их преданность фараону пошатнулась.

Быть может, Аменхотеп III и предвидел опасность, но он не шел на военное вмешательство. Конечно, его можно упрекнуть в том, что он не вторгся в азиатские области во главе своего войска, не организовал регулярных инспекционных походов, как его предшественники. Но Аменхотеп III верил в мир в той мере, в какой полагался на принятые меры предосторожности. На главных путях существовали наблюдательные посты, не выпускавшие в страну нежелательных чужеземцев. Устье Нила охранялось воинами, которые допускали свободное плавание только судов царского флота. Писцы регистрировали все передвижения через границы. Крепости закрывали пути, ведущие в Азию. Уж-

репления Элефантины защищали страну от вторжения с юга. Египет чувствовал себя в безопасности.

Однако политика фараона зиждется в основном на доверии к чужеземным правителям. Власть Египта очень мало стесняла последних. Каждый из них сохранил войско, в некоторых случаях с египетским командованием, свою культуру, свою религию. Важно, что между Египтом и другими странами хорошо налажен обмен информацией. Для этого служат частые миссии царских посланцев и инспекционные поездки офицеров высоких рангов. Если правитель обвинялся в неверности египетской власти, то, прежде чем вынести приговор, Аменхотеп III выслушивал подозреваемого. В случае если измену удавалось доказать, выносился смертный приговор. Но фараон великодушен. Когда предатель признавался в преступлении, то избегал смертной казни.

Чужеземцы, обитавшие в Египте, не испытывали никаких притеснений. Даже те, кого неверно называли «рабами», то есть зависящие от хозяев, легко могли стать свободными, вступив в брак с египтянкой. Такие люди брали египетские имена и допускались к ответственной службе. Аменхотеп III был убежден, что существующую расстановку международных сил лучше всего сохранит политика воспитания в Египте молодых чужеземных царевичей, которые в дальнейшем будут править своими странами, что она даст прекрасные плоды.

К таким рациональным методам нужно добавлять магию и колдовство, широко применявшиеся, чтобы помешать вредоносным действиям врагов. В храме в Сульбе можно видеть изображения чужеземных народов, которые могли бы угрожать Египту: это митаннийцы, ассирийцы, хетты, жители Месопотамии, кочевники Синая и др. Там упоминаются также шасу из Яхве. Это первое известное упоминание слова «Яхве», которое здесь нужно понимать как название горной местности.

Деяния Аменхотепа III свидетельствуют о его глубоко ужасе перед войной. Его упрекают в слабости. Действительно, при возможных нападениях захватчиков азиатские области империи могли рассчитывать только на египетское войско и часто просили военной поддержки. Мало-помалу сирийские князья отворачиваются от Египта, который, казалось, не был готов за-

щипать их силой оружия. Очень характерно в этом отношении случившееся с городом Туинбом: он неоднократно просил фараона о помощи, а в конце концов подпал под влияние хеттов. Аменхотеп III был, конечно, в курсе событий, но ни за что не желал развязывать войну. Конечно, тонкое дипломатическое чутье позволяет ему сохранить мир. Но совершенно естественно опасения, что его наследники окажутся не на высоте положения.

При дворе Аменхотепа III известен деятель большого масштаба — мастер Аменхотеп, сын Хапу. Ваятели изображали его человеком зрелых лет, глубоко-мысленным, задумчивым, сидящим на корточках в позе писца. Он — воплощение самой мудрости. Одна из его статуй была помещена в храме Амона, когда Аменхотепу исполнилось восемьдесят лет. «Вестник» бога⁵ Аменхотеп, сын Хапу, родился в Атрибисе, в Дельте, в простой семье. Ничто не предвещало ему той сказочной карьеры, которую он сделал, ничто не говорило, что он станет самым высоким сановником Нового царства.

Аменхотеп был царским писцом и писцом повобрайцев, то есть воспитателем юношей, признанных годными для военной службы. Он обучал рекрутов положенное время, затем их сменял другой контингент. Он следил также за полицией, отвечавшей за порядок в пустыне, и за администрацией владений, кроме того, отвечал за исполнение ритуалов в дни великих празднеств. Затем он стал начальником всех царских работ и, наконец, тайным советником фараона. Своими мудрыми советами он оказывал влияние на судьбы страны.

Аменхотеп, сын Хапу, выслушивает тех, кто желает его видеть, но не допускает многословия. Его время строго рассчитано. Он получает сведения о частных делах дворца. Доверенное лицо своего господина, царя, он часто с ним беседует. Рассвет застаёт его уже за работой. Он опытен в толковании религиозных текстов, сведущ в самых тайных традициях. Он глава мудрецов, проникших в самую сокровенную область познания. Его недюжинный ум ищет приложения в самых разнообразных областях, начиная от метафизики и кончая техникой. «Меня приобщили к книгам, — признается он в тексте, написанном на одной из его статуй, — я узнал формулы Тота, я искусен в этих секретах, я преодолел все их трудности». В этом призна-

нии нет ни капли тщеславия, ибо нам известны творения Аменхотепа, сына Хапу. Это храм в Луксоре, грандиозные памятники в Карнаке — храм Хонсу, храм Мут, аллея сфинксов между Луксором и Карнаком, — а также поминальный храм Аменхотепа III на западном берегу, от которого остались только молоссы Мемпона⁶. Все эти шедевры вполне объясняют особое благоволение фараона к водчелу: недалеко от храма Тутмоса II возведен храм его *Ка*, память о его неистощимой энергии.

Аменхотеп, сын Хапу, был наставником юного царевича Аменхотепа IV, будущего Эхнатона. Он воспитал последнего в почтительности к созидающему свету, в духе религии, где первое место занимал мистический смысл жизни — излучение, оживляющее все сущее. Старый мудрец умер, когда ему перевалило за восемьдесят. Но память о нем жила среди египтян. В эпоху Позднего царства, когда его храм превратился в руины, Аменхотепа продолжали почитать и отправляли его культ. Он считался целителем; паломники приходили просить его милости. В Дейр эль-Бахри ему посвящена часовня, где Аменхотеп совершал чудеса. На стенах высечены повествования об исцелениях, полученных благодаря его помощи.

Аменхотеп, сын Хапу, — прототип просвещенного, ученого писца, достигшего вершины общественной лестницы. Если писец будет прилежно заниматься своим ремеслом, то он может обрести подлинную мудрость. Его имя переживет века, в то время как имена его современников забудут. Его наследники не памятники и не дети, а книги, знания, которые он записал. Книжки — его заупокойные жрецы, что будут отправлять его культ, письменный прибор — его возлюбленный сын, а его знания — это пирамида. Тростниковое перо — его сын, поверхность камня — его супруга. Магическая сила его писаний дойдет до читающего и наставит того на путь истинный.

• • •

Жан-Франсуа Шампольон писал из Фив 24 ноября 1828 г.: «Здесь мне открылось все величие Египта фараонов, все величайшее, что может вообра-

Храм (прообраз греческого периптера),
построенный на о. Элефантина при Аменхотепе III.
Был разобран по приказу турецкого наместника Асуана в
1822 г.
(реставрация на основании «Описания Египта»
наполеоновской экспедиции)

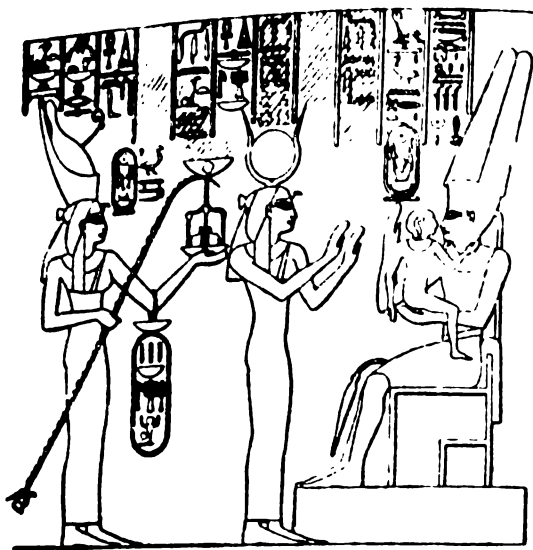
ать себе человек... Ни один из древних, ни один из современных народов не ценил, не постигал в такой мере грандиозность искусства архитектуры, как древние египтяне. Они видели далеко, как великаны ста футов роста, и воображение, что устремилось значительно далее наших портиков в Европе, остолбенело и, бессильное, распростерлось перед ста сорока колоннами гипостильного зала в Карнаке».

Храм Амона-Ра, царя богов, поистине центр величайшей империи, известной в истории человечества. Фивы — это резиденция царя, всегда считавшегося космическим существом, ибо, как утверждают тексты, его Око блистает ярче небесных звезд. Фиванский регион — средоточие самых великих храмов Египта, царских гробниц, величественных усыпальниц знати. Аменхотеп III лично давал указания ремесленникам при возведении храмов, что говорит о его интересе к архитектуре. В Карнаке он приказал начать гигантские работы под руководством Аменхотепа, сына Хапу. Он создал великолепный храм Мут, окруженный священным озером в форме полумесяца, восстановленный впоследствии Рамсесом III. Творения Аменхоте-

на III также храм, посвященный Хонсу, богу-сыну из фиванской триады, воплощению одной из лунных ипостасей; храм бога войны Монту, благодаря которому было одержано столько побед. Ему же мы обязаны центральной колоннадой большого гипостильного зала карнакского храма, этого каменного леса, где игра света в зависимости от времени дня делает зримой ту или иную сторону сущности богов. Аменхотеп III также творец знаменитого колоссального скарабея, установленного близ священного озера. Он напоминает о непрерывном обновлении человека, о перевоплощениях, необходимых, чтобы избежать «второй смерти» и войти в потусторонний рай.

Величайшее произведение царствования Аменхотепа III — храм в Луксоре, жилище властелина небес, тождественное небесному горизонту. Его главная колоннада — это изящество, соразмерность, строгость. Раз в год Амон покидал Карнак, чтобы отправиться в Луксор, где он принимал образ бога оплодотворяющей силы Мина итифаллического. Очень сложные богословские объяснения даются по поводу расположения двух храмов и связей между ними. Шваллер де Любич доказал, что египетские мастера не оставляли места случайностям. Они считали храмы живыми существами, носителями духовных идей. Никто из посетителей Луксора в этом не усомнится.

Посвятительная надпись объясняет, что Аменхотеп III приказал построить в Луксоре храм из прекрасного белого камня, двери сделать из дерева акации и инкрустировать их золотом, а имя Амона выложить из драгоценных камней. Луксор возведен вдоль течения Нила, и его ось ориентирована с севера на юг. Для защиты от разливов реки храм поставлен на каменный цоколь. По первоначальному плану храм состоял из колонного зала и дополнявших его культовых залов. Затем был добавлен пилон, большой двор и еще один довольно узкий колонный зал. Сохранена была тройная часовня Тутмоса III для ладей Амона, Мут и Хонсу. План Луксора не отличается от типичных планов египетских храмов Нового царства: пристань на берегу Нила, аллея сфинксов от пристани до храма, пилоны с предстоящими колоссами царей, большой двор, с портиками по краям, колонный зал, за ним — зал, где хранится священная ладья, далее — святая святых, где стоит статуя бога, и примы-

Хатхор и Мут
приносят поворожденного фараона Амону

кающие помещения для архивов и культовых предметов.

Храм Луксора частично посвящен божественному рождению царя, сына чужеземки. По богословским понятиям царь — сын Амона, который соединяется с царицей Египта. Он в данном случае символ, а не плотское существо. Сцены, которые рассказывают о рождении царя, следуют тем же порядком, что и сцены, изображенные в храме Дейр эль-Бахри и касающиеся рождения Хатшепсут. Хнум, бог с головой барана, лепит царя и его *Ка* на гончарном круге после того, как Амон, принявший обличие Тутмоса IV, оплодотворяет царицу. Боги и богини помогают царице в родах. Хатхор кормит грудью новорожденного и его *Ка*, прежде чем он будет показан Амону. Наконец, царь восходит на трон.

Рельефы колоннады передают события праздника Нового года, во время которого божественные ладьи идут из Карнака в Луксор. По случаю Нового года устраивается большое празднество. Его цель — возродить божественную силу, которая поддерживает мировой порядок.

Сцена в первом преддверии, по нашему мнению, характеризует отношение Аменхотепа III к божеству. Царь коленопреклонен перед Амоном, а тот дарует ему жизнь, совершая магические движения правой рукой у его затылка. Нельзя показать яснее, что сила, полученная царем, имеет божественную сущность. А царь взамен должен «преподнести своему владыке жилище», как говорят египтяне, то есть выстроить Амону храм Луксора.

Это здание, где можно восхищаться самыми прекрасными колоннами, созданными египетским искусством, претерпело некоторые изменения в царствование Рамсеса II. Затем храм восстанавливался в правление XXVI и XXX династий. Александр Великий⁷ приказал выстроить часовню для ладьи Амона, бога, позволившего ему возложить на себя венец фараона. К концу III века римляне разобьют здесь военный лагерь, используя для этого блоки храма. Первое преддверие, следующее за колонным залом, становится христианской часовней. Христиане сбивают в нем рельефы, уничтожают капители колонн и разрушают лестницы. До сих пор храм еще не освобожден: в наши дни его северо-западный угол занимает мечеть. Достоин сожаления и то, что ему пока не посвящено ни одной исчерпывающей публикации.

Есть еще один храм, который, судя по развалинам, ничуть не уступал красотой Луксору. Речь идет о Сульбе, построенном у третьего порога Нила среди Пубийской пустыни. Здесь также использован типовой план с обычным расположением пилонов, дворов, колонного зала с двадцатью четырьмя колоннами и святилища. Помимо изящества, свойственного всем постройкам Аменхотепа III, Сульба обладает большим своеобразием. Его убранство дает важные ключи к пониманию праздника *сед*, церемонии обновления сил фараона. Брестед сравнивал это труднодоступное святилище, гордо возвышавшееся среди пустыни, с Парфеноном. Недалеко от Сульба, египетское название которого означает «появляющийся в истине», Аменхотеп III воздвиг храм в Седанге для культа своей супруги царицы Тэе.

На стеле в Британском музее изображен Аменхотеп III, сидящий перед столом с пищей. Он улыбается, но кажется старым, погрузневшим, усталым. Его

тело обриваю. Славные труды закончены, а будущее тревожно. Опасность со стороны хеттов не предотвращена. Все будет зависеть от характера фараона, что унаследует старому царю. И все же благодаря Аменхотепу III в Египте царил покойствие. Разве люди, когда он царствовал, не наслаждались прелестью садов, храмов и своих жилищ, свежестью тени и северным ветром, прудами, окруженными деревьями и заросшими белыми и розовыми лотосами? Разве не вкушали они чудесных даров полей, разве не делили их с друзьями? Разве не были по воле богов воздвигнуты храмы?

Время подтвердило, что владычество Аменхотеп-а III было царством света — не ослепляющего, режущего глаз, но живительного, теплого света истинного мира, владевшего умами людей и всем государством.

Глава XIV

ЭХНАТОН-ЕРЕТИК

В правление Аменхотена IV (Эхнатона) Египту довелось пережить странные события. Продолжались они семнадцать лет — с 1364 по 1347 г. до н. э. Это царствование знаменует разрыв в плавном течении исторического развития Египта. Вознесенный на вершину славы одними, почитавшийся умалишенным другими, Эхнатон — фигура необычайная, исключительная. Он сменил собственное имя, изменил религиозные традиции, создал новую столицу и стремился сформировать новое общество. Его внутренние искания не превратили его в бесплодного мистика; он сумел претворить в жизнь свои видения, действуя именем данной ему царской власти.

Искусство эпохи Эхнатона ярко выделяется на фоне творений эпох других фараонов. Оно производит огромное впечатление на современных эстетов. Много говорили об искажениях формы, излишествах, о порою иступленном экспрессионизме.

Египтолог Артур Вейгал тем не менее рисует идиллический портрет Эхнатона: «Уже три тысячи лет он дает нам пример того, каким должен быть супруг, отец, честный человек; он показал, что должен чувствовать поэт, в чем наставлять проповедник, чего добиваться художник, во что верить ученый и что думать философ. Как и другие великие учителя, он всем пожертвовал ради своих убеждений. Увы! Его собственная жизнь доказала, до какой степени его принципы были нежизненны». Таков романтический портрет Эхнатона, украшенного всеми добродетелями, одинокого в этом слишком жестоком мире. Некоторые египтологи в противовес этой характеристике задаются вопросом: а не был ли Эхнатон рабом какого-то физического недостатка? Александр Морэ пишет: «Он похож на невысокого подростка хрупкого телосложе-

ния, с округлыми женоподобными формами. Ваятели того времени верно передали это тело гермафродита с выступающими грудями, слишком широкими бедрами, слишком полными ляжками. Оно оставляет впечатлительные двусмысленности и болезненности. Не менее примечательна голова с чрезмерно мягким овалом лица, слегка раскосым разрезом глаз, мягким рисунком длинного тонкого носа, выпуклостью нижней выступающей губы, выгнутом черепом и покатым лбом. Она склонена, будто шея слишком слаба, чтобы ее держать». Так где же грань между идеалистом-мистиком и душевнобольным? Некоторые без колебаний пересекают ее, называют даже болезнь, которой страдал царь, — «синдром Фрелиха», тяжкий сексуальный педуг. Великий Мариэтт считал Эхнатона оскопленным пленником, приведенным египетским войском из Нубии. Лефевр задается вопросом, не был ли Эхнатон переодетой женщиной.

Как в свое, так и в наше время Эхнатон разжигает страсти. Тем не менее, как ни крохотен фрагмент статуэтки шести сантиметров высотой из Брюссельского музея, он прекрасно воссоздает его лицо. И ~~идея~~ спокойствие, какой внутренний свет исходит от него! Ни малейших признаков ненормальности, никакой деформации. Это один из лучших портретов в египетском искусстве, где молодость сливается с глубиной натуры, а обостренная чувствительность соединяется с задумчивостью. Несомненно, Эхнатон был человеком, состоящим из контрастов и противоречий. Но возможно, ему удалось слиться с превозносимым им светом благодаря текстам, посвященным им богу Атому.

Источники, датируемые царствованием Эхнатона, довольно многочисленны, но собственно исторических материалов мало. Поэтому многие стороны этой тревожной эпохи все еще остаются неясными.

По общему мнению, Аменхотеп IV — Эхнатон — сын Аменхотепа III и Тэи. Детство и юность он провел в пышном фиванском дворце в Мальгате. В основе воспитания будущего фараона лежало развитие как умственных, так и физических его качеств. Что касается обучения «физической культуре», то юноша как будто не проявлял особого интереса ни к охоте, ни к искусству владения оружием. Зато он впитал ту осо-

бую, неповторимую духовную атмосферу, которой двор был во многом обязан творческой энергии мастера Аменхотепа, сына Хапу. Последний, в силу воспитания и по роду своего искусства, не очень жаловал пустых мечтателей. Он держал Эхнатона в строгости и, как и отец царевича, уделял особое внимание его священным обязанностям, неотделимым от царского долга.

Наклонности будущего монарха к мистике должны были скоро обнаружиться. Но ученые все еще спорят, оказали ли на него влияние Аменхотеп III и некоторые другие мудрецы. Нельзя отрицать, что эта эпоха отмечена относительно «открытой» религией, где солнечные культы занимали паряду с поклонением Амопу такое место, что ими невозможно пренебречь. Создался благоприятный интеллектуальный климат для разума, готового признать свет главной «божественной субстанцией».

Аменхотеп IV взшел на престол в 1364 г. до н. э. в возрасте пятнадцати лет. Вероятно, он уже был женат на Нефертити, имя которой означает «Прекрасная пришла». Известно, что она была чистокровной египтянкой. Новый царь, однако, должен был жениться на наследной царевне. Можно ли говорить о браке по любви между двумя юными созданиями? Мало вероятно. Союз заключили властители Египта, но в нем должна была родиться истинная страсть двух исключительных существ.

Иногда предполагали, что Нефертити — дочь Аменхотепа III. Но нет решительно никаких доказательств, подтверждающих такую гипотезу. Она никогда не носила титула «дочь царя». В действительности Нефертити принадлежала к роду одного из великих вельмож двора.

Церемония коронации в Фивах — это повод для грандиозного празднества. Отовсюду стекаются дары. Египет силея. Вот яркий пример: фараон поддерживает прекрасные отношения с царем Кипра, и тот присылает ему в качестве поздравительного подарка очень дорогую священную вазу. Но взамен требует тканей, золоченую колесницу, сосудов и других вещей, упоминая о кораблях, курсирующих между двумя странами для торговых перевозок.

В историческом прочтении начало царствования ставит фундаментальную проблему: правили ли Аменхотеп III и Аменхотеп IV несколько лет совместно, по

принципу соправления, или Аменхотеп IV один занимающий престол? Дебаты на эту тему не прекратились по сей пору, хотя чаще принимается первое мнение. В зависимости от того, какая выбирается гипотеза, варьируются датировки, по-разному интерпретируются некоторые события.

Новый фараон принял традиционную титулатуру. Вплоть до пятого года правления наблюдаются только некоторые особенности в надписях. Аменхотеп IV называет себя «единственным для Ра» и «первым пророком Ра-Хорахти», обозначая таким образом особую приверженность богу Солицы. Даже в самих Фивах он приказывает построить святилище, названное «Атон найден». Здесь Ра-Хорахти изображается в виде солнечного диска, испускающего лучи, заканчивающиеся кистями рук. Солнце считается царем, оно делит власть с фараоном и так же, как фараон, празднует юбилей.

Аменхотеп IV неразлучен со своей супругой Нефертити. Они вместе возглавляют религиозные ~~церемонии~~ официальные церемонии. Гробница ~~в Мемфисе~~ великолепный пример сохранившейся ~~памятника~~ памятника этого могущественного человека ~~сделана~~ в классической манере. Там, где Рамос жертвует цветы в честь Аменхотепа IV, царь изображен в «нормальной» манере, в обычном стиле. Но там, где Рамос принимает ожерелье от Эхнатона и Нефертити, мы видим амарнский стиль с характерной для него деформацией тел.

На пятом году царствования молодой фараон принимает основополагающее решение¹. Он меняет имя. Отказавшись от имени Аменхотеп, в состав которого входит имя Амона, он называет себя Эхнатоном, то есть «полезным Атону», или, что вероятнее, «действенным духом Атона». Отныне власть царя хранит бог Атон. Поскольку политика нераздельна с религией, то изменяется и судьба Египта.

Отец Эхнатона звался Аменхотеп, но сын не испытывает к нему никакой неприязни. Существует несколько изображений, где фараон приносит жертвы обожествленному Аменхотепу III. Не против бога Амона, как такового, решает бороться Эхнатон (по крайней мере на начальной фазе своей «революции»). Он выступает против жречества Амона, против людей, уполномоченных отправлять его культ, против священнослужителей, с его точки зрения совершенно недо-

стойных своей задачи. Не случайно Эхнатон принимает титул верховного жреца Гелиополя — «великий среди видящих». Таким образом, он связывает себя со старейшим религиозным культом Египта, считавшимся более чистым, чем фиванская религия.

Однако же в Карнаке, вотчине Амона, Эхнатон устанавливает свои изображения — колоссов, которые олицетворяют царя и производят очень сильное впечатление. Фараон изображен гермафродитом. Он приказал изваять свое тело так, что в нем смешаны мужские и женские признаки. Лицо намеренно искажено и в зависимости от угла зрения кажется то улыбающимся, то тревожным. Таз широк и говорит о плодовитости: разве фараон не отец и мать всех созданий? Некоторая тучность и чуть согнутая спина, вероятно, должны напоминать о позе писца, то есть мудреца, дух которого господствует над телом. Эти колоссальные статуи смущают многих, кто их видит, и Эхнатона обвиняют в мистической чувственности с примесью психоза. Все же не будем забывать, что общий вид и символика этих колоссов не нарушают традиционных художественных канонов. В этих портретах представлен не Эхнатон как личность, а царь, олицетворяющий свой долг, владыка, который подчеркивает некоторые стороны своего теологического образа.

Для жрецов Амона такой поворот не был полной неожиданностью. Эхнатон не намеревался делиться властью, чтобы заставить признать свои идеалы, тем более что его религиозная политика никак не согласовывалась с конформизмом верховного жреца Амона. Эхнатон полагал, что ему надлежит восстановить естественный порядок вещей, доказав, что он единственный властелин Египта. Он поставил себе цель лишить жрецов возможности распоряжаться значительными мирскими богатствами, которые по праву принадлежат престолу.

Кроме того, нужно отметить, что в эпоху Нового царства Египет, а Фивы в особенности, дал пристанище множеству чужеземцев. Столица стала местом, где бурлил водоворот идей и доктрин. Очень возможно, что Эхнатон задумал основать религию с тенденцией к объединению многих культов, универсальную, способную заменить старые верования в Амона. Следует сказать, что термин «универсальность» касается здесь цивилизованного мира, известного царю. Невозможно

отрицать, что он опирался на средние классы населения и на кучку чужеземцев, прижившихся в египетском обществе, даже если это не входило в его сокровенные замыслы. Для царя это оставалось единственным средством борьбы против богачей и жрецов Карнака, власть которых казалась непоколебимой.

Для Эхнатона Фивы стали ярмом, которое он желал сбросить. Решение принято: основать новый город во славу Атона. Новый государственный бог должен пребывать в совершенно новом месте, чистом от всех прошлых веяний. В Египте каждому городу покровительствует свой бог. Религия Атона требует нового, небывалого обрамления. У этого бога еще не было излюбленного жилища в стране, места его культа. Царь дает ему обитель, город Ахетатон, то есть «Горизонт Атона».

Это событие происходит на шестом году царствования. Место для города выбирается в Гермопольском номе на полпути между Мемфисом и Фивами, на правом берегу Нила. Здесь восточные горы отступают от реки и освобождают обширное равнинное пространство. Земля на левом берегу благоприятствует земледелию и скотоводству и может обеспечить населению пропитание. Бернар Пьер, описывая местность Ахетатона, современное название которого, Телль эль-Амарна, часто произносится сокращенно Амарна, говорит: «Этот огромный цирк округлых гор у Нила, эта словно вырубленная ревом пустыня, расстилающаяся внутри амфитеатра, эта темно-зеленая пальмовая роща, протянувшаяся на километры вдоль реки, за которой прячутся глинобитные постройки, образуют самый прекрасный и истинно египетский пейзаж, какой только можно найти».

Эхнатон отправился на место, где предполагалось заложить город, в обществе двух приближенных. На колеснице царь объехал владения Атона. Вдали от Фив Ахетатон не принадлежал ни богам, ни людям. Он мог возникнуть из небытия, возрасти под солнечными лучами. Царь поклялся не покидать новой столицы и сдержал клятву.

Окрестные земли были пригодны для сельского хозяйства и смогли бы почти сразу обеспечить жителей продовольствием. Пограничные стелы определили размеры города. Тексты на них сообщают, что на тринадцатый день восьмого месяца шестого года правления

Эхнатон вышел из шатра, где провел ночь, взобрал на золотую колесницу и устремился на север, чтобы установить пределы новой столицы Египта. Принеся жертвы богам, фараон повернул на юг. Когда над ним засияли лучи солнца, он остановился. Сам Атон указал царю рубеж города. Никогда этой границы не пересекут, как и других, на западе и востоке. Странная клятва: царь клянется, что ни он, ни его супруга не выйдут за пограничные стелы. Ахетатон с основания навечно застыл в своем первоначальном пространстве. Рост города исключался. Царь повторит эту клятву на восьмой год царствования.

Вся площадь города принадлежит Атону. Это его земля, место, где он воплотится. В большой речи, обращенной к придворным, воинам и приверженцам, царь объясняет, что Атон пожелал обосноваться в городе. Не кто иной, как сам бог выбрал эту местность. Царь повелевает, чтобы его тело доставили сюда, даже если он умрет в другом месте. Бык Мневис из Геллополя будет также предан земле в Ахетатоне. Такие подробности доказывают, что царь поддерживал тесные связи с самыми древними культами.

Придворные, очарованные речью царя, заверяют, что весь народ придет принести жертвы Атону. Солнце дает жизнь всей вселенной; справедливо будет отблагодарить его.

Эхнатон объявил: «Сам Атон, мой отец, привел

Жертвоприношение Атону.
На первом плане Эхнатон и Нефертити
(Тель эль-Амарна)

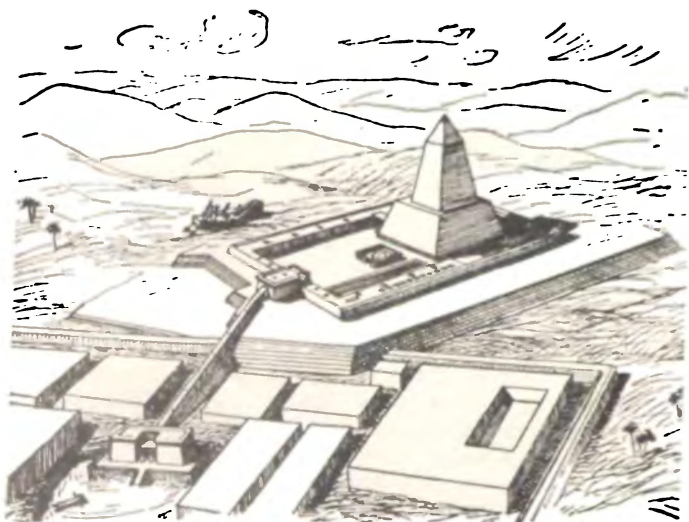
меня в этот город горизонта». Земля, где будет выстроен город, принадлежит небесному отцу, который создал все сущее — горы, пустыни, дуга, острова, плодородные почвы, землю, воды, людей и животных. В день официальной закладки города его величество появился на колеснице из электрума, запряженной парой коней. Царь был подобен Атопу и обнял своей любовью Обе земли.

Город Атона построили очень быстро. Через четыре года после начала работ в нем уже обосновались многочисленные жители. Такая быстрота объясняется подчас заурядным качеством сооружений. В рамках пропаганды против Ахетатона кое-кто представлял дело так, будто первыми адептами нового бога были преступники, сосланные в камениломпи, чтоб искупить свои преступления.

Трудно даже представить себе великое переселение народа из Фив в Ахетатон. Множество чиновников, писцов, жрецов, воинов, ремесленников, крестьян покинули обжитые места и последовали за фараоном. Строили город великие мастера, зодчие, ваятели. Но Эхнатон дает им слишком мало времени на строительство светских и религиозных зданий. Широко используется кирпич-сырец. Градостроительный принцип прост и ясен. Город с широкими аллеями, зелеными зонами, парками, огромными жилищами знатных людей выглядит радушным. Планировка такова, что солнце проникает всюду.

Сердце города — великий храм Атона. Его длина приблизительно восемьсот метров, ширина — триста. Его называли «храмом поднятого камня» (*бен-бена*), намекая на один из главных символов гелиопольского храма. *Бен-бен* — таинственный камень, на котором впервые поднялось солнце. Огромный храм отличается от других святилищ XVIII династии: здесь нет сумрачных залов, где культы отправляются тайно от всех. Авфилада дворов под открытым небом ведет к великому алтарю Атона. Вместо древнего *бен-бена* воздвигнута большая стела, где изображен поклоняющийся солнцу Эхнатон с семейством. Главное назначение храма — служить местом жертвоприношений. В нем множество алтарей для почитания всемогущего солнца.

В свете сказанного не следовало бы забывать, что все фараоны, начиная с V династии, считались «сы-

Солнечный храм Ниусерра в Абусире
(реконструкция Л. Борхардта)

повьями Ра». Монархи Древнего царства, создавшие эту титулатуру, приказывали строить храмы во славу солнца. Самый знаменитый из них — храм Ниусерра (2420—2396 гг. до н. э.). Он возведен в местности Абу-Гураб к северу от Абусира, южнее Гизе. Перед входом в долину стоял храм прпема. От него дорога поднималась к самому храму, культовым центром которого был обелиск с основанием в виде усеченной пирамиды. Несомненно, великий храм Гелиополя времен V династии послужил моделью для солнечных святилищ и хотя бы отчасти для великого храма Атопа в Амарне.

Фасад необъятного царского дворца тянется приблизительно на восемьсот метров². Он расположен по главной оси города и соединяется с личными апартаментами фараона висящим над улицей крытым переходом. Во дворец попадали через сад, разбитый на террасах. Эхнатон желал смотреть на свой город сверху и поместил свое временное жилище на возвышенном месте, чтобы быть ближе к солнцу. Развалины свидетельствуют, что в великолепном декоре широко использовались растительные мотивы: виноградные лозы, цветы, заросли папируса воспроизводят роскош-

ный мир природы, что наводит на мысль о критском искусстве.

Севернее дворца существовал своеобразный зоосад. При раскопках там нашли загоны для зверей, кормушки и фрагменты декора, воспевающего животный мир. Возможно, здесь содержались редкие экземпляры фауны.

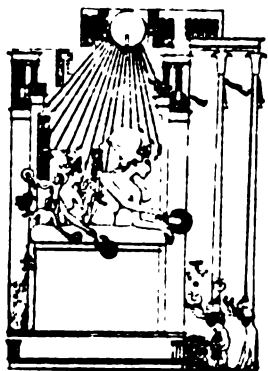
Амарна желает быть столицей. А потому в ней строится квартал «министерств», хранилище государственной казны, школа для чиновников, кварталы торговцев и работников, где самые маленькие дома состояли из четырех комнат.

Несомненно, Эхнатон задумал еще один грандиозный проект — возвести две другие солнечные столицы, одну на юге Египта — ее следы были обнаружены, другую на севере, может быть в Сирии; ее существование гипотетично.

От новой столицы, пределы которой указывали пограничные стелы, отходили дороги; одна из них вела в некрополь. Его составляли подземные гробницы, где царь и вельможи надеялись быть похороненными. Здесь, как и везде в Египте, смерть была частью обыденной жизни. Город Атона, как и другие, был связан с «вечным жилищем». Гробницы вырублены в скале и почти все не закончены, как бы подготовлены вчерне. Царствование Эхнатона было недолгим, за это время умерло немного высоких сановников.

«Великий очарованием, приятный красотой для глаз» — таково свидетельство, оставленное нам одним из обитателей Амарны; другие называли ее «небесным видением». Здесь билось сердце Египта, сердце Эхнатона. Жить в этом месте значило прежде всего благодарить Солнце за ту радость, которую оно вселяет в человеческие сердца. Когда Эхнатон и Нефертити на великолепной колеснице проезжали по улицам города, народ приветствовал их возгласами: «Жизнь, здоровье, сила!».

Многочисленные религиозные церемонии определяли ритм повседневной жизни. Царь принимал чужеземных послов, которые прибывали с данью. Часто, подобный солнцу, поднимающемуся над горизонтом, фараон появлялся в окне своего дворца, выходящем на висящий над улицей переход, который вел в административное здание. Именно здесь царь награждал своих верноподданных золотыми ожерельями.

Эхнатон и Нефертити награждают придворных из «окна явлений»

Эхнатон и Нефертити награждают придворных из «окна явлений»

ленин религиозного долга, поклоняющимся солнцу, а также на службе, отдающим рапорт, проверяющим посты охраны. Украшение склепа сделано по повелению Эхнатона, вознаградившего сановника за верную службу.

Из кого состояло население Амарны? Основная его часть — это египтяне, следовавшие за царем. Например, стольник царя Пареннефер бросил фиванскую гробницу, убранныю в «традиционном» стиле, и принял религию Атона. Несомненно, добрая часть фиванской администрации, верная монархии фараонов, продолжала служить Эхнатону. Лица, известные при дворе Аменхотеса III, сохраняют свое положение. Не было никакой «охоты на ведьм», ничто не говорит о гражданской войне в эту эпоху. Фараон остается истинным владыкой царства. Как ни гневались фиванские жрецы, им оставалось только подчиниться.

Эхнатон, удалившись из Фив, отстраняется также от некоторых слоев знати. Примечательно, что он приближает к себе новых людей, в частности некоторое число чужеземцев. Очень многозначительны имена типа «Эхнатон меня создал». Среди этих людей, конечно, затесались честолюбцы, видевшие в «атонизме» лучшее средство быстро сделать карьеру. Но нельзя отрицать и существование искренне верующих. Среди ближайших соратников Эхнатона — визирь Нахт, главный зодчий Хатиаи, великий жрец Атона Мерира,

Эхнатон и Нефертити
оплакивают умершую дочь

начальник колесниц и конюшен Рацефер, начальник войска Пашехси. Структурные основы государственного уложения не изменились, хотя эти люди и не принадлежали к фиванской аристократии. Наблюдаются новации и в египетской письменности. В обиход входят разговорные обороты, пародные и даже иноязычные выражения.

Большую роль наряду с Эхнатоном играет царица Нефертити. Супругов соединяет глубокая любовь. Царица так же поглощена «атонизмом», как и ее повелитель. Нефертити стала символом красоты египетской женщины. И недаром. Два ее удивительных портрета — один хранится в Берлине, другой в Каире — излучают очарование, к которому и в наши дни никто не останется равнодушным³.

Нефертити исполняла религиозные функции. Она — «умиротворяющая Атопа голосом сладостным, своими руками прекрасными с систрами»⁴. Она действительно участвует в ритуалах и становится верховной жрицей особого святилища, где отправляют культ заходящего солнца. Бюст, привезенный из Гелиополя и находящийся в Музее изящных искусств в Бостоне, сохранил поразительную сцену: Нефертити в венце и одеянии фараона, схватив за волосы врага, поражает его палицей. Это классический сюжет, но раньше так изображали только фараонов-мужчин. Может быть, это признак того, что Нефертити была облечена особой властью?

Царяца, чья политическая роль очевидна, еще и мать. Любовь к детям, к семье свойственна ей так же, как и Эхнатону. Супруги произвели на свет шестерых дочерей. Существование второстепенной супруги по имени Кэе совершенно не влияет на жизнь царственной четы⁵. В понимании царя семья — это символ божественной жизни, а супружеская любовь — перевод на человеческий язык божественной любви. Она заслу-

живает того, чтобы ее прославляли художники. Впрочем, эта тема принадлежит к самым древним египетским традициям. Достаточно взглянуть на некоторые скульптурные группы Древнего царства, чтобы понять, что союз мужчины и женщины рассматривался с сакральных позиций. Новизна — в выражении этой уверенности, в том, что называют амарнским «натурализмом». Чтобы приблизить зрителя к святой святой жизни, к семейному очагу, царь и царица без колебаний приказывают изображать себя обнаженными. Природа, как поется в Большом гимне Атому. — создание богов. Человеческие тела, так же как птицы, растения или рыбы, оживают под действием света.

Эхнатон и Нефертити любят показывать, какую нежность они питают к своим детям. Вспомним рельеф, где царица, сидящая на коленях царя, держит на руках одну из своих дочерей-малюток, вспомним статуетку, изображающую Эхнатона, целующего дочь, а также трогательный рельеф, где безутешные царь и царица плачут над гробом Мекетатон, своей второй дочери, умершей от болезни. Это несчастье, случившееся на двенадцатом году царствования, было для царя жесточайшим испытанием. Любопытный факт: в именах пятой и шестой дочерей царственной четы имя Атона заменяется именем Ра. Это сделано, несомненно, по религиозным мотивам.

Об Эхнатоне и Нефертити можно сказать, что они действительно составляли солнечную чету, потому что недвусмысленно их желание преподнести свою любовь как символ света. Не забудем, что великий гимн Атому, своеобразный манифест новой религии, кончается посвящением, где царица признается божественным воплощением всецелой красоты. Текст, высеченный на одной из пограничных стел Амарны, дает великолепное описание Нефертити:

Прекрасная лицом,
Приглядная в (головном уборе из) двух перьев,
Владычица приязни,
Сладостная любовью,
Та, слыша чей голос, ликуют...
Омывающая (т. е. радующая) сердце царя в доме его..
великая любовью,

Та, образом коей доволен
Владыка Обеих земель..
Жена царева великая, возлюбленная его,
Владычица Обеих земель, [имя которой]

«Красно (красиво) красотою Солнце»;
«Прекрасная пришла»,
Жива она вечно, вековечно!

(Пер. Ю. Я. Перепелкина)

* * *

Религиозный опыт Эхнатона уже давно восхищает всех исследователей. Амарна построена обдуманно; ее предназначение — провести в жизнь особую веру. Атон — это бог любви и света, воплощенный в солнечном диске. Его создающие лучи, оканчивающиеся кистями рук, даруют жизнь. Атон — это сила, побуждающая рождаться и возрастать под его лучами все сущее. Царь — его жрец и пророк. Он сам проповедует религию Атона. Сановники Амарны признавались, что царь сам посвящал их в «тайнства» Атона. Эхнатон был истинным духовным наставником, несущим «слово жизни», он привержен своей роли просветителя.

В начале религиозной «революции», которая в действительности опиралась на очень древние основы, в первую очередь на гелиопольское учение, Атон лишь первый из богов, главный среди них. Но затем положение меняется. Царь утверждает, что самая порочная сила, против которой ему пришлось выстоять, — это речи жрецов. А жрецы служат богам. Эхнатон пытается уничтожить культы, приказав сбить имена других богов, и прежде всего Амона, что равнозначно их истреблению. Однако причины и практика такой религиозной политики остаются совершенно туманными. Она непоследовательна; более того, в самой Амарне население помимо Атона поклонялось и другим богам.

Одно из серьезнейших деяний Эхнатона — уничтожение культа Осириса. Царь совершает чреватую тяжелыми последствиями ошибку, ибо народ был всей душой привержен этой религии, отражавшей надежды на загробную жизнь, на божественную справедливость, одинаковую для богатых и бедных. Но Осирис — антипод Атона. Он — воплощение мрака, тогда как Атон — воплощение света. Возможно, фараон занял в этом вопросе слишком решительную позицию.

Слово «боги» во множественном числе упраздняется. Отвергнув имя «Аменхотеп», Эхнатон приказал сбить его и оставил одно только имя Небмаатра⁶, где фигурирует имя солнечного бога Ра и богини Маат, которую царь считал дыханием божественной жизни.

Сам Эхнатон, как жрец, «даёт Маат телам», то есть жизнь своим подданным. Желание мертвых — выйти утром из подземного мира, увидеть поднимающегося Атона, поспешить к жертвоприношениям, слышать голос царя, прославляющего солнце во время богослужения. Вот почему в убранстве гробниц царя часто изображают раздающим золото в награду верным слугам.

Любопытно, что Эхнатон поддерживал прекрасные отношения со своей матерью, царицей Тэе, которая даже посетила его в городе Атона. Он приказал выстроить для нее культовое здание и торжественно принял ее, а ведь она олицетворяла старое фиванское общество. На сцене в одной из амарнских гробниц даже изображен Эхнатон, вводящий мать за руку в святилище. Над ними блистает солнце, лучи его закачиваются кистями рук. За матерью и сыном следует процессия. Оказалась ли материнская любовь Тэе сильнее ее политических пристрастий? А может быть, после смерти мужа, Аменхотепа III, она тоже склонилась к «атонизму»? Или попросту примирилась с фактами, покорившись, как и все, приказам владыки Египта?

Эхнатон преуспел в своем начинании. Он вновь стал абсолютным монархом, единственным посредником между богами и людьми, какими были правители Древнего царства. Правда, образ жизни Эхнатона был иным: он хотел показать себя человечным, стоящим ближе к подданным. Но суть власти остается прежней.

Смена столицы, введение новой религии — задачи большого масштаба. Они в известной мере заслонили другие обязанности фараона. А по крайней мере одна из них требовала самого пристального внимания — это «лидерство» Египта на международной арене. Эхнатон имеет представление о существовании других народов, других культур, других обычаев. Но, с его точки зрения, все они зависят от единого создателя Атона. Поэтому он придерживается миролюбивой политики. Ему отвратительна война, конфликты. Он предпочитает обмениваться подарками, веря, что престижа Египта достаточно для сохранения мира на Ближнем Востоке.

В двенадцатый год правления на грандиозную церемонию в амарнском дворце собираются чужеземные посольства из Азии, Ливии, Нубии, с Эгейских островов. Но весь этот блеск иллюзорен. Международная

ситуация мало-помалу складывается не в пользу Египта. А ведь у фараона имеются обязательства по отношению к своим союзникам. Когда грабят официальные торговые караваны Вавилонии, ее царь требует возмещения понесенных убытков. Верные Египту властители считают Эхнатона своим защитником. Но царь, похоже, не выполняет своего долга в полной мере. Хетты задевают интриги, чтобы привлечь к себе союзников Египта и организовать некое подобие современного шпионажа. Они ссылаются на слабость и систему увещивания царствующего фараона.

Думается, что Эхнатон слишком доверял своим послам, которые вели в чужеземных странах политику, руководствуясь более соображениями собственной выгоды, чем благом государства. Говоря о других странах, фараон все еще называл их «мои владения». Но это не более чем голословное утверждение. Империя, основанная Тутмосом III, быстро разваливалась. Причина распада в стремительном росте силы хеттов. Один за другим отворачивались от Египта союзники, которых либо подкупали, либо угрозами принуждали к измене. Хуже того, тем, кто еще сохранял верность Египту, Эхнатон не оказывал никакой поддержки, пренебрегая их просьбами о помощи. Рибадди, правитель Библа, жизнью заплатил за свою преданность фараону. Нарастают волнения в Сирии и Палестине. Фараон бездействует, а возмущение его правлением растет. Отвали от Египта финикийские порты. И снова Эхнатон не предпринимает никаких военных действий. С карты исчезает Митанни, союзница Египта, разгромленная ассирийцами и хеттами. Бедуины наводняют Палестину, овладевают Мегиддо и Иерусалимом. Повсюду утверждаются хетты и их союзники. Отовсюду вытесняют они Египет. Азиатская империя прекращает свое существование.

А что же происходит при дворе? Почему бездействует Эхнатон? Считается, что те сообщения, которые он получал, были неполны, искажены, иногда лживы. Но даже если принять такую гипотезу, следует сожалеть о поведении Эхнатона. Оно было чревато для него самыми бедственными последствиями. Атон, который был призван заменить могущественного Амона-Ра, становится для египтян символом ослабления их государства. Нет сомнения, что после признания такого горестного факта, сопровождавшегося, вероятно,

экономическими неурядицами, Эхнатона начали считать «еретиком». Бог, которого он предпочел, отнял у народа мужество и предал военное призвание великих фараонов XVIII династии.

Конец царствования Эхнатона до сих пор окутан тайной. На этот счет существует множество ничем не подтвержденных теорий. Может быть, царь, потрузившись в апатию, оказался не в состоянии контролировать события, или он впал в безумие, видя, как рушится его мечта, или отказывался понимать всю серьезность положения. Эхнатон и Нефертити произвели на свет только дочерей. Согласно обычаю фараон взял соправителя, чтобы обучать его искусству правления. Царь как будто бы уверен, что амарнская затея переживет его. Будущего преемника фараона звали Семнехкара, и поступки его трудно истолковать. Некоторые считают, что он одним из первых отрекся от Атона, покинул Амарну и вернулся в Фивы. Из надписи в одной фиванской гробнице мы действительно узнаем, что царь Семнехкара воздвиг храм в честь Амона. Тем не менее он пользовался полным доверием Эхнатона. Перед коронацией соправителя во дворце Ахетатона царь отдал ему в жены одну из своих дочерей.

Не рассеивает мрака и мумия, найденная в пятидесяти пятой гробнице Долины царей⁷. Она находилась в саркофаге, первоначально предназначенном для женщины. Одно время ученые думали, что это останки самого Эхнатона. Теперь же считают, что это мумия мужчины — соправителя Эхнатона, Семнехкара. Однако поза тела соответствует ритуальной позе женской мумии. По мнению Кристианы Дерош-Ноблькур, Эхнатон желал как бы заново создать «царственную чету», хотя такая идея стояла ему обвинений в гомосексуализме. И самое странное: одно из имен соправителя в точности копирует имя Нефертити⁸.

А что же случилось с Нефертити после пятнадцатого года правления Эхнатона? Некоторые думают, что царица попала в опалу, а ее место, возможно, заняла второстепенная супруга Кайе. А быть может, она осознала, что империя рушится и воспротивилась политике мужа? Предполагают, что по приказу царя ей пришлось удалиться в загородный дворец в обществе будущего Тутанхамона, которого она готовила к правлению. В ее предательство трудно поверить. Другое

ученые, наоборот, считают Нефертити непреклонной последовательницей «атонизма», который она защищала до последнего вздоха. Ее могли удалить приверженцы Амона, понимая, что она — душа ереси.

Все эти теории абсолютно ничем не подтверждаются. Пожалуй, ближе всего к истине мнение Сирилы Олдред. Вероятно, Нефертити скончалась между тринадцатым и четырнадцатым годом правления Эхнатона. Несколько изображений Нефертити скульпторы переделали в портреты ее дочери Меритатон, ставшей первой дамой царства.

Эхнатон остался один, лишился возлюбленной супруги, своей «несравненной». Потеря женщины, вместе с которой он все создавал, разделявшей все его надежды, без всякого сомнения, стала непрерывной мукой для этого сверхчувствительного человека. Центр религиозной реформы, царственная чета, был залогом равновесия царства. Когда Нефертити умерла, Эхнатон был сломлен.

В городе солнца некоторые признаки говорят царю, что не все прониклось культом Атона. В бедных кварталах еще почитали веселого карлика Беса и богиню Тауерт, покровительницу родов. Наводит на эту мысль и такая находка, как маленькая колесница, запряженная обезьянами с обезьяной-колесничим, рядом с которым стоит мартышка. Невозможно не увидеть здесь карикатуру на Эхнатона и Нефертити. А кто же из тех новых людей, кого Эхнатон возвысил и наградил титулами, был искренне предан? Многие ли готовы были хранить ему верность в трудные дни?

Такие печальные мысли омрачают все осуществленное. Помнил ли царь, все более и более замыкавшийся в печали, все более и более одинокий в своем дворце о великом гимне, созданном им в честь Атона? В этом гимне он описывает появление на горизонте животворящего солнечного диска, источника жизни. С исчезновением солнца мир погружается во тьму, подобную смерти. Утром все вновь оживает. Вся вселенная воспевает возвращение света. Солнце дает жизнь зародышу во чреве женщины, принявшем семя мужчины. Солнце дарует дыхание жизни, оно определяет место каждому человеку, делает людей отличными друг от друга, наливает милость на всю землю. Это оно, единственное, создает тысячи разных творений.

«Ты в моем сердце, и нет другого, который познал бы тебя, кроме твоего сына Неферхепрура (тронное имя Эхнатона) — единственного для Ра, — утверждает гимп. — Ты даешь, чтобы он был сведущим в твоих помыслах и в твоей силе»⁹.

Последняя известная дата царствования Эхнатона — семнадцатый год его правления. О смерти царя ничего не известно. Вероятно, он не был погребен в огромной семейной усыпальнице, вырубленной в Амарне, где была похоронена его вторая дочь. Там найдены погребальные фигурки с именем царя, обломки саркофагов. Но нет никаких признаков, которые бы свидетельствовали о том, что туда была помещена царская мумия. Может быть, приближенные цари спрятали его тело в какой-нибудь неизвестной нам гробнице. Легенды утверждают, что его тело было растерзано и брошено собакам или сожжено, но это уже из области желаемого.

Амарну покинули, и город солнца вновь погрузился в безмолвие пустыни. Но скорее всего реакция против Эхнатона не была немедленной. Вероятно, имя Эхнатона на памятниках было сбито не его непосредственными преемниками. При Сети I бог Атон еще не отлучен от пантеона, и лишь в царствование Рамсеса II, более чем пятьдесят лет спустя после смерти «серетика», Эхнатона начинают называть «этот мятежник». По традиции камень амарнского храма вновь использовали при постройке других памятников. Множество блоков из «атонических» строений найдено даже в Карнаке. Мало-помалу учеными восстанавливалась картина жизни в Амарне. Самые известные сцены, изображающие ее повседневную жизнь, экспонируются в музее Луксора. Статуи Эхнатона, как бы странно они ни выглядели, систематически не уничтожались. Похоже, что память об Эхнатоне, исключенном из официальных царских списков, намеренно сохранялась в культовой практике. К тому же его идеи не погибли. Такой фараон, как Рамсес II, вопреки его презрению к Эхнатону как историческому деятелю, отчасти вдохновлялся его идеями.

Практически невозможно высказать суждение обо всех сторонах царствования Эхнатона. Оно все еще мало изучено. Достоверно известно, что царь попробо-

вал провести небывалый религиозный опыт, хотя некоторые тонкости этого утверждения заслуживают пояснения. Определение «революционер» кажется нам преувеличением — ведь Эхнатон не порывал с египетской религиозной традицией. Напротив, он хотел вернуться к чистоте начальных времен, вдохновляясь самым древним «национальным» культом — культом Геллополя. Эхнатону не удалось широко распространить религиозные преобразования, которые он намеревался осуществить, потому что он не понимал, как глубоко укоренился в народных верованиях культ Осириса. Борьба с другими богами, вероятно, только усугубила положение¹⁰.

Внешняя политика царя была катастрофической. Первые фараоны XVIII династии понимали, что миролюбие приведет Египет к гибели, так как народы Азии мыслят лишь о войне и завоеваниях. В царствование Эхнатона рухнула великая египетская империя. Окончился самый славный период истории Нового царства.

Остается подчеркнуть необычайную интенсивность духовного опыта Эхнатона. Сам Эхнатон отнюдь не был мечтателем, погруженным в мистический туман. Он действовал, как истинный фараон. Построив город солнца, он руководствовался первой обязанностью царя — дать святилище богу. Пожелаем же, чтобы археологические изыскания и изучение текстов пролили наконец свет на темные места царствования, в котором такую большую роль играл солнечный диск.

Глава XV

ТУТАНХАМОН-НЕЗНАКОМЕЦ

История любит парадоксы. Тутанхамон — фараон, наиболее известный широкой публике, а для египтологов он самый неведомый и незначительный монарх во всей египетской истории. Популярность Тутанхамона — дело случая. Открытие Говардом Картером его гробницы в 1922 г. принесло Тутанхамону мировую известность. Конечно, сокровища, найденные в гробнице, сказочны. Недавняя выставка привлекла множество посетителей и приобщила их к искусству древнего Египта¹. Но ведь существуют и другие сокровища, и другие открытия, которые не пользуются подобной славой. Незнакомец Тутанхамон встретился со своей судьбой. Почти через три тысячелетия после смерти ему суждено было стать одним из светочей культуры человечества.

Царевич Тутанхатон жил при дворе в Амарне. Девяти лет он стал царем, а умер восемнадцати (1347—1338 гг. до н. э.). Был ли он сыном Эхнатона, Аменхотепа III, или простолюдином? На этот счет имеется множество теорий, но все они остаются в области гипотез. Значение его имени точно неизвестно. «Атон даватель жизни», «Живой образ Атона» или даже «Сильна жизнь Атона»². При дворе Эхнатона он — личность сравнительно независимая, потому что помимо Атона поклоняется и другим богам, в частности Атуму, великому создателю начала начал. И тем не менее Тутанхатон становится мужем третьей дочери Эхнатона. В общественной жизни он не играет никакой роли. Время от времени его имя упоминается в текстах, но его изображений нет ни в гробницах, ни на стелах. Может быть, он делил свое время между Амарной и Фивами, где находилась резиденция царицы Тэе, которую некоторые ученые считают его матерью.

Во времени женитьбы Тутанхатон был еще ребенком и соседнили его с такой же совсем юной девочкой. Им руководил воспитатель, вероятно, высокопоставленным сановник Эие. Вражда между сторонниками Амона и приверженцами Атона, судьба Египта — эти проблемы ускользали из поля его зрения. Он ищет утех в праздниках и играх. Однако этот ребенок становится фараоном. На него возложена высшая ответственность за страну, раздираемую волнениями и противоречиями.

Венчание на царство произошло не в Амарне, а в Фивах. Два человека не спускали глаз с маленького царя: Эие, «отец бога»³, распорядитель всех коней, ловкий придворный, поддерживавший связи между двумя городами, и Хоремхем, военачальник старой закалки, державший в руках войско. Эие выступил в роли миротворца и предотвратил грозящую гражданскую войну. Хоремхем же был настоящим властелином Египта, хотя предпочитал до поры до времени держаться в тени.

Постепенно Тутанхатон превращается в Тутанхамона. Как и Эхнатон, он изменяет имя. На сей раз доктрине Атона предпочитается религия Амона. Великий бог империи снова выходит на первый план. Берлинская стела изображает царя в момент поклонения Амону-Ра, знаменуя, таким образом, его возврат к ортодоксии. Можно допустить, что старая религия не совсем утасла в Амарне. На двух кольцах, найденных в городе солнца, фигурирует имя Тутанхамона. Кое-кто даже изображает маленького царя шпионом, засланным в Амарну фиванцами, чтобы искоренить там «ересь». Но они забывают о его возрасте.

В музее Каира хранится кварцитовая стела, которая была установлена в северо-восточном углу большого гипостильного зала в Карнаке. Ее называют «Стелой реставрации»⁴, потому что она рассказывает, как вдохновленный Амоном Тутанхамон возвратил свою державу на путь истинный. Хоремхем, который был душой этого замысла, в дальнейшем присвоит этот документ, чтобы приписать себе славу свершений Тутанхамона.

Стела рассказывает, как новый царь отправляется в свой дворец в Мемфисе. Он вопрошает свое сердце и приходит к выводу, что царствование Эхнатона было губительным. Необходимо восстановить согласие на

радость Амону и другим божествам. Что же происходит в стране? Всюду царит зло. От южных до северных пределов, от Элефантины до болот Дельты храмы богов и богинь лежат в запустении. Святилища заброшены, от них остались лишь руины. Часовни заросли травой и кустарником. Тайные залы открыты всем. Традиционного богослужения нет. Боги покинули Египет.

К счастью, на трон восходит Тутанхамон. Он полон решимости поднять из развалин храмы, восстановить памятники, чтобы Египет вновь стал возлюбленным сыном богов. Самое срочное дело — наготовить из золота статую Амона большего размера, чем все существовавшие до нее, и украсить ее редкими драгоценными камнями. Так ублажат жречество Фив. Еще одна статуя будет посвящена богу Птаху, владыке Мемфиса. Царь преобразует общественные институты. Знатные люди и их сыновья восстанавливаются в должностях. Храмам возвращают их богатства. За это Амон полюбил Тутанхамона крепче, чем всех других фараонов.

Если понимать этот текст буквально, то можно было бы вообразить, что Тутанхамон развернул значительные строительные работы, отправил отряды мастеров, каменотесов и ваятелей во все концы государства, чтобы восстановить чуть ли не все храмы. Но ведь в основном пострадали только храмовые хозяйства.

Многие статуи Амона в Фивах действительно подписаны именем Тутанхамона, выразившего этим свою приверженность культу царя богов. В Луксоре существует изображение царя, приносящего в жертву Амону цветы. В каирской триаде он помещен между Мут и Амоном в роли бога-сына.

Тутанхамон считает себя «владыкой южного Геллополя», то есть Фив, которые благодаря ему восстанавливаются в роли политико-религиозной столицы. Но он не только князь одного города, он царствует над всем Египтом, он любим также Атумом из Геллополя и Птахом из Мемфиса. Это способ заявить, что целый ряд городов признает его законным царем.

А каково же международное положение Египта? Если судить по сценам из гробницы Хери, где юный монарх помещен под балдахин и принимает дань от земель, наместником которых был владелец гробницы, сохранивший должность со времен Эхнатона, то

Тутанхамон получал дань от стран севера. В Нубии, в Фарасе, южнее Абу Симбела Тутанхамон положил начало важному делу. На этой местности он приказал вывозить золото и экзотические товары: жирафов, пантер, черное и красное дерево, страусовые перья и бивни слонов. Нубийские князья относятся к фараону с почтением.

Хотя фараон представлен в классической позе царя-победителя, поражающего врагов, в действительности все обстояло не совсем так. Вероятно, Тутанхамон не совершал никаких военных походов. Международная ситуация в его царствование почти не изменилась, разве что стала менее благоприятной для Египта. Египетское войско еще существовало, хотя и утратило былую мощь и значение. Военачальник Хоремхем в своей первой гробнице в Мемфисе приказал изобразить несколько азиатских народов, приносящих дань. Однако на «Стеле реставрации» показаны конкретные события: египетское войско, посланное в Сирию, чтобы попытаться защитить границы Египта, не сумело справиться с задачей и потерпело поражение.

И все же Хоремхем предотвратил вторжение. Тутанхамон дал ему все полномочия. Он был «избранным царя», любимцем из любимцев, доверенным из доверенных. Не нужно представлять себе этого «генерала» грубым солдафоном. Хоремхем был писцом, просвещенным человеком, превыше всего любил правду и справедливость.

В шестой год правления Тутанхамону исполнилось пятнадцать лет. Он уже не дитя. Он отказался от привычек придворной жизни и начал интересоваться делами царства. Безусловно, он уже безразличен к власти и понимает свой долг. Его советниками становятся знающие и опытные Эйе и Хоремхем. Их уроки очень полезны молодому царю. Египет проводит гибкую международную политику: царь пытается поладить с ассирийцами, пославшими в Египет торговое посольство. Узнав об этом, начинает тревожиться царь Вавилонии. Он пытается сблизиться с Тутанхамоном. Египет восстанавливает свое влияние. Юному фараону предвещают блистательное будущее.

Но боги судили иначе. Восемнадцатилетний Тутанхамон умирает. Его гробница не готова, поэтому его хоронят в скромном склепе, который, конечно же, не предназначался быть последним пристанищем царя.

После смерти Тутанхамона происходит невероятное. Его вдова Анхесенпаамон, которая впоследствии станет суиругой Эйе⁵, пишет письмо царю хеттов. Сохранился клинописный вариант этого послания. Молодая женщина, конечно же, познала вкус власти. Ее будущее совершенно туманно, и она решает обратиться к самому могущественному чужеземному государю-воителю. «Мой супруг умер, — заявляет она в своем послании. — Твои сыновья уже выросли. Пошли ко мне одного из них. Я сочетаюсь с ним браком и сделаю его царем Египта».

Великий царь страны Хатти Суппилулиумас, должно быть, испытал некоторое удивление, прочитав такое требование. Разумеется, дипломатические браки устраивались, но при совершенно иных обстоятельствах. Властелин хеттов, несомненно, был осведомлен о неустойчивом положении Египта, военная мощь которого оставалась тем не менее прежней. Но посадить на трон Обоих земель хетта — такое представлялось ему несбыточным. Он не поверил царице — а кто бы на его месте поверил? — и заподозрил коварство. В ответе вдове Тутанхамона он спрашивает, как умер Тутанхамон и где его сын.

Когда ответ царя Хатти прибыл ко двору, вдова была раздосадована. Переписка требовала времени, а ей нужно было действовать без промедления. Она подтверждает: «Мой муж умер. Сына у меня нет». Несомненно, хеттские шпионы тоже собирали сведения. Все обдумав и выяснив, что царица не лжет и что положение, возможно, удастся с выгодой использовать, царь Хатти посылает сына в надежде короновать его в Египте. Но он медлил слишком долго. Эйе тем временем становится фараоном и входит в доверие к царице. Молодой хеттский царевич так и не добрался до Египта. То ли его схватили по дороге, то ли убили. Это, конечно, еще обострило отношения между Хатти и Египтом.

Именно «отец бога» Эйе распорядился похоронами Тутанхамона и исполнил обряд отверзания уст царской мумии. Эйе играл важную роль еще при дворе Аменхотена III. Его влияние выросло в Амарне, где он был приближенным Эхнатона и получал из рук «еретика» золото награды. К тому же на стенах его гробницы

написав великий гимн Атону. Будучи очень ловким политиком. Эйе вернулся в Фивы, не утратив ни крупицы своего влияния. Уже престарелый, он правил четыре года, с 1337 по 1333 г. до н. э. Привычный к власти, он с одобрения Хоремхеба улаживает текущие дела. Эйе добыл титул фараона посредством брака со вдовой Тутанхамона. Занятно, однако, что в его гробнице роль супруги фараона отведена не ей, а кормилице Нефертити. Эта маленькая деталь показывает, как сложно понять связи между различными особами, которые жили и действовали в тот период.

К концу правления Эхнатона звезда Хоремхеба стояла в зените. Он служил царю и подчинялся его непродолжительным инструкциям, но сам всей душой жаждал вторжения в Азию. Он совершал набеги на бедуйнов и на Палестину, доказав, что египетское войско боеспособно, как и прежде. Хоремхеб выполнял важные административные поручения, поскольку Эхнатон доверил ему управление севером страны.

После смерти Эйе Хоремхеб, который отдавал приказы обоим визирям, решает править сам. Он служил трем фараонам: Эхнатону, Тутанхамону и Эйе, и вот наконец завладел тронem и царствовал двадцать семь лет, с 1333 по 1306 г. до н. э. Захват власти был узаконен религией: царя избрал сам Амон. Хоремхеб прибыл в Карнак во время праздника Опет, и статуя бога остановилась перед ним, назначая его преемником Эйе. После этого провозглашения новый фараон возвращается во дворец и вступает в брак с царевной царской крови.

Хоремхеб «присвоил» памятники Тутанхамона и Эйе, заменив их ижепа своим. Он стер память о трех царствованиях и поставил себя непосредственно за Аменхотепом III, которого считал своим предком. Он приказал разобрать в Фивах постройки Эхнатона, но не уничтожил их. Распиленные блоки используются при кладке основания новых пилонов. Да, Хоремхеб преобразует Египет. Когда он пришел к власти, народ влачил жалкую, нищенскую жизнь. Хаос поглотил порядок. Государственные чиновники не выполняли своих обязанностей. Власть предержавшие угнетали бедных. Везде царя разбой, разложение, мошенничество, нечестность. Царь проводил долгие ночи без сна, размышляя об удручающем беззаконии, затопившем

Египет, об этом наследии ереси атонизма. Не подавшись отчаянию, он задумывает несколько административных декретов и диктует их писцу⁶. Восстанавливается центральная власть. Во главе страны снова стоит настоящий фараон. Развращенные чиновники и воины подвергаются суровым наказаниям. Им отрезают посылы и отправляют в изгнание в крепости на границах с Азией. Правосудие не минует и самых высоких чиновников.

Очевидно, чтобы придать больше веса благотворной деятельности нового монарха, картина положения страны написана в слишком мрачных красках. Тем не менее нет сомнений, что Хоремхеб провел «чистку» чиновничьего корпуса, где кое-кто и не из самых мелких сошек использовал беспорядок, воцарившийся в стране, чтобы набить себе карманы, пренебрегая своими обязанностями.

Хотя Хоремхеб был благочестивым царем, сословию жрецов он не доверял. Он не сочетал веры в Амона с заботой о служителях бога. К тому же он избрал жрецами некоторых своих друзей из военных: ведь он прекрасно знал армейские кадры. При нем войско делилось на две большие части — одна для севера, другая для юга. Каждая имела свой командный состав. Приверженец справедливости, Хоремхеб преобразовал суды и поставил во главе каждого неподкупных людей. Он счастлив, что отдал добро ограбленным. Например, он велел вернуть ладьи лодочникам, и судоходство по Нилу восстановилось. Благодаря действию главного торгового пути нормализовалась египетская экономика.

Хоремхеб-воин показал себя в победоносных сражениях. Он утверждает, что победил всех иноземцев, в том числе хеттов. В действительности же египетское войско и хетты остались на прежних позициях.

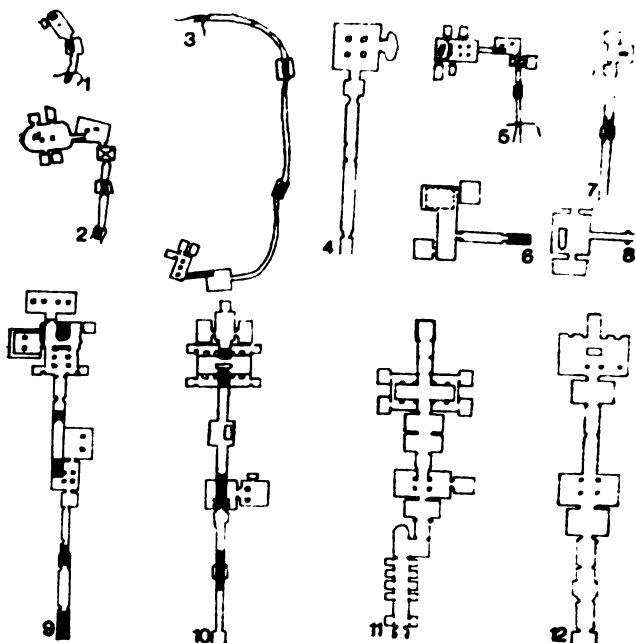
На военачальнике Хоремхебе, царствовавшем в мире, закончилась самая знаменитая в египетской истории XVIII династия. Хоремхеб — гибкий политик, принадлежавший к новому миру, «ликвидатор» амарнского эксперимента — в известном смысле может считаться основателем новой династии. Впрочем, XIX династия и началась с царя-воина, подобного Хоремхебу. Египет готовится войти в тот этап своей истории, когда война будет занимать все более и более значительное место.

25 ноября 1922 г. — это великий день для египтологов и всего человечества. В этот день отворились двери гробницы Тутанхамона. Открытие гробницы увенчало труды двух людей — археолога Говарда Картера и лорда Карнарвона, богатейшего английского аристократа, любителя сильных ощущений, приехавшего в Египет лечить заболевание дыхательных путей. Одержимый страстью к египетским древностям, он финансировал раскопки, которые должны были явить миру сказочные сокровища гробницы Тутанхамона.

Лорд Карнарвон скончался 5 апреля 1923 г., так и не увидев мумии и саркофага царя. В час его смерти в Каире произошла необъяснимая авария электросети. В последующие месяцы умерли сводный брат лорда, его сиделка, врач, проводивший рентген мумии, американский миллионер, посетивший гробницу, а также некоторые другие ученые и просто посетители. Так родилась легенда о проклятии Тутанхамона, разгневанного тем, что потревожили его последний сон, и отомстившего оквернителям. С тех пор поток измышлений не иссякает. Любопытно, что фараон забыл наказать главного виновника — самого Картера, который на тридцать лет пережил свое «злодеяние». Впрочем, множество других знатоков и археологов подобно ему спокойно дожили до старости.

Погребальная камера была открыта 17 февраля 1923 г. Ее почти полностью занимал ковчег из позолоченного дерева размером приблизительно 4 на 6,4 м. Собственно говоря, там находился не один, а четыре ковчега, вставленные один в другой. Сцены на них изображают воскрешение фараона. Исследователи признали, что гробница была неразграбленной, или по крайней мере ворами не удалось осуществить свои намерения. Неизвестно, что им помешало, но о захоронении юного царя забыли. Оно ускользнуло даже из поля зрения профессиональных грабителей. Не вызывает сомнения, что охрана в Долине царей принимала против них действенные меры. Итак, впервые взорам открылась царская погребальная обстановка в том виде, как ее оставили в вечном жилище после смерти фараона. Мебель, сундуки, троны, статуи, разобранные колесницы, сосуды, чаши, ритуальная утварь... Все было свалено в громадные кучи в четырех ма-

Планы царских гробниц.

- 1 — Тутмос I; 2 — Тутмос III; 3 — Хатшепсут;
 4 — Аменхотеп II; 5 — Тутмос IV; 6 — Тутанхамон;
 7 — Эйе; 8 — Рамсес I; 9 — Сети I; 10 — Мернептах;
 11 — Рамсес III; 12 — Рамсес IV

леньких помещениях, первоначально, очевидно, не предназначенных для останков Тутанхамона. Только в первой комнате найден сто семьдесят один предмет. Среди них — мебель, состоящая из разнообразных деталей.

Первый предмет, который привлек внимание при входе в гробницу — алебастровая чаша в виде распустившегося лотоса. На ней выгравирован великолепный текст: «Да живет твой *Ka*! Да проведешь ты миллионы лет, о ты, что любил Фивы, что сидишь, обратившись лицом к северному ветру, глазами созерцающий спокойствие!». Другая надпись сообщает, что царь провел жизнь, создавая изображения богов, а они даровали ему за это ладан, жертвенные возлияния и ежедневные жертвоприношения.

На ларце в форме царского картуша начертано имя Тутанхамона. В других местах фигурирует и его тройное имя Небхепрура, означающее «Ра, владыкя превращенный». Имя Тутанхамона написано также на жезле. Царская мумия находилась в саркофаге, но исследования тела мало что прояснили. Изучив цветы, положенные в гробнице, археологи с достаточной точностью указали дату смерти — январь 1343 г. до н. э. Цветы — прощальное приношение важного сановника Майа, управляющего сокровищницей. Майа, занимавший эту должность и при Хоремхебе, был, вероятно, родственником Тутанхамона и приложил все необходимые усилия, чтобы сохранить его вечный покой, замаскировав вход в гробницу. Ему помогал Нахтмин, военачальник, писец, носитель опахала. Он посвятил Тутанхамону ушебти*.

Тело царя — это тело молодого человека. Мумия сильно усохла, череп выбрит, как у верховного жреца. Мумификация произведена плохо, очевидно слишком поспешно: избыток мазей сжег ткани и затронул кости. Рана на левой щеке породила гипотезу об убийстве, но она не настолько серьезна. Странно, что на мумию Тутанхамона возложены ленты, на которых начертано имя Семпехкара, сопровителя Эхнатона. По всему телу, согласно ритуальным предписаниям, разложены охранительные амулеты. На лбу гриф — символ Верхнего Египта и кобра — символ Нижнего Египта. На головном уборе из тонкого льна, покрывающем череп, увековечена память Атона. Происхождение юного царя не забыто. Стало быть, жрецы, занимавшиеся похоронами, не противились напоминанию о боге, почитаемом фараоном-еретиком.

Магический ритуал, превращающий мумию в тело, готовое к воскрешению, позволял царю возродиться и жизни, вдыхать воздух и выходить днем из усыпальницы в свет вечности. Его облик останется живым. Его правый глаз уподобился дневной ладье, а левый глаз — ночной ладье, на которых он, как солнце, путешествует в небесных сферах. Тематика декора в потребальной камере совершенно исключительна по сравнению с другими царскими гробницами:

* Фигурки слуг, которые по зову усопшего помогают ему совершать различные работы в потустороннем мире ?

похороны Тутанхамона и церемония отверзания уст, где фараон представлен в образе Осириса.

В этой маленькой гробнице нашли настоящие сокровища. Большинство предметов великолепно и поражает роскошью. Широко использовано золото. Этот драгоценный металл всегда вызывает восхищение в египетском искусстве. Он никогда не был для египтян только материалом — это была плоть богов. Золотом украшали храмы и статуи, потому что металл даровал им божественную жизнь. Быть посвященным в секреты «дома золота» означало быть допущенным в мастерскую ваятеля и создавать там статуи. Через золото сведущему человеку передавалась первородная сила. Золотая маска Тутанхамона — самая совершенная иллюстрация этой идеи. В центральном зале гробницы, названном «золотым залом», стояли саркофаги и ларь с канопями — сосудами, содержащими печень, легкие, желудок и кишки. Их защищали боги. Сердце,местилище мысли, не вынималось из тела, однако телесный орган заменялся органом символическим, «скарабеем сердца». Так обеспечивались основные функции тела при воскрешении.

Поразителен контраст между маленькой гробницей «маленького царя» и собранными в ней сокровищами. На спеленатом теле размещалось сто сорок три драгоценности из золота. Последний саркофаг изготовлен из массивного золота. Три гроба, поставленные на подставки в виде льва, достигают веса 1375 кг. Трудно представить, какие сокровища, разграбленные за века, находились в гробницах великих фараонов. Не нужно забывать, что единственная цель всего этого великолепия — воскрешение человека. Поэтому скромные вещи могли иметь такое же большое значение, как и роскошнейшие предметы. Особо стоит упомянуть четырех гелиев-хранителей, замурованных в нишах погребальной камеры. Это столб-джед, символ постоянства; Анупис, роль которого — вести душу по дорогам иного мира; Осирис, судья мертвых и победитель смерти; и, наконец, существо с человеческой головой — это, вероятно, оправданная душа. Вызолоченные ковчег — это помещения для воскрешения, где царь с помощью богов и благодаря знанию мифологических текстов и ритуалов живет в вечном свете.

В наосе, покрытом золотом, стоит статуэтка царской четы. Декор наоса изображает царицу, подносящую Тутанхамону умачения и цветы и возлагающую на его шею ожерелье. Юноша льет благовония на руку возлюбленной. На спинке царского трона — снова царская чета. Одна из сцен на ларце изображает райский уголок, где царица подает юному фараону букет из папируса и лотосов. Эта трогательная сцена не случайна. Святость супружеской любви, с таким пылом превозносимая Эхнатоном, не утратила своего значения¹.

Тутанхамон изображен на колеснице охотящимся на страусов, гиен и ибисов. Как и все фараоны, он охотник и воин. Кольчуги, луки, стрелы, метательные палки, мечи, щиты имеют здесь ритуальное значение. Стреляя из лука во вражескую армию нубийцев и азиатов, царь кладет конец беспорядку и несогласию в мире. Каждая деталь покрытой золотом колесницы посвящается какому-либо богу. Когда Тутанхамон появляется на ней в зените славы, он подобен восходящему солнцу.

В юго-западном углу комнаты, названной «сокровищницей», стоял сундук. В нем хранился контейнер, изображающий Осириса, где был помещен нильский ил, засеянный зерном. Это так называемый «Осирис прорастающий». Зерно прорастает, выходит из тела Осириса, и из смерти рождается жизнь. Да, могила считалась не зловещим местом, а местом магическим. Здесь человек может перейти из одного мира в другой, не утратив своей цельности.

Тутанхамон не оставил заметного следа в истории. Но сокровища искусства, духовности и символики, оставленные им в наследство, через века несут нам блеск и славу Египта.

Глава XVI

СЕТИ I, ЧЕЛОВЕК БОГА СЕТХА

Начальник лучников, визирь, затем соправитель и, наконец, фараон Сети I властвовал в Египте с 1304 по 1290 г. до н. э.¹. Судя по его хорошо сохранившейся мумии, он был человеком среднего роста с сильным и властным лицом, тяжелой челюстью и широким подбородком. На его лице читается мощь, решительность, чувство собственного достоинства. Уже в ранней молодости на него была возложена большая ответственность. Он страстно любил лошадей. Две упряжки, которые он предпочитал, носили имена «Амон дает могущество» и «Амон приносит победу». Нельзя лучше охарактеризовать лейтмотив царствования Сети I.

Отцом царя был Рамсес I (1306—1304 гг. до н. э.), воин с юго-востока Дельты. Он взшел на трон уже в преклонном возрасте, а до этого занимал должности коменданта крепости, главного управляющего устья реки, распорядителя коней и главнокомандующего царским войском. Он скоро приближался к престолу и сделал соправителем своего сына Сети, который не скрывал намерения вернуть Египту истинное величие.

Имя Сети славит бога Сетха, владыку жизненной силы, рассеянной в космосе. Воплощенная в фараоне, эта сила превращает его в неукротимого воина. Благодаря покровительству Сетха Сети I бросается на противника, как разъяренный лев. Никто не может избежать его руки. Он уничтожает мятежников. По его приказанию на стенах храмов изображаются грандиозные сцены, где он воплощает спокойный, победоносный, безукоризненный символ мирового порядка, повергший беспорядочные орды врагов, лица которых искажены, тела изувечены. Здесь и речи нет о жестокости: царь суров, но только для того, чтобы

показать себя бдительным защитником Египта, неустанно пекущимся о его благе.

Сети I называет себя также «повторяющим рождение» — титул, заимствованный у Аменемхета I, основателя XII династии. Это подтверждает, что он считает себя первым фараоном новой династической линии.

Внутри Египта царило спокойствие. Преобразовательная деятельность Хоремхеба дала прекрасные плоды. Сети I считал, что пришло время перейти к активной внешней политике. Для человека с его характером невыносимо было наблюдать, как тает слава Египта среди других народов. Сети I располагал тремя хорошо обученными соединениями, отданными под покровительство Амона. Ра и Птаха, владыки трех главных городов Египта — Фив, Гелиополя, Мемфиса. Войско хорошо снабжалось. Каждый воин получал по два килограмма хлеба на день и по две полотнояных одежды в месяц. В воинский рацион входили говядина, рыба, овощи.

Хетты, которых Хоремхеб держал в узде, пережили в своей стране эпидемию чумы. К тому же им приходилось тщательно следить за беспокойными вассалами. Но, наведя порядок в своих владениях, они вновь покушаются на египетские территории. Властвуя над Северной Сирией, они подстрекают бедуинов восстать, и те захватывают несколько египетских крепостей, расположенных на пути, пролегающем из Эль Кантары в Газу. Опасность очень велика, и Египет окажется под большой угрозой, если союзные войска аморитов и арамеев получат поддержку хеттов и примкнут со своими силами к бедуинам. Нельзя было терять времени. Да и случай был хорош, чтобы показать азиатам: фараон остается хозяином положения. Вмешательство царя имело полный успех. Крепости отбили, бедуинов перерезали. Северная Сирия, так же как и Палестина, снова оказалась в зоне египетского влияния. Царь дошел до самого Ливана: Египет нуждался в древесине для постройки судов и сооружения мачт перед фасадами храмов. Сети I сообщает даже, что он разрушил земли Кадеш (в районе Оронта) и страну Амор. Несмотря на недостаток подробных сведений, можно предположить, что произошло первое столкновение между войсками египтян и хеттов, и последним пришлось

сражаться, отступая. Кампания — а скорее кампания — Сети I принесли победы, но не истребили врагов. Вопреки усилиям фараона Сирия оставалась под влиянием Хатти. Она была прекрасной базой для нападения на Египет. Египту же было важнее всего сохранить палестинский гласис и захватить финикийские порты.

У Сети I есть и другие заботы. На западной границе ливийцы, долгие годы остававшиеся благодарными, снова забеспокоились. Здесь действия египетского войска быстры и эффективны. Ливийцы поняли, что их военной силы недостаточно для вторжения в Египет.

Результаты военных операций в царствование Сети I были достаточно позитивными. Но царь вынужден признать, что хетты прекрасно вооружены и военный потенциал их велик. До конца царствования Сети I оба войска оставались на оборонительных позициях и соблюдали статус-кво, но конфликт оставался неурегулированным.

Сети I благоволят к военным, от которых более чем когда-либо зависит безопасность страны. Он показан в «окне явлений» своего дворца, раздающим золото награды. А добыть драгоценный металл — не легкое дело. В связи с этим царь принимает специальные меры в пользу работников, которых считает обделенными. Действительно, добыча и промывка золота на приисках близ Красного моря была крайне тяжелой работой. Приходилось пользоваться плохими и небезопасными дорогами, где путники рисковали умереть от жажды. Царь сам посещает прииски и приходит к заключению, что следует вырыть побольше колодцев. В одном тексте говорится, что бог направил его, когда он искал решения, вслушиваясь в свое сердце. Внезапно на него снизошло божественное прозрение, царь двинулся вперед и нашел колодец. Воды оказалось так много, будто она текла прямо из пещер Элефантины, откуда вытекает Нил.

Сети I мы обязаны самой большой и красивой гробницей в Долине царей. От входа путь ведет глубоко под землю. Ложная дорога упирается в колодец, а настоящий вход в гробницу замаскирован. Нужно миновать множество коридоров и всевозможных помещений, прежде чем попадешь в центр гробницы, в очень большой зал. За ним располагается

собственно склеп, где стоит саркофаг. Похоже, что зодчие намеревались продолжать строительство, так как за последним помещением находится незавершенный коридор. Стены гробницы покрыты текстами из царских заупокойных книг, на них изображен ритуал отверзания уст и мифологический рассказ о небесной корове. Корова изображена и на потолке, под ее брюхом раскинулось звездное небо и плывут две солнечные ладьи.

При Сети I ведутся работы над большим гипостильным залом в Карнаке; в Гелиополе возводится помпальный храм, который завершит Рамсес II. Но фараону этого мало. Он велит соорудить великий храм в Абидосе, рельефы которого можно признать самыми красивыми в египетском искусстве. Абидос — очень древний город. Здесь захоронены цари двух первых династий. В период Среднего царства он процветал благодаря тому, что культ Осириса стал самым популярным в стране. Осирис, владыка Абидоса, позволяет верующим устанавливать стелы в своих владениях. Таким образом они приобщаются к бессмертию бога. Паломничество в Абидос — тема, которая часто встречается на стенах гробниц. Город известен как религиозный центр первостепенного значения, чему не мешает его весьма скромная роль в экономике.

Никто никогда не затевал в Абидосе подобных работ. Сети I, человек Сетха, был обязан выказывать особое почтение к Осирису. Ведь этого бога убил и разрубил на куски его брат, Сетх. Поэтому фараон, наделенный силой, дарованной Сетхом, должен проявлять преданность Осирису, богу мертвых, повелителю суда, допускавшему оправданных в рай.

Храм, построенный Сети, был задуман как общегосударственное святилище. Здесь почиталась местная триада — Осирис, его супруга Исида и их сын Хор, фиванский Амон, мемфисский Птах, Ра-Хорахти из Гелиополя, а также обожествленный Сети I. До известной степени храм объединяет все культы Египта. Для такого необычного святилища требовался необычный план: семь входных дверей, семь галерей, семь святилищ для перечисленных богов. Большие пилоны и дворы перед храмом разрушены, уцелела только главная часть памятника. Семь часовен украшены восхитительными ритуаль-

ными стенами, среди которых — коронация Сети I. Рамсес II, изображенный в качестве жреца, отправляющего культ своего отца, утверждает, что строительство великого храма в Абидосе закончено им. В южном крыле постройки открыта одна из «абидосских таблиц». На ней Сети I воскуривает ладан картушам шестидесяти фараонов.

Воле великого храма возвышается самый загадочный памятник Египта. Его называют «кенотаф»². Он расположен по оси главного помещения храма. Для него зодчие избрали розовый гранит, белый известняк и красный песчаник. Длинный коридор, проходящий через два вестибюля, приводит в зал, где узнаваем остров, окруженный каналом. Это воплощенный в камне изначальный холм, появившийся из вод на заре творения. Мастер использовал язык архитектурных образов, чтобы сделать зримым и осязаемым основополагающий миф о происхождении жизни на земле.

Жречество Абидоса благословляло царскую щедрость. Оно освобождается от податей и палогов; религиозное творение Сети I пользуется фискальными привилегиями³. Эта опасная политика, продолжаясь, приведет к образованию маленького государства в государстве и будет искушать администрацию всех храмов требовать таких же льгот.

Царствование Сети I характерно для египетской монархии: фараон, обладая воинственным нравом, остается глубоко религиозным и благочестивым. Приверженность Сетху, богу грозы, молнии, силы не помешала ему создать ритуальные рельефы, самые совершенные в египетском искусстве.

Глава XVII

РАМСЕС II И ВОЗВЕЛИЧИВАНИЕ ВЛАСТИ

Рамсес II царствовал в Египте шестьдесят шесть лет — с 1290 по 1224 г. до н. э. Его называли «молодое солнце Египта», «гора золота», «совершенный образ Ра», «солнце всех стран». Тот, кто видел лицо мумии Рамсеса II, умершего в возрасте около девяноста лет, никогда его не забудет. Застывший в смертной маске лик самого прославленного фараона египетской истории излучает волю; Рамсес будто бы живой. У него орлиный нос, мощная челюсть, мясистые губы. Решительная натура уживается с утонченностью. Руки красивы, ногти выхолены. Человек действия и в то же время человек высокой культуры — вот каким представляется великий Рамсес. В период XXI династии жрецы Амона спасли мумию от грабителей. Ее перезахоронили, вновь совершив ритуалы воскрешения. Тексты говорят, что останки Рамсеса помещали в гробнице его отца Сети I, а затем перевезли в склеп в Дейр эль-Бахри, где они и были обнаружены. Найден протокол переноса тела, где указаны имена ответственных за процедуру чиновников.

Рамсес II был сыном Сети I и Тут, в честь которой был учрежден культ. Она была надменна, величава и довольно красива. Молодого человека воспитывали в почтении к своей стране. Атмосфера была суровой: Сети I восстановил престиж Обеих земель и внушал свои идеалы сыну. Юный Рамсес обладал негнбаемой волей. Он был властен от природы. Почти во всех открытых ныне египетских городах Рамсес II оставил следы своего пребывания. В глазах египтян, что жили в конце цивилизации фараонов, он — властелин мира. Про него говорили, что он заставлял людей жить и умирать по своей воле. Его имена обладали магической силой. Через несколько веков после его смерти даже за пределами Египта их

все еще вырезали на скарабеях. Он не упускал случая напомнить народу, кто его благодетель. Источники свидетельствуют, что он — духовный пастырь Египта, живая душа государства. Тексты и памятники запечатлели все деяния царя и доказывают, в какой степени они были необходимы. Колоссы Рамсеса в Абу-Симбеле представляют фараона в подобающем героическом, обожествленном облике. Избранник Солнца, Рамсес II, кроме того, еще и сын Истаха. Царская теология делает его земным богом.

Сети I понимал характер сына. Его властолюбие не претило царю. Он приобщил юного Рамсеса к правлению. «Венчайте царя, чтобы я узрел его совершенство при жизни», — приказал Сети. Десяти лет от роду Рамсес уже обладал из ряда вон выходящей силой и командовал воинским отделением. Вероятно, отец взял его с собой в один из походов против Ливии. Быстро закалившись в жестокой действительности своего времени, Рамсес, великолепный возничий колесницы, получает чин капитана пехоты. Приход нового фараона к власти не вызвал никаких осложнений: его предназначение было очевидно.

Рамсес II похоронил отца в Долине царей. Ему в то время было около двадцати лет. Посетив Карнак, где совершался праздник Опет, он отправляется в Абыдос и приказывает там закончить строительство святилища, начатое Сети I. Он закладывает первый камень своего собственного храма и велит вырезать надпись в память отца, свидетельство его глубокой сыновней почтительности. Наконец, он добирается до столицы в Дельте.

И вот во дворце поселился фараон, который считает себя оплотом Египта, золотым соколом, что, простирая крылья, дает людям благодетельную тень. Боги вскрикнули от радости при его рождении. Чужеземцы трепещут перед ним, его имя разносится по вселенной. Он могуществен, как огонь. Он подобен шакалу, что в мгновение ока обегает землю, он — свирепо рыкающий лев с выпущенными когтями. Метафоры традиционные, что правда, то правда, но в данном случае они приобретают особое значение. Например, считается достоверным, что у Рамсеса II был ручной лев, которого царь брал с собой на войну. Вечерами эта громадная кошка дремала перед шатром хозяина и никого не подпускала близко. Даже

если это легенда¹, она прекрасно согласуется с характером царя, умевшего обуздать дикие силы природы.

Как говорят тексты обелиска в Луксоре, Рамсес II просил своего отца Амона даровать ему власть над вселенной. Властелин всего, что обходит солнце, он готов завоевать чужие земли, стоя в колеснице, в каждой части которой обитает бог. Девять Луков, то есть все страны, попирает он сандалиями, все враги побеждены, связаны, обессилены.

Такова честолюбивая программа Рамсеса II. А какова же историческая правда? Царь начал с укрепления военного потенциала Египта. Дополнительно к трем уже существовавшим соединениям Амона, Ра и Птаха организовано четвертое, покровителем которого назван бог Сетх. Царь принимает на службу многих иноземцев: шердани, ливийцев, нубийцев, аморитов — обосновавшихся в стране военнопленных или их сыновей, рожденных в Египте.

Стела, найденная в Асуане и датируемая вторым годом царствования, категорически утверждает, что Рамсес II победил нубийцев, ливийцев и хеттов. Что касается Нубии, то здесь все просто. Побежденные, сломленные и покоренные нубийцы — обычная тема царского красноречия. Роспись храма Бейт эль-Вали приобщает нас к сцене принесения нубийцами данн фараону. Они несут золото, слоновые бивни, опяхала, шкуры, щиты, разнообразные напитки и яства, живых зверей. Твердой рукой держал Рамсес II в подчинении Нубию. Он нуждался в золоте, добывавшемся на нубийских приисках, и не терпел там ни малейших беспорядков.

Данные о столкновении с ливийцами имеют более реальную почву. Возможно, как это бывало обычно при смене фараонов, ливийцы пытались совершать набеги, надеясь, что новый монарх окажется слабее прежнего. Конечно, Рамсес II пресек и робкие попытки вторжения пиратов-шердани, которые позднее дали свое имя Сардинии. Они появляются при дворе фараона, сражаются в его войске против хеттов. Век спустя они, как большинство военнопленных, получают землю в награду за храбрость на поле боя и вливаются в египетское общество.

Что касается хеттов, то тут все обстояло иначе. Рамсес II сталкивается с царем Муваталлисом, стоя

Шердани — телохранители Рамсеса II

же решительным, как и сам фараон. Оба войска равны по силам. Камнем преткновения становится Северная Сирия, которую решительно желают сохранить под своим влиянием как египтяне, так и хетты. В четвертый год правления Рамсес предпринимает разведывательный поход, чтобы выяснить, какова будет реакция хеттов. Он ведет войска вдоль Палестинского берега и доходит до реки Шьян близ Бейрута. Там по его приказу воздвигают стелу, обращенную к морю, текст которой в наше время неразличим. Царь убеждается, что местность может служить удобным плацдармом для пачала войны с Хатти. Он штурмует сирийские и палестинские крепости, которые контролирует его враг. Египетские воины разбивают секирами ворота, ставят лестницы, взбираются на стены. Со питами на спинах для защиты от стрел и камней, вооруженные кинжалами, они выказывают неподдельный пыл.

Хетты тоже не бездействуют. Они понимают, что приближается час большой схватки, к которой они готовились много лет. Царь Египта один. Хетты же создали сильный союз, в который входит более двад-

цати народов. Они полагают, что имеют все шансы на победу.

Весной на пятый год правления Рамсес II ведет войско в Азию. Подняты все египетские силы. Решающее сражение с Хатти неизбежно. Египетское войско пересекает границу Египта у Силэ, проходит через Северную Сирию и через месяц достигает высот, доминирующих над Кадешем близ Оронта (ныне Гелль-Неби). Возможно, Сети I, осаждал Кадеш, но хеттам удалось вернуть себе город.

Рамсес занимает стратегическую позицию, но понимает, что скоро придется столкнуться с сильнейшей коалицией, терпеливо сформированной хеттами за долгие годы. Численность союза представляется опасной. Муваталлис собрал всех своих вассалов и союзников, он вез с собой даже сокровищницу, где хранилось значительное количество драгоценных металлов. В Кадеше предстояло поставить на карту равновесие всего древнего мира.

Случай, казалось бы, сулил фараону удачу: к нему привели двух бедуинов-перебежчиков. Они заявили, что служили хеттам, но ушли от них, чтобы стать верными слугами фараона. Они хотели сообщить царю полезные сведения: хетты еще далеко от Кадеша. Египетское войско может без опаски выступить и легко взять цитадель.

Рамсес II убежден, что он сильно напугал хеттов и те отступили. К несчастью, бедуины были лазутчиками. Они применили прием, который на языке современного шпионажа называется «дезинформацией» и «содурачиванием». Как не без юмора заметил сэр Алан Гардинер: «Видно, что что-то не сработало в египетской „Интеллидженс Сервис“». В действительности союзные силы хеттов были поблизости и укрывались восточнее Кадеша.

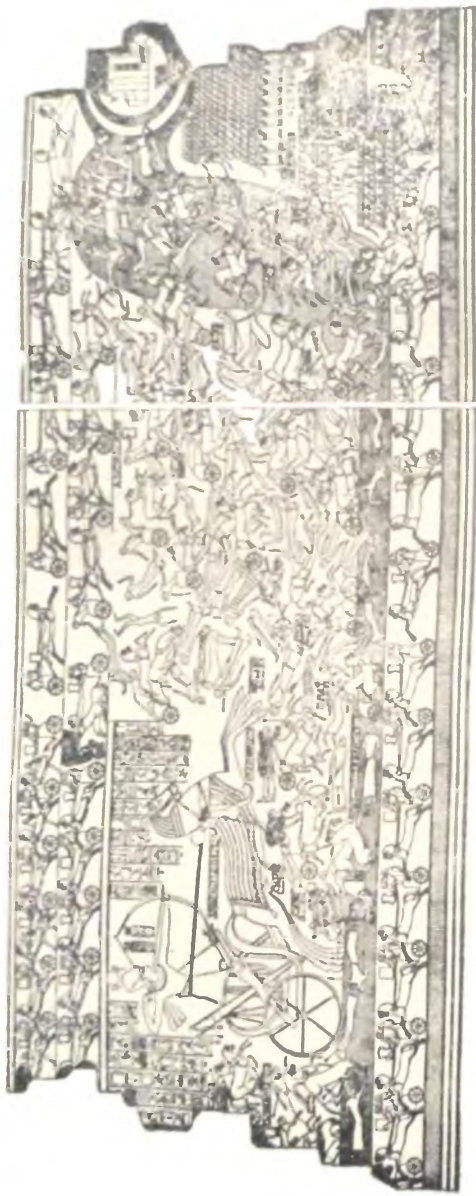
Даже если шпионов и разоблачили, как думают некоторые, было уже слишком поздно. Доверившись им, Рамсес II идет к Кадешу во главе единственного соединения Амона. Соединения Ра, Птаха и Сетха в это время еще далеко. Фараона сопровождает личная охрана, состоящая из шердани, легко узнаваемых по остроконечным шлемам с шишкой на верхушке. Царь находится в центре прямоугольного лагеря, обнесенного щитами. На шатре фараона укреплен картуш. Бластелина защищает уже известный нам лев по

кличке «Истребитель врагов». В лагере каждый занят своим делом. Кто чистит оружие, кто чинит колесницы.

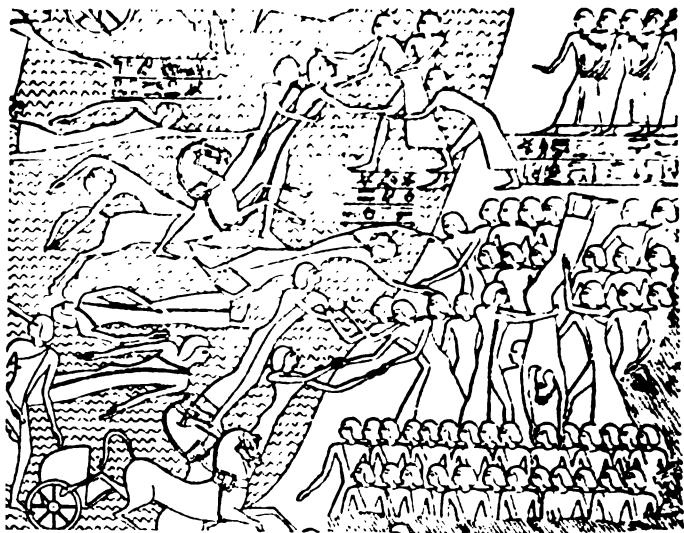
Внезапно началась атака хеттов. Они захватили египтян врасплох: все, в том числе царь, просто столбенели. Вражеская армия окружает фараона, отрезав его от основных сил, теснит его воинов, и те бегут. Соединением Амопа овладевает паника, пехота рассеяна. Она оказалась неспособной отразить напор врага. Рамсесу II достало времени только, чтобы падать панцирь, схватить лук и вскочить на свою колесницу, пазпанную «Победа в Фивах». Царь готов к бою.

Наступает самый важный момент сражения. Фараон Рамсес II оказался один на колеснице в гуще вражеских воинов и лошадей. Две с половиной тысячи боевых колесниц окружили его. Спасения нет. Царь недоумевает, его обуревают скорбь. С ним нет офицеров, нет воинов. Его покинули, оставили одного в самую гибельную минуту. А что же отец Амон? На пороге смерти Рамсес II обращается к богу. Но это не мольба, не крик отчаяния, это возмущение, грозное негодование. «Что же случилось, отец мой Амон! — восклицает он. — Неужто забыл отец сына своего? Совершал ли я что без ведома твоего? Разве не хожу я и не останавливаюсь по воле твоей? Разве преступал я предначертания твои?.. Я взываю к тебе, отец, окруженный бесчисленными врагами, о которых не ведал, когда все чужеземные страны сплотились против меня, и я остался один, и нету со мной никого, и покинуло меня войско мое, и отвернулись от меня мои колесничие. Я кричал им, но не слышал из них ни один... И постиг я, что Амон лучше миллионов воинов, сотни тысяч колесниц...»

Такой пароксизм надежды на бога сделал сражение при Кадеше самой грандиозной мистической битвой в истории. Бог Амон слышит мольбу своего сына. Действительно, Рамсес никогда от него не отрекался. Он хорошо сделал, обратившись к Амону. Правда и то, что божественная сила, даруемая Амоном, лучше целого войска. И вот Рамсес воспрянул духом. Он уже не поверженный царь, а непобедимый воитель. Его охватила священная ярость, он подобен богу войны Монту, он обрел мощь Сетха, «великого силы». Не помня себя, бросается он в ряды противника,

Битва при Кадеше (рельефы из Рамессеума).
Слева — Рамсес II на колеснице, под ним — поверженные хеттские военачальники, над которыми написаны их имена и титулы.
Справа — Р. Оронт, за рекой — оставшаяся вне битвы огромная пехота Муваталлиса III

Сцена битвы при Кадеше:
азиаты ищут спасения, переплывая Оронт.
Царька г. Алеппо держат вверх ногами:
видимо, он наглотался воды

уничтожает, истребляет врагов, бросает их в воды Оронта.

Историки отказываются верить легенде: они не почитают богов Египта. Может быть, они неправы. Возможно, Амон и впрямь не оставил своего сына, как рассказано в поэме о Кадешской битве, высеченной на стенах храмов Карнака, Луксора, Абу Симбела и заупокойного храма Рамсеса II Рамессеума. Зачем же подвергать сомнению веру фараона и его исключительный талант военачальника?

Если встать на более рациональную позицию, свойственную обычаям исторической критики, можно предположить, что Рамсес II, перед тем как попасть в окружение, сумел предупредить визиря и подкрепление прибыло вовремя, чтобы прийти на помощь фараону. Но все же тайна Кадеша существует². Хотя фараон заявляет, что одержал блистательную победу, в действительности сражение между Египтом и страной хеттов быстро закончилось. Ни одно войско не было побеждено.

Положительным результатом для египтян стала остановка продвижения хеттов. Муваталлис убеждается, что коалиция, которую было так непросто создать, не принесла желанных результатов. Выгоднее разжигать локальные мятежи, которые мало-помалу ослабят египетское влияние, чем снова идти на риск глобального конфликта. Властелин Хатти действует. Едва Рамсес II возвратился в Египет, как вспыхивает мятеж в Палестине. Фараону снова приходится сражаться. Крепости Палестины вновь попадают в его руки. Ханаан, города Ливана и даже земли Хатти сдаются под ударами царя Египта. К сожалению, до сих пор очень трудно привести детали этих сражений и оценить их истинный размах. Египетские тексты не слишком озабочены исторической правдой. Они восхваляют мужество царя, его могущество, но относительно дат и точных данных хранят гробовое молчание.

В 1278 г. до н. э. Рамсес II и царь Хатти приходят к одинаковому заключению. Конфликт затягивается. Ни один из двух лагерей не имеет перевеса. Почему бы в таких условиях не попытаться заключить мир? Новое обстоятельство повлияло на развитие ситуации в этом направлении: возвышение ассирийского государства. Хетты начинают беспокоиться. Они хорошо знают египтян, их культуру, а ассирийцев, чья воинственность не вызывает сомнений, боятся. Уж лучше заручиться поддержкой такого могущественного союзника, как Рамсес II.

Царь Египта согласен. Мир подписали в Пер-Рамсесе на двадцать первый день месяца тиби³ двадцать первого года царствования, положив копец долгой вражде между двумя народами. Текст договора написан по-египетски и по-хеттски. Происходит обмен копиями договора. Варианты его высекают на стенах Карнака и Рамессеума. За столом переговоров, если можно так выразиться, собрались представители Рамсеса II и Хаттусилиса III. Муваталлис к этому времени слончался, что, несомненно, тоже повлияло на желание хеттов договориться. Как написано на официальной серебряной табличке, это был «договор о мире и братстве». По нашим представлениям содержание этого основополагающего документа достаточно

удивительно. Он восхваляет обеих царей, их предков, напоминает о старых дружеских и враждебных отношениях между народами, обращается к богам, призывая их в свидетели. Властелины вознамерились устроить все лучше, чем когда бы то ни было прежде. Отныне вражда никогда не разделит два народа. Дети царей всегда будут уважать этот союз.

Все зиждется на главной ценности тех цивилизаций, совершенно неизвестной пеньипшей политике,— на уважении к данному слову. Последующие события показывают, что условия договора строго соблюдались. Основная статья договора — ненападение и союзничество в случае агрессии извне. «И не нападет правитель хеттов на землю Египетскую вековечно, чтобы захватить что-нибудь в ней. И не нападет Рамсес, великий властитель Египта, на страну хеттов... Если выступит другой враг против земель Рамсеса, великого властителя Египта, и он пошлет сообщение правителю хеттов, говоря: „Иди со мной в помощь против него!“, то придет правитель хеттов, и правитель хеттов повергнет его врага... Если же выступит другой враг против земель правителя хеттов, и он пошлет сообщение правителю Египта равным образом, то Рамсес-Мернамон придет к нему в помощь, чтобы подвергнуть его врага»⁴. Точные границы не устанавливались, но сохранялся территориальный статус-кво. Будет соблюдаться статья о выдаче политических беженцев, но с ними не станут обращаться как с преступниками.

Договор отдали под защиту небесных сил и тысячи египетских богов и богов Хатти. Если один из царей изменит хоть одному условию договора, боги разрушат его дом, уничтожат земли и подданных. Со стороны египтян договор удостоверил Сетх. Действительно, на одной из табличек показан могущественный египетский бог, обнимающий властелина Хатти.

После заключения такого важного договора отношения с хеттами наладились. Сорок шесть лет между двумя народами, как правило, царило доброе согласие. Божества, идеи и произведения искусства циркулировали между Египтом и Азией. Цари общаются письмами, радуясь заключению мира. Рамсес отправляет ко двору царя Хатти медика-фитотерапевта и статую божества-исцелителя⁵.

Чтобы исчезли все следы недоверия между хеттами и египтянами, царь Хатти предлагает Рамсесу II вступить в брак с одной из своих дочерей. «И сказал он своему войску и вождям: „Да лишимся мы всего нашего добра вместе с моею старшей дочерью, но отнесем дары почитания прекрасному богу (фараону), чтобы он даровал нам мир, чтобы мы жили“. Итак, он повелел отвести старшую дочь, неся перед нею драгоценную дань: золото, серебро, многочисленные редкости и ценные вещи, упряжек лошадей без счета, быков, коз, овец мириады, все дары своей страны». Настал час отправиться в Египет. Погода совсем испортилась. Пошел снег с дождем, похолодало. Идти было трудно: путь лежал через горы и узкие ущелья. Рамсес II опасался, что плохая погода повредит невесте и воззвал к Сетху, властелину грозы и бури. Сетх услышал мольбы царя, и на несколько дней вернулось лето.

Когда встретились посольства египтян и хеттов, войны стали, как одно сердце. Они братались, ели и пили вместе. По прибытии в Пер-Рамсес юную царевну привели к Рамсесу: «И она пришлась по сердцу его величеству». Счастливое событие стало широко известно благодаря «брачной стеле», варианты которой известны в Карнаке, Элефантине, Абу Симбеле, Амаре и других местах.

После этого брака, укрепившего мир, Рамсес праздновал юбилей, устроенные его сыном Хамуасетом, ученым магом. Рамсес был поистине выдающимся царем. Во время его первого юбилея Египту был испослан необычайный разлив Нила, принесший исключительно богатый урожай. Так сама природа славила великого Рамсеса.

С десятого по восемнадцатый год царствования войны Рамсеса II сражались с мелкими местными князьями в странах Моав и Негев. Пленные евреи работали на виноградниках, формовали кирпичи. Они также добывали медь на рудниках на севере Эйлата и продавали плоды своего труда. Некоторые считают, что исход евреев из Египта датируется царствованием Рамсеса II. Но чаще это событие относят к правлению Мернептаха (1224—1204 гг. до н. э.). Как бы то ни было, хотя этому событию придается такое зна-

чение в Библии, оно ничего не значило в глазах египтян. Для них евреи, совершившие исход — это лишь кучка непокорных бедуинов, покинувших страну. Ничего удивительного, ничего особенного: ведь Палестина оставалась территорией, которую трудно было контролировать.

Империя простирается от «рога земли» на юге до «болот Хора» на севере. Мир с Хатти заключен. Для Рамсеса II наступило время без войн, время спокойствия. Царь послал перстень, которым очень дорожил. На оправо камня было выгравировано изображение двух лошадей, запряженных в повозку, на которой везут врагов, поверженных в сражении при Кадеше. Но ярость войны осталась в далеком прошлом. Ни у кого не достало бы силы посягнуть на союз Египта с Хатти. Царь тем не менее соблюдал осторожность. Он приказал восстановить крепости, построенные в период Среднего царства, и укрепить северо-восточную границу. В западных и восточных пограничных районах регулярно проводятся инспекционные объезды. Путешественников в этой местности проверяют. Северо-западная Дельта надежно защищена от набегов ливийцев рядом постоянных оборонительных сооружений.

В Египте на государственных работах и в карьерах трудилось много чужеземцев. Достаточно их было и среди сельского населения, воинов, слуг в больших владениях. При Рамсесе II приток иммигрантов увеличился. Египет в то время много торговал. Из города в город постоянно курсировали азиатские, эгейские, кипрские, финикийские купцы. Египетское общество под влиянием наступающей извне меркантильности постепенно теряет былую чистоту. Египтяне полюбили роскошь, затейливые одежды, сложные парики. Они гонятся за последней модой, обожают пиры, где можно покрасоваться. Но хотя интерес к материальным благам все растет, древние ценности, созданные Египтом, не утрачены. Как прежде, ценятся любовь к семье, привязанность между родителями и детьми. Согласно в супружеской жизни считается неотъемлемым для гармоничной жизни мужчины и женщины, причем последняя пользуется равными правами с супругом. Правила повседневной жизни проповедуют благоразумие, чувство собственного достоинства, вежливость, взаимное уважение. Но подоро-

жесткий зависти человек может дожить до счастливой старости, сохранив крепость тела. Одетый в платье из тонкого льна, он будет плавать по Нилу в лодке из кедра, пить вино, пиво, есть мясо и проги, лакомиться нежным виноградом, умащивать тело благовониями... Но пусть не забудет он подготовиться и к вечной жизни. Когда богу будет угодно, он призовет его на суд мертвых, где ему придется отвечать за свои земные деяния.

Сам Рамсес II становится символом неистощимой жизненной силы. Он супруг четырех главных царниц. Много у него и второстепенных жен. Если верить изображениям в нубийском храме Вади эс-Себуа, то великий Рамсес был отцом ста одиннадцати мальчиков и пятидесяти одной девочки.

Среди великих супруг царя самой знаменитой была, бесспорно, царица Нефертари, которую Рамсес любил больше всех остальных. Ей даже посвящен небольшой храм в Абу Симбеле, названный «Нефертари, для которой восходит солнце»*. Первая дама царства, госпожа Верхнего и Нижнего Египта, простиравшая власть и на чужеземные страны, умерла в тридцатый год царствования. Ее гробница в Долине царей поистине совершенна как по замыслу, так и по исполнению. Лестница ведет в большой колонный зал. Затем следующая лестница приводит в зал саркофага, потолок которого поддерживают четыре опоры. Там показано, как царица играет с кем-то невидимым в *сенет* (игра вроде наших шашек). Ставка партии — жребий ее души⁶. Богиня Нейт, покровительница ткачества⁷, Селкет, богиня-скорпион, Исида и ее сын Хор приходят на помощь царице, чтобы вести ее по дорогам потустороннего мира. Царица сказочно красива. Она накрашена, на ней длинное платье из белого льна. Головной убор — оперение богини-грифа, украшенное двумя длинными перьями. Нефертари стоит перед несколькими божествами, участвующими в ее воскрешении. Она доказывает свое мастерство, протягивая богу Птаху четыре полотна, получает дощечку для письма в присутствии Тот, который свидетельствует этим ее знания и мудрость.

* Надпись в назначенно маленького храма в Абу Симбеле
искусница Иристиана Дороти-Кобльмур и С. Кузнец.

В зале с опорами Исида вручает Нефертари знак жизни. Затем ее принимает Хатхор, владычица неба. На этом пути царица обожествляется. Теперь уже она сама держит знак жизни в руках. Такой же счастливый конец странствия показан в храме царицы в Абу Симбеле. Желтая цветовая гамма сообщает изображениям нереальность, иллюзорность⁸.

Некоторые сыновья Рамсеса II были важными лицами и занимали высокие должности. Судя по списку Рамессеума, трон унаследовал тридцатый сын фараона Мернептах. Но самым незаурядным из сыновей Рамсеса был Хамуасет — мудрец, страстный любитель «археологии». Он занимался восстановлением многих построек, наводя справки в архивных документах храмовых библиотек. Известно, например, что он восстановил имя Унуса на его пирамиде и укрепил мастабу Фараун. Хамуасет восхищался мемфисским некрополем, где он мог изучать истоки египетской религии. Назначенный великим жрецом Птаха в Мемфисе, Хамуасет показал себя величайшим знатоком ритуалов. Поэтому ему поручили устраивать праздники *сед* в честь отца.

Имелись при царском дворе и крупные администраторы. Самым значительным можно считать, пожалуй, Пасера, карьера которого началась при Сети I. Именно он надел на Рамсеса II царские регалии при коронации. Пасер происходил из незнатной семьи⁹, но к концу жизни стал верховным жрецом Амона, а до этого сыграл не последнюю роль при заключении мирного договора с Хатти. Он жил в роскошном жилище в Пер-Рамсесе. В качестве визиря Верхнего Египта ему пришлось заниматься управлением фиванским регионом, а также следить за строительством царской гробницы. Таков пример успешной карьеры, в которой сочетаются светские и религиозные посты.

* * *

Фивы, южный Гелиополь, правое Око бога Ра, живут в изобилии и роскоши. Но Рамсес II не доверял фиванскому жречеству. Вскоре после коронации он назначает великим жрецом Амона некоего Нобушефа, бывшего верховного жреца бога Омуриса в Гиве (область Абидоса) и богини Хатхор в Дендере. Стало быть, новый жрец — провинциал, не принадле-

жащий к высшему фиванскому обществу. Во все периоды своего правления, кроме конца царствования, Рамсес II старается поставить своего человека главой жрецов Карнака. Более того, он назначил верховными жрецами Птаха в Мемфисе и Ра в Гелиополе двух своих сыновей. Наконец, богом, почитавшимся в Пер-Рамсесе был не Амон, а Сетх. Религия рамессидов включала и азиатских богов, узаконенных в столице Египта.

Рамсес II вел ловкую религиозную политику. Избранник Ра, любимец Амона и Птаха, он не скрывал своей приверженности богу Сетху, вручившему ему власть во всех ее ипостасях. Царь, власть которого никто не оспаривает, оделяет своими милостями жрецов различных культов. Он делает большой акцент на солнечных богах, не пренебрегая при этом Амоном, великим богом империи, даровавшим ему победу при Кадеше.

Религиозная терпимость Рамсеса II связана с его любовью к Дельте. Здесь он родился, здесь основал столицу Пер-Рамсес. Фасады богатых домов облицовывали тут голубой глазурованной черепицей, которая светилась, переливаясь под солнечными лучами. Можно было поклясться, что город построен из бирюзы.

В одном тексте говорится: «Каким счастливым был тот день твоей жизни, как нежен был твой голос, когда ты приказал возвести Пер-Рамсес». Природные условия в городе искусно использовались, воды было в изобилии, царский дворец великолепен. Пер-Рамсес, современный Телль эд-Даба¹⁰, напоминал Гелиополь, был так же прочен, как Мемфис, а строился по плану Фив. Он соединил в себе свойства трех величайших городов Египта.

Столица Рамсеса II, занимавшая площадь приблизительно три квадратных километра, стояла в важнейшем стратегическом пункте, так как защищала рукав Нила, открывавший путь в Азию. Это своеобразное место стыка египетского мира с миром азиатским позволяло фараону держать руку на пульсе международной жизни. В городе постоянно квартировали несколько гарнизонов, находились большие арсеналы. Здесь проходили выучку колесничие, лучники, вехотинцы; проводились учения и военные парады.

Пер-Рамсес был также и религиозным центром. Четыре храма возвышались по четырем сторонам света: храм Амона на западе, Сетха на юге, Уаджет на севере, Астарты, сирийской богини, на востоке. И здесь, в официальном пантеоне, не пренебрегли Азией.

Во дворце в Пер-Рамсесе фараон вел счастливую жизнь. Он наслаждался красотой садов, с удовольствием вкушал выращенные там гранаты и яблоки, смаковал вина из своих прославленных виноградников. Его сердце веселила разноязычная толпа, наводившая улицы города. В Фивах невозможно было составить важное для будущего страны представление о том, что происходит в Сирии, Палестине, Месопотамии. А столица в Дельте помимо своих удовольствий давала идеальный обзор обстановки.

Предполагается, что лишь с начала XVIII династии фараоны обращают взоры к Дельте, многие земли которой все еще оставались заболоченными. В центре Дельты учреждается семнадцатый ном Нижнего Египта. В него входят территории, отвоеванные у дикой растительности и водных пространств. Окраины Дельты уже давно освоили — это была самая культурная ее часть. Постепенно обживается и центр Дельты. Рамсес II и его наследники, уроженцы этого региона, будут особенно рады за развитие Дельты.

Рамсес II был великим государственным мужем. Он безукоризненно умел играть на различных струнах египетской политики, никого не обделяя и всегда оставаясь высшим авторитетом. Египет Рамсеса II — это новый мир, где нельзя пренебрегать азиатскими влияниями. Меняется язык. В него входит множество чужеземных слов. Писцов как будто становится все больше и больше, но общий уровень культуры падает. В распоряжении ученых имеются копии традиционных текстов, буквально пестрящие ошибками. Кажется, будто не все переписчики понимали как следует, что писали. Фиванские гробницы становятся менее красивыми и изысканными, нежели гробницы XVIII династии. Некоторые историки искусства тем не менее отрицают такую оценку художественной реальности эпохи Рамсеса II. Они говорят, что от предыдущих эпох сохранились лишь редкие памят-

няки, а количество произведений времен рамессидов значительно. Среди них есть вещи как прекрасные, так и посредственные.

От эпохи Рамсеса II уцелело больше всего памятников. Его политика в строительстве имела три аспекта: прежде всего надлежало присвоить древние памятники, представив себя их творцом, затем закончить возведение строящихся монументов, таких, как гигантский гипостильный зал в Карнаке, и, наконец, начать собственные стройки и соорудить такие поразительные ансамбли, как фиванский помпальный храм Рамессеум или знаменитый нубийский храм Абу Симбел, не говоря уже о творениях в Абидосе, Мемфисе, Таинсе¹¹ и в столице Дельты Пер-Рамсесе.

Правление великого Рамсеса было, безусловно, долгим. Надо думать, что Египет располагал значительными людскими и материальными ресурсами, чтобы осуществить его программу такого размаха. Рамсес II любил, чтобы его изображали. Существует много его статуй, как колоссов, так и более скромных произведений. Статуя, которая хранится в Туринском музее, — подлинный шедевр. Царь изображен улыбающимся, спокойным, утонченным, с синим вендом на голове и скипетром-хека в руке.

Знаменитые колоссы Рамсеса II не были только данью гигантомании. Они воплощают божественность Рамсеса II, саму идею монархии, а вовсе не его смертную сущность. Рамсес-человек отдает дань почтения Рамсесу-богу. Колоссы играли также экономическую роль: в военных колониях солдатам жаловались земли в честь этих гигантских статуй.

Самая большая из известных монолитных статуй вырублена из гранита и установлена в Рамессеуме. К несчастью, она рухнула, и перед посетителем предстает волнующее зрелище. Большое впечатление произвело оно на английского поэта Шелли. Он был убежден, что на цоколе поверженного гиганта написаны слова: «Мое имя Османдий, царь царей. Гляди на мое творение, о всемогущий, и скорби! Ничто не вечно».

Но поэт ошибся. Творчество мастеров Рамсеса не обратилось в прах. Фараон особенно следил за карьерой и постоянно увеличивал число рабочих. Он, не колеблясь, помогал управляющим, что под-

тверждает следующая надпись на одной стеле: «В восьмой год, второй месяц зимнего сезона, на восьмой день царя Верхнего и Нижнего Египта Рамсеса. В этот день его величество пребывал в Гелиополе, занимаясь делом, которое было угодно его отцу Хорахти-Атому, владыке Обеих земель и Гелиополя. Его величество объезжал пустыню Гелиополя к югу от храма Ра, к северу от храма Красной Горы. Здесь его величество обнаружил огромную глыбу кварцита, подобной коей не находили со времен царствования Ра. Она была выше гранитного обелиска».

Рамсес II вверяет находку своим мастерам. Он осыпает их подарками и приветствиями, поощряя создать великолепное произведение. Царь говорит: «Закрома будут ломиться от зерна для вас, чтобы вы ни дня не проводили без пищи... Я наполню для вас склады всевозможными вещами: хлебом, мясом, сладкими прожками, [я дам] для вас сандалии, мази в избытке, чтобы вы умащали головы ваши каждые десять дней... Я дам [вам] множество людей, чтобы вы ни в чем не знали нужды: рыбаков, чтобы приносили дары Нила, и много других: садовников, чтобы возделывать огороды, горшечников, чтобы делали сосуды, чтобы свежа была вода в летнее время».

Царь собственноручно находит самые красивые камни в карьере, самые глубокие водоемы на пустынных дорогах. Царь не только вместилище богов, он неусыпно следит за судьбой работников и ремесленников, что своими творениями свидетельствуют о его славе и могуществе. Самым крупным зодчим царствования можно, вероятно, считать Ман, сына руководителя работ. Он работал во многих городах Египта и руководил строительством в Пер-Рамсесе. Ман имел высокий воинский чин и распоряжался экспедициями, отправляющимися за гранитом в Асуан. Зодчий нес ответственность за все, начиная с сырья и кончая отделкой.

Поминальный храм Рамсеса II Рамессеум построен на левом берегу Нила в районе Фив на границе пустыни и пахотных земель. Строение, к сожалению сильно разрушенное, было грандиозным. В ансамбль входит большой храм, вход в который акцентирован двумя пилонами, — его своеобразие состоит в наличии двух дворов, а также дворец, многочисленные склады,

часть из них со сводами из кирпича сырца, мастерские, жилища жрецов, административные постройки. Ансамбль был обнесен кирпичной стеной, отделявшей его от внешнего мира. Рамессеум очаровывал древних авторов, посещавших Египет. Гипостильный зал с сорока восемью колоннами — двадцать четыре из них еще стоят — оставляет впечатление спокойной силы.

На цоколе западной стены высечена удивительная сцена — процессия многочисленных сыновей и дочерей фараона. Рамсес приказал также изобразить победу при Кадеше и религиозные церемонии, в частности праздник Мина, одним из главных обрядов которого был выпуск четырех птиц на четыре стороны света, дабы оповестить о коронации нового царя. Еще одна необычная деталь: процессия жрецов, несущих на плечах изображения великих фараонов, в том числе самого Рамсеса.

Итак, Рамессеум был своеобразным центром, где пребывало в согласии духовное и земное. Известным надзирателем храмовых садов, некоего Неджемгера. В своей гробнице, за святилищем, он приказал изобразить созданные им зеленые доли с деревьями и оросительным каналом. Его труды щедро вознаграждены: из листвы дерева богиня подает ему пищу, приносящую вечную жизнь, в которой он ни в чем не будет знать нужды.

Карнак с его площадью тридцать гектаров и множеством культовых сооружений оставался огромной стройкой, и Рамсес II вел там большие работы. Жрецы Амона богаты: им принадлежат 350 000 гектаров земли, приносявших значительные доходы. Рамсес II создал шедевр, достойный Карнака, — большой гипостильный зал со ста тридцатью четырьмя колоннами². Зал занимал площадь приблизительно пять с половиной тысяч квадратных метров. В современном Карнаке, этом лабиринте руин, еще стоит каменный лес колонн и любой, проходящий туда, невольно понижает голос. Игра света и тени рассчитана с несравненным мастерством. Мир богов постепенно раскрывает свои тайны с течением дня и смелой времен года. Каждая колонна имеет собственное назначение. Колонный зал не подавляет, напротив, он возвышает душу, отвлекает паломника от его смертной сущности и поднимает до понимания нетленного.

Наследство Рамсеса II — это и священное озеро, которое сохранилось до наших дней. Речь идет не о водоеме для увеселительных прогулок, не о пруде, играющем декоративную роль, а о символическом воплощении океана-прародителя, давшего все формы жизни. Озеро заросло папирусом, как те болота, где Исида прятала своего сына, чтобы защитить его от гнева Сетха и вырастить для мести за убитого царя Осириса. Между лотосами священного озера рождалось юное солнце, хранившее красоту творения.

В Луксоре Рамсес II выстроил большой пилоп перед храмом Аменхотепа III. Это элемент, характерный для монументальной архитектуры XVIII династии. Он символизирует две горы горизонта — гору восхода и гору заката, между которыми поднимается бог Солнца. От этого пилона солнце восходит, чтобы достичь святая святых, где один лишь фараон может созерцать всю мощь божественного света, а затем возвращается обратно, в то же место, чтобы уснуть. Каждый день благодаря посредничеству жрецов вновь начинается солнечный цикл и указывает главные этапы ритуалов. Перед пилонами возведены два обелиска и шесть колоссов Рамсеса II. Один из обелисков ныне находится в Париже: Мухаммед Али в 1831 г. подарил его Франции, и 25 октября 1836 г. он был установлен на площади Согласия. Рамсес II любил Луксор. Тому существуют разнообразные подтверждения. Свидетельства его приверженности и памятники, о которых здесь говорилось, и громадный двор, обнесенный двумя рядами колонн; но и более скромные знаки говорят о том же: царь велел вырезать свой картуш на статуях Аменхотепа III и преобразить Тэйе, супругу этого царя, в Нефертари.

Вероятно, самым известным творением Рамсеса II можно считать Абу Симбел, открытый Бурхардтом в 1812 г. На памятник наступали пески, пока не скрыли его весь, оставив видимыми лишь головы колоссов. Погребенный в песках, Абу Симбел ими же и был спасен от разрушения. Строительство большой Асуанской плотины снова поставило его под угрозу, но к счастью, международная кампания, возглавленная ЮНЕСКО, увенчалась успехом. Два храма, вытесанные из пубийского песчаника, разрежали на 1036 блоков (некоторые из них весили по тридцать тонн) и вновь смонтировали на вершине того же утеса, в

этой дикой, неповторимой местности. Создание озера Насер совершенно изменило ландшафт. Но несмотря на это, появление на горизонте Абу Симбела — знаменательная минута путешествия по Египту. Взгляд, теряясь в пустынной бескрайности камня и земли, внезапно останавливается на возникшем перед глазами храме, этой святыне, вырванной у забвения. Неможно отвести взор от ясных лиц колоссов; тонкость их черт и гигантские размеры составляют поразительный контраст. Эти двадцатиметровые великаны в далекой Нубии утверждают божественную сущность власти Рамсеса.

Абу Симбел назывался Усер-маат-Ра, то есть «сила вселенская гармония бога Ра». Как подчеркивает Кристиана Дерош-Ноблькур, над дверьми великого храма высечен теологический ребус: человек с головой сокола, то есть Ра, опирается на два иероглифических знака, читаемые как «усер» и «Маат».

К северу от эспланады, предшествующей великому храму, в 1909 г. расчищен двор, где стоит странное сооружение — святилище солнца. Внутри часовни установлен скарабей — образ восходящего солнца и обезьяна — символ луны. В центре двора располагается алтарь, который поддерживают четыре стоящих обезьяны. По бокам его установлено два обелиска. Это темы религиозного учения Геллополя, которое возвеличил Рамсес II. Кроме того, фасад великого храма венчают двадцать два павпана, радостными криками приветствующие восходящее солнце. Его символ помещен в нише над входными дверьми храма — это бог Ра с головой сокола.

Безусловно, Абу Симбел — излюбленное святилище Рамсеса II. Здесь повелел он запечатлеть самые значительные события своего правления. Если проникнуть внутрь вырубленного в священной скале величественного помещения, то окажешься в пронаосе с восемью осиреческими колоннами¹³. Поверхность колонн украшена изображениями военных подвигов, особенно битвы при Кадеше. Тут и схватка пехоты, и вступление в бой колесниц, и триумфатор Рамсес со львом, и поверженные, связанные враги. Дополняют эти знаменитые эпизоды картины сражения фараона с ливийцами. Чрезвычайно примечательна сцена единоборства Рамсеса: там фараон одного роста с противником. Царь повергает врага, пронзая его копьем.

Под военными сюжетами располагаются религиозные сцены. Они возвышают военные события до божественных актов, до ранга священнодействий. Царь воюет не из любви к кровопролитиям, но во исполнение воли богов, желая славы свой народ от хаоса, помянуть беспорядку овладеть миром.

Незабываемое впечатление производит святилище великого храма. У задней стены четыре статуи сидящих богов. Это Птах, Амон-Ра, обожествленный Рамсес и Ра-Хорахти. С 10 января по 30 марта и с 10 сентября по 30 ноября солнечные лучи поочередно освещают статуи, за исключением Птаха, который всегда остается в тени. Гайны, хранимые богом ремесел, никогда не были раскрыты.

«Малый храм» Абу Симбела расположен в тридцати пяти метрах к северу от большого храма. У фасада установлены четыре статуи Рамсеса и две — царицы Нефертари. Здесь, как и в большом храме, можно увидеть их детей; они изваяны у ног супругов. Портрет царственного семейства несет в себе религиозный смысл. Заветы Эхнатона не были забыты. Надпись гласит, что Рамсес II повелел построить храм более прекрасный, чем все виденное дотоле. Он поднес этот роскошный подарок своей великой супруге Нефертари, избранной среди избранных. Царица всюду присутствует в своем храме. Она наблюдает смерть врагов, побежденных Рамсесом, приносит жертвы божествам, в том числе Мут и Хатхор, которые тесно связаны с женскими культами. Именно стоя между этими богинями и под их покровительством обожествляется Нефертари.

Нубия неизменно влекла Рамсеса II. Царь построил храмы в Бейт аль-Вали, Герф-Хуссейн, Вади эс-Себуа, в Дерре... Они воздвигнуты во славу египетских или местных богов и во славу обожествленного Рамсеса II.

* * *

Египот богат, в Египте царит мир. Рамсес II уже очень стар. Его военные подвиги канули в прошлое. Договор с Хатти остается краеугольным камнем равновесия на древнем Ближнем Востоке. Великий царь Рамсес становится мирным строителем. Но мир уже изменился. Империю Хатти сотрясают внутренние

критики. Ассирийцы же обретают сплу и уже способны соперничать с хеттами. Опасность дестабилизации велика. Возникает еще одна угроза: в районе Балкан и Черного моря начинается движение народов, известное как индоевропейская миграция. Она грозит множеству земель. И в самом деле, орды завоевателей обрушиваются на Среднюю Азию, острова Эгейского моря, Грецию, Ливию. Вторжение идет и с моря, и с суши. Скоро угроза надвинется и на Хатти.

Старейший Рамсес как будто не предвидел опасности. Правда, гроза была еще далеко от Обеих земель. Возможно, были бы полезны превентивные меры: может быть, египетское вмешательство позволило бы хеттам и вавилонянам решительнее противостоять завоевателям. Но душа фараона уже обращена к иному миру. Земные дела его более не трогают. Царь утрачивает твердость и во внутренней политике. Так, верховный жрец Амона получает титул управителя всеми жрецами Верхнего и Нижнего Египта. Фиванское жречество использует слабость великого старца, чтобы вновь прорваться на политическую арену. Рамсес II остается живым символом. Никто не решается посягнуть на его место. Но под покровом тайны затеваются интриги.

Рамсес II умирает на шестьдесят седьмом году царствования в возрасте восьмидесяти восьми лет. Его хоронят в Долине царей. Великий визирь юга Пасер занимается приготовлением его гробницы. К сожалению, в конце XX династии гробницу ограбили. Ничего не осталось от сказочных сокровищ, которые должны были в ней храниться. Сейчас гробница частично засыпана. По мнению некоторых археологов, последнее жилище Рамсеса Великого даже осталось незаконченным. Может быть, в конце столь долгого царствования в стране возникли внутренние волнения, вызванные ослаблением царской власти?

Труды Рамсеса II велики. Его эпоха отмечена глубокими изменениями египетского общества и его духовной жизни. Вопреки укреплению царской власти ясно видны некоторые признаки упадка. Они проявляются в смешении политики с религией, в падении нравов, относительно обеднении культуры. Можно предположить, что развернулась пропасть между со-

стоятельными классами, наслаждавшимися богатством, и теми слоями, что влачили самую жалкую жизнь. Частично эти изменения объясняются привнесшими извне обстоятельствами: присутствием иноземцев, влиянием азиатской культуры. В конце правления Рамсеса II страна во многом утратила чистоту, свойственную Древнему царству. Но масштабность, обожествление царской власти и громадная созидательная сила этой эпохи непреодолимо привлекают взоры потомков.

Глава XVIII

РАМСЕС III, ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ ФАРАОН

С 1184 по 1153 г. до н. э. Египтом правил великий монарх, на долю которого выпало решить самую тяжелую задачу. Но Рамсес III был сильной личностью, его не сломили превратности судьбы. Он тосковал по могущественному Египту фараонов, сделавших его властелином мира. Образцом для него был Рамсес II.

Когда Рамсес III вззошел на трон, с беспорядками, возникшими после смерти Рамсеса II, уже справились. Но эти испытания ослабили Египет. Произошли глубокие социальные изменения. Египту по-прежнему грозило завоевание. Весь Ближний Восток трепетал перед индоевропейской угрозой. Начиная с правления Мернептаха (1224—1204 гг. до н. э.), тридцатого сына Рамсеса II, «народы моря», как их называют источники, обрушиваются на Египет. Мернептаху удалось их отбросить, но не уничтожить. Захватчики оправились, собрали новое войско, значительно превосходящее то, которое победил сын Рамсеса II.

Рамсес III прекрасно осведомлен и сознает опасность. Он готовится к войне и делает прекрасный выбор, решив усилить флот, который кажется ему блистательным победоносным оружием. Он знает, что противник «сплочен и простирает руки до земель на самом горизонте. Сердца врагов тверды и преисполнены властолюбия».

И вот началось нашествие. Опустошено царство Хатти. Захвачены финикийские порты. Разрушен Угарит. Это настоящий ураган, сметающий все на своем пути. Повержены Сирия и Палестина. Ливийцы же, потерпев от Мернептаха серьезное поражение, реорганизовали свое войско. Ливия была небогата и всегда завидовала достатку Египта. Страшась потерять свои земли под неистовым напором индоевропейцев, ливий-

ды могли принять лишь одну тактику: бежать. Итак, Египту грозили со всех сторон.

Рамсес III уже не видел ни малейшей возможности сохранить мир, и первые удары не захватили Египет врасплох. В войско фараона произведен большой рекрутский набор в дополнение к нубийским наемникам и ополчению, поднятому жрецами Амона. К профессиональным воинам присоединились многочисленные новобранцы. Из-за серьезности положения призывали многих ветеранов. В войске служило немало чужеземцев-наемников: ливийцев, азиатов, шердани; им придется сражаться с братьями по крови.

Период крупных столкновений начался войной против Ливии. В этой стране конец хаосу положило племя машауашей, соединившее под своими знаменами другие кланы. Рамсес III хотел навязать ливийцам своего ставленника, ливийского вождя, воспитанного в Египте. Это стало каплей, переполнившей чашу. Фараон сам толкнул ливийцев к мятежу. Они вновь пытаются вторгнуться в Египет, ибо теперь располагают более крупными и сплоченными силами, чем раньше. Войско фараона выступает поразительно быстро, одерживает полную победу и захватывает множество пленных.

Но у египетского войска не было времени почивать на лаврах. Стычка с ливийцами была сущим пустяком по сравнению с тем натиском, который предстояло выдержать стране, любимой богами. С севера вторгаются народы моря. Они полны решимости обосноваться в самых богатых зонах Дельты. Это настоящее переселение народов. Вместе с воинами шлук их жены, дети, гнали скот. Весь этот люд со своим скарбом движется на телегах, запряженных быками. Любопытно, что как в рядах завоевателей, так и в рядах египтян сражаются шердани.

Складывается ужасное положение: индоевропейцы вторгаются одновременно с моря и с суши. Когда фараон прибывает на фронт, он не скрывает правды от офицерства. На карту поставлена судьба страны. Захватчики сметаюг все на своем пути. Ни враги, ни друзья Египта не смогли их остановить. Конечная цель захватчиков — Обе земли. Но ведь Рамсес III не простой смертный, он царь-бог, вера в его сердце не иссякает. Он загонит врага в западню, как ловец заманивает птиц в ловчую сеть. Принимаются все пре-

досторожности. Сам царь осматривает арсенал, проверяет оружие нападения и защиты: луки, мечи, пики, племени, доспехи.

Хорошо охраняемая сухопутная граница выдерживает удар. Однако большая часть вражеского войска пытается прорваться в Египет через устье Нила. Рамсес III действует как великолепный стратег. Хотя египтяне при речных перевозках всегда использовали разнообразные плавучие средства, крупными военноморскими силами фараон не располагал. И вот Рамсес III строит большой флот, чтобы обрести силу для сопротивления агрессору. Быстро сооруженные суда носили названия типа «Дикий бык» и тому подобные, на носу кораблей вырезали голову льва, пожирающую врага. Матросам дан такой же статус, как пехотинцам. Вышее офицерство подчиняется адмиралу, а последний — самому визирю. Одному из членов экипажа отводится решающая роль, он как бы «зачищник». Ему надлежало обрубить мачту вражеского судна, пока египетские лучники осыпали стрелами противника, вооруженного только мечами.

Войдя в устье Нила, захватчики оказываются перед заслоном боевых кораблей. Некоторые из них достигают более шестидесяти метров в длину. Начинается первое в истории Египта большое сражение на воде. Строй судов, куда входят галеры и лодки, оказывается непреодолимым. Не удовольствовавшись обороной, египтяне переходят в наступление. Они сражаются, как львы. Флот поддерживает пехота. Лучники поистине творят чудеса. Рамсесу III, вероятно, удался великолепный обходной маневр. В результате атакующие оказываются как бы в верше и не могут из нее выбраться. Египтяне бросаются на abordаж. Множество противников убито, множество захвачено в плен. Вражеские корабли переворачиваются, тонут. Уцелевшие враги бегут. Некоторые из оставшихся в живых впоследствии стали пиратами. Семьи филистимлян, избежавшие резни, оседают в Палестине и дают ей свое название.

Рамсес III может гордо заявить: «Что до тех, кто достиг моих границ, их племя не существует более». Фараон действительно спас страну и народ. Ни один другой царь не отвел от Египта такой грозной опасности, как он. Даже через тысячу лет в текстах эпохи Птолемея говорится о завоевателях, пришедших с

островов, и о трудной победе египтян. Согласно интересной гипотезе французского египтолога Сержа Селлерона, жрецы Саиса, рассказывавшие Платону об Атлантиде, полагают в символической форме именно эти события¹.

После такого триумфа Египет мог бы повернуть в затмение, если бы не ливийцы, которые не сложили оружия. Они овладевают западной частью Дельты. Ливийское войско направляется к Мемфису. Но не убыло решимости и у Рамсеса III. Олицетворяя справедливость перед лицом нечестивости, порядок перед хаосом, он побеждает врага, и тот в ужасе обращается в бегство. Ливийские войска смешались и в беспорядке бежали, египтяне преследовали их на протяжении многих километров. Они захватили в плен ливийского вождя по имени Капер, человека преклонного возраста; много мужчин, женщин и детей его народа. Пленные стали в Египте пастухами или выполняли черную работу. Некоторым удалось подняться по социальной лестнице. Ливийцы не смогли утвердиться в Египте военным путем, но они основали на его земле поселение, которое постепенно стало государством в государстве. Век спустя ливийцы, став воинами египетского войска, с которым некогда сражались, даже сумеют захватить власть в Египте.

Победа над ливийцами, победа над народами моря... Рамсес III начинает мечтать. Разве он, образцом которому был Рамсес II, не сможет стать победоносным полководцем? Неужели не сможет перейти в наступление после того, как ему пришлось так долго обороняться? Не учит ли прошлое, что Обе земли защищены от вторжения, когда Египет идет с мечом в Азию? Вновь уверовав в могущество своего государства, Рамсес III начинает осуществлять свои надежды. Он берет четыре крепости в Сирии и одну в стране Amor. Некоторые из них были заняты хеттами, бывшими союзниками египтян.

Трудно сказать, дошел ли Рамсес III до Евфрата. Но походы в Азию, конечно, не удовлетворили его тщеславия. Например, палестинское побережье оставалось в руках филистимлян. В Сиро-Палестинских землях продолжались волнения. Можно даже усомниться в исторической реальности похода в Азию, ибо

Рамсес III, приказав ваятелям увековечить свои победы, часто просто-напросто копировал сцены сражений Рамсеса II. Тем не менее в намерения этого фараона входило хотя бы частичное восстановление египетской империи в Азии. Но Египет уже был бессилён изменить или хотя бы контролировать международное положение. Основопологающие ценности царства фараонов сохранились, но внешний мир разительно переменялся. Средиземноморье перестало быть замкнутым мирком. Оно превратилось в арену вторжений, столбовую дорогу миграций, переселений, зону экономических и социальных потрясений. А Египет все более и более превращается в особый, изолированный регион, который жаждут поработить воинственные народы. В эпоху Рамессидов Обе земли уже не так спаяны. Дельта поддается средиземноморским влияниям, а Верхний Египет замыкается, обособляется, бережно храня исконные традиции.

Совсем неплохо идет в Египте торговля. В стране снова возник интерес к этому занятию. Шли караваны в сторону Пунта, добывали медь и бирюзу в рудниках Синая.

Нубией правили египетские чиновники, строго державшиеся своих обычаев. Дороги пустыни тщательно охранялись. Иногда применяли магические средства: вспомним о защитительной статуе, найденной у дороги, ведущей к Суэцкому перешейку. Эта фигура и впрямь охраняла караваны, ограждая путников от укусов змей и скорпионов.

Рамсес III украшает Фивы. Он строит в Карнаке храм в честь Амона-Ра. Чтобы сохранить внутреннее единство страны, царю приходится опираться на фиванское жречество. Поэтому фараон обогащает владения Амона, даруя ему скот, поля, виноградники. Папирус, устанавливающий имущественное положение великих египетских храмов, показывает, что храмы Фив занимали среди них первое место: в Карнаке Амону служило более восьмидесяти тысяч человек. Жрецам принадлежало более четырехсот садов, около двух с половиной тысяч квадратных километров полей. Крестьяне десятков деревень обрабатывали храмовые земли. Два других больших храма — храм Геллополя,

где было около тринадцати тысяч работников, и храм Мемфиса, где их было около трех тысяч. Фивы владели более чем четырьмястами тысяч голов скота, Гелиополь — сорочка пятью тысячами, Мемфис — десятью тысячами.

Возникают большие затруднения в связи с наполнением царской казны. Жречество проникает во все части государственного механизма, неуклонно ослабляя реальную власть царя. Слишком много земель освобождены от налогов и податей. Похоже, что Рамсес III пытался преобразовать общество, но пока невозможно точно сказать, какие методы при этом использовались и к каким результатам они привели. Кое-кто предполагает более строгое, чем прежде, разделение на «классы», приведшее к усилению элиты и к недовольству среди большей части населения.

Появляются симптомы социального распада. Самый показательный из них — забастовка ремесленников в Дейр эль-Медине, мастеров по строительству гробниц в Долине царей. Не получая положенного им пропитания, они отказались работать и грозили даже покинуть поселение, где проживали, и больше туда не возвращаться. Обстановка становилась напряженной. Власти пытаются успокоить элиту ремесленников. Но мастеров уже не раз обманывали, и они больше не довольствуются обещаниями. Ремесленники отправляются в Рамессеум, чтобы заставить власти выслушать свой протест, но сталкиваются с полицией. Жрецы пытаются урезонить мастеров, требования которых совершенно конкретны. Они говорят: «У нас нет одежды, нет масла, нет рыбы, нет овощей. Пусть уведомят об этом фараона и визиря». Власти получают инструкции у двух самых важных лиц государства, и обещанное продовольствие наконец доставлено. Но уже в следующем месяце работникам в Дейр эль-Медине снова не дали продовольствия. И вновь забастовка. На этот раз вмешивается сам визирь. Он с гордостью заявляет: «Моя задача давать, а не отнимать». Подобные инциденты показывают, что экономическая машина начинает давать сбой.

По некоторым сведениям, визирь Нижнего Египта даже подстрекал к государственному перевороту в Атрибисе, чтобы захватить власть и оказать противодействие растущему влиянию жрецов. Но переворот не удался, и визирь получил отставку.

Очаровательные сцены на рельефах храма в МедINET Абу изображают Рамсеса III в гареме, окруженного наложницами, на которых всей-то одежды — только сандалии да ожерелья. Многие женщины гарема были чужеземными царевнами, присланными в Египет в залог дружбы. Гарем эпохи фараонов ничуть не напоминал темницу. Скорее это государственная организация, имеющая значительный бюджет и управляемая специальными писцами.

Именно в этом с виду мирном месте, предназначенном для утех, в конце царствования Рамсеса III созрел заговор, целью которого было свержение царя². Документ, который рассказывает о «гаремном заговоре», очень странен. Этот великолепный папирус хранится в музее Турина. Повествование ведется от лица Рамсеса III, он сам объясняет, что произошло. Дело оказалось таким темным и запутанным, что царь не поручил его обычному суду, а для тщательного расследования приказал нескольким приближенным составить специальную юрисдикцию. Оказалось, что близкие царя намеревались свергнуть его и, вероятно, даже убить. Заговор родился в гареме. Одна из женщин вовлекла в него своего брата, командующего войсками в стране Куш. Он должен был послужить главной пружиной интриги и предоставить ее участникам военные силы, чтобы довести их план до конца. Гарем, о котором идет речь, был не столичным гаремом, а сопровождающим царя при переездах. Заговорщики широко применяли черную магию: изготавливались фигурки из воска, на которых надписывали текст, предназначенный для наведения порчи на царя. Душой козней была, несомненно, одна из жем фараона, ослепленная тем, что не увидит своего сына на троне, и пытавшаяся добыть для него власть такими гнусными средствами.

Злоумышленники не сумели сохранить тяжкую тайну: пополали слухи. Царя предупредили, и он приказал арестовать подозреваемых. Находят около тридцати замешанных в заговоре и разделяют их на пять групп в зависимости от тяжести вины. Рамсес III требует: «Пусть преступление, в котором они виновны, падет на их головы». Дав полную власть назначенным им судьям, царь велит им быть беспри-

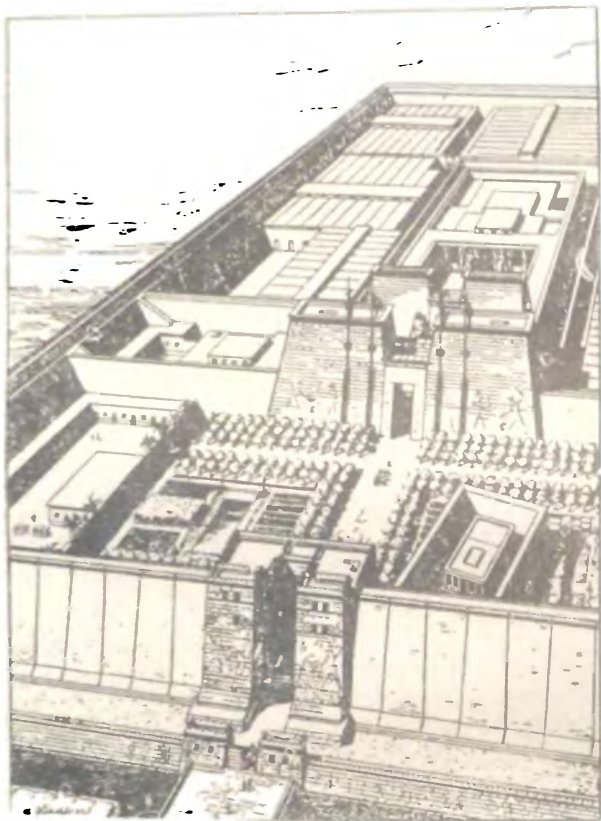
страстными. Фараон не должен быть ни слишком суровым, ни несправедливым. Жестоко раненный предательством в собственной семье, которой он полностью доверял, царь ничего не хочет знать о приговорах.

Процесс был сложным. Обвиняемые выступали не под своими именами, а под прозвищами вроде «Ра его ненавидит» или «Этот слепой слуга». А ведь для египтянина имя — это живое существо. Таким образом, применяют магическое действие, которого достаточно, чтобы показать всю низость заговорщиков. Некоторые из членов комиссии по расследованию обещивают себя: привлеченные чарами жещин гарема, они вступают с ними в любовные связи. Это выходит наружу. Из судей эти люди без промедления становятся подсудимыми. Рамсеса III постигает новое разочарование: его окружение, оказывается, совсем не заслуживает доверия. Наконец, в результате простейшей процедуры — вызов обвиняемого, оглашение его гражданского состояния и главных пунктов обвинения — выносят приговоры. Четверым определена смертная казнь. Известен способ приведения ее в исполнение: самоубийство. Осужденного оставляли одного в зале суда, где он карал себя сам. Другим отрезали носы и уши.

Остается неясным, удался ли заговор, убили ли царя? Текст папируса представляет дело так, будто Рамсес III вмешался вовремя. Но может быть, это просто литературный прием? Скорее всего царь скончался, когда шел процесс. Мумия Рамсеса III, найденная в тайнике в Дейр эль-Бахри, принадлежит человеку приблизительно шестидесяти лет, и на ней нет следов ранений.

* * *

В районе Фив Рамсес III построил восхитительный «дворец миллионов лет», поминальный храм Меджет Абу. Для храма выбран холм Джеме, святое место на западе Фив, где в начале времен появился Амон. Работы шли всего около двадцати лет, что свидетельствует о большой экономической мощи и предполагает прежнее владение ремеслом мастерами и работниками. Следует подчеркнуть, что одновременно работы велись в Карнаке, Абидосе, Гелиополе, Мемфисе и других местах.

Храм Рамсеса III в Мединет Абу
(реконструкция)

Стена из кирпича-сырца, приблизительно 310×210 м, защищала храм. Он напоминал крепость — великолепный символ Египта времен Рамсеса III, вынужденного обороняться против внешних врагов. Именно здесь фараон подтверждает в прекрасных рельефах свои победы. Из дворца, составлявшего часть обнесённого стеной священного места, он с любовью правил страной. В колоссальном здании было не меньше трех гипостильных залов. И на всех рельефах царь обращает противника в бегство. Сцены славят его триумф.

В этом месте заключена магическая сила, чувствуется желание сделать храм талисманом, хранящим Египет от всех бед.

Мединет Абу знаменит своеобразием архитектурных решений. Одна из его особенностей — «царский павильон», который представляет собой не что иное, как монументальный вход в стиле азиатских крепостей. В фасадной части дворца, где находилась резиденция царя и его двора, было устроено «окно явлений». Там фараон появлялся во время военных парадов, разворачивавшихся в первом дворе. С этого балкона Рамсес III также раздавал награды своим верным слугам.

Мединет Абу — это и множество часовен, где обращались к горнему миру и приносили жертвы богам. Здесь высечен ритуальный календарь, навешанный календарем Рамессеума. В нем упоминаются празднества бога потустороннего мира Сокара-Осириса и «выход Мина». Большая часть изображений, посвященных военным темам, восходит непосредственно к военным сюжетам Рамсеса II. Так фараон воздает дань уважения своему славному предку и напоминает о его могуществе.

Номинальный храм Рамсеса III — это настоящий город с культовыми зданиями, садами, озером, жилищами для жрецов, мастерскими. Все здесь производит впечатление необъятности. В своем пристрастии к колоссальному Рамсес III ничуть не уступает тому, кто был ему примером для подражания — Рамсесу II. Ему выпала на долю огромная радость увидеть этот храм законченным. Храм оставался невредимым до 383 г., до эдикта Феодосия. Затем началось его разрушение, законченное христианами, обосновавшимися даже внутри стены. Их изгнали оттуда во время арабского нашествия. Но Мединет Абу грозил худший жребий: новые завоеватели превратили храм в каменоломни. Лишь передняя часть, то есть пилоны и дворы, дошла до нас в хорошей сохранности. Внутренняя часть храма разрушена.

Гробница Рамсеса III, протянувшаяся в длину на сто двадцать пять метров, — отражение деяний последнего великого фараона. О его хозяйственной деятельности рассказывают сцены хлебопечения, изображения боев, сельских работ; комната, где представлено оружие: мечи, луки, колчаны, напоминает о том, какое значение имела для фараона война; мебель и различ-

ные предметы обихода говорят о жизни ремесленников; наконец, многочисленные религиозные и мифологические сюжеты подчеркивают функции царя-жреца.

Большой любитель садов, деревьев, цветов, приказавший насадить множество виноградников в нескольких областях Египта, великий строитель, Рамсес III царствовал образцово, достойно своих славных предков. Благодаря его трудам Египет остался мощным государством, хотя уже и не был владыкой мира.

Глава XIX

НЕКТАНЕБ II, ПОСЛЕДНИЙ ФАРАОН-ЕГИПТЯНИН

Нектанеб II не был великим фараоном. Но он заслуживает места в нашей галерее портретов, так как был последним фараоном-египтянином, последним звеном длинной династической цепи, начатой Менесом.

Между окончанием царствования Рамсеса III и началом правления Нектанеба II прошло около восьмисот лет. Египет пережил упадок Рамессидов. С 1153 по 1070 г. до н. э. восемь царей носили знаменитое имя Рамсеса, но никто из них не вернул империи прежнего блеска. С 1070 по 715 г. до н. э. Египет переживает Третий переходный период (XXI—XXIV династии)¹. С 715 г. до н. э. начинается Поздний период, закончившийся в 332 г. до н. э. с завоеванием Александра Великого. Египет, несмотря на несколько взлетов, так и не достигает прежнего могущества. Разумеется, появляются крупные политические фигуры, но фараоны уже не имеют такого сильного войска, как их предшественники, и вынуждены порой поступать властью внутри страны, ибо антагонизм между севером и югом ставит очень острые проблемы. Приходят тяжелые времена и для экономики страны. Претерпевает изменения религия, углубляется пропасть между верованиями простонародья и кругов посвященных. Египет уже не в состоянии проводить блистательную внешнюю политику. Хуже того, он переживает несколько нашествий, в результате которых становится покоренной страной. И все же, вопреки всем этим несчастьям, священное понятие «фараон» не исчезает. Даже иноземные владыки, правящие Обеими землями, вынуждены возлагать на себя венцы фараонов и выполнять обряды предков, ибо фараон — душа Египта.

История этого беспокойного периода очень сложна. В настоящее время эта эпоха входит в круг интересов

многих египтологов, что обуславливает ежегодный прогресс в изучении династий угасающего Египта. Описание этого времени потребовало бы целой книги. Когда Нектанеб II взошел на трон в 360 г. до н. э., он столкнулся с труднейшей ситуацией. Его предшественник Теос бежал из Египта, потерпев серьезное поражение от персов. Нектанеб был в это время воином в Сирии. Он немедленно вернулся в родную страну, которой грозила гражданская война. Теос утратил популярность из-за дополнительных налогов, введенных, чтобы получить средства на вооружение армии. Нектанеб подавил мятеж, заставил местных князьков признать его власть и сделался фараоном.

Некоторое время ради сохранения независимости Египет держался союза с греками. Персидское завоевание (525—404 гг. до н. э.) оставило глубокий след в памяти народа. Фараоны тридцатой и последней династии, правившей с 380 г. до н. э., по-разному вели дела с греками.

И все же эта династия воспользовалась мирной атмосферой и относительной экономической стабильностью, чтобы начать большую программу строительства. Нектанеб II стремился строить и восстанавливать храмы. Работы разворачиваются в Мемфисе, Бубастисе, Абидосе, Карнаке, Эдфу, на Филе. До XXX династии остров Филе покрывали зеленые заросли, терявшиеся среди водной глади. Теперь же там возвышается восхитительный храм Исиды. Неподдалеку расположен остров Бигге, где находился Абатон, священная земля Осириса. Именно в этих местах египетская религия больше всего сопротивлялась христианству. Храм на Филе оставался последним открытым в Египте храмом.

Египет больше не великое государство. Но он научился познавать внешний мир. Не его ли моряки пускались в далекие, трудные плавания, не они ли прокладывали пути от Красного моря до самых островов Зеленого мыса? Египтяне рассказывали, как удивились они, обнаружив, что солнце восходит справа. Обе земли поддерживали тесные экономические связи со многими странами. Египтяне прорыли канал, названный «каналом двух морей» — первый канал через Суэц, идея которого восходит ко временам Сенусерта. Фердинанд де Лессепс вдохновлялся этим древним образцом, но изменил план канала².

Нектанеб II, миролюбивый, благочестивый монарх, был возвращен к жестокой действительности персидским царем Артаксерксом III, когда тот в 351 г. до н. э. напал на Египет. Египетское войско, усиленное греческими наемниками, сумело его отбросить. Фараон не может сидеть сложа руки. Он подстрекает мятежи против Персии, в частности в Финикии. Но его планы провалились, попытки восстания были безжалостно подавлены. Царю персов давно надоело сопротивление Египта.

В течение зимы 343/42 г. до н. э. Артаксеркс III посылает против Египта огромное войско из трехсот тысяч человек и флот, насчитывающий более трехсот судов. Он почти втрое превосходит флот фараона. Нападение началось и на море, и на суше. Силы были неравны. Персы вторглись в Дельту, захватили административную столицу Египта Мемфис. Нектанеб II укрылся на юге Египта, пытаясь собрать последние силы. Вторая волна персидского наступления покати-лась на юг, чтобы уничтожить все очаги сопротивления. Захвачен весь Египет. Большой ущерб нанесен храмам. Чужеземное ярмо очень тяжело.

Неизвестно, как умер Нектанеб, последний египетский фараон, великий строитель и неудачливый воин. Скорее всего он кончил свои дни в Нубии. 343 год до н. э. был последним, когда на «троне живых» сидел фараон египетской крови.

ценнослужителями. Население с трудом мирилось с греческими царями. В районе Фив таплился скрытый очаг восстаний. Полиция Птолемея подавила несколько возмущений. Народ же более всего доверял словам жрецов, подстрекавших к мятежам. Хранители древней веры имели большой авторитет среди местного населения. Поэтому греческие цари решают сделать их более сговорчивыми, даровав значительные материальные преимущества. Жрецы, владельцы храмов и относящихся к ним земель, получили эдиктом от 118 г. до н. э. право оставлять за собой все доходы. Более того, им предоставляют кредиты на строительство храмов.

Поэтому при Птолемеях египетское жречество вместо того, чтобы подстрекать к политическим волнениям, занято возведением великолепных святилищ в Эдфу, Дендере, на Филе, в Эсне, Ком Омбо — это перечень только самых известных храмов; часть из них великолепно сохранилась. На стенах этих святилищ высечены тексты, представляющие исключительный интерес. Верхний Египет, далекий от перипетий истории, которые и впредь минуют его, посвящает себя увековечению традиций инициаций и разнообразных таинств. Жрецы занимаются глубочайшими умозрительными построениями по поводу религиозной символики, иероглифического письма, различных версий о сотворении мира.

Когда в 69 г. до н. э. родилась Клеопатра, от империи Птолемея осталось одно воспоминание. Ее отец правил в Египте лишь с разрешения и по воле Рима. Цезарь, Красс и Помпей обратили взоры в сторону Египта, чтобы попытаться разрешить свои экономические затруднения. Когда Птолемей Авлет приехал в Рим за помощью, необходимой, чтобы урегулировать семейные неурядицы, он подкупил могущественных лиц, в том числе самого Цезаря. Царь Египта становится другом и союзником римского народа. В Александрию посылают гарнизон. Его финансирует римская внасть.

Клеопатра в семнадцать лет непреодолимо жаждет царствовать. У нее цельный характер. Она не любит советов и полагается только на свою интуицию. Естественно, она навязывает свою волю другим. Она больше рассчитывает на свое обаяние, чем на красоту, которая, по-видимому, не была столь уж неотразимой.

В отличие от других Птолемеев Клеопатра глубоко любит Египет, знает его язык. Более того, вопреки воспитанию, основанному на греческой культуре, она небезразлична к мистериям египетской религии. Эта женщина — символ эллинизированного, рафинированного Востока, она ведет себя, как последовательница и носительница древних традиций перед лицом римских варваров. Окруженная философами, медиками, историками, обитавшими в Александрии, где идет насыщенная духовная жизнь, Клеопатра верит в некое пророчество, нарекавшее ее властительницей всего Востока.

Не раз, осуществляя свою политику, царица напоминает о своей божественной сути, используя древние богословские представления о власти фараонов. Ее дезроть иногда просто поражает: она считает возможным использовать Рим, чтобы достичь своих целей. Эта затея, возможно, не столь уж безумна, как могло показаться.

Клеопатра не может управлять единолично. Она вынуждена делить престол со своим юным братом — тринадцатилетним Птолемеем. Настоящий же хозяин дворца — грек Потин. Он обращает мало внимания на притязания молодой девушки, не имеющей никакого политического опыта. Но перед несокрушимой волей Клеопатры ему приходится пойти на своего рода регентство и раздел власти. Потин ищет поддержки у войска и намерен с его помощью отделаться от интриганки. А Клеопатра начинает познавать международную жизнь. Она решается войти в контакт с римлянином Помпеем. В римском гарнизоне Александрии начинаются сильные волнения. Клеопатра приказывает арестовать убийц, рассчитывая, что этот жест будет оценен Помпеем, которому, кроме того, посылает зерно сверх причитающегося и разнообразные подарки. Но римлянин оставляет все без внимания. А население столицы проявляет сильное недовольство поведением царицы.

Римский мир изменяется. Настал час открытого столкновения между Помпеем и Цезарем, объявленным врагом республики. Посланцы Помпея являются в Александрию. Они требуют у Клеопатры военных кораблей, и она их дает. Но положение царицы непрочное. Зреет заговор, подстрекаемый Потинном. Клеопатре приходится спешно бежать из Александрии и укрыться в Фивах-

де, а потом в Сирии. В этом году — 48 г. до н. э. — ее мечты о величии рассыпаются в прах. Единственным властителем Египта становится ее брат Птолемей.

Клеопатра, однако, не признает себя побежденной. Она собирает жалкое войско из рабов, преступников и дезертиров. Вскоре на пути ее войска встречается армия, поднятая ее братом. Клеопатра не осмеливается вступить в бой. Казалось бы, все погибло. Но она выпутывается благодаря событиям, происшедшим в Египте. 9 августа 48 г. до н. э. Помпей потерпел поражение в битве при Фарсале в Фессалии. После долгих блужданий, принесших ему одни разочарования, он прибывает в Александрию. Некогда он оказал гостеприимство Птолемею Авлету и надеется, что его сын окажет ему ответную услугу. Молодой Птолемей, конечно, принимает его, но лишь затем, чтобы убить. Помпея закалывают кинжалом в лодке, на которой он плывет от своего корабля к Пелусию. Его убийца, римлянин, отрезал ему голову и на копье поднес ее царю Египта. Птолемей надеялся таким способом снискать расположение Цезаря.

Цезарь во главе большого флота, в свою очередь, входит в Александрию. Он оплакивает трагическую судьбу Помпея, но новые замыслы быстро заглушают печаль. Он старается разрешить конфликт между Птолемеем и Клеопатрой, а главное — вернуть обратно деньги, которые одалживал их отцу. Цезарь является в полупустой дворец. Птолемей находится в Пелусии. Цезарь здесь непрощенный гость. Придворные не обращают внимания на его поступки.

Победитель галлов с изумлением открывает для себя столицу Египта. Улицы полны разноязычного народа, кипит торговля. Он начинает понимать, что страна производит огромное количество зерна, которое может пригодиться, чтобы решить большую часть продовольственных проблем Рима. Он посещает знаменитую библиотеку, музей, где обсуждаются философские вопросы, заходит в храм Сераписа³. Но население столицы плохо переносит присутствие римлян. Враждебность к ним прямо-таки осязаема. Цезарь удваивает личную охрану. Наконец, в Александрию возвращается Птолемей и его советник Потин. Встреча отнюдь не безоблачна. Цезарь удивлен: почему же нет Клеопатры? Он желает ее видеть. Потин лукавит, колеблется. Властный римлянин запрещает ему покидать столицу

Клеопатра узнает, что Цезарь желает с ней беседовать. Это ее последний шанс. Но у нее нет никакой возможности действовать официальным путем, и она идет на хитрость. Ей удается добраться до Александрии и попасть во дворец весьма оригинальным путем: один из приближенных заворачивает ее в роскошный ковер и взваливает на плечо. «Это подарок Цезарю», — говорит он охране. Изумленный Цезарь видит перед собой очаровательную молодую женщину двадцати одного года от роду. Нет, не столько ее красота, сколько утонченная изысканность зажжет в римлянине любовь. Клеопатра умна, образованна, великолепно одета и накрашена. Живой символ Востока, она умеет вести игривый и захватывающий разговор, болтает на дюжине языков. «Наслаждение слышать ее голос, — говорили о ней. — Ее язык подобен многострунной лире».

Цезарь-солдат очарован. Юный Птолемей в бешенстве. Александрия негодует. Брат называет Клеопатру продажной девкой. Но Цезарь располагает копией заветания Птолемея Авлета и выносит постановление: брат и сестра должны вступить в брак и царствовать совместно. В качестве свадебного подарка он подносит молодоженам остров Кипр. Клеопатра счастлива. Конец отчаянию, солдце снова возшло на ее горизонте.

Потин, беззаветно преданный Птолемею, пытается поднять население Александрии против Клеопатры. Он считает гражданскую войну единственным способом спихнуть ее с трона. Но у молодой женщины есть своя сеть информаторов. Новый заговор грека раскрыт. Царица приказывает арестовать и казнить Потина.

Клеопатра заняла слишком далеко. Народ уязвлен. Возникают более или менее спонтанные бунты. Римский гарнизон и корабли Цезаря подвергаются нападениям. Нельзя сказать, чтобы Цезаря застали совсем врасплох, но ему стоило большого труда избежать западни. Он поджег собственные корабли, и пожар расстроил ряды противника. Предание утверждает, что Цезарь спасся вплавь, потеряв даже свой пурпурный плащ, отличительный знак полководца.

Население Александрии разделяется на тех, кто хочет мира и желает покориться Цезарю, и тех, кто

жаждет войны в поддержку Птолемея. При содействии Митридата Пергамского Цезарю не составило труда победить египетское войско. В марте 47 г. до н. э. Птолемей проиграл сражение, а сам утонул.

Клеопатра лкует. Но Египет все еще не принадлежит ей. Александрия не согласится на то, чтобы страной правила женщина, тем более что существует наследник трона. Она обязана хотя бы формально разделить с ним власть. И еще одна забота одолевает ее: она беременна и просит у Цезаря помощи и защиты. Чтобы римлянин открыл для себя Египет, она отправляется с ним в плавание. Любовники поднимаются вверх по Нилу в сопровождении четырех сотен кораблей. Их восторженно принимают в Верхнем Египте, где Клеопатра руководит несколькими религиозными церемониями, в том числе «интронизацией» нового быка Бухиса, священного животного города Гермонтиса.

Царица делит трон с одиннадцатилетним Птолемеем XIV. Когда Цезарь отправляется к театру военных действий, летом 47 г. до н. э. Клеопатра производит на свет Птолемея-Цезаря, которого народ Александрии в насмешку нарекает Цезарионом (букв. «цезаренок»). Ребенка, однако, объявляют сыном Амона-Ра, который, как в древние времена, перевоплотившись в человека, а именно в Цезаря, даровал царице сына. На монетах Клеопатра представлена Афродитой, а ее сын — Эротом. Царица убеждена, что ему суждено великое политическое будущее и что Египет снова займет свое исконное место среди народов. В основе ее политики лежит древний фараоновский миф: она — Исида, давшая жизнь Хору. Ее оплодотворил бог. Грядущее может быть только грандиозным.

Осенью 46 г. до н. э. Цезарь привозит Клеопатру в Рим. Она остается там до 15 марта 44 г. до н. э., то есть до дня убийства своего возлюбленного. Царица Египта обосновалась в садах Цезаря (ныне дворец Фарнезе). Народ не любит ее. Ее считают чужеземной чародейкой, околдовавшей властителя Рима. Тем не менее Клеопатра пускает в ход все свои чары. У нее блистательный двор, ее окружают эрудиты, поэты, музыканты. Но добродетельные римские матроны презирают эту женщину, ведущую позорную жизнь. К тому же она ссорится с одним из своих

и клеоников — Цицероном. Он любил поговорить с царицей о восточной культуре и даже просил ее показать ему древние рукописи. Клеопатра обещала, но не сдержала слова. Обманутый Цицерон пустил в ход все коварство, на какое только был способен. Он распустил слух, что знания царицы поверхностны, что она не способна долго интересоваться одним предметом, что она пуста и легкомысленна. Короче, он ее возненавидел.

Египетская царица, верная своей мечте, пытается убедить Цезаря, что ничто великое не может совершиться без участия Востока, а ключ к Востоку — Египет. Она предлагает соединить египетскую монархию с несравненным престижем Римской Республики. Цезарь мог бы получить «наследственные права фараона», заставив Александрию признать себя сыном Амона.

Начались разговоры. Поползли всевозможные слухи. Разве Цезарь не одевается как эллинистический суверен? Не намерен ли он перенести столицу в Александрию в ущерб Риму? Не собирается ли жениться на чужеземке, презирая принятые нормы морали?

Клеопатра переходит границы дозволенного. Окружая себя таинствами Египта, она хочет, чтобы ее считали богиней. Когда в храме Венеры ставят ее золотую статую, разражается скандал. После долгих совещаний Сенат решил спасти республику. Мания величия Цезаря, который готов поддаться на любые льстивые речи, представляет опасность для государства. Диктатора убивают, и Сенат оправдывает преступников.

Клеопатре пришлось без промедления бежать из Рима. Ее жизнь под угрозой. Цезаря нет, все без стеснения, открыто поносят ее. Царицу постигает жестокое разочарование: в завещании наследником назван не Цезарион, а внучатый племянник диктатора Октавиан. Возвращение царицы в Александрию встречено полным равнодушием. Свирепствует нужда, государством управляют из рук вон плохо. Налогоплательщики, измотанные податями, направляют во дворец многочисленные жалобы. Тут Клеопатра проявляет себя как истинный глава государства. Она смягчает неравенство и устанавливает более справедливое налогообложение. Преуспев в стабилизации

экономики страны, она приобретает большую популярность. Ее соправитель Птолемей XIV умирает. Подозревают, что он был убит. По закону царица должна взять нового соправителя, Птолемея XV, которому три года от роду. Руки царицы развязаны.

Политические разногласия в Риме заканчиваются 27 ноября 43 г. до н. э. образованием триумvirата, в который входят Антоний, Лепид и Октавиан. Эти трое делят империю. Антоний отбывает на восток, чтобы найти там покой и отдохновение. Ему около сорока лет. Он профессиональный воин, красивый, мужественный, человек холерического темперамента, любит роскошь, ценит женщин и легкую жизнь. На поле сражения он прекрасно управляется с людьми, но в политике не очень ловок. Он своенравен, не любит размышлять над отвлеченными задачами, государственные дела наводят на него тоску. Его влекут лишь удовольствия и активная деятельность. Всюду к нему проявляют большое почтение. Антоний удивлен тем, что, в то время как его войска сражаются в Азии, Клеопатра не спешит проявить верноподданнических чувств. Царица колеблется. На кого сделать ставку? На Октавиана или на Антония? Она не знает ни того, ни другого. Было бы хорошо выждать какое-то время, разведать их намерения. Но Антоний выходит из терпения. Его обидчивость хорошо известна. Слегка завуалированные угрозы заставляют Клеопатру сделать выбор.

Однажды утром 41 г. до н. э. судно царицы Египта появилось у Тарса, где находилась резиденция Антония. Клеопатра обладает необычайным чутьем к зрелищности и умеет себя подать. В наряде Афродиты появляется она на носу корабля. Мальчики, играющие роль эротов, обмахивают ее опахалами, а танцовщицы в пурпурных одеждах из прозрачного газа и муслина довершают картину праздника. Антоний, находившийся на форуме, видит, как толпа бежит в порт, чтобы поглазеть на происходящее. Римлянин ослеплен, как и все прочие. Согласно протоколу ему следовало бы пригласить Клеопатру сойти на берег. Но она сама дает в честь Антония пышный обед; золотая посуда и пурпурные драпировки лишь мелкие штрихи в его роскоши. На следующий день, чтобы почтить великого воина, предлагается еще более потрясающая трапеза.

Клеопатре двадцать восемь лет. Антоний влюбляется в нее до безумия. Зимой 41/40 г. до н. э. он проводит возле царя, наслаждаясь праздниками и удовольствиями. Он уже не может обходиться без египтянки, без ее чар, ее образованности, ее идей. Клеопатра просит у него первой милости: головы своей сестры Арсиной, которая может стать препятствием ее политическим планам. Нет ничего проще. Теперь все братья и сестры царя устранены. Для нее и Цезарьона путь свободен.

Несомненно, Клеопатру и Антония соединяла истинная любовь. Она была олицетворением Востока, а он — силой, символом римского могущества. Жизнь царя не была богата любовными историями; она вовсе не была доступной женщиной. Политические притязания любовников совпадали, подкрепляемые их страстью. Они доверяли друг другу. Антоний любил александрийскую жизнь, чуть фальшивое очарование египетской столицы, ее роскошь, легкомыслие, ее культуру. Вольность нравов его не смущала; он не стремился защищать ценности римской морали. Кроме того, он любим народом, который ценит римлянина, так легко принявшего египетский образ жизни.

Клеопатра возит своего возлюбленного по Египту, они едут в Каноп, на Меридово озеро. Она приобретает Антония к песням и танцам, которые он оценивает по достоинству, старается посвятить его в атмосферу вечного праздника, когда в ожидании рассвета, возвещенного богом Солнца, пьют до приятного опьянения. В Александрии Антония называют «великим», «неподражаемым», «благодетелем». Его тщеславие удовлетворено.

Но царя Египта не почил на лаврах. Одной только любви ей недостаточно. Оздоровив обстановку внутри страны, она посвящает любовника в свои планы: речь идет о том, чтобы Египет вновь стал владыкой эллинистического мира. Поэтому Клеопатра вернула свободу денежной торговле и нарушила вечные монополии. Реформировала денежную систему, упразднив привилегии храмов, ликвидировав римские займы, она начинает смелую и действенную экономическую политику. Страна фараонов готова к новым завоеваниям. Но ей нужно войско. Войско же находится в распоряжении Антония.

Ступенчатая пирамида Джосера в Саккаре

**Хафра. Диоритовая статуя, найденная
в пирамидном комплексе в Гизе**

**Великие пирамиды в Гизе (вид с юга)
Слева направо: Менкаура, Хафра, Хуфу
На переднем плане пирамиды царя:**

Менкаура
Деталь статуи из его поминального храма
(Египетский музей, Каир)

Сенусерт III (Национальная галерея, Вашингтон)

«Белый храм» Сенусерта I в Карнаке

Менкаура с супругой
Статуя на пирамидном комплексе в Гизе
(музей Бостона)

Храм Хатшепсут в Дейр эль-Бахри

**Царица Хатшепсут.
Статуя, найденная в Дейр эль-Бахри
(музей Метрополитэн, Нью-Йорк)**

**Аменхотеп III. Голова колоссальной статуи.
Найдена в Фивах (Британский музей)**

**Царица Тие, супруга Аменхотепа III.
Найдена в руинах храма Хатхор
на Синайском полуострове (Серабит эль-Хадим)**

**Эхнатон (Аменхотеп IV). Деталь колоссальной статуи.
Найдена в Карнаке (Египетский музей, Каир)**

**Царица Нефертити, супруга Эхнатона
Найдена в Гель-эль-Амарне (Германский музей)**

Гуанхамон с супругой, парией Анхесенпаамон.
Фрагмент ларна, найденного в гробнице фараона
(Глизиетский музей, Канр)

Сети I совершает жертвоприношение божеству
Рельеф из его номинального храма в Абидосе

Рамсес II
Деталь статуи из Карнакского храма
(Туринский музей)

Луксорский храм — Колоссы Рамсеса II

Карнакский храм. Великий гипостильный зал.
Слева — колюсс Рамсеса II

Клеопатра, последняя царица Египта.
Рельеф из храма птолемеевского периода в Ком-Омбо

Гимназии понемногу уступают, отчасти еще и потому, что в течение 40 г. до н. э. между ним и Октавианом возникают трения. Кровавое столкновение уже неизбежно. Антоний и Октавиан встречаются осенью в городе Брундизий (совр. Бриндизи). Но оба воина не жаждут крови. Возможен лишь один выход — договориться. Условия договора таковы: Восток отходит к Антонию, Запад остается за Октавианом. Италия становится нейтральной зоной. Чтобы скрепить соглашение, Октавиан отдает Антонию в жены свою сводную сестру Октавию. Законная жена Антония Фульвия умерла, Клеопатру же Октавиан, придерживавшийся строгой морали, в расчет не принимает.

Зиму 39/38 г. до н. э. Антоний и Октавия проводят в Афинах. Молодая женщина хороша собой и умна, но слишком изысканна для своего мужа. Ей удастся на какое-то время отвлечь его от египетской царицы и улаживать его отношения с Октавианом. Антоний очень деятелен, он тщательно занимается своей азиатской армией, усиливает ее и строит большой флот. Общение с такими образованными женщинами, как Клеопатра и Октавия, делают его ум более требовательным. Он начинает покровительствовать философам. Эти похвальные усилия не мешают расти популярности Октавиана в ущерб его собственной. И Антоний начинает раздражаться. Отсутствие Клеопатры становится все невыносимее. Считая себя эллинистическим царем, он полагает, что обладает правом иметь двух супругов.

Зимой 37/36 г. до н. э. Антоний удаляет Октавию и вызывает Клеопатру к себе на Коркиру. Чтобы доказать свою любовь, он женится на ней. В 36 г. до н. э. Клеопатра рождает ему еще одного ребенка. Этот брак, наделавший много шума, выводит царицу на международную арену. Она требует у Антония Кипр, часть финикийских побережий и Сицилию. Таким образом, Египет становится во главе новой федерации эллинистических государств. Так Клеопатра закладывает первый камень новой империи.

Пока царица занимается новыми владениями, Антоний ведет кампанию против Парфин. Поход оказался поистине катастрофическим. Потеря множества солдат и оружия, предательство, дезертирство, болезни, плохое снабжение войска, беспорядочное бегство при отступлении... Все бедствия обрушились сразу.

Но Антоний не теряет присутствия духа. Он готов перейти в наступление и набирает новое войско. В народе ходят слухи, обвиняющие Клеопатру в колдовстве, в том, что она своими чарами лишила римлянина дара побеждать. Однако царица Египта прекрасно во всем разбирается. Враг — это не Парфия, а Октавиан, которому постоянно сопутствует удача. Единственным препятствием к достижению абсолютной власти остается для него Антоний. Октавиан ведет себя как истый римлянин, добродетельный и деятельный, тогда как Антоний в своей рассеянной жизни опускается до уровня «эллинистического Диониса». Октавия пытается сгладить конфликт между двумя мужчинами. Она прибывает в Афины и ожидает там Антония с деньгами и подкреплением. Ему предстоит сделать выбор между законной супругой-римлянкой и чужеземкой Клеопатрой. Все еще может уладиться.

Клеопатра чувствует опасность. От беспокойства она заболевает. Царица не переживет, если Антоний покинет ее. И он остается возле египтянки. Обманутая, убитая горем, Октавия одна возвращается в Рим. Она становится символом достойной, тяжело оскорбленной женщины. Поступок Антония судят очень строго. Но он как будто ничего не замечает. Им овладевает идефикс: завоевать Парфянское царство. Он захватывает Армению, чтобы иметь плацдарм для решающей атаки. Но к нему прибывает послание: Рим объявил Антония врагом республики и выражает неодобрение его военным действиям. Осенью 34 г. до н. э. он возвращается в Александрию. Здесь его ждет роскошный прием. Клеопатра празднует триумф Антония, причем он предстает в образе Диониса, а не римского военачальника. Торжественно провозглашается Восточная империя. Антоний и Клеопатра восходят на золотые троны, царственные дети у их ног. Их старший сын одет как парфянин — он получит в наследство Парфию, младший — как македонец. Цезарием унаследует египетский трон. Страны Востока будут поделены между Клеопатрой и ее потомством. Царица предстает в облике фараона: настал час ее торжества.

Грандиозная церемония, которая должна была произвести впечатление на умы, оставила Рим равнодушным. Антоний плохой дипломат, он высокомерен с теми, кто его критикует и не умеет использовать

поддержку, которая у него все еще есть в столице его предков. Конфликт с Октавианом неизбежен. Антоний и Клеопатра готовятся к войне. Армия Востока состоит из девятнадцати легионов — это приблизительно семьдесят тысяч человек. Флот царицы Египта насчитывает двести судов. Строят новый флот; общее число кораблей достигает восьмисот. Клеопатра успевает всюду. Ее видят и на стройках, и в казармах. Близость сражения подогревает ее энергию. Слава страны — ставка, которая требует всех сил. Она уже видит себя царицей Рима, хвастает, что вернет справедливость в Капитолий. Ее и Антония изображают в виде Исиды и Осириса, Селены и Диониса.

Однако как ни странно они теряют время. Весну 32 г. до н. э. они проводят на Самосе в роскоши и праздности. Антоний не решается напасть на Рим, хотя его войска и сильнее. Он посылает Октавию письмо о разрыве и провоцирует развод, что недостойно римлянина. Октавиан энергичнее своего соперника. Нарушив тайну храма Весты в Риме, он доводит до сведения народа документ, доказывающий, что Антоний по дешевке продал римские земли Клеопатре. После смерти он, римлянин, желает кремироваться в Александрии! Теперь уже не остается никаких сомнений: Антоний предатель. Некоторые требуют его смерти, другие считают его умалишенным и не отвечающим за свои действия.

Рим объявляет войну, но не Антонию, а Клеопатре. Это верх ловкости Октавиана: он избегает гражданской войны и посылает войско на справедливую борьбу против чужеземного врага. Он даже пробует в последний раз договориться и приглашает Антония приехать в Италию на переговоры. Клеопатра отговаривает Антония, подозревая ловушку.

Трудно объяснить выжидательную политику Антония и Клеопатры. Проведя долгие месяцы в Эфесе и Афинах, царица желает возвратиться в Египет. Антоний боязлив, медлителен. Он как будто не может ни на что решиться. Он одержим мыслью о победе над Парфянским царством, чтобы добиться реального преимущества на Востоке. Октавиан между тем действует. Он собирает в Бриндизи войска и готовится пересечь Адриатическое море. Антоний располагает ставку в Патрах и начинает стягивать войска из различных пунктов Азии. Они составляют огромную, но

разнородную и плохо вооруженную армию. Многочисленные легионы заняты наблюдением за порядком в Египте, Каренаяке, Малой Азии, Сирии и не могут принять участие в военных действиях. К тому же Антоний слишком уверен в превосходстве своих морских сил. Он даже не охраняет с моря большую часть своих кораблей и не препятствует соединению частей флота противника. Адмирал Октавиана Агриппа использует все его ошибки. Он опытен и меняет дислокацию своих сил, пока часть флота Антония стоит на якоре. Дисциплина в экипажах ослабевает. Не отдается никаких конкретных приказов для ее укрепления.

Военные действия начинаются весной 31 г. до н. э. Клеопатра ставит на карту судьбу Египта: будущее кажется ей грандиозным. Если Октавиан потерпит поражение, царица будет властвовать над огромной империей. К ее несчастью, Антоний оказался не на высоте положения. Выяснилось, что выбранное для лагеря местечко Акий непригодно для этой цели. Климат здесь нездоровый, продовольствие доставлять сложно. Флот Октавиана осведомлен об этих трудностях. Съестных припасов не хватает. Клеопатра, чтобы изменить создавшееся положение, предлагает Антонию дать сражение на море. Командующие сухопутными войсками поражены и негодуют: почему не доверяют их легионам? Ведь Антоний никогда не вел морских сражений, он не имеет ни малейшего представления об их стратегии. Но царица Египта пересиливает, ей удается настоять на своем.

Антоний, наконец-то заметивший состояние флота, принимает радикальные меры. Он сжигает треть кораблей из-за их плохого состояния. На суда помимо матросов направляется большое количество легионеров. Второго сентября 31 г. до н. э. суда Антония выходят в открытое море. За ними следует египетская эскадра под командованием Клеопатры. Ошибка Антония в том, что он делает ставку на слишком тяжелые, неповоротливые суда, которые трудно выстроить в линию. Быстрые галеры Октавиана бросают в решительную атаку. Они расстраивают порядок этих громадин, а затем таранят их.

Далее следует самый необъяснимый эпизод этого сражения. Антоний ждет Клеопатру, которая могла бы с легкостью выручить его суда. С изумлением ви-

дит он, как египетский флот уходит в открытое море! Возможно, уверенная, что победа в руках Антония, Клеопатра покидает поле сражения. Перед Антонием возникает ужасающая дилемма: должен ли он оставаться со своими людьми или последовать за царицей? Помертвев, сознавая свою трусость, римлянин дезертирует. Командующий покинул армию. Октавиан торжествует. Антоний, догнав корабль Клеопатры, три дня и три ночи проводит в оцепенении. После долгих уговоров он наконец является к царице. А та кажется веселой и уверенной в себе, как будто не произошло ничего страшного. Исход битвы при Акции не кажется ей серьезным поражением. Она не меняет своих планов. Важно ускользнуть от Октавиана, чтобы продолжать борьбу.

Вернувшись в Александрию, Клеопатра объявляет, что одержала большую победу. Возможно ли, чтобы она так заблуждалась? По улицам египетской столицы пошла гулять молва. Тех, кто утверждал, что произошла катастрофа, сажали в тюрьмы и казнили, их имущество конфисковывали. Но невозможно заткнуть рот всему свету. Вскоре становится известно, что в битве при Акции случилось непоправимое: войско и флот Антония беспорядочно бежали от Октавиана, а тот приступил к репрессиям и покаял малоазиатских князей, союзников Антония.

Странно выглядит Александрия побежденной Клеопатры. Антоний в отчаянии пытается забыться в пирах, безудержно пьет со своими последними приверженцами, «товарищами по смерти». Цезарь оказывается царем без власти, опереточным монархом. Клеопатра пытается подготовить бегство. Куда двинуться? В Испанию или в Аравию? Чтобы защитить страну, она собирает войска в Пелусии. Приказав выстроить себе гробницу у храма Исиды, царица начинает торговаться с Октавианом. Он уклончив. А зачем ему уступать, когда за ним осталась полная победа? Первого августа 30 г. до н. э. флот Октавиана появляется на рейде Александрии. Антоний хочет сопротивляться, но все его покидают.

Уверенный, что Клеопатра умерла, Антоний просит вольноотпущенника убить его. Тот отказывается и кончает жизнь самоубийством. Антоний также пытается покончить с собой, бросившись на меч. Смертельно раненный, он велит, чтобы его положили рядом

с царицей. Антония внесли через окно в укрепление храма Иисиды, где укрылась Клеопатра. Около любимой женщины Антоний испустил последний вздох.

Октавиан не унижается до того, чтобы идти на приступ последнего убежища Клеопатры. Царица готова сдаться при условии, что пощадят ее детей. Но в ее положении невозможно ничего требовать. Солдаты Октавиана проникают в укрепление и берут царицу в плен. Она хочет заколоться кинжалом, но ей не дают этого сделать.

Заточенная в собственном дворце, царица пытается умирить себя голодом. Жестокий Октавиан использует такое оружие, как шантаж. Если она будет упорствовать в своем намерении, он отыграется на ее детях. Она должна открыть ему, где прячет свои сокровища. Клеопатра и Октавиан встречаются один-единственный раз. Царице тридцать девять лет. Она не утратила чар, но поражения сломали ее. Она хочет оправдать свои действия перед победителем, пытается его соблазнить. Но Октавиан холодеп как лед. Он одержим лишь честолюбием. Женщина не заставит его свернуть с набранного пути. Он не сдержит ни одного своего обещания и прикажет убить Цезарьона.

Мечта Клеопатры разбилась вдребезги. Но она лишила Октавиана великолепного триумфа в Риме, где она, закованная в цепи, как рабыня, должна была предстать перед ненавидящим ее народом. Приняв ванну и написав Октавиану письмо, где она просит похоронить себя рядом с Антонием, царица велит принести корзину с фруктами — так рассказывает легенда, вероятно близкая к истине. В корзине спрятан аспид. Царица хватает его за шею и, укушенная в грудь, умирает достойно. Возможно, Клеопатра выбрала такую смерть из религиозных соображений; ведь священная змея защищает фараонов от врагов. Сила, дарующая жизнь, превратилась в руках отчаявшейся царицы в смертоносное оружие. Змей-создатель стал воплощением смерти. В лице Клеопатры двадцать девятого августа 30 г. до н. э. безвозвратно погиб независимый Египет.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

После смерти Клеопатры Египет становится житницей Рима, поработившего Обе земли. В 384 г. н. э. издается декрет о закрытии храмов. 24 августа 394 г. вырезан последний иероглифический текст на острове Филе, откуда жрецов Исиды изгоняют в 535 г. Священный язык исчезает. Чудесный инструмент культуры канул в забвение. Вместе с ним забывают и историю фараонов. О них не вспомнят до того дня, когда дешифровка иероглифов снова позволит узнать их цивилизацию.

Путешествие по Египту — истинное счастье для каждого, кто хочет найти свои корни, самые глубокие свои истоки. С особой силой чувствуется здесь, что тайна цивилизации скрывается на этой земле, в этих камнях, в улыбках богов, в вертикалях колонн. История Египта фараонов поучительна, она помогает понять истинное величие человека. Она так же вечна, как искусство этой страны.

Единственное дитя бога Ра, Египет казался его обитателем центром мироздания, оком, обращенным в реальный мир. Храм вселенной, отражение космоса, Обе земли даровались каждому владыке как бесценное сокровище. Юг даровался царю до тех пределов, куда доходит ветер, север — до границ моря, запад — до места захода солнца, восток — до места его восхода. Деяния фараонов — это не политика в узком смысле слова. Владыка Египта — посредник между небом и землей, так же, как, например, и китайский император. Он действовал не как светский правитель. Самы боги вручают фараону его власть. Он — чародей, поддерживающий равновесие в природе. На первый взгляд фараоны очень далеки от нас. Но есть ли более великая политическая задача, нежели создание земного порядка согласного с порядком небесным? А именно такова была цель царей Египта, такова была истина тех, кого называли фараонами.

Первый переходный период

VII—VIII династии

2155—2134 гг. до н. э.

IX—X династии

2134—2040 гг. до н. э.

Среднее царство

XI династия

2134—1991 гг. до н. э.

Иниотеф I (Аптеф)

2134—2118 гг. до н. э.

Иниотеф II (Аптеф)

2118—2069 гг. до н. э.

Иниотеф III (Аптеф)

2069—2061 гг. до н. э.

Ментухотеп I

2061—2010 гг. до н. э.

Ментухотеп II

2010—1998 гг. до н. э.

Ментухотеп III

1998—1991 гг. до н. э.

XII династия

1991—1785 гг. до н. э.

Аменхот I

1991—1962 гг. до н. э.

Сенусерт I

1971—1926 гг. до н. э.

Аменхот II

1929—1892 гг. до н. э.

Сенусерт II

1897—1878 гг. до н. э.

Сенусерт III

1878—1841 гг. до н. э.

Аменхот III

1844—1797 гг. до н. э.

Аменхот IV

1798—1789 гг. до н. э.

Нефрусебек (царяца)

1789—1785 гг. до н. э.

Второй переходный период

XIII династия

1785—1650 гг. до н. э.

XIV династия (параллельно
с предшествующей)

1715—1650 гг. до н. э.

XV—XVI династии
(гиксосские)

1650—1540 гг. до н. э.

XVII династия

1650—1551 гг. до н. э.

Иниотеф (Аптеф)

Около 1640 г. до н. э.

Секнепра-Таа

Около 1570/1560 гг. до н. э.

Камос

1555—1551 гг. до н. э.

Новое царство

XVIII династия *

1552—1306 гг. до н. э.

Яхмос

1552—1527 гг. до н. э.

Аменхотеп I *

1527—1506 гг. до н. э.

Тутмос I

1506—1494 гг. до н. э.

Тутмос II

1493—1490 гг. до н. э.

Хатшепсут (царица)

1490—1468 гг. до н. э.

Тутмос III

1490—1436 гг. до н. э.

Аменхотеп II

1438—1412 гг. до н. э.

Тутмос IV

1412—1402 гг. до н. э.

Аменхотеп III

1402—1364 гг. до н. э.

Аменхотеп IV (Эхнатон)

1364—1347 гг. до н. э.

Семнехкара

Тутанхамон

1347—1338 гг. до н. э.

Эйе

1337—1333 гг. до н. э.

Хоремхоб

1333—1306 гг. до н. э.

* Существует другая хронология, согласно которой XVIII династия началась в 1540, а XIX династия окончилась в 1188 г. до н. э.

XIX династия	1306—1186 гг. до н. э.
Рамсес I	1306—1304 гг. до н. э.
Сети I	1304—1290 гг. до н. э.
Рамсес II	1290—1224 гг. до н. э.
Мернептах	1224—1204 гг. до н. э.
Сети II	1204—1194 гг. до н. э.
Аменмес	
Саптах	1194—1188 гг. до н. э.
Таусерт (царяца)	1188—1186 гг. до н. э.
XX династия	1186—1070 гг. до н. э.
Сетнахт	1186—1184 гг. до н. э.
Рамсес III	1184—1153 гг. до н. э.
Рамсес IV — Рамсес XI	1146—1070 гг. до н. э.

Поздний период *

XXI династия	1070—945 гг. до н. э.
Смендес	1070—1044 гг. до н. э.
Пусеннес I	1040—990 гг. до н. э.
Аменемопе	993—984 гг. до н. э.
Сиамон	978—960 гг. до н. э.
Пусеннес II	960—945 гг. до н. э.
XXII династия (бубастидская)	945—722 гг. до н. э.
Шешонк I	945—924 гг. до н. э.
Осоркон I	924—887 гг. до н. э.
Осоркон II	862—833 гг. до н. э.
Такелот II	839—814 гг. до н. э.
Шешонк III	814—763 гг. до н. э.
Пами	763—758 гг. до н. э.
Шешонк V	758—722 гг. до н. э.
XXIII династия	808—715 гг. до н. э.
Петубастис	808—783 гг. до н. э.
Осоркон III	Около 760/750 гг. до н. э.
Такелот III (и другие цари)	Около 740 г. до н. э.
XXIV династия	725—712 гг. до н. э.
Тифнахт	725—718 гг. до н. э.
Бокхорис	718—712 гг. до н. э.
XXV эфиопская династия	712—664 гг. до н. э.
Пи (анхи)	740—713 гг. до н. э.
Шабака **	712—698 гг. до н. э.
Тахарка	690—664 гг. до н. э.
Танутамон (и другие цари)	664—656 гг. до н. э.
Ассирийское завоевание Египта	671—664 гг. до н. э.

* Точнее было бы выделить Третий переходный период (правление XXI—XXIV династий), а историю Позднего периода (царства) начинать с Шабаки (712 г. до н. э., XXV династия) или с Псамметиха I (664 г. до н. э., XXVI династия). (Примеч. отв. ред.)

** В хронологии, составленной К. Жаком, отсутствует. (Примеч. отв. ред.)

XXVI династия (саиоская)	664—525 гг. до н. э.
Нехо I	672—664 гг. до н. э.
Псамметих I	664—610 гг. до н. э.
Нехо II	610—595 гг. до н. э.
Псамметих II	595—589 гг. до н. э.
Априя I	589—570 гг. до н. э.
Амасис	570—526 гг. до н. э.
Псамметих III	526—525 гг. до н. э.
XXVII династия: персидское владычество	525—404 гг. до н. э.
XXVIII династия Амвртей	404—399 гг. до н. э.
XXIX династия Акорис (и еще три царя)	399—380 гг. до н. э. 393—380 гг. до н. э.
XXX династия Нектанеб I	380—343 гг. до н. э.
Теос	380—362 гг. до н. э.
Нектанеб II	362—360 гг. до н. э. 360—343 гг. до н. э.
Второе персидское завоевание	343—332 гг. до н. э.
Македонское владычество	332—305 гг. до н. э.
Птолемен	305—30 гг. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

¹ Невозможно согласиться со столь низкой оценкой «Египетского догоса» Геродота Галикарнасского — одной из лучших книг его «Истории». Восхищенный египетской культурой, он увлекательно рассказывает о природе долины Нила, быте и нравах населяющих ее людей, их истории. Много внимания Геродот уделяет религии (справедливо его называют не только «отцом истории», но и первым историком религии), полагая, что в этой области, как и в некоторых других, египтяне были учителями греков (и это в эпоху, когда в условиях тяжелых греко-персидских войн в Элладе активно утверждается отрицательное отношение к варварам!). Неудивительно, что уже в античное время его награждают прозвищем «барбарофил» (Плутарх даже написал специальное сочинение «О злобности Геродота»), а в историографии конца XIX — начала XX в. его труд становится объектом нападок гиперкритиков. Многие расхождения книги II с данными памятников объясняются характером его источников: он пользовался рассказами местных греков, прибегал к услугам переводчиков. Геродот сохранил для нас традицию, которую невозможно извлечь из официальных надписей. Современные исследования все больше раскрывают непреходящее значение свидетельств греческих и латинских авторов для египтологии (кроме «Египетского догоса» Геродота особенно информативны: I книга «Исторической библиотеки» Диодора, XVII книга «Географии» Страбона и трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе»), но, наслаждаясь их чтением, нельзя забывать, что они смотрели на долину Нила сквозь призму античного мироощущения.

² Третий переходный период включает историю XXI—XXV династий. Поздняя эпоха (или Позднее царство, Поздний период), согласно некоторым египтологам, начинается с прихода к власти царя XXV династии по имени Шабака (712 г. до н. э.), а по мнению других — с правления первого фараона XXVI династии Псамметиха I (663 г. до н. э.). При XXVI династии страна фараонов переживает последний расцвет (по образному выражению Дж. Брэстед, расцвет на краю могил), поэтому в историографии это время иногда называется «Самским возрождением» (Самс — один из древнейших городов долины Нила, расположенный на западе Дельты, был столицей XXVI династии).

³ Более подробно см. Послесловие.

⁴ Четвертое имя царя, в состав которого начиная с Джедефа (IV династия) входило имя бога солнца Ра, давалось ему при венчании на царство; а пятое было его личным именем.

* Примечания составлены О. В. Тамашевич.

¹ В историографии высказывалось сомнение в том, что иероглиф «скорпион» всегда следует понимать как имя царя и в качестве примера недостаточно надежного чтения приводилась как раз надпись на сосуде из Туры, упоминаемая К. Жаком.

² В исторической литературе, особенно научно-популярной, традиционно используются древнегреческие названия египетских городов.

³ В качестве богини неба почитали Нут. Ее изображения в образе женщины, изогнувшейся над лежащим мужчиной — богом земли Гебом, датируются временем Нового царства. Однако представления о Нут и ее супруге Гебе чрезвычайно древние — они зафиксированы уже «Текстами пирамид». Ориентация на юг связана, по всей вероятности, с движением солнца и, возможно, с расположением там истоков Нила.

⁴ Хапи — божество разлива, а не «дух реки». Ему, а не Нилу приносили жертвы перед разливом, от высоты которого зависел урожай, а следовательно, и жизнь египтян.

⁵ Эта работа была переведена на русский язык: Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М. 1984.

⁶ Данные примеры возможного переднеазиатского влияния на культуру Египта представляются не вполне удачными. В Месопотамии неизвестны погребальные сооружения типа мастаб Раннего царства. Что касается крылатого грифона, вероятно, это образ сирийского происхождения, хотя фантазия египтян вполне допускала изображения подобия существ (росписи в гробницах Вани Хасана времени Среднего царства).

⁷ Евгемер — греческий философ IV в. до н. э., полагавший, что боги — это древние люди, обожествленные за их выдающиеся добродетели и славные деяния.

⁸ Издательство «Прогресс» выпустило сборник избранных трудов этого автора: *Элиаде М. Космос и история*. М. 1987.

⁹ Вопрос о степени заболоченности Дельты носит дискуссионный характер. См. примеч. 5 к главе II.

Глава II

¹ Один из лучших знатоков эпиграфики Древнего царства, Г. Фишер считает, что коровьи головы в верхней части палетки Нармера — это изображение не Хатхор, а богини седьмого верхнеегипетского нома Бат, заимствованной из Месопотамии. Только с XI династии Бат отождествляется с Хатхор — богиней соседнего, шестого нома Верхоявья, поэтому ее образ украшает многочисленные сестры (см. примеч. 4 к главе XIV), а иногда и колонны в храмах (например, в часовне Хатхор храма Хатшепсут в Дейр аль-Бахра или в храме Хатхор в Дендере).

Согласно Ю. Я. Перепелкину, Хорово имя царя было «Сом» (по-египетски — «нар»), а «Мер» — его личное имя. «Хоровым» называется имя, даваемое фараону при восходе

нии на престол (он становился проявлением бога Хора). Большинство памятников Раннего царства дают нам Хоровы — имена царей, а личные, данные им при рождении, выписываются довольно редко. С этим отчасти связаны трудности отождествления царей, упоминаемых в источниках времени I—II династий, с фараонами из более поздних царских списков.

¹ Большинство египтологов отождествляют Менеса (Мину) с Хором Бойцом (Хор Аха), а в Нармере видят предшественника последнего. Ю. Я. Перепелкин подчеркивает, что Менес отнюдь не был объединителем Египта; это событие, имевшее колоссальные последствия, произошло до прихода к власти I династии. Менес был первым летописным царем. Видимо, традиция верно связывает его правление с основанием города Белые стены, получившего впоследствии название «Мемфис». Античные авторы (Геродот, Диодор) уделяют Менесу много внимания, и их сообщения, несомненно, отражают египетскую традицию. Римский ученый I в. н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» (VII, 56) отмечает, что Менес изобрел иероглифическую письменность.

² Об этом сообщает Диодор, «объединивший» (или так-вы были его источники?) деятельность Менеса с царями XII династии (прежде всего Аменемхетом I), проявившими активность в освоении Фаюма. См. главу VII и примеч. 6.

³ Древнегреческий термин, традиционно применяемый в научно-популярной литературе о Египте.

⁴ На наш взгляд, автор сильно преувеличивает степень заболоченности Дельты. Действительно, египтологи располагают относительно скромным объемом источников по древнейшей истории Нижнего Египта, что отчасти обусловлено затруднительностью проведения здесь археологических раскопок из-за большой плотности населения и высокого уровня грунтовых вод; кроме того, нельзя забывать о примерно 10 м аллювиальных отложений, скопившихся за последние 6000 лет. Эта важная работа уже ведется: началось осуществление проекта ЮНЕСКО по исследованию городов Дельты. Если принять точку зрения, разделяемую К. Жаком, то невозможно объяснить расцвет Низовья в период Раннего и Древнего царства, его «культурное превосходство» над Верховьем (достаточно указать на преобладание божеств Дельты в Текстах пирамид). И как интерпретировать список додинастических царей в нижнеегипетских коробах, сохранный древнейшими анналами — надписью на Падермском камне? Трудно представить, что люди забирались в болота только для того, чтобы порыбачить, поохотиться и... помолиться! Проблема роли Дельты в начальной истории Египта должна решаться на основе геологических исследований. Еще в 1942 г. в работе С. Пассарге было замечено: пыльная растительность в Нижнем Египте служила кормом для крупного рогатого скота, а возможности для развития земледелия на базе искусственного орошения были здесь шире, чем в долине Нила. Гипотезу о сплошной заболоченности Низовья не разделяют многие современные ученые. По мнению одного из ведущих исследователей этой проблемы — К. Ватцера, Дельта уже к началу V тысячелетия до н. э. имела приблизительно те же разме-

ры, что и в наши дни, и только самая северная ее часть была покрыта болотами и лагунами.

⁶ К. Жак идеализирует социальные отношения в Египте. Последние необходимо изучать для каждого периода истории страны в отдельности, что и делается, например, советскими египтологами (см. работы Ю. Я. Перепелкина, О. Д. Берлева, Е. С. Богословского. Так, Ю. Я. Перепелкин не сомневается в существовании рабства в эпоху Древнего царства и в «невиданном расцвете» его в Новое).

⁷ Сведения о смерти Менеса и его наследники сохранились у Манефона и Диодора.

Глава III

¹ Вероятно, древнейший пример использования камня — покрытие пола в погребальной камере абидосской гробницы Дена (I династия). Вскоре прекрасно отесанные блоки начинают применять при строительстве мастаб знати в Саккаре для облицовки стен, пола, перекрытий и проемов дверей.

² *Герметизм, герметика* — религиозно-философское учение поздней античности, в котором прослеживаются религиозные представления греков, египтян, евреев. Герметические сочинения датируются II—III вв.; они приписывались Гермесу Тризмегисту («трижды величайшему»), отождествленному с египетским богом Тотом.

³ *Граффити* — надписи, процарапанные или вырезанные на архитектурных памятниках, скульптурах (например, надписи греческих наемников на колоссе Рамсеса II в Абу Симбеле), сосудах и черепках, а также на скалах (в копях Синая, в долине Вади Хаммамат, где проходила дорога из Коптоса к рудникам и побережью Красного моря). Граффити на стенах комплекса Джосера — это в основном неэлитические надписи времени XVIII—XIX династий. Кроме восхищения сооружениями в них выражаются пожелания быть погребенными здесь. Любопытна надпись писца, считавшего, что ему нет равных по мастерству в Мемфисе: он весьма критически отнесся к «творчеству» своих предшественников, заявив, что его «сердце заболело», когда он увидел «работу их рук, недобную сделанному глухой женщиной».

⁴ Имеются в виду знаменитые «Тексты пирамид». Древнейшие найдены в пирамиде Униса (конец V династия), расположенной рядом с комплексом Джосера в Саккаре (см. немного о них в главе V).

⁵ *Сердаб* (от араб. «подвал», «погреб») — помещение для статуи покойного, которое могло быть расположено как в наземной части гробницы, так и в стене шахты, ведущей в склеп (последнее характерно для устройства мастаб конца Древнего царства, когда сердаб старались приближать к погребальной камере). В стене, соединяющей сердаб с посещаемыми покойным гробницами, делали щель на уровне глаз статуи, чтобы покойный «видел» приносимые ему жертвы и таким образом «получал» их (зрение представлялось египтянам важнейшим органом чувств).

⁶ Данная интерпретация событий на совести К. Жака. В тексте в этом месте лагуна, и сохранилось только слово «служанка».

⁷ Древние законодательства требовали равного наказания для виновных в прелюбодеянии. Погубив простолюдина, Убаинер тем самым обрек свою жену на смерть.

Глава IV

¹ «Аш» традиционно переводится «кедр». По мнению специалистов в области ботаники (В. Лорэ), есть серьезные основания полагать, что этим термином египтяне обозначали благородную кипарисовую пихту.

² Ветхий Завет. Исход, XIV, 16—21

³ Перевод этого текста на русский язык см.: Хрестоматия по истории Древнего Востока (далее: ХИДВ). М., 1980, с. 53—56.

Глава V

¹ В скобках — греческие формы египетских имен царей, чаще используемые в научно-популярной литературе.

² Крупнейший советский исследователь истории Древнего (Старого) царства Ю. Я. Перепелкин предпочитает термин «корабельные ватаги».

³ Конечно, древним не откажешь в умении «вписывать» новые памятники и архитектурные творения предшественников, создавая гармоничный ансамбль, но, строго говоря, в Гизе было возведено три самостоятельных пирамидных комплекса.

⁴ Точнее, 146,59 м. В настоящее время высота пирамиды Хуфу 137,7 м, а площадь основания более 5 га, а периметр «около 4» (230×230). Первоначальная высота пирамиды Хафра 143,5 м, однако она расположена на более высоком месте плато, поэтому может казаться выше пирамиды Хуфу (как, например, на фотографии, помещенной в данном издании, — это вид на Гизе с юга).

⁵ Или: «Небосклон Хуфу», «Небосклонный Хуфу», что, согласно Ю. Я. Перепелкину, означает: «царь есть Солнце». Слово, переведенное им как «небосклон» (обычно переводят «горизонт»), обозначало место, где солнце касается земли (прежде всего, на востоке).

⁶ Ибрахим ибн Васиф-шах — арабский историк XII в., автор труда «История Египта и его чудеса».

⁷ Багдадский халиф аль-Мамун, сын знаменитого Харуна ар-Рашида (I династия Аббасидов), вероятно, занялся поисками кладов в пирамидах после жестокого подавления крестьянского восстания 831 г. против непомерной дани.

⁸ Эти сведения сохранились у арабского историка XII в. аль-Кайси.

⁹ Например, в них видели житницы библейского Иосифа.

¹⁰ Для придания необходимой твердости пилам и сверлам из меди (на блоках пирамид обнаружены следы обработки именно медными орудиями) использовали при работе песок. Иногда, чтобы увеличить прочность орудий, их подвергали специальной проковке уже после изготовления.

¹¹ Известный багдадский лекарь и ученый Абд аль-Лятиф аль-Багдади (1161—1231) в «Повествовании о Египте» рассказывает о пирамидах и надписях на камнях, которые никто

не может прочесть. Возможно, он видел Тексты пирамид? Или он имеет в виду граффити, оставленные многими поколениями людей, потрясенных этими сооружениями?

¹² *Инициации* — обряды, совершаемые при переходе подростков во взрослую возрастную группу и характерные для родового общества. Предполагается их существование в доисторическом Египте. Вероятно, отсюда берут начало обряды обрезания и церемония «повязывания пояса». Следы инициационных обрядов, похоже, сохранились в детских играх, запечатленных в рельефах гробниц Древнего царства. Сведеними о связи инициаций с пирамидами мы не располагаем. Другое дело — длительное существование культа царей — строителей пирамид и поклонение самим этим сооружениям.

¹³ Это сообщение упоминавшегося выше Абд аль-Лятифа аль-Багдади (см. примеч. 11).

¹⁴ В переводе Ю. Я. Перепелкина: «Воспеваает Солнце».

¹⁵ Слово сочетанием *шелес анх* обозначали статуи или другие изображения царя или бога. Греческое слово «сфинкс» скорее происходит от древнегреческого глагола «стигивать», «сжимать», «сдушить» или от названия горы около Фив в Ботнии, где, согласно мифу, свирепствовала дочь Тифона и Ехидны. Это чудовище с телом крылатого льва задавало всем проходящим загадки, которые они не могли разрешить, и поэтому она их пожирала. Когда же Эдип нашел правильный ответ, она бросилась в пропасть и погибла. Греческие сфинксы — это существа жепского рода, а египетские — мужского (даже когда в таком облике изображали Хатшепсут).

¹⁶ Согласно Г. Рюке, Сфинкс символизировал бога Солнца, а по мнению американского ученого М. Ленера, статуя изображает фараона Хафра в облике Хора. Недавно была высказана гипотеза (Р. Штадельмани) о принадлежности Сфинкса Хуфу. Несмотря на разнообразие мнений по вопросу, кого же изображает Сфинкс, почти полное единодушие царит у египтологов при определении датировки памятника — его создание относят ко времени Древнего царства. Статуя была с поразительной точностью вырезана в осадочных породах, сверху вниз, начиная от головы к основанию, и, видимо, вырубленные при этом блоки были использованы для возведения храма у лап Сфинкса.

¹⁷ Сфинкс символизирует победоносного царя, о чем ясно говорят изображения фараонов в образе сфинксов, попиравших поверженных врагов.

¹⁸ Его уникальность — в размерах и способе изготовления (см. примеч. 16). Что касается образа сфинкса, то он — один из наиболее часто встречаемых в произведениях древнеегипетского искусства. Самый большой из транспортбельных сфинксов (его вес — 80 тонн) был найден на территории древнего Мемфиса и датируется эпохой XIX династии. В храмы Нового царства вели целые аллеи сфинксов: статуи, поставленные через небольшие равные промежутки перпендикулярно проходу в храм, как бы пристально глядят на каждого входящего, ни на секунду не упуская его из виду. Два великолепных изваяния из аллен поминального храма Аменхотена III в Фивах украшают набережную Нила у Академии художеств в Ленинграде (см. примеч. 6 к гл. XIII).

¹⁹ Старый перевод слова *Ка* — «живоносная сила» неудачен.

Более употребителен условный перевод «двойник». Это понимание *Ка* согласуется с высказанной О. Д. Берлевым гипотезой о первоначальном значении иероглифа «две поднятые руки», передающего идею тождества человека и его *Ка* (ср. русск. «как две капли воды»). Впоследствии иероглиф реинтерпретировали — он стал символом обнимающих, а следовательно, охраняющих, защищающих рук. Согласно А. О. Большанову, *Ка* является образом человека, существующим в сознании воспринимającego субъекта и интерпретированным как самостоятельное существо.

* Первоначальная площадь основания так называемой «неоконченной» пирамиды в Заивет аль-Арпане была 200×180 м (для сравнения: у пирамиды Джосера — 125×115 м, Менкаура — $108,4 \times 108,4$ м; Спифру — $218,5 \times 221,5$ м; Хафра — $215,3 \times 215,3$ м). На глубине 21 м был обнаружен просторный склеп, в который вел коридор длиной 106,2 м. Там нашли гранитный саркофаг необычной, овальной формы — пустой, но явно хранивший некогда чье-то тело, и граффити с именем царя Небка. Это имя и устройство склепа позволяют датировать пирамиду временем III династии, но смущают ее огромные размеры и широкое использование гранита. Ближайшей аналогией является пирамида наследника Хуфу Джедефра, в типичная для IV династии и, возможно, указывающая на возврат в строительстве к образцам III династии.

¹¹ Есть сведения, что вершина пирамиды Менкаура была облицована красным асуанским гранитом, как и основание.

¹² *Мамлюки, мамлюки* — чужеземные воины-рабы, из которых формировалась гвардия при династии Айюбидов (1171—1250). Последняя была свергнута мамлюками, и две их династии правили Египтом до 1517 г. Впоследствии мамлюкские династии правили Египтом с перерывами до начала XIX в. Абд аль-Лятиф аль-Багдади в «Повестовании о Египте» (см. примеч. 11) рассказывает о неудачной попытке современного ему халифа аль-Малика аль-Азиза, сына прославленного Салах ад-Дина, разрушить пирамиду Менкаура.

¹³ Вера в силу написанного или произнесенного слова характерна для древневосточного человека. Назвать какую-либо вещь означало сотворить ее. Отсюда логично вытекает идея сотворения Птахом мира посредством слова («Мемфисский богословский трактат»). Личное имя — одна из составляющих личности, поэтому уничтожение имени представлялось нанесением вреда его носителю (очень яркий пример — так называемые «Тексты проклятий» — списки чужеземных стран и их владык на специальных статуэтках и сосудах, разбиваемых на ритуальных площадках на границах Египта в ходе специальных церемоний).

Глава VI

¹ Перевод на русский язык см.: ХИДВ, с. 24—27.

² Перевод см.: ХИДВ, с. 21—24.

³ См. так называемую «Иммунитетную грамоту фараона Нусси II из Коптоса» (ХИДВ, с. 28—29).

⁴ *Геродот. История. II, 100.* Подробнее о Нейтикерте (Нейтикерсе) см. Послесловие.

¹ Иногда к эпохе Среднего царства относят XIII династию (и даже XIV), цари которой становятся для нас все более реальными фигурами, в частности благодаря археологическим находкам на территории Восточного Средиземноморья. Фараоны, посылавшие свои изображения за границу, не могут быть эфемерными! Впрочем, египетские памятники могли попасть в этот регион позднее, вследствие гиксосского завоевания долины Нила.

² Эта чудесная часовня, предназначенная для ритуала *хеп-сед*, сохранила на своих стенах важный исторический источник — список помов со столицами и местными культами божеств.

³ Ошибочное название поселения Эль-Лахун (или Иллахун) — «Кахун», распространившееся в литературе из-за неточности, допущенной руководившим здесь раскопками и опубликовавшим их результаты знаменитым английским археологом В. М. Фл. Питри.

⁴ Вполне вероятно, что фараон был убит в результате заговора, и «Пучение Аменемхета» (перевод см.: *Повесть Петисе III. Древнеегипетская проза. М., 1978, с. 222—225*) было составлено от лица фараона знаменитым мудрецом Ахтоем, сыном Дуауфа. Перу Ахтоя принадлежит известное *Пучение сыну Пиопи* (ХИДВ, с. 39—41). См. примеч. 10.

⁵ Новая резиденция царей — Ити-таун (букв. «Захватывший Обе земля») была основана отцом Сепусерта I. Аменемхетом I, южнее Мемфиса, около современного Ляшта или Дахштура.

⁶ Во время правления Аменемхета I Шедет (совр. Киман-Фарис) обладал длительной историей: его название впервые встречается на печати Нармера. Память о древности города сохранялась и отразилась в античной традиции: согласно Дюроду, поселение было основано Менесом. В эллинистический период центр Фаюма переименовали в честь жены и сестры Птолемея II Арсинои.

⁷ Почти квадратное в плане поселение (350×400 м), улицы пересекаются под прямым углом.

⁸ Поэтому, несмотря на дошедшие до нас описания (см. также: *Страбон. География, XVII, 811*), облик этого колоссального сооружения не реконструирован. Храмовый комплекс состоял из 12, 24, 40 или 42 (по числу помов?) зданий с перекрытиями из огромных плит. Здания, возможно, соединялись колоннадой и содержали множество статуй божеств и царей. Частично реставрированные Птолемеями, они затем долгое время служили каменоломнями, как и многие другие памятники древнего Египта. Название «Лабиринт» не обязательно связано с легендой о Минотавре: сходно с этим словом для греков звучало тронное имя Аменемхета II — «Тамарес».

⁹ В Абидосе располагаются гробницы царей I—II династий. Одна из наиболее значительных (Джера) почиталась в эпоху Нового царства как гробница Осириса (согласно мифу об Осирисе и Исиде, в Абидосе была похоронена голова Осириса). Первоначально главным богом абидосского некрополя был Хонтаменти, подобный Агубису и Унуауту, но впоследствии, к концу Древнего царства, он вытесняется Осирисом.

сом. Желая быть поближе к царю мертвых, египтяне мечтали о погребении здесь, сооружали кенотафы (см. примеч. 1 к главе XVI) или старались поставить хотя бы скромную стелу.

¹⁰ По мнению О. Д. Берлева, это вовсе не «Сатира на профессию» (так называют этот текст с легкой руки Г. Масперо), а «Поучение», имевшее целью привлечь молодых к получению знаний. На ярких примерах Ахтой (см. примеч. 4 к этой же главе) показывает, что ожидает не овладевшего грамотой юношу: он посылает ряды «царских земледельцев» и ремесленников. О. Д. Берлев подчеркивает значение этого текста как исторического источника: перед нами древнейшее описание социальной структуры Египта (перевод см.: ХИДВ, с. 39—42).

¹¹ Перевод повести о Синухете см.: Повесть Петенсе III. Древнеегипетская проза. Пер. М. А. Коростовцева. М., 1978.

Глава VIII

¹ XIII династия, как было указано выше, относят иногда к Среднему царству, а XVII — к Новому.

² В настоящее время представление о культуртрегерской роли гиксосов подвергается обоснованной критике: хотя многие усовершенствования датируются эпохой правления гиксосов, из этого не следует, что именно им Египет обязан нововведениями. Древнейший костюм лошади, найденный в долине Нила (на далеком юге, в Вухене), относится к концу Среднего царства или началу Второго переходного периода.

³ Изучение мумии фараона Таа (в литературе чаще используется его тронное имя Секеенра) позволило специалистам утверждать следующее: смертельные раны нанесены именно гиксосским оружием.

⁴ Переводы таблички Карнарвона и стелы Камоса см.: ХИДВ, с. 50—63.

⁵ Перевод см.: ХИДВ, с. 63—65.

⁶ Здесь следует назвать имя жены Таа (Секеенра) — Тетишери, матери царицы Яхотеп и бабушки Яхмоса, возможно бывшей регентшей при малолетнем внуке (Яхмос вступил на престол 10 лет от роду). Именно в честь Тетишери фараон приказывает строить памятник, посоветовавшись с женой. Яхмос-Нефертари.

Глава IX

¹ Нахаринной стилизации называли Митанни — государство, процветавшее в XVII—XIII вв. в северо-западной Месопотамии.

² Есть мнение, что Тутмос II был сыном главной жены Тутмоса I — Мутнефрет.

³ Убедительна точка зрения Ю. Я. Перепелкина: причиной падения Секеенмута еще при жизни царицы стали его неумеренные притязания (устройство гробницы наподобие царской, изображение своей персоны на стенах поминального храма Хатшепсут, возможно, и «более значительные провинности»). Обращает на себя внимание место, выбранное времен-

щиком для своего изображения: в недоступном для простых смертных помещении за дверью, т. е. когда дверь была открыта, то изображение прикрывалось).

Глава X

¹ Ю. Я. Перепелкин не разделяет распространенное мнение о выдающемся таланте Тутмоса III — полководца. Поведение последнего перед битвой под Мегиддо он считает лишь «опасным молодечеством», а успехи в завоевании чужеземных стран объясняет такими качествами царя, как «упорство, подвижность и дееспособность».

² Кадеш — город в Северной Сирии на среднем течении р. Оронт. Далее упоминаются: Газа — город на восточном средиземноморском побережье; Ихем — город в Палестине, у западного подножия Кармельского хребта; Мегиддо — город в Северной Палестине. Перевод выдержек из летописи Тутмоса III. См.: ХИДВ, с. 66—71.

³ Фараон и члены его семьи, зная пользовались колесницами (символ престижа?) для торжественных выездов, на охоте, возможно, в спорте, как свидетельствуют многочисленные изображения.

⁴ Перевод «Предписания о служебных обязанностях верховного сановника» см.: ХИДВ, с. 74—78.

⁵ Вероятно, впервые это разделение зафиксировано в текстах времени XIII династии. При XVIII династии два визира упоминаются с правления Тутмоса III. Главным городом Верхнего Египта были Фивы, а Нижнего — Мемфис, позднее Пер-Рамсес.

Глава XI

¹ В гавани Мемфиса работало много мастеров из Восточного Средиземноморья. Они принесли с собой в Египет культы отеческих божеств. Возможно, поэтому Аменхотеп II, проведший юность в Перунефер, проявлял особый интерес к азиатским богам — в его правление их культы заметно расцветают.

Глава XII

¹ Хармахис отождествлялся с Хоропом, — возможно, богом чужеземного происхождения, почитаемым живущими в это время в окрестностях великого Сфинкса азиатами. Следует заметить, что колоссальные статуи очень часто становятся объектами культа.

² Митаннийское происхождение Мутемуи не доказано, поэтому нет достаточных оснований говорить о «революционном шаге» Тутмоса IV. Подробнее см. Послесловие.

Глава XIII

¹ Отец Тэе занимал скромную должность заведующего скотом в хозяйстве храма Мина в Панополе (Средний Египет).

² «Владыка правды — Ра» — троякое имя фараона, звание титлом «царь Верхнего и Нижнего Египта» и заключас-

ное в картуш. С IV династии многие, а после VIII династии почти все тронные имена включали в свой состав имя бога солнца Ра.

³ Храм в Сульбе был посвящен культам Амона и самого царя, а в Седенге чтили как богиню царицу Тахе.

⁴ Аккадский (авилонно-ассирийский) — язык, относящийся к афроазиатской (афразийской) семье языков, распространенный прежде всего на территории Месопотамии. Аккадцы пользовались изобретенной шумерами клинописной системой письменности, заимствованной у них уже во II тысячелетии до н. э. многими народами Передней Азии. Телль-Амарнский дипломатический архив содержит более 350 глиняных табличек — писем на международном тогда аккадском языке.

⁵ Этот титул зафиксирован в надписи на статуе Аменхотепа, сына Хапу, воздвигнутой в честь его заслуг по приказу фараона в Карнакском храме Амона. Вероятно, выдающиеся качества этого сановника были хорошо известны: к его статуе звали страждущие в надежде, что мудрец передаст их просьбы богу.

⁶ Колоссы Мемнона — это две колоссальные статуи (высота — 18 м), изображающие Аменхотепа III сидящим на троне. У греков они ассоциировались с героем Мемноном, царем Эфиопии, погибшим на Троянской войне от руки Ахилла. Это отождествление, возможно, объясняется следующим фактом: правая статуя издавала протяжные мелодичные звуки на рассвете, как бы приветствуя свою мать — богиню зари Эос. Звук был вызван движением воздуха, проходившего благодаря нагреванию камня солнечными лучами через узкие щели, образовавшиеся в результате частичного разрушения статуи при землетрясении. Но нам известно землетрясение 27 г. н. э., а колоссы были связаны с Мемноном значительно раньше — скорее всего из-за сходного звучания его имени с тронным именем фараона. В 199 г. по приказу римского императора Септимия Севера, посетившего это чудо света, статуя была отреставрирована и «пение» прекратилось.

Из поминального храма Аменхотепа III происходят и два сфинкса, перевезенные в «град святого Петра» в 1832 г. и установленные на набережной у Академии художеств (они были куплены Россией за 40 000 рублей).

⁷ Имеется в виду Александр Македонский.

Глава XIV

¹ История переворота Аменхотепа IV детально исследована в трудах Ю. Я. Перепелкина, продвинувшего далеко вперед решение многих сложных проблем, связанных с правлением этого удивительного царя (краткие сведения о его важнейших выводах см. в примеч. 10). Мастерски проанализировав источники, Ю. Я. Перепелкин показал, что Аменхотеп IV меняет имя в начале 6-го года царствования, одновременно с основанием новой столицы. Новое личное имя его переводится «Полезный Солнцу».

² Возможно, дворец Эхнатона был самым большим светским сооружением древности.

³ Самый знаменитый портрет Нефертити в синем венце

(известия) хранится в Египетском музее Берлина. Берлинский Бода-музеум обладает великолепным скульптурным портретом юной царицы (песчаник, голова не завершена — отсутствует головной убор, окраска только намечена). Оба поразительных памятника были найдены в 1912 г. при раскопках Телль эль-Амарны немецкой экспедицией Л. Боркардта в помещении дома, при котором была скульптурная мастерская. В Египетском музее Каира экспонируется неоконченная голова царицы из песчаника с рабочими пометками мастера. Что касается часто приписываемой Нефертити государственной деятельности, летописки хранят о ней «полное молчание», ~~в действительности ее, убивающей врагов,~~ — очевидная условность. **Взгляд** — семейная жизнь и дети.

⁴ *Sistr* — музыкальный инструмент типа трещотки, используемый в некоторых ритуалах. Состоял из рукоятки и рамки с движущимися стержнями, часто украшался головой покровительницы праздников, «владычицы опьянения» Хатхор. Музыка, пение, танцы — необходимые элементы древнеегипетского культа, где всегда заметна роль жриц.

⁵ Ю. Я. Перепелкин по крупницам восстановил необыкновенную судьбу этой женщины. Впервые тексты упоминают о ней в качестве побочной жены Эхнатона через несколько лет после его женитьбы на Нефертити. Постепенно ее значение росло: следы ее пребывания сохранили рельефы роскошных южной и северной усадеб царя в Ахетатоне. Под конец правления любовью Эхнатона Кэе была возведена в ранг «младшего сотоварища», «полуфараона». Столь удивительное положение объясняется, вероятно, желанием царя сохранить титул «великой царицы» за Нефертити. Однако полуфараоном Кэе была недолго, и «за краткий миг величия она заплатила дорогую цену»: ее лишили гробницы и погребальной утвари, а имя предали забвению. См. примеч. 7.

⁶ Эхнатон приказал уничтожить личное имя своего отца из-за того, что в его состав входило имя великого фиванского бога Амона. На месте уничтоженного имени второй раз писали греческое имя Аменхотепа III — Небмаатра.

⁷ Согласно Ю. Я. Перепелкину, в золотом гробу, предназначенном для Кэе, был похоронен сам Эхнатон, а затем, вероятно при Хоремхебе, «супостата из Ахетатона» лишили последнего пристанища, использовав его при погребении Семнехара.

⁸ Добавочное имя «Нефернефруатон».

⁹ Перевод Гимна Атону см.: ХИДВ, с. 90—92.

¹⁰ Прочитируем важнейшие выводы Ю. Я. Перепелкина «Для правильного понимания сущности переворота следует всегда учитывать то исключительное положение, которое Эхнатон занимал в государстве, положение, необычное даже для египетского царя. [...] В самообожествлении фараон далеко превзошел предшественников. В Фивах и Ахетатоне существовало особое жречество царствующего фараона.

Своеобразие нового солнцепоклонничества в том виде, который оно приобрело в середине царствования Эхнатона, заключалось преимущественно в провозглашении Солнца царствующим фараоном, в признании видимого Солнца единственным образом нового божества, в почитании не всех богов

Египта одного только Солнца, в неприятии всякого рода баснословных сказаний, связанных со старым миром богов. [...] Знание Солнца было достоянием одного Эхнатона. Никто другой не мог познать Солнца, кроме его сына. [...]

[...] незадолго до начала 12-го года царствования, Эхнатон отверг само слово „бог“ в единственном числе. [...]

Как царь, так и само Солнце перестали считаться богами. Отныне оба они строго последовательно назывались только царями. [...]

Солнцепоклонничество Аменхотепа IV никогда не было единобожием. В своей новой столице на всех сил природы он чтит одно Солнце, но это вовсе не означало, что он считал „богов“ несуществующими. Напротив, они представлялись ему действительными силами, и в первую очередь „царь богов“ Амон. [...]

[...] Местная знать, тесно связанная с местным жречеством, возглавлявшая его и входившая в его состав, была той силой, которую преобразователь не мог или не посмел сломить.

Солнцепоклонничество Эхнатона было слишком личным, чтобы могло найти живой отклик у народа.

Хотя солнцепоклонничество было довольно легко побеждено адептами старых богов, переворот Эхнатона привел к значительным последствиям как во внутриполитической истории страны, так и в духовной ее жизни, повлияв на изобразительное искусство, язык и письменность.

Глава XV

¹ Выставка «Сокровища Тутанхамона» из собрания Египетского музея в Каире путешествовала по всему миру; в Советском Союзе имела место в 1973 г.

² В переводе Ю. Я. Перепелкина: «Подобающее (в отношении) жизни (ест) Солнце».

³ Титул нареченного отца фараона Эйе мог получить потому, что был супругом Тейе, кормилицы царицы Нефертити. Кормилицы в Египте были окружены почтом (особенно если имели отношение к царской семье).

⁴ Перевод см.: ХИДВ, с. 97—99.

⁵ Заключение о браке дочери Эхнатона Анхесеннамон с Эйе Ю. Я. Перепелкин считает «наилучшим подтверждением». Против такого вывода свидетельствует изображение в гробнице Эйе в качестве его супруга Тейе, ставшей царицей.

⁶ Перевод см.: ХИДВ, с. 100—103.

⁷ Эти статуэтки находят в гробницах начиная со Среднего царства. По представлениям египтян, они должны были не просто «помогать» покойному, а работать за него в потустороннем мире (особенно египтяне старались набегать «царских работ»). Поэтому вполне логично, что к концу Нового царства умершие стали считать рабами владельца гробницы.

⁸ Безусловно, главная цель этих сюжетов не демонстрация частной жизни фараона и не восхваление любви. Сцены на вазах и ларцах обладают глубоким символическим смыслом: царь и царица воплощают мужское и женское начала мироздания.

¹ Фараон Сети I был сыном партия по имени Сатра, а матерью одноименного ему визиря и начальника лучников была совсем другая женщина — Тиу. Нет достоверных свидетельств соправления Сети I и его отца — Рамсеса I.

² *Кенотаф* (с древнегреч.: букв. «пустая гробница») — гробница, где с самого начала не предполагалось захоронение или вследствие каких-либо причин, для последнего было выбрано другое место. Иногда этим термином обозначают воздвигнутую в качестве памятника часовню. В Египте кенотафы были и у царей (у Тутмосов III и IV, Эхе, Рамсеса III), и у частных лиц. Самый известный — кенотаф Сети I, так называемый «Осирейон».

³ Перевод «Декрета Сети I из Наури» с.: ХИДВ, с. 83—90.

Глава XVII

¹ Ручной лев Рамсеса II запечатлен в сценах Кадетской битвы (рельефы Карнакского храма Амона).

² Действительно, некоторые детали битвы при Кадеше (возможно, первого в истории крупного сражения, известного нам) остаются дискуссионными. Несомненно, фараон проявил личное мужество и подвергся смертельной опасности. Спасение пришло к нему в виде соединения отборных воинов, двигавшихся к Кадешу с побережья Средиземного моря. Неизвестно, успело ли соединение Птаха, поторопиться которое отправился визирь, вступить в битву до наступления вечера. Похоже, что сражение возобновилось на следующее утро. Хотя в конечном итоге поле битвы осталось за египтянами, победителями нельзя считать ни их, ни хеттов.

³ Названия месяцев по религиозным праздникам (унаследованные коптами) вошли в употребление в период Позднего царства. До этого месяцы в надписях обозначались цифрами с первого по четвертый в течение каждого из трех сезонов года. *Тиби* — первый месяц сезона всходов (выжидания).

⁴ Перевод см.: ХИДВ, с. 79—83.

⁵ В Карнакском храме в строении греко-римского времени была найдена стела (в настоящее время хранится в Лувре), текст которой повествует о посылке в далекую страну Бахтан (Бактрия) статуй бога Хонсу для излечения «одержимой бесами» царевны Бентреп, сестры одной из иноземных супруг Рамсеса II. «Изгоняющий чужеземных демонов» Хонсу почитался в Фивах в качестве сына Амона и Мут.

⁶ Во времена XVIII—XIX династий *сетет*, одна из наиболее популярных игр, приобретает следующую интерпретацию: доска с 30 клеточками отождествляется с путем покойного в потустороннем мире, и победа означает счастливое преодоление им всех опасностей и новую жизнь. Поэтому игра в *сетет* изображается в вилетие к 17-й главе Книги мертвых.

Любопытно, что, согласно Платону, изобретателем этой игры в кости был Тот («Федр», 274). Плутарх в трактате «Об Исиде и Осирисе» рассказывает об игре богов, результатом которой стало... пополнение египетского пантеона.

⁷ В данном случае Нейт изображена не как покровительница ткачества, а как охранительница мертвых. В этой роли

она часто представляется вместе с Селкет. Тексты пирамид называют охранительницами умершего фараона Псиуду. Нефтис, Нейт и Селкет. Поэтому к ним вызывают многие надписи на погребальной утвари, а изображения четырех богинь, помещаемые на углах саркофагов Нового царства, как бы обнимают их руками-крыльями.

⁸ Желтая цветовая гамма скорее всего объясняется желанием воспроизвести цвет золота. По представлениям египтян тела богов были золотыми. Фараон — сын Солнца, поэтому и его плоть — золотая (о чем ясно говорит третий из царских титулов, как показал О. Д. Берлев). Желанием обеспечить нетленность тела объясняется изготовление золотых масок, раскрашивание в желтый цвет изображений умерших в гробницах, лиц на деревянных гробах.

⁹ Пасер, по «моде», оставшейся в наследство от амарнской эпохи, прибеднялся, желая подчеркнуть, что он всем обязан фараону. Он был сыном верховного жреца Амона, а взлетел стал еще при Сети I.

¹⁰ Вопрос о локализации Пер-Рамсеса носит дискуссионный характер. Гипотеза о тождестве его Танису в настоящее время находит мало сторонников. Идентификация Пер-Рамсеса с гиксосским Аварисом, напротив, весьма популярна в литературе. Возможно, Аварис стал частью новой столицы (его название носила при XX династии гавань Пер-Рамсеса). Некоторые исследователи локализируют Аварис в районе Телль эд-Даба, южнее местности Катаана-Каутир, где располагался, по их мнению, Пер-Рамсес.

¹¹ Первые постройки Таниса датируются XXI династией. Памятники более ранних царей, прежде всего Рамсеса II, были перенесены туда не ранее XI в. до н. э.

¹² Гипостильный зал Карнакского храма Амона был завершен в правление Рамсеса II, начало же его строительства (а именно возведение гигантских средних колонн высотой 24 м) восходит, возможно, ко времени Аменхотепа III.

¹³ Колонны в форме стоящей фигуры бога Осириса.

Глава XVIII

¹ Знаменитое предание об Атлантиде содержится в диалоге Платона «Тимей».

² Из истории древнего Египта известно о трех заговорах, условно называемых «гаремными» (см. Послесловие): в период Древнего царства (это дело разбирал вельможа Уни; см. гл. VI), Среднего (вероятно, в результате заговора погиб Аменхатет I; см. гл. VII) и Нового, о котором идет речь в этой главе. Документы, относящиеся к последнему, опубликованы на русском языке: Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н. э. Памятники и исследования. Л., 1980, с. 298—304.

Глава XIX

¹ Третий переходный период — это правление танисской XXI династии, двух ливийских династий с центром в Вуба-оисе и XXIV самарской династии. XXV — эфиопская — династия сначала правила Нубией и частью Верхнего Египта,

включая Оаизы, а начиная с царя по имени Шабака (712—698 г. до н. э.) — всей долиной Нила. С царствования этой династии иногда начинают историю Позднего периода (царства). Наибольшего расцвета в I тысячелетии до н. э. Египет достигает, пожалуй, при XXVI династии, столицей которой был Саис на западе Дельты (возможно, поэтому можно говорить о начале Позднего царства в 663 г. до н. э.). В 525 г. страну завоевывают персы, и до 404 г. до н. э. трон фараонов принадлежит персидским царям, составившим XXVII династию. Второй период владычества персов был кратким: с 343 по 332 г. до н. э. Между правлениями чужеземцев вклинивается история XXVIII—XXX местных династий.

² Фердинанд де Лессепс — дипломат и предприниматель, получивший на льготных условиях концессию на строительство Суэцкого канала, открытого для судоходства в 1869 г. Следов канала времени Среднего царства здесь не обнаружено, но известно, что при XIX династии существовал канал, дававший воду для новых городов восточной окраины Дельты. Строительство канала при Нехо II было, по-видимому, завершено Дарием I, и его использовали до 767 г., когда он был засыпан по приказу халифа аль-Мансура якобы для защиты Мекки, а на самом деле — для торговли Дамаска.

Глава XX

¹ Неточность: в оазисе Сиwa, где находился знаменитый на весь древний мир оракул, Александр Македонский провозглашается «сыном Амона», легитимизируя свою власть над Египтом в духе фараонов. Венчался же на царство он в древнем Мемфисе.

² Мысль об отсутствии у Александрии «египетских корней» неоспорима. Влияние древнеегипетской культуры на греческую даже в столь консервативной области, как религия, прослеживается достаточно ясно. Еще намечая план города, Александр Македонский основывает святилище Исиды. Вероятно, именно в Александрии в III в. до н. э. рождается культ Сераписа (см. примеч. 3). Многие выдающиеся ученые эпохи эллинизма жили и работали в этом городе. Они обращались к египетскому наследию в духе эллинов архаического и классического периодов. В Библиотеке хранились книги на древневосточных языках, а также труды египетских авторов на греческом (по сообщению Плутарха, Манетона переводил александрийский жрец Тимофей). Религия и мифология долины Нила паша отраженные в произведениях поэтов александрийской школы, начиная с Каллимаха. Именно Александрия стала главным звеном, связывающим Египет с окружающим миром, центром, через посредство которого древняя культура долины Нила в эллинизированном облике достигала самых дальних уголков ойкумены (например, Северного Причерноморья).

³ В образе Сераписа слились два египетских божества (Осирис и Апис) и несколько греческих (точнее, отдельные черты Аида, Зевса, Гелиоса, Посейдона, Деметры). Спектр функций этого божества необычайно широк: от исцелителя, охраняющего от дурного глаза, до космократора, священника.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга — труд необычайно активного популяризатора науки Кристиана Жака, перу которого принадлежит более десятка работ на разные темы: о великих соборах, франкмасонстве, геральдической символической — и по крайней мере два романа. В 1976 г. была опубликована его первая египтологическая монография: «Анатон и Нефертити, солнечная чета», в 1981 г. вышли из печати сразу две: в Монако — «Власть и мудрость в древнем Египте», а в Париже — «Египет великих фараонов». 1983 год стал годом публикации книги о магии, а в 1985 г. увидела свет работа «Древний Египет: день за днем». Судя по темпам, сейчас этот список значительно расширился.

Однако несправедливо было бы бросить автору упрек в поверхностности и всеядности. В нашу эпоху, когда египтологам не хватает ни сил, ни времени писать научно-популярные книги, как это делали их предшественники в благодатные времена конца XIX — начала XX в.¹, за дело берутся непрофессионалы, и результаты их работы порой оказываются плачевны (только о пирамиде Хуфу написаны пирамиды книг, многие из которых интересны лишь в качестве курьеза). Поэтому труды хорошо подготовленного в этой специфической области К. Жака (на титульном листе указано после его фамилии «доктор египтологии»), дающие читателю возможность ознакомиться с современным состоянием науки, по праву займут важную литературную нишу.

Замысел книги, которую вы держите в руках, поистине великолепен: показать историю одной из блистательных цивилизаций древности через биографические очерки знаменитых фараонов. Всего К. Жак выбрал двадцать фигур, и в целом с этим выбором можно согласиться, хотя, на наш взгляд, в списке пропущено по крайней мере два имени: Аменемхет I и Исамметех I. Первый из них был основателем XII династии, с его правления иногда начинают историю Среднего царства. Дело не только в том, что царствование Аменемхета открыло блестящую династию (за 200 лет ее правления на троне сменилось всего 8 царей). Он был великим государственным деятелем, значение которого для истории страны трудно переоценить. Эпохе Среднего царства посвящена только одна глава VII, в то время как Раннему царству — две (I и II), Древнему — три (IV — VI), а Новому — одиннадцать (VIII — XVIII)!

Лишь одна крохотная глава выделена К. Жаком богатой событиями истории I тысячелетия до н. э., сохранившей в кар-

¹ Не следует забывать, что египтология, родившаяся в 1822 г. благодаря гениальному открытию Ж.-Ф. Шампольона, прошла уже длительный путь развития и является сложной интеллектуальной дисциплиной с богатой историографией.

тупах фараонов имели многих выдающихся личностей. Среди них встречаются чужеземцы: ливийцы, кушиты, персы. Часто они настолько поддавались влиянию египетской культуры (в наименьшей степени это касается персов, хотя в Египте они тоже старались изображать на себя фараонов), что кажутся египтянами более, чем местными жителями. Несомненно, египтизация имела глубокие корни в длительном соседстве этих народов с долиной Нила. Псамметих I, происходивший из ливийского рода, стал фараоном в сложной обстановке, когда захватчики с юга и северо-востока раздирали страну на части. Освободив Египет от чужеземцев с помощью меча и хитроумных дипломатических ходов, Псамметих I основал XXVI династию, время правления которой определяется специалистами как «Саисское возрождение». Этот 150-летний период последнего расцвета древнего Египта — наиболее значимый в истории Позднего царства. Интереснейший материал для его изучения дает античная традиция. Греки имеют теперь возможность наблюдать жизнь страны «изнутри»: в благодарность за помощь наемников при восхождении на престол Псамметих I разрешает им основать несколько поселений в долине Нила (Шавкратис, Дафны, Стратопеды). Так возникает греко-египетская среда, обусловившая особенности эллинизма в Египте.

Любопытно следующее: как показывают характерные для XXVI династии архамизированные памятники, египтяне саисского периода «золотым веком» страны считали Древнее царство, а не Новое, относительно недавно (для них) отшумевшее своими большими блестящими крыльями, простертыми над завоеванными соседними странами, и канувшее в лету. Думается, это можно объяснить не только тем, что прошлые события идеализируются соответственно степени их удаленности, но по принципу «чем древнее, тем лучше». Для нашего восприятия Египта эпоха Древнего царства тоже оказывается ключевой: название страны прежде всего ассоциируется с великими пирамидами IV династии...

Конечно, К. Жак, как автор, обладает правом с особым вниманием освещать одни периоды и лишь вскользь касаться других, но в его распределении материала по главам некоторая диспропорция «в пользу» Нового царства сразу бросается в глаза. В основном это объясняется характером сохранившихся древнеегипетских источников — именно по этой причине большинство научно-популярных книг о Египте пишется на материале Нового царства.

Легко понять мотивы включения в работу очерка о Клеопатре: действительно, царица столь широко известна, что глава о ней привлечет самых разных читателей. Принадлежность к греко-македонской династии не мешала Клеопатре изображать богиню Исиду, и с определенными натяжками можно говорить о ней как о наследнице фараонов. Однако даже в пределах XX главы следовало бы уделить несколько строк основателю царства Лагидов, полководцу Александра Македонского Птолемею.

Что можно сказать об уровне исполнения столь великодушного задуманной книги?

Привлекательной чертой работы, безусловно, является отсутствие погони за сенсацией, сочетающееся с адолизованной увлеченностью К. Жака древней культурой долины Нила. Автор

опирается в своих очерках на добротный египтологический материал, иногда обращаясь к новым интересным гипотезам выдвигаемым исследователями (в основном французских). К чести К. Жака заметим, что в его книге «история» превалирует над «эстетикой» (хотя мы отнюдь не стремимся умалить бесспорное значение последней для историка). Каждая глава начинается с датировки правления того или иного фараона (имеется и хронологическая таблица в конце книги, в которую мы взяли на себя смелость внести небольшое уточнение), с описания его внешности, причем автор обращается не только к изображениям, но и к сохранившимся мумиям некоторых владык, и попытки создания «психологического портрета».

На наш взгляд, К. Жаку особенно удаются описания памятников — они точны, но не страдают частым пороком научных трудов (служащим подчас критерием их учености) — они не скучны. Чувствуется, что эти описания вышли из-под пера человека, изощренного тонким вкусом и живым воображением. Круж принятаемых источников обширен, они радуют разнообразием, но книга заметно вымрала бы, если бы автор уделял больше внимания древнеегипетским текстам. Скромно использованы литературные произведения: пересказы лишь сказки папируса Весткар да жемчужина среднеегипетской литературы — повесть о приключениях Синухета; другие же памятники лишь упоминаются.

Естественно, в книге подобного рода неопытными источниками сведений являются труды античных авторов. К. Жак использует их, хотя и не в полной мере. Тем более поразительна довольно низкая оценка, даваемая им во введении греко-римской традиции. «Детская болезнь» гиперкритического отношения к ней давно пережита паукой, и египтологи не раз убеждались, сколь бездонной сокровищницей свидетельств являются работы Геродота, Диодора, Плутарха, Страбона и других древних ученых и писателей. Интерпретация их, конечно, осложняется тем, что они смотрели на историю долины Нила сквозь античные очки, но все-таки они касались еще живой ткани древнеегипетской культуры.

К сожалению, К. Жак не свободен от идеализации своих героев, порой даже безудержной. Иконописно выглядит цари Ганимо царства, жестоко подавившие восстание в Дельте. Кстати, большинство египтологов отождествляют с Менесом — первым летописным царем — Хора Бойца (Хор Аха), а не Нармера.

Тема история прихода к власти Джосера: не исключено, что он помог своему предшественнику на троне переселиться в царство мертвых. У К. Жака Джосер — мудрец, миротворец, создатель ступенчатой пирамиды наряду с Имхотепом, благодетель народа, впавший в отчаяние из-за постигнутого страу года.

Снофру, об активной внешней политике (отнюдь не мирного характера!) которого известно достаточно много, — «добрый царь» и великий строитель.

Также «реабilitируются» Хуфу, Хафра и Менкаура, якобы «милитарные» античной традицией. Но специальное изучение последней часто показывает, что она сохранила изложение местных преданий. Например, отнюдь не привлекательно изображен Хуфу в сказках папируса Весткар: он приказывает ча-

родю Джеди произвести чудо по приращению отрубленной головы уанка, а затем явно с недобрыми намерениями интересуются тремя младенцами Реджедет, которые, согласно пророчеству, станут царями Египта.

Уже от современных ученых К. Жак спасает имя Аменхотепа III — «глубоко верующего» и «духовного» человека (глава XIII). Но без резона автор заявляет, что вокруг Эхнатона распускают сплетни (глава XIV). Похоже, сам он не является поклонником последнего, но склонен «смягчать» образ этого властного фараона, враги которого подлежали безжалостному уничтожению «огнем и мечом».

Идеализация пропоязывает и представления К. Жака о египетском обществе. По его мнению, крестьяне в древности были менее несчастны, чем современные феллахи, так как государство помогало им в случае паводнения или недостаточности высокого разлива Нила. Общество якобы являлось мягким (даже «очень мягким») социальным организмом, без непроходимых барьеров между слоями (глава V). Чужеземцы, «даже те, кого называли „рабы“, легко освобождались, жещаясь на египтянках, меняя имена на египетские и добываясь должностей» (глава XIII). Увы, скорее наоборот, это было общество с жесткой структурой. Добиться «степеней известных» мог только человек образованный, поэтому простолюдину было нелегко сделать успешную карьеру. Что касается чужеземцев, действительно, в эпоху Нового царства путь наверх для них не был абсолютно закрыт, но продвигутся по служебной лестнице мог скорее какой-нибудь воин, царский телохранитель, чем тот, кого объявляли в текстах словом «раб». В женском доме царя вместе с детьми фараона воспитывались сыновья царьков из городов Восточного Средиземноморья. Из них вырастали верные Египту наследники тронов отцов, но, возможно, кто-то навсегда оставался в долине Нила и получал должность от своего товарища по играм, ставшего «владыкой Общих земель».

Пожалуй, К. Жак порой слишком эмоционален при описании древнеегипетских памятников и его «заносит» в заоблачные мистические дали, однако видевшие воочию, например, архитектурный ансамбль со ступенчатой пирамидой Джосера в Саккаре или прошедшие через гипостильный зал Карнакского храма поймут автора и удивятся сходству своих впечатлений с прочитанным. Происходит так потому, что наша цивилизация тысячами путей связана с культурой древнего Египта. Эта мысль К. Жака, в русской историографии яснее всего выраженная Б. А. Тураевым в начале XX в., представляется мне важнейшей.

Женщины на престоле Египта

...[у египтян] царица имеет больше власти, и получает больше почестей, чем царь.

Диодор. Историческая библиотека. I, 27

Книга К. Жака посвящена его дочери, и, возможно, не случайно автор, уловивший модные в современной египтологии тенденции, обращает внимание читателей на матерей и жен великих фараонов, а две отдельные главы посвящает царицам,

правившим страной единолично, — Хатшепсут и Клеопатре. Однако «сладкоязычные Обеих земель» заслуживают большего, поэтому рискуем потревожить их прах, коснувшись некоторых аспектов этой обширной темы, интересующей, как мы надеемся, не только женщин.

Еще в 1908 г. во введении к книге Дж. Баттлс «Царицы Египта» Гастон Масперо, как истинный француз, удивлялся, что никто из множества людей, путешествовавших по долине Нила, не обратился к этой теме. Другой египтолог, К. Блессер, почти через 50 лет (в 1959 г.) квалифицировал как курьезный тот факт, что египтологи не уделяют внимания супруге фараона. По его мнению, «мужское самодовольство» не позволяло им подыять очевидный и «сверхвычайно интересный» вопрос о том, какова была роль женщины, сидевшей на троне рядом с царем.

В настоящее время эта проблема разрабатывается в историографии весьма активно, и — как в следовало ожидать — почти исключительно представительницами прекрасной половины человечества (Б. Леско, Э. Райзер, Б. Шмитц, Л. Трой). В русской литературе близкая проблематика затрагивалась Милицей Эдвиновной Матье в статье «Следы матриархата в древнем Египте» (сборник статей «Вопросы истории доклассового общества», М. — Л., 1936).

Разумеется, прежде всего интересны свидетельства о женщинах-фараонах. Царствующая женщина — насколько такое явление было уникальным для древнего мира? Известны две царицы VII в. (Сондок и Чипдок), правившие корейским государством Силла. По мнению некоторых исследователей, во главе критского государства стояла жрица. Верховные жрицы бога Луны занимали высокое положение в храмовой иерархии Ура конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Месопотамии². Похоже, по женской линии передавалось право на престол в шаньском Китае (XVI — XI вв. до н. э.). Так называемые «Завещание Хаттусили» (XVII в. до н. э.) и «Указ Телеппиу» (XVI в. до н. э.) показывают нам внутриполитическую борьбу в Хеттском царстве за новый порядок наследования трона (от отца к сыну, а не по женской линии через сестру царя). Особым почитанием пользовалась мать цари (капака) в древнем Митроэ.

На протяжении всей древнеегипетской истории положение женщины вообще (а не только цариц) было в целом значительно лучше, чем во всех перечисленных регионах, поэтому женщины-фараоны не должны нас удивлять. С определенной долей уверенности можно говорить о правлении четырех цариц: Нейтикетт (Нитокрис, Нитокрида античных авторов, VI династия), Нефрусобек (XII династия), Хатшепсут (XVIII) и Таусерт (XIX).

Согласно «Египетскому логосу» Геродота (История, II, 100), на троне довелось посидеть одной Нейтикетт, причем власть ей передали египтяне, убившие ее брата. Список Манефона включает пять цариц (кроме вышеназванных он упоминает еще одну царицу XVIII династии — дочь царя Хора Акенхерес). Знаем также, что и Диодор (Историческая библиотека, I, 44), основываясь на «священных египетских книгах» и труде грече-

² См. увлекательную книгу И. М. Дьяконова «Люди города Ура» (М., 1900).

ского логографа VI в. доп. в. Гекатея Милетского, т. е., вероятно, независимо от Манефона, указывает такое же общее количество царей — пять, к сожалению не перечисляя их по именам.

Четыре или пять — совсем немного, «капля в море» по сравнению с 350 фараонами-мужчинами. Да и правления царей, за исключением Хатшепсут, были малозначительны... Любопытно узнать, как относились к женским царствованиям сами древние египтяне? Было ли это явление просто редким, а потому и удивительным феноменом, вроде дождя — «снепорядка на небе», или оно воспринималось как нечто неблагоприятное, грозящее дурными последствиями для страны? Последнее весьма вероятно.

Бросается в глаза следующая закономерность: три царицы из четырех (еще раз с удовольствием исключаем Хатшепсут) получают трон в периоды упадка. Пейтикерт — последняя в списке фараонов VI династии, Пепфусебек — XII, а Таусерт — XIX! Более того, первая и вторая из них стоят на пороге гибели Древнего и Среднего царств. Странно, но женщины допускали к престолу только тогда, когда положение государства становилось совершенно безнадежным и фараоновская власть ослабевала под напором сил децентрализации...

Показательно, что в Абидосском и Карнакском списках владык Египта имена царей опущены. Возможно, этим и объясняется свидетельство Геродота об одной единственной царице: он не ошибся, а передал доступную ему местную традицию.

Однако — и это очень существенно — египтяне не задумывались над каким-либо оправданием женского царствования. Правящая царица не нуждалась в особой легитимизации ее власти (это подчеркивают египтологи-мужчины — Э. Отто и В. Барта). Получая должность, которая все-таки считалась мужской, царица должна была исполнять мужскую роль. Поэтому даже могущественная Хатшепсут изображалась с атрибутами царя, не исключая накладной бородки. Красноречиво ее желание быть похороненной достойно фараона — когда она получила престол, приготовленная для нее гробница в Долине царей была оставлена. Появление имени при ней изображений древнего мифа о рождении фараона от союза бога и царицы (рельефы храма в Дейр эль-Бахри) соблазнительно связать со стремлением Хатшепсут подтвердить свои права на трон, но ведь препятствием для Хатшепсут была отнюдь не принадлежность ее к женскому полу, а существование юного, рвущегося к власти Тутмоса III.

Обратившись к мифологии, мы, по мнению Ланы Трой, найдем следующее идеологическое оправдание прав женщин на престол: равенство Шу и Тефнут, божественной пары супругов-близнецов, так называемой «Руты».

Египетские богини были равноправны с мужскими божествами, как и египетские женщины — с мужчинами. Но все-таки главенствующее положение занимали представители сильного пола. Ни в эпоху богов, ни во времена «героев» власть не находилась в женских руках. Единственное исключение — указание на совместное правление Осириса и Исиды, сохранившееся только в одном списке Манефона (остальные варианты третьего фрагмента говорят о единоличном правлении Осириса).

Античная традиция проявила большую благосклонность к женскому полу: Дiodор, говоря об особом почитании царей у египтян, объясняет это справедливым правлением Исиды,

вступившей на престол после гибели Осириса и совершившей много добрых дел (Историческая библиотека, I, 27). Культурной героиней представлена богиня и в трактате Плутарха «Об Иси-де и Осирисе».

Манефон дает и другое ценнейшее свидетельство: при третьем царе II династии Бинофрисе было законом (!) установлено право женщин на царский престол. Бинофрис, отождествленный с Нинетером египетских памятников, правил якобы 47 лет; его имя есть в Абидосском, Саккарском и Туринском царских списках. Древнеегипетские источники, прежде всего летопись де-ланий царей с так называемой «пулевой» до V династии, Палермский камень, хранят молчание по поводу столь примечательного закона, но скупо сообщают о действительно длительном, более 30 лет, правлении Нинетера, озаменованном становлением административного аппарата во главе с визирем.

Л. Трой дает два варианта интерпретации этого свидетельства: или Манефон хотел объяснить специфически египетский феномен, или здесь отразилась «политическая активность» женщины Птолемеяской династии. Последнее, на наш взгляд, мало вероятно: при Птолемея I, когда создавался труд Манефона, рано было еще говорить об особой политической активности царя, достигшей апогея в самом конце эпохи — в правлении Клеопатры VII.

Нам неизвестны женщины времени Раннего царства, воспользовавшиеся этим законом, но не будем спешить отвергать свидетельство Манефона. Период I—II династий сохранил имена по крайней мере двух цариц, занимавших выдающееся положение при дворе фараона.

Немалое количество прошедших веков отделяет нас от Хетуннейт (имя также читают: «Хетешейт», «Шейхотеп») — жены Хора Аха, т. е. Менеса. В начале нашего столетия этому фараону приписывалась найденная Ж. де Морганом в Немате гробница, где было обнаружено множество надписей на фрагментах алебастровых ваз, наделих из слоновой кости и оттисков печатей на сосудах с этими двумя именами. Пол догребенного лица по обгоревшему скелету установить не удалось, но после дополнительных раскопок Дж. Гарстаг идентично превосходит размерами саккарскую гробницу цари Хор Аха (1450 и 651 кв. м), но ее 16 складов не были использованы, в их засыпали песком и галькой. Надписи дают два титула царицы, но особый интерес представляет находка отката печати³ с изображением *сереза* — фасада дворца, в который вписано имя Хетуннейт. Полная аналогия Хорову имени титулатуры фараона (только вместо сокола на прямоугольнике стрелы Нейт — государственной богини Раннего царства).

Имя богини Западной Дельты, входящее в состав имени царицы, послужило поводом для выдвижения увлекшей многих египтологов гипотезы: брак Хора Аха с нижнеегипетской царицей легитимизировал его власть над всем Египтом. Но теоретик имя слишком уязвимый аргумент для предположения о происхождении Хетуннейт из «саисского царского дома»

³ Древнейшие печати в Египте имели цилиндрическую форму.

(таким был центром культа богини, обозначаемой двумя скрещенными стрелами, на протяжении всей истории Египта).

Уникальное написание имени царицы в *сереге*, напротив, очень серьезное свидетельство особого положения Хетепушиейт. По мнению В. Хелька, его следует интерпретировать как указание на регентство царицы при ее внуке (?) Джере⁴. Представляется, что такое написание дает право на существование гипотезы о едиполичном (пусть даже весьма кратковременном) правлении Хетепушиейт. Помните и о размерах ее гробницы.

Безусловно, Э. Баумгартель была права, предполагая, что слово «царь» женского рода, а следовательно, первоначально бремя власти несли женщины. Сам термин «царица» зафиксирован текстами начиная с эпохи Среднего царства, жехи, ставшей важным этапом в оформлении титулатуры жен фараонов.

С другой стороны, еще в начале нашего века было подмечено (А. Эрман, А. Морз): в обозначениях ряда древнейших царских атрибутов (венцов, жезлов) сохранился местоименный суффикс третьего лица единственного числа женского рода. Вероятно, они считались принадлежностью богинь, плотным кольцом окружавших трон. Напомним, что Исиды — олицетворение последнего, о чем говорит написание ее имени с соответствующим иероглифом. Хатхор — буква «жвляще (по Перевелкину: «подворье») Хора», т. е. царя. Урей — охраняющая царя кобра с раздутым капюшоном, украшающая чело фараона — воплощение покровительницы Нижнего Египта Уаджит. Последняя в паре с грифом Нехбет из Верхнего Египта («Обе владычицы») вошли в состав второго имени фараона и стали впоследствии обязательным компонентом царской титулатуры. Тексты пирамид называют четырех охранительниц умершего царя: Исиду, Нефтис, Нейт, Селкет. Во время войн фараону покровительствовали грозные львиноголовые богини вроде Сахмет. Наконец, особое значение для царской власти имел культ дочери Ра, его Ока — Маат. С эпохи Среднего царства становится заметной в пантеоне Мут — супруга Амона, утверждающегося в роли «царя богов».

По мнению Л. Трой, египтянам не была чужда мысль о брачных отношениях между царем и Египтом — его супругой (очевидна аналогия с отношениями ветхозаветного Яхве и народа Израиля). Отождествление женского начала со страной в целом доказывается использованнем символики «Обеих владычиц» в иконографии царственных женщин.

Царица являлась прежде всего верховной жрицей, так же как царь — верховным жрецом. Придворные дамы, госпожой которых называют ее тексты, — неперменные участницы культовых действий: например, при IV — VI династиях большинство

⁴ Женой Джера, по мнению В. Эмери, была Хернеит, воцарски похороненная в гробнице № 3507, открытой в Саккаре в 1965 г. Мاستаба так хорошо сохранилась, что египетское правительство решило отреставрировать ее и превратить в туристический объект. В центральной камере были найдены остатки скелета, золотое и сердоликовое ожерелье. У подножия гробницы обнаружили прямоугольные насыпи с глиняными гонимыми быков, в которые вставлялись настоящие рога. С южной была погребена собака, вероятно ее любимица. В Абидосе была найдена ложка из слоновой кости с именем царицы.

и их — жрицы Хатхор или Нейт. Как исполнительница священных обрядов (например, в празднике спящий урожай, тебсеб), царица, имеющая непосредственное отношение к богиням, приобретает некоторые черты иконографии богинь: элементом, приобретающим некоторые черты иконографии богинь; элементом их одежды. Головные уборы (с XI династии характерным атрибутом царя становится убор в виде грифа, что, видимо, отражает возвышение культа Мут) — или даже упрощается в изображениях (супруга Аменхотепа III, Тэйе, представленная в роли Маат, позднее типичны для цариц «роли» Хатхор, Исет).

Вернемся к Раннему царству. В надписи на Палермском камне упомянуты, вероятно, две матери царей (имена отцов не упоминались), одно из них восстанавливают как «Меритнейт» (или «Мерейт»). Похоже, эта женщина была удостоена двух гробниц, одна из которых — кенотаф.

Абидосская мастаба, раскопанная экспедицией Фл. Питри в 1900—1901 гг., идентифицируется на основании находки у восточной стены центральной камеры двух известняковых стел с именем Меритнейт. К ней примыкает 41 сопутствующая гробница (все пустые; помимо стел был найден только гребень из слоновой кости с именем царя). Похоже, из Абидоса происходят глиняные «сирийские» сосуды с надписью «Меритнейт», необыкновенная форма которых подчеркивает царственное положение их владелицы.

В 1946 г. В. Эмери открыл в Саккаре еще одну гробницу, приписываемую царице из-за трех фрагментов сосудов с соответствующими надписями, найденных у саркофага, каменных ваз и печатей, идентичных абидосским. В центральной камере были обнаружены остатки обгоревшего скелета. Надземные сооружения 20 примыкающих к мастабе гробниц разрушены, но часть погребений сохранилась. Мумифицированные тела лежали в деревянных гробах в скорченном положении, и, хотя следов насильственной смерти не было обнаружено, В. Эмери выдвинул предположение об отравлении слуг Меритнейт. Согласно Н. М. Постовской, низшее социальное положение этих лиц доказывается единообразием архитектуры и стандартным инвентарем, несильно варьирующимся в зависимости от профессии погребенного.

Вопрос о родственных связях Меритнейт весьма запутан. Многие египтологи видят в ней супругу Хора Простирателя (Ден, Удиму, Усефнис), другие — его мать или даже бабушку. Судя по надписям, она доводилась родственницей трем царям (поколениям?): Джеру, Уаджи и Дену. Ее гробницы производят на специалистов такое впечатление, что они склонны считать ее регентшей при малолетнем сыне или даже самостоятельно правившей царицей. Теофорное имя, как и в случае с Хетепушейт, пытаются связать с санским парским домом.

Возможно, не случайно две выдающиеся царицы Раннего царства носят имена, славящие богиню Нейт. Как понимать символ богини — две скрещенные стрелы, — помещенный вместо царского сокола — Хора на фасад дворца? Попытка создать титул для супруги фараона или обозначение женщины-фараона? Символ Нейт встречается и на других предметах, принадлежащих царицам хотя и не в столь многозначительном контексте. Эффектные изображения штандартов сансской богини восстановлены на скинке кресла из погребения матери Хуфу (см.

пике) Свидетельством животным Нейт был жук, о чем, в частности, свидетельствует золотая капсула с ее знаком из Нага-ет-Дер. В виде жуков изготовлены бусины из золотого ожерелья, найденного в некрополе Гизе в числе прочих украшений на мумии женщины, принадлежавшей к царскому роду. По тому титулу «жрица Нейт» обычен для знатных дам IV—VI династий.

Трудно что-либо утверждать наверняка, но, может быть, правление этих цариц было прецедентом, следствием которого стал закон Гипофриса о праве женитьбы на престоле? Что касается регентства, то на всем протяжении египетской истории эти функции при малолетнем фараоне исполняла его мать или бабушка.

«Связующим звеном» между Ранним и Древним царствами была Нимаатхеп, супруга последнего паря II династии Хасехемуи и мать (или теща) Дикосера (справа от последнего она изображена в статуарной группе из его пирамидного комплекса в Саккаре). Она — первая известная нам обладательница высокого титула «мать царя Верхнего и Нижнего Египта» и красно-речинного эпитета: «Все, сказанное ей, исполняется». Заупокойный культ Нимаатхеп управлялся еще при Снофру: из ее помпального храма известный вельможа Мечен получал ежедневно 100 хлебов, как сообщает надпись из его гробницы.

История Древнего царства прославляет имена нескольких цариц, судьбы которых заслуживают специального исследования. Например, Хетепхерес I, супруга Снофру и мать Хуфу. Ее гробница на восточной стороне великой пирамиды в Гизе была случайно обнаружена в 1925 г. американской экспедицией Дж. Рейснера и обогатила Египетский музей в Каире великолепными образцами мебели, ювелирных изделий, косметических принадлежностей. Но счастливая находка «подкинула» египтологам трудную загадку: алебастровый саркофаг был пуст, хотя внутренности сохранились в отдельном ларце.

Еще более интригующим является образ Хенткауз — «матери двух царей» (таков ее официальный титул) V династии (Усеркафа и Сахура), ассоциирующейся с героиней одной из сказок папируса Весткар — женой жреца Ра, рожающей от бога трех сыновей, которые по предсказанию чародея Джеди станут фараонами после правления внука Хуфу. Усиливает эти ассоциации следующий факт: Хенткауз часто упоминается в качестве «матери царя» в папирусах из помпального храма Нефериркара в Абусире. Видимо, она умерла во время правления Сахура, поэтому надписи и славят ее как «мать двух царей». Судьба благоволила и к третьему ее сыну: взойдя на трон, он обеспечил заупокойный культ матери. Пирамидный комплекс Хенткауз, давшей жизнь трем владыкам Египта, имена которых совпадают с именами сыновей Ра из сказки папируса Весткар, был раскопан в 1970—1980 гг. чехословацкой экспедицией под руководством М. Вернера. Комплекс включал помпальный храм, действовавший до конца VI династии. Недавно найдено уникальное изображение царицы в головном уборе в виде грифа (в то время это был атрибут богинь) и с уреем — знаком царской власти — на лбу. По предположению М. Вернера, она правила страной единолично. Это вполне вероятно и дает объяснение некоторым загадкам сиреневки Хенткауз.

Почему же в честь Нимаатхен и Хенткауc были уcтановлены культы? Поиски ответа заcтавляют нас обратиться к рцеленному «сочинению» из книги в книгу утверждения о передаче власти фараонов по женской линии. Во многом оно сиродировано свидетельствами почета, окружающего царских матерей, изображениями их в статуарных группах или на стенах гробниц вместе с евлдыками Обеих земель». К. Жак упоминает статуетку царицы Анхнесмерира II с Пиопи II на коленях; ее образ запечатлен на скалах Синайского полуострова, жених; ее образ запечатлен только его именем. Пиопи II вступил на а фараон представлен только его именем. Пиопи II вступил на трон ребенком, и регентшей, судя и по этим изображениям, была его мать. Существует много примеров подобной иконографии для времени Нового царства: Тетишери с внуком Яхмосом, Яххотен с сыном Яхмосом, Яхмос-Нефертари с сыном Аменхотеном I.

Если предполагать передачу престола по женской линии, то матерями царей должны были становиться только жепцины, принадлежащие к царскому роду. Для Раннего и Древнего царств известно по крайней мере пятнадцать царей, обладавших титулом «мать царя», но лишь для трех из них падежно доказано царское происхождение. Ни Нимаатхен между II и III династией, ни Хенткауc между IV и V не являлись «дочерьми царя». К сожалению, неизвестны намятники, а следовательно, и титулатура Мересанх I, названной падиньей на Палермском камне матерью Снофру -- первого царя IV династии. Титул «дочь царя» использовался со времени II династии, но не всегда его можно понимать буквально -- он мог употребляться в качестве почетного. Поэтому довольно рано титул царской дочери свабжается красворечивой припиской «от тела его».

Матери фараонов, происхождение которых было скромным или неизвестно нам, оказываются обладательницами более высокого титула -- «дочь бога» (это Хетепхерес, Хенткауc, Анхнесмерира II). Похоже, последним паграждали мать правящего в данный момент фараона. Понятно, что, не будучи представительницей царского рода, женщина не могла передать право на престол своему сыну.

Короче, в Египте «мать царя» действительно была весьма чтимой персоной, но ударение в этом титуле падает все-таки на слово «царь». Именно его божественный блеск бросал яркий ответ на подарившую ему некогда жизнь женщину, сохраняя ее имя в анналах истории. Обретенный ею высокий статус не свидетельствует о передаче престола по женской линии. С момента вступления на престол нового царя его мать включалась в мифологически понимаемую царскую догму; она становилась избранницей бога, потому что сын ее был сыном бога. Поэтому у детей Ра из слези шапируса Весткар золотая, то есть божественная, плоть. Подробно о рождении фараона от союза верховного бога и царицы расскажут изображения в храмах Нового царства.

Другой некогда «модный» миф в историографии -- женитьба фараонов на так называемых «царевнах-наследницах», единокровных их сестрах (особенно ярко у М. Мюррей в начале XX в.); впрочем, речь шла не только о сестрах. Желая во что бы то ни стало легитимизировать власть некоторых фараонов, впрочем, головы заставляли их пускаться во все тяжкие.

жены на дочерях и даже матерях! Например, Хуфу, чтобы получить трон и иметь возможность построить одно из семи чудес света, якобы сочетался браком с двумя женами своего отца, одна из которых была его матерью... Подобрали и подходящий мифологический прецедент.

Речь идет о так называемых «Апналах богов» — тексте из царств Позднего царства, найденном в эль-Арише, на побережье Средиземного моря, севернее Синая. Возможно, текст древнего происхождения, но подтвердить это можно только после подробного исследования. Основное его содержание — рассказ о том, как передавалась власть во времена правления богов. Преемник Ра Хорахти на троне, Шу, заболевает, и его состояние сказывается на всем мире, потому что упорядочивающая мир деятельность царя ослабела. И вот результат — Геб вылезает на свою мать, Тефнут, и «возжелал ее очень». Опечаленный, он бродил по земле, но вскоре ему представился удобный случай для исполнения его греховного желания: встретив Тефнут днем во дворце одну, он силой овладел ею. Последствия были ужасны: девять дней на земле бушевала буря, а мрак был такой, что никто из людей и богов не мог видеть лица соседа. Затем Геб воссел на трон своего отца Шу, и обитатели дворца признали его власть, поцеловав перед ним землю. Наказание подстерегло Геба, когда ему захотелось поместить на голову урей — атрибут царя. Змея опалила его огненным дыханием и погубила свиту. Излечившись по совету богов, новым владыка благополучно правит миром, продолжая дела своих предшественников.

Согласно интерпретация этого мифа Э. Отто, передача власти происходит потому, что физические силы старого царя ослабевают, а наследник доказывает свою мощь захватом его жены.

Обновить силы старый царь мог благодаря ритуалам, где он действует как Камутеф (букв. «бык своей матери»; бык — символ плодородия). Речь идет не об инициате, определенном, кстати, по-разному в разных культурах (Р. Ниддем), а о сущности бога: он — творец самого себя, а следовательно, тождествен своему отцу.

Впрочем, в настоящее время идея женитьбы фараонов на матерях оставлена — она родилась из-за неверной трактовки титулатуры цариц. Мы привели здесь этот миф, чтобы лучше осветить другую сторону той же проблемы — браки царей с собственными дочерьми.

Предполагается, что в этом можно учесть следующих фараонов: Аменемхета III, Тутмоса IV, Аменхотепов III и IV, Рамсесов II и III. Как и в предыдущем случае, прекрасно подходят мифологические прецеденты: спутница Ра, его Ома, может представляться его дочерью или супругой. По имени Л. Тойр, вступая в супружеские отношения с дочерью, отец становился на место сына — и таким образом обновлял свои силы... Кроме того, как сын понимается идентичным отцу, так мать — дочери.

Вспомним, отвлекаясь на минутку, об изображениях в гробницах: девочки часто жмутся к матери, а мальчики — рядом с отцом. Дочери наследовали матери, как сыновья отцу. Очень яркое свидетельство: гробница дочери Хуфу Хеташерее II, отдающая ей ее дочери — Мересах III. Обе они — женщины Тога и Бапефа. Изображения и статуи показывают женщины вместе,

ранге с детьми — третьим поколением. Причем на дочери одержимого поминального жреца предполагалось, что она будет занимать культ матери (главной обязанностью сына был поминальный культ отца). Подобные свидетельства не единичны. С точки зрения египетской мифологии дочь вполне могла заменить мать в ритуалах. Да и с практической стороны — заменила же дари верховный жрец. Этим, возможно, и объясняется изображение дочери Аменхотепа III Песиды на месте ее матери Тахе в сценах *теб-сева*. По предположению В. Хелька, дары Тахе в сценах могли получить титул «жены царя».

Отвечая еще раз, заметим, что участь царицы была не слишком завидной: похоже, выбор спутника жизни был очень ограниченным обычаем. Для Древнего царства исключительно редок случай брака царицы и невисокопоставленного чиновника. Среднее царство оставило погребения незамужних цариц с богатыми ювелирными украшениями внутри погребальных комплексов их отцов. В чужеземные царские дома египетские царицы никогда не попадали, как заявляет Аменхотеп III в ответе на просьбу вавилонского царька Кадашман-Харбе. (А был ли Соломон женат на дочери фараона, как об этом сообщает Книга Царств (III, 3)?) Так, может быть титул «жены царя» давал его дочери пожизненное обеспечение и вовсе не подразумевал реальные брачные отношения с отцом?

Не имея возможности рассмотреть каждый случай предполагаемой женитьбы фараона на собственной дочери, подчеркнем, что в настоящее время большинство их считаются недостоверными. Титулатура женского окружения царя, еще недостаточно изученная, сыграла с египтологами шутку.

Браки царей с сестрами как обычай доказываются только с эпохи Птолемея. Такие браки вовсе не были распространены в древнем Египте и на уровне простых смертных. Необходимо учитывать, что в период Нового царства словом «сестра» обозначалась жена или возлюбленная, а также иметь в виду описательную систему родства («сестра» могло означать «тетя», «племянница», возможно, «двоюродная сестра»).

Таким образом, кровнородственные браки фараонов, якобы легитимизирующие их власть, оказываются фикцией. Ничего не получается и с родом «царицы-наследницы», аналогичных хотя бы зафиксированному «Стеклой избрания» эфиопского царя Асвалты (VI в. до н. э.) списку его предков по женской линии до седьмого колена, причем все они носили титул «сестра царя». Г. Робинс, специально занимаясь изучением проблемы передачи власти по женской линии в правление XVIII династии (т. е. периода, памятники которого дают основную аргументацию сторонникам этой старой теории), отмечает, что высокая смертность делала практически невозможной любую жестко закрепленную за одним лицом форму передачи наследства.

Часто в литературе утверждается, что наследником становился старший сын главной жены (в последней же иногда видят «царицу-наследницу»). Но нет доказательств, что именно «царица-наследница» становилась главной женой, да и происхождение фараона от главной жены царя не всегда подчеркивается.

Увы, но роль царя в вопросе наследования трона пока не

удастся определить однозначно, хотя, очевидно, она не сводилась к рождению наследника.

Мы немного рассказали о матерях царей. Гораздо меньше известно о матерях цариц, тоже необязательно принадлежавших к царскому роду. Уникальной титулатурой обладала мать двух жён Пиопи I, происходившая из абидосского рода номархов. Эта жрица («дочь» Геба, Тота, Хора, сына Мерху), являясь с обычным при VI династии титулом «украшение цариц», имела титулами верхушки государственного аппарата («книзь», «судья», «друг единственный» и даже «визирь» — все в женском роде) и, по предположению В. Хелька, была регентом. Но когда она стала столь выдающимся лицом — вероятно, после того, как стала тещей фараона? Или наученный горьким опытом Пиопи I (именно в его дворце расследовал тайное дело царицы ловкий вельможа Уни) надеялся, что дочери столь высокородной матери станут хорошими женами? Отметим, что одна из них, Анхвесмериа II, изображалась с уреем на лбу — атрибутом царской власти, заимствованным у фараонов. Не исключено, что урей не просто становление новой иконографии царицы, а отражение ее функций регента при малолетнем сыне — Пиопи II.

Пытаясь выяснить семейные отношения фараонов, мы приблизились ко времени падения Древнего царства, времени, когда, по мнению П. Монте, значение цариц настолько упало, что они носят названия пирамид своих мужей в качестве имен собственных! Но пирамида не только обитель покойного царя, она — центр древнеегипетской жизни. Припирамидные города бывали резиденциями фараонов, а сама пирамида представлялась божеством женского рода и почтительно называлась «Госпожа».

Цариц тоже хоронили в пирамидах-спутницах на южной стороне или у юго-восточного угла пирамид их супругов. Особенно хорошо известны пирамидные комплексы жён Пиопи II, среди которых выделяется высотой пирамида царицы Нейт. Их погребальные камеры содержат Тексты пирамид, тексты, пред назначенные первоначально только фараонам.

«Дочь», «жена» и «мать» царей VI династии Нейт⁶ вместе с «божественной супругой» Нейткерет (XXVI династия) послужили исходным «материалом» для создания античной традицией образа царицы Нитокрис (Нитокриды). Согласно Манефону в передаче Африкана (20-й фрагмент), последняя, «благодарнейшая и прекраснейшая женщина цветущего вида», построила третью пирамиду (имеется в виду гробница Менкаура в Гизе) и правила 12 лет, завершив историю VI династии. Армянская версия Манефона представляет ее не только красивой из женщин, белокожей и румяной, но и храбрейшей из мужчин, что вполне согласуется с рассказом Геродота и при-

⁶ Почетный титул знатных женщин, возможно относящийся к окружению царицы (С. Райзер). Мало вероятно, что его носили сожительницы фараона (Р. Фолквер) — как они могли быть одновременно жёнами сановников высокого ранга? Но с «старомом» они были как-то связаны.

⁶ Сочетание всех трех титулов довольно редко встречается: кроме Нейт для Древнего царства можно назвать имена еще двух цариц.

Иногда этой царице приписывают большую из двух некогда-челеных пирамид конца XII — XIII династии в Маагуме, южнее Дакштура (площадь основания $52,5 \times 52,5$ м), впрочем без достаточных оснований.

Время Среднего царства и Первого и Второго переходных периодов не случайно стало важным этапом в становлении титулатур цариц: титулатура царей сложилась окончательно, и дальнейшее ее развитие могло идти только через ближайшего к фараону человека — его жену. Причем собственное имя царицы становится незаметным рядом с ее титулом. Как отметил О. Д. Берлев, «при XI и ранней XII династиях, постоянно носимые царицами имя „Неферу“... сильно смахивает на титул („красота“). При XII династии... был введен новый титул цариц — „соединившаяся с Прекрасным белым венцом“ (т. е. царем), совершенно вытеснивший имя».

Конец XII династии датируется первым случаем употребления ина картуша — овала, в который заключались имена фараонов — но не для царицы, а для царевны. Почему дочь Аменхета III Нефрутах, умершая при его жизни, была удостоена такой чести — неизвестно. Картуш получила и царевна начала XIII династии. А из цариц первой обладательницей картуша стала Небхетепти, жена Себекхотена IV (конец XIII династии). Обратимся к работе О. Д. Берлева: «... в картуш можно заключать только имя Солнца, царя Египта. Неизбежен вывод, что во второй половине II переходного периода царица мыслится и сама как Солнце, но, так как она не может быть особым от царя вторым Солнцем, она должна считаться его частью». Частью же Солнца была прежде всего его дочь, его Омо (Ра и Маат), может, поэтому именно царевны становятся первыми обладательницами картуша?

Царицы поздней XII династии «заимствуют» эпитеты у богинь и именуются «госпожами Обенх земель», «госпожами всех женщин». С XIII династии характерным элементом иконографии цариц становится убор с двумя высокими перьями (*шурри*), прежде принадлежавший фараонам и мужским божествам.

Изменяется и употребляемый с Древнего царства титул «жена царя» — наряду со старыми эпитетами («любимая его») появляется и становится постоянным новый: «великая», т. е. старшая, главная.

Начало Нового царства ознаменовалось новым повышением роли цариц. Многие из них исполняли обязанности регентов при своих сыновьях: Яххотеп (а возможно, недолго и ее мать Тетшери) при Яхмосе, Яхмес-Нефертари — при Аменхотепе I, Хатшепсут — при пасынке Тутмосе III, Мутемуйа — при Аменхотепе III, Таусерт — при Саптахе. От регентства до единоличного правления оставался один небольшой шаг — и его иногда удавалось сделать.

Прежде чем рассказать немного о женщинах-фараонах этого периода, остановимся на царице Яхмес-Нефертари, дочери Секененра Таа и Яххотепа, жены Яхмоса-освободителя, матери Аменхотепа I, вероятно бывшей регентшей, пока он не достиг совершеннолетия, и умершей в правление Тутмоса I. Ее огромный саркофаг, найденный в тайнике в Дейр аль-Бахри, сохранил мумию, свидетельствующую о долгой жизни.

Первой из цариц Яхмес-Нефертари была удостоена двойного картуша, аналогичного фараоновскому, титула «сударта

бога» (Амона — верховного божества в пантеоне Нового царства). Появление этого титула закономерно: ведь наследник престола рождался от союза царицы с богом, что теперь изображалось в рельефах специальных храмовых помещений (Мутемуйа несколько позднее будет прямо названа «мать бога», т. е. фараона). В эпоху Позднего царства «супругой бога» становились обреченные на безбрачие в земной жизни царевны. Но политическое значение «супруги бога» было таким, что каждый претендент на престол, а тем более фараон стремился, чтобы его дочь была удочерена очередной обладательницей титула.

Написан на блоке из Карнакского храма, устанавливавшая новый титул для Яхмос-Нефертари, породила дискуссию среди специалистов: идет ли речь о получении царицей должности второго пророка Амона, или, наоборот, она отдает эту должность жрецам (в обмен на титул «супруги бога»)? На блоке сохранилось редкое для начала XVIII династии изображение царской семьи: царя, царицы и их сына. Интересная сцена представлена на стеле из Египетского музея в Каире: по обе стороны от жертвенного столика сидят пары: слева Яхмос с женой, а справа Аменхотеп I с матерью: то есть Яхмос-Нефертари представлена дважды, как связующее двух фараонов лицо. Посвятительная надпись из Массарской каменоломни подчеркивает параллельность отношений двух других пар: царица — фараон и царица — бог.

Аналогичным по смыслу является эпитет «длань бога», тоже имеющийся в титулатуре Яхмос-Нефертари. «Длань», десница, т. е. часть бога, его жена (подобно Оку, но скорее здесь влияние гелиопольского учения о сотворении мира Атумом).

Посмертная судьба Яхмос-Нефертари заслуживает внимания: ее культ прослеживается до конца XX династии. Ей посвящали стелы, каменные и деревянные статуэтки, ее имя встречается на памятниках сановников, предметах погребальной утвари, жертвенниках, скарабейх. Царицу чтили в особой часовне в Карнакском храме, в молельнях Дейр эль-Медины, ее собственный номинальный храм находился около Дра аб-эль-Нега. Она изображалась вместе с сыном, с обожествленным древними фараонами (Снофру, Ментухотепом) и с фиванскими божествами. Ее статуи в священных ладьях выносили из святилищ вместе со статуями Аменхотепа I в дни религиозных празднеств. Известны ее жрецы и жрицы (певцы). Богатые дары, сделанные Яхмос-Нефертари разным богам долины Нила, оправдали себя. По предположению В. Хелька, царица поклонялась не только как устроительнице фиванского некрополя и матери обожествленного Аменхотепа I, а как посреднице между людьми и Амопом. Последний, согласно надписям, «любит ее более, чем богов», а она умиротворяет его песнем, сопровождаемым игрой на сестре и ожерельях лежат. Неудивительно, что эти культовые предметы, ис-

⁷ Титул встречается на памятниках матери Яхмос-Нефертари, царицы Яхотеп, но, как полагает М. Гиттон, эти надписи принадлежат более позднему времени и при жизни жена Таа не была «супругой бога».

ползуемые жрицами с глубокой древности, при XIX—XX династиях часто подписываются именем Яхмос-Нефертари.

Обоими титулами — «супруга» и «дочь бога» — обладала главная героиня главы IX книги К. Жака — Хатшепсут. До того времени, когда она стала фараоном, титул «супруга бога» был для нее важнейшим — в надписях он встречается в два раза чаще, чем «сестра царя», и в три раза чаще, чем «великая супруга царя». Ее фараоновские титулы даются на памятниках почти всегда в женском роде: «Хор», «владычица Обеих земель», «Дочь Ра». Ю. Я. Перепелкин замечает, что она «не смела величать себя... „крепким тельцом“, как делали ее непосредственные предшественники и преемники, воинственные цари XVIII династии, а именовалась «мощная жизненными силами».

Ему принадлежит следующая достойная внимания мысль: дочери Тутмоса II и Хатшепсут, воспитаннице Сенемуты. Нефрура, предназначалось сместить мать на троне. Ребенком ее изображали с царской эмсэй-уреем и накладной бородкой, а ее титулы соответствуют титулам царицы, а не царевны («владычица Обеих земель», «госпожа Верхнего и Нижнего Египта»). Добавим, что она провозглашалась «супругой бога» и «великой женой царя» (рассчитывали на Тутмоса III?) и, подобно наследнику престола, изображалась с высоко заплетенной и свисающей на бок косичкой (так называемым «локоном юности»), хотя и с атрибутами царя в руках (скипетр-*hetep* и ожерелье-*menat*). То есть в иконографии маленькой Нефруры мужские и женские элементы смешивались так же, как у фараона Хатшепсут. Последняя, например на рельефе из Карнакского храма, представлена в женском платье, но в мужском парике и головном уборе с бараньими рогами (а для царицы типичен убор Хатхор и Исиды: рога коровы с солнечным диском между ними). Нефрура не удалось вкусить высокой власти фараонов: вероятно, она скончалась раньше матери.

Целое созвездие блестящих женщин окружает Эхнатона, перевернувшего за 18 лет своего правления весь Египет. Мы советуем читателю обратиться к работам Ю. Я. Перепелкина, убедительно составившего из «мозаики» источников удивительную историю переворота Аменхотепа IV и его последствий и оставившего далеко позади иных современных авторов, рассуждающих о египетских проблемах состояния здоровья фараона или о влиянии близких ему женщин как основных причинах возникновения солнцепоклонничества. Позволим себе лишь несколько замечаний.

Мать Эхнатона — царица Тэбе, женщина незнатного происхождения, но несомненно умная и властная. Часто пишут, что она была прекрасна, ссылаясь на знаменитый портрет из слоповой кости и черного дерева. Но, если это действительно ее портрет, то перед нами — изображение пожилой женщины, жизнь которой могла быть не так уж легка, как мы себе представляем, любясь полупрозрачными белоснежными одеждами, сложными головными уборами, изысканными париками, драгоценными украшениями цариц на древнеегипетских изображениях. Диодор пишет о регламентированной по минутам жизни фараона, и в этом сообщении есть большая доля истины. Тяжесть бремени власти признавали сами «владыки Обеих земель» (Поучение Мерикара). Так и царицы отнюдь не проводили время, сменяя одни развлечения другими. Тэбе, судя по

письмам чужеземных царьков, занимала особое положение при дворе (замечим, что «разведка» была хорошо налажена на древнем Востоке, и монархи были достаточно осведомлены о делах своих соседей). Но отношение к «простолюдишке» придворных могло быть разным... Не исключено, что одной из причин ненависти фиванского жречества к Эхнатону (уже на первом году правления, когда «ничто не предвещало надвигающейся бури» — переворота, ему довелось услышать нечто столь «дурное», что он не мог забыть этого на шестом году) была его мать, связанная родством с панопольскими и гелипольскими жрецами. Конец жизни Тэе омрачала длительная болезнь мужа — Аменхотепа III.

Но только сохранившиеся в Телль эль-Амарнском архиве письма чужеземных царьков, но и многочисленные изображения свидетельствуют об исключительности позиции Тэе: она занимает мать царя Мутемуиу и представлена в образе богини Маат. В свете этих памятников положение фантастически красивой Нефертити при Эхнатоне не кажется удивительным: сын просто следует примеру отца. Другое дело — Кэе: в провозглашении ее «любимцем» и возвышении до положения полужарона «отступник из Ахетатона» проявил себя большим оригиналом, чему немало свидетельств в истории его правления.

В списки фараонов XVIII династии Манефон вносит имя еще одной женщины: «дочери царя Хора, Аменхерес, царствовавшей 12 лет в 1 месяц (фрагменты 50—52). Исследователи полагают, что под этим именем скрываются Эхнатон или его приемники: Семенхара, Эйе. В таком случае труднообъяснима путаница с полом: царству могли ошибочно обозначить как царя, но наоборот? Странно и сомнительно.

Есть и претендентки: например, Мутемуиа, жена Тутмоса IV и мать Аменхотепа III, бабушка Эхнатона. Возможно, она была регентшей при вступившем на трон в возрасте 12 лет Аменхотепе III. Однако, судя по тому что ее памятники относятся ко времени правления ее сына, роль царя при дворе Тутмоса IV была незначительной. Ее происхождение остается загадкой: она не являлась «дочерью царя», поэтому мало вероятно, что ее можно идентифицировать с манефоновской Аменхерес. Есть сторонники египетского происхождения Мутемуи — ее отождествляют с родственницей дочери Аменхотепа II. Другие исследователи предполагают, что она была чужеземкой: эфиопкой или митаннийской царевпой (последней точкой зрения придерживается К. Жак). Примечательно, что эта царица стала первой обладательницей титула «мать бога» — еще один пример возвышения Аменхотепом III собственной персоны. Ему первому из египетских царей пришлось в голову ставить себе колоссальные статуи: кстати, Мутемуиа изваяна у ног одного из колоссов Мемнона (параллельно с Тэе). Титул «мать бога» — квинтэссенция теогамического мифа о рождении фараона от союза царицы и Амона, изображенного в сценах рождения в Луксорском храме. В качестве матери царя Мутемуиа обладала титулом «супруги бога», заменившим ей царскую кровь: ведь обычно супругами бога становились царевны. Следующая претендентка, высеченная у ног второго Мемнона, — жена Аменхотепа III Тэе. Возможно, ее роль в воспитании сына была велика, но вряд ли ей удалось бы стать при

нем хотя бы регентом. Нет, овдовев, она запялась возведенным памятником мужу.

А Нефертити, возможно, пережившая Эхнатона? Мы очень далеки от мысли видеть в ней политическую фигуру, вдохновительницу солнцепоклонничества и коварную отравительницу юного Тутанхамона (увы, в литературе встречаются и такие «гипотезы»). Ее область — семья и шесть дочерей.

А «полуфараон», Кхэе? Она на памятниках конца правления Эхнатона изображается не только в синем фараонском одеянии с уреем и царскими скипетрами в руках, но и в мужских одеяниях и переднике! Однако другие «показатели», отмеченные Ю. Я. Перепелкиным, снижают впечатление от головокружительной карьеры второстепенной жены — только один (а не два, как у фараона) картуш обводит одно ее имя, рядом с Эхнатон она выглядит как «младший царь» (почему иногда эти изображения принимают за свидетельства соправления Эхнатона и Семнехкара), а некоторые детали (воер, носимый ею за царем) указывают на ее первоначальное положение, несравнимое даже со статусом царицы, не то что царя. Ненадолго возведенная любовью Эхнатона в ранг полуфараона, Кхэе была предана забвению еще при его жизни.

А дочери Аменхотепа IV, ставшие царицами? Ведь согласно Манефону Аменхерес была дочерью фараона!

О старшей дочери Эхнатона, Меритатон, супруге его преемника Семнехкара, правившего недолго (но не менее 3 лет), мы сказать ничего не можем. Правда, если судить по ее титулатуре, она проявила верность солнцепоклонничеству отца, хотя именно ее муж восстановил культы старинных божеств.

Соблазнительно попытаться увидеть в Аменхерес след единоличного правления третьей дочери Эхнатона — Анхесенпаамон. К мысли о ней приводит ее письмо, сохраненное хеттской летописью (египетские источники хранят молчание об этом чрезвычайном событии). Юная вдова Тутанхамона просит хеттского царя прислать в Египет его сына. Почему ей нужен был супруг-чужеземец? Не потому ли, что он не смог бы из-за своего происхождения стать полноправным фараоном в глазах египтян и она правила бы страной единолично? Или ей необходима была уверенность, что будущий супруг не является ставленником фиванского жречества, уже воведшего активное наступление на солнцепоклонничество (Ахетатон был оставлен, а имена царя и царицы изменены «в пользу» неизвестного ее отцу Амона)? Возможно, будь у Анхесенпаамон сын, она смогла бы пойти по пути многих цариц — стать регентом. Впрочем, сохранившаяся титулатура царицы не содержит никаких намеков на ее единоличное правление.

Наконец, может, в качестве «зацепки» использовать имя отца неизвестной царицы — некоего Хора? В нем видят гонителя солнцепоклонничества, последнего царя XVIII династии, Хоремхеба. Но неизвестно даже, была ли у него дочь. Надо сказать, что список фараонов этой династии у Манефона представляет определенные сложности для интерпретации: очевидно, часть имен дублируется. Это могло быть вызвано уничтожением при Хоремхебе имен Эхнатона и его преемников на памятниках или ошибками переписчиков труда Манефона.

Ну вот и мы отдали дань «звразной» теме, порождающей и у профессионалов и у любителей массу лишних серьезных

написаны более трех тысяч лет назад! Однако время, вандализм религиозных фанатиков, уничтожавших лица изображенных, развитие туризма и не всегда благоприятные естественные условия все-таки разрушают эти бесценные сокровища. Так, с открытия, с 1904 г., почти недоступна широкой публике «жемчужина» Долины царей — гробница № 66, принадлежавшая любимой жене Рамсеса II — Нефертари. Высеченная в известняке плохого качества, эта гробница может потерять свои великолепные росписи из-за беспощадно разрушительного воздействия солей. С 1965 г. египетская Служба древностей совместно с другими научными организациями ведет здесь работы по полному описанию и предотвращению гибели изображений. Последние посвящены «ялюстрированию» отдельных глав Книги мертвых — их фотографии включаются во все альбомы по искусству Древнего Египта.

Но гробница Таусерт расположена в Долине царей, а не царя! И длина ее вполне удовлетворяет замашкам фараонов — 110 м. По мнению Х. Альтенмюллера, план гробницы Таусерт является архитектурным компромиссом между типами усыпальниц, предназначенных для фараонов и для царя. Первый колонный зал гробницы был декорирован, еще когда она была только женой царя. Последующие росписи, как полагает Фр. Абитц, это сокращенный вариант росписи гробницы сына Рамсеса II — Мернептаха. К сожалению, трудно, а иногда и невозможно восстановить по иконографии трансформацию царя в фараона — гробница была узурпирована первым царем XX династии, Сетнахтом, приказавшим внести необходимые изменения, уничтожив изображения Таусерт.

Таусерт была не только последней женщиной-фараоном, но и последней выдающейся царицей на троне Египта. С конца Нового царства значение царя падает. Важную политическую роль играют дочери фараонов, удостоенные высокого звания «супруга бога» и живущие в Граде Амона — Фивах — со своим штатом служащих. Впрочем, это была роль высокооплачиваемых (почетом и материально) статисток, используемых в сложной внутриаполитической борьбе I тысячелетия до н. э., обостренной чужеземными завоеваниями.

Читатель, вы разочарованы? Египетские царицы — в сплошная малопонятная титулатура (мы пытались смягчить ее «стрескутест»), детали иконографии, вопросы наследования трона, гробницы... А где роскошь красок, буйство благоуханий, золото и драгоценные камни, букеты и венки цветов, восточная нега? Да, все это было, было и обеспечивалось отчасти и отдельным от фараоновского хозяйством царицы. Но если тема касается Востока и женского окружения царя, ассоциации неминуемо приводят нас к вопросу о гареме.

Для Египта периода фараонов этот вопрос изучен недостаточно. Однако посвятившая ему специальную монографию Э. Райвер подчеркивает, что древнеегипетский «гарем» весьма отличался по структуре и задачам от арабско-турецкого. Отметим существенную деталь: здесь не было института евнухов.

Вернемся к истокам — Раннему царству. Еще со времени Фл. Питри некоторые египтологи пытаются интерпретировать 76 женских погребений, сопутствующих гробнице Джера, как захоронение его гарема, но находки не позволяют аргументи-

ровать эту гипотезу и ни одна другая царская гробница не даст сколько-нибудь близких аналогий.

Отвлекаясь от царской семьи, заметим, что полигамия (многоженство) если и имела место в Египте (в чем теперь многие сомневаются), то была чрезвычайно редка. Только очень узкий круг высокопоставленных сановников мог позволить себе содержание нескольких семей.

Конечно, позволить себе это мог и фараон. Его пирамиду окружают пирамидки-спутницы цариц, но не всегда можно доказать, что это были параллельные, а не последовательные браки.

Женский дом царя был важным заведением — там могли даже плести заговоры против царствующего фараона (такое случалось трижды: при Ниоли I, Аменхоте I и Рамсесе III). Но чем занимались его обитательницы? Их главной обязанностью было участие в культовых действиях. Неожиданно, по первым свидетельствам о «гаремах» божеств — это упоминания о «гаремах» богини (Бат, Хатхор, Исиды, Нехбет, Бастет; первые две были покровительницами музыки, танцев). От Первого переходного периода дошли сведения о «гареме» Мина, потом Амона и других богов.

Для времени Среднего царства в качестве гарема указывают на захоронение при поминальном храме Ментухотепа I шести жриц Хатхор. Недавно была высказана остроумная гипотеза: эти шесть женщин были «ретепиденткам» в царицы, и одна из них стала женой фараона (одно погребение пусто), а остальные не обязательно должны считаться его наложницами. Действительно, принадлежность к женскому полу не может быть решающим аргументом в пользу именно такого вывода.

В период Нового царства, как полагают, можно считать гаремами «женские дома» в Мальгате (Аменхотеп III), Телль-эль-Амарне (Аменхотеп IV), МедINET Абу (Рамсес III). Они являлись самостоятельными хозяйственными единицами с богатыми угодьями, большим персоналом (титуты некоторых служителей известны с Древнего царства; напомним, что к штату царицы принадлежал и знаменитый Синухет из среднеегипетской повести). Верховное руководство осуществлялось старшей в царском роду женщиной — матерью царя или правящей царицей.

Необходимо подчеркнуть важнейшую функцию «гарема»: здесь воспитывались царевичи, дети высших сановников и вождей чужеземных стран. Совместные игры хорошо готовили их к будущей жизни и нелегкому бремени управления обширной империей.

В «гареме» жили чужеземные жены фараонов, значение которых, по мнению одного египтолога, можно сравнить с подписанием международных договоров. Они не становились главными супругами фараонов, и, возможно, только одна «сладкая Обож земля» (Саптах) был сыном чужеземки.

Последнее, но, может быть, и первое: «гаремы» были местом отдохновения. Простое перечисление титулов и эпитетов цариц указывает на их функции достаточно ясно: «сладостная любовь» (с XI династии), «сладкая любовь» (XVIII—XIX династии), «сладчайшая радость», «стоснова услаждения сердца» (XVIII династия). Вероятно, попасть в «гарем» было не-

плохой судьбой, рав о ней так мечтают нежные героини египетской любовной лирики, светский характер которой не может не поразить современного человека. В качестве лирического «героя» упоминается Махи — как убедительно доказывает О. Д. Берлев, это уменьшительное имя Хоремхеба. Почему он прославился столь неожиданным образом — непонятно, хотя наши источники почти не дают возможности взглянуть на частную, а не официальную жизнь фараона. Не откажем себе и читателю в удовольствии — перед вами третий станс из пьесы Честер-Битти I в подстрочном переводе О. Д. Берлева:

«Задумало сердце мое осмотреть красоту столицы, в которой я живу. Встретила я Махи на колеснице вместе со свитой его. Не смогла я сдержать себя и пройти мимо непринужденно, но устремилась к нему, не разбирая пути.

— Как глухо ты, мое сердце! Зачем ты покоряешься Махи?

— Если я подойду к нему, услышит он божьие мое. „Вот я принадлежу тебе“, — как бы скажу я ему, и он прославит мое имя и назначит меня в главный гарем, который постоянно следует за ним».

Ольга Томашевич

ЛИТЕРАТУРА *

- Геродот.* История. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888.
- Геродот.* История в девяти книгах. Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
- Плутарх.* Об Исиде и Осирисе. Пер. И. И. Трухиной. — Вестник древней истории. 1977, № 3—4.
- Страбон.* География в 17 книгах. Пер. и коммент Г. А. Стратановского. Л., 1964.
- Виксгьёв В. М.* Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917.
- Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библии. М., 1960.
- Лирика древнего Египта.* Пер. А. Ахматовой и В. Потаповой. М., 1965.
- Лирическая поэзия древнего Востока.* Сост. И. М. Дьякопов. М., 1984.
- Повесть Петенсе III.* Древнеегипетская проза. Пер. М. А. Коростовцева. М., 1978.
- Поэзия и проза древнего Востока.* — Библиотека всемирной литературы. Т. 1. М., 1973.
- Сказки и повести древнего Египта.* Пер. и коммент. И. Г. Лившица. Л., 1979.
- Турасс Б. А.* Рассказ египтянина Снухета и образцы египетских документальных автобиографий. М., 1915.
- Фараон Хуфу и чародей.* Сказки, повести, поучения древнего Египта. Сост. И. С. Кацнельсон. М., 1958.
- Хрестоматия по истории древнего Востока.* Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963.
- Хрестоматия по истории древнего Востока (ХИДВ).* Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. Ч. 1. М., 1980.
- Ангес Р.* Мифология в древнем Египте. — Мифология Древнего мира. М., 1977, с. 55—121.
- Берлео О. Д.* Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
- Берлео О. Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства: социальный слой царских hmw. М., 1978.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Богословский Е. С.* «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. М., 1979.
- Богословский Е. С.* Древнеегипетские мастера. По материалам из Дер аль-Медина. М., 1983.
- Брэстед Д. Г.* История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. I—II. М., 1915.
- Волков В. М.* Древнеегипетский бог Себек. Пг., 1917.

* Список рекомендуемой литературы составлен О. В. Томашица.

- Гомейн Э. Потерянная пирамида. М., 1959.
- Дженкинс Н. Ладья под пирамидой (Царская ладья фараона Хеопса). М., 1986.
- Замаровский В. Их величества пирамиды. М., 1986.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. II. М., 1988, гл. IV — X.
- Картер Г. Гробница Тутанхамона. М., 1959.
- Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды. М., 1967.
- Кормышева Э. Е. Религия Куша. М., 1984.
- Короستовец М. А. Писцы древнего Египта. М., 1962.
- Коростовец М. А. Религия древнего Египта. М., 1976.
- Котрелл Л. Во времена фараонов. М., 1982.
- Культура древнего Египта. М., 1976.
- Лауэр Ж.-Ф. Загадки египетских пирамид. М., 1966.
- Липинская И., Марциняк М. Мифология древнего Египта. М., 1983.
- Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI — X веков до н. э. Л., 1960.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956.
- Матье М. Э. Искусство древнего Египта. Л.—М., 1961.
- Матье М. Э. Во времена Нефертити. М., 1965.
- Матье М. Э., Павлов В. В. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958.
- Монта П. Египет Рамсесов. М., 1989.
- Павлова О. И. Амон Фиванский. Ранняя история культа (V—XVII династии). М., 1983.
- Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М., 1967.
- Перепелкин Ю. Я. Тайна золотого гроба. М., 1968.
- Перепелкин Ю. Я. Кэбе и Семнех-же-ре. К исходу солнцеполонического переворота в Египте. М., 1979.
- Петровский Н., Белов А. Страна Большого Хапи. 2-е изд. Л., 1973.
- Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
- Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.
- Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид. М., 1971.
- Стучевский Я. А. Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамсесидов. М., 1984.
- Тураев Б. А. Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры. Лейпциг, 1898.
- Тураев Б. А. Египетская литература. Т. I. М., 1920.
- Тураев Б. А. Древний Египет. Пг., 1922.
- Тураев Б. А. История древнего Востока. Т. I—II. Л., 1935.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Г. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М., 1984.
- Чабб М. Здесь жила Нефертити. М., 1961.
- Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите. Пер. и коммент. И. Г. Лившица. Л., 1950.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Царь Скорпион и заря цивилизации	26
Глава II. Менес и рождение народа	41
Глава III. Джосер Великолепный	50
Глава IV. Снофру-строитель	71
Глава V. Хуфу, Хафра и Мепкаура, или царство гигантов	77
Глава VI. Птопи II, или самое длинное в истории царствование	101
Глава VII. Сенусерт и улыбка Среднего царства	110
Глава VIII. Яхмос-освободитель	128
Глава IX. Хатшепсут, женщина-фараон	135
Глава X. Тутмос III, египетский Наполеон	149
Глава XI. Аменхотеп II, царь-спортсмен	163
Глава XII. Тутмос IV и Сфинкс	168
Глава XIII. Аменхотеп III, или царство света	172
Глава XIV. Эхнатон-еретик	189
Глава XV. Тутанхамон-незнакомец	209
Глава XVI. Сети I, человек бога Сетха	221
Глава XVII. Рамсес II и возвышение власти	226
Глава XVIII. Рамсес III, последний великий фараон	250
Глава XIX. Нектанеб II, последний фараон-египтянин	261
Глава XX. Убитая Клеопатра	264
Прощальный взгляд	287
Хронология	288
Примечания	292
О. В. Томашевич. Послесловие	308
Литература	332

Научное издание
Жак Кристьян
ЕГИПЕТ ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ

История и легенда

Утверждено к печати редколлегией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»

Заведующий редакцией *Л. Ш. Рожанский*

Редактор *Н. О. Хогинская*

Младший редактор *М. С. Григурова*

Художник *Н. П. Ларский*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *В. П. Стукомина*

Корректор *Е. В. Карюкина*

ИБ № 16398

Сдано в набор 15.02.91. Подписано к печати
16.12.91. Формат 84×108³/₁₆. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 17,64. Усл.
кр.-отт. 18,02. Уч.-изд. л. 19,85. Тираж 12 000 экз.
Изд. № 6924. Зак. № 682. «С» — 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
4-я типография издательства «Наука»
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25

